4
В 78

ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКАЯ ОНОМАСТИКА

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

66888 V3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ПОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКАЯ ОНОМАСТИКА

АН-ТА РЕЛИГОВЕДЕНИЯ АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1972

4
В 78
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
66888

Сборник представляет собой первое в нашей стране совместное издание польских и советских исследователей в области ономастики и посвящен малоизученной теме — анализу собственных имен разных типов в русском, украинском и белорусском языках.

Сборник включает разделы: топонимика, антропонимика, зоонимика, вопросы теории ономастики, библиография.

Редакционная коллегия:

А. А. РЕФОРМАТСКИЙ, С. РОСПОНД, В. Э. СТАЛТМАНЕ, А. В. СУПЕРАНСКАЯ (ответственный редактор)

7-1-1
353—72

ОТ РЕДАКЦИИ

Восточнославянская (русская, украинская, белорусская) ономастика представляет значительный интерес для отечественных и зарубежных специалистов в области языкознания, истории, социологии, географии, этнографии и ряда других дисциплин, составляющих комплекс наук о человеке и человечестве. Размеры территории, занятой восточными славянами, необычайное разнообразие ономастического материала, связанное с местными условиями природы и историей заселения каждого отдельного района, при языковой общности (сходные ономастические модели могут быть прослежены повсеместно, от западных границ до Дальнего Востока) делают историческое и синхронное изучение этого раздела лексики особенно актуальным.

По инициативе и при участии польских специалистов в области ономастики Отделение языка и литературы АН СССР подготовило настоящий сборник, посвященный славянским географическим названиям, именованиям людей и животных. В теоретическом разделе сборника представлен ряд статей, посвященных общим вопросам ономастики, возникающим не только на восточнославянском, но и на ином материале.

Совершенно особый раздел восточнославянской ономастики представляют вопросы соответствия имен разных языков и практической транскрипции ономастического материала. Здесь выделяются такие разделы, как передача имен одних славянских языков средствами орфографии и фонетики других славянских языков, передача славянских имен для их включения в тексты неславянских языков и наоборот — передача исконно неславянского материала для нужд славянской печати и картографии. Эти сугубо практические вопросы сопряжены с серьезными теоретическими исследованиями, особенно в практике художественного перевода. В сборник включена статья Б. В. Томашевского, посвященная одному из типов практической транскрипции, а также статья А. А. Реформатского о транскрипции в художественной литературе.

Восточнославянская ономастика, развиваясь в общем русле славянской ономастики, впитала в себя и некоторые черты ономастических систем других языков, принадлежащих ряду тюркских, финно-угорских и других народов, с которыми контактировало восточнославянское население в различные исторические эпохи. В ряде районов Советского Союза славянский ономастический слой — новейший. Есть территории с различными типами двуязычия и многоязычия, представляющие в связи с этим особый ономастический интерес.

Различные области Советского Союза обследованы ономастически не в одинаковой мере. Основной восточнославянский ономастический материал еще предстоит собрать. В связи с этим в топонимический раздел сборника мы включили статью Н. В. Подольской, посвященную вопросам сбора материала. Сбор топонимического материала желательно объединить со сбором материала антропонимического, поскольку

местная антропонимия нередко помогает раскрытию неясных топонимов. Необходимо также начать сбор материала по собственным именам других типов: зоонимии, которая нередко перекликается с антропонимией (ср. статью П. Т. Поротникова), астронимии и космонимии (народные названия небесных тел и созвездий нередко бывают связаны с фольклорными именованиями героев, мифических существ и т. п. и через эту сферу ономастического пространства соотносятся с прозвищными антропонимами). До сих пор без внимания остаются хрематонимы — собственные имена различных предметов: одежды, обуви, оружия, музыкальных инструментов, игрушек, посуды и т. п. Традиции именования подобных предметов представлены весьма неравномерно в различных частях славянского и, в частности, восточнославянского мира. Массовый сбор и анализ ономастического материала поможет решению многих исторических и этнографических проблем.

При довольно подробно разработанной структурной характеристике топонимов изучение топооснов еще только начинается. Г. Борек опубликовал монографию, посвященную западнославянским топонимам с суфф. *-ьн-*, где значительное внимание уделяется основам, сочетающимся с этим суффиксом. В данном сборнике помещается его статья на аналогичную тему, написанная на восточнославянском материале. Г. Борек предлагает один из путей изучения ономастической лексики. Ряд советских исследователей занимается изучением наиболее частотных лексических компонентов в составе топонимов. Г. Борек занимается всеми лексическими основами, как частотными, играющими роль своеобразных ономастических терминов, так и редкостными. Поскольку методика подобных исследований еще

не выработана, поиски оптимального решения необходимо проводить во всех направлениях.

Полагаем, что объединение в одном сборнике польских и советских работ будет полезно для взаимного обогащения обеих школ. Мы надеемся, что этот первый сборник, посвященный изучению восточнославянской ономастики, будет способствовать дальнейшему углубленному изучению этой поистине неисчерпаемой темы.

ТОПОНИМИКА

СТРУКТУРА И СТРАТИГРАФИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ТОПОНИМОВ*

С. Роспонд

Восточнославянская топонимия представляет собой неотъемлемую часть северославянской, а вместе с тем и праславянской топонимии, поскольку район Одры — Вислы — Западного Буга — Припяти и среднего течения Днепра считается колыбелью праславян[1]. Указанная территория может быть разделена на зоны А (Одра — Висла) и В (Буг — Припять — Днепр)[2].

Ряд древних памятников содержит восточнославянские топонимы: Константин Багрянородный (X в.), так называемый Нестор (XI—XIIвв.), грамоты и иные источники [3]. Они выгодно отличаются от памятников, содержащих западнославянские топонимы, тем, что в большинстве своем написаны кириллицей, в то время как западнославянские топонимы в латинских документах подверглись значительным искажениям, ср. у Титмара Pilisini, Wiribeni из слав. *Pl̥bz-ьnъ, *Vr̥bь-ьno (XI в.).

К сожалению, число монографических исследований по восточнославянской ономастике невелико, на что обра-

---

* Славянские названия даны в латинской транскрипции, где *ě* обозначает «ять», *ǫ* — «юс большой», *ę* — «юс малый», *č* — *ч*, *š* — *ш*, *šč* — *щ* (*Ред.*).

[1] Локализация прародины славян остается дискуссионной (*Ред.*).

[2] S. Rospond. Prasłowianie w świetle onomastyki. «I Miedzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej». Warszawa, 1968.

[3] Ср.: Е. П. Дмитриева. Библиография русского летописания. М.—Л., 1962.

тил внимание в свое время известный русский исследователь А. М. Селищев[4].

О состоянии исследований в данной области и направлениях, интересовавших исследователей XIX в., можно судить на основании библиографии по восточнославянской топонимике [5].

Уже А. Х. Востоков — основатель русской славистики — разработал в 1812 г. классификацию русских гидронимов по суффиксам [6]. Основание в 1845 г. Русского географического общества способствовало росту интереса к топонимике, главным образом в связи с этнографическими проблемами. Появились работы русских славистов— А. И. Соболевского, Г. И. Ильинского, А. Л. Погодина, А. А. Шахматова и др., а также иностранных — М. Фасмера, А. Брюкнера, В. Томашека, Й. Микколы, Я. Калимы, Я. Розвадовского, Р. Экблома. Однако среди них не было систематизированных, монографических или региональных работ по восточнославянской ономастике. В большинстве своем это — лишь отдельные, более или менее ценные, этимологические изыскания. За последние годы в Советском Союзе наблюдается значительное повышение интереса к топонимическим исследованиям [7].

Необходимо прежде всего систематически структурно обработать самую древнюю восточнославянскую топонимию. Например, в «Повести временных лет» (ПВЛ) имеется около 130 топонимов и микротопонимов, относящихся к территории древней Руси. Но мы пока не знаем, какие структурные и семантические типы там преобладают. Эти топонимы нуждаются в таких же монографических обследованиях, какие были сделаны Я. Розвадовским [8] по материалам Гнезненской буллы 1136 г. или Т. Милевским [9]

---

[4] А. М. Селищев. Из старой и новой топонимики. «Труды ИФЛИ», т. V. М., 1939, стр. 124.

[5] См.: «Onoma», V. Louvain, 1954, стр. 1—77; S. Rospond. Onomastyka w Związku Radzieckim. «Slavia orientalis», 1967, XVI, № 2.

[6] А. Х. Востоков. Задача любителям этимологии. «Санкт-Петербургский вестник», 1812, № 2.

[7] S. Rospond. Onomastyka w Swiązku Radzieckim.

[8] J. Rozwadowski. Bulla gnieźnieńska z 1136 roku. «Materiały i prace Komisji językowej». Krakow, 1909, IV, стр. 433 и сл.

[9] T. Milewski. Dwie bulle wrocławskie z lat 1155 i 1245. «Prace filologiczne», 1927, XI.

по Вроцлавским буллам 1155 и 1245 гг. Автор настоящей работы обработал 231 антропоним из Тшебницкого документа 1204 г. (Тшебницкий монастырь в Силезии) [10]. На подобных материалах можно наблюдать становление ономастических словообразовательных и семантических типов.

Киевская Русь имела тесные связи с Византией, император которой Константин Багрянородный (949—952) — автор древнейшего документа, содержащего восточнославянские топонимы и микротопонимы (De administrando imperio). Более древние данные имеются лишь по антропонимии антов (Ἄνται), благодаря византийским писателям VI и следующих веков [11].

Некоторые сведения по восточнославянской этнонимии дает «Географ Баварский» (IX в.): Buzani (Bužani), Unlizi (Qgliči, Uliči). Имеются также собирательные названия Ruzzi (Rusi) и (их соседи) Caziri (Chazari).

К. О. Фальк [12] очень тщательно и методически реконструировал названия днепровских порогов: 1. греч. ἐσσουπῆ (Ustupi) 'die Felsvorsprünge, Abstürze' от праслав. *stǫp-*; 2. греч. 'οστροβουνιπράχ =ostrov-ьnъ pragъ; 3. греч. νεασήτ Nejęsytъ 'der Unersättliche' (новое *ненасытець*); ср. ономастическую основу *-ję-* в следующих древнерусских формах: nejęvěrъ *Яволод*, *Явид*; 4. греч. βουλνηπράχ =*vol-ьnъ* и *vъl-ьnъ* pragъ: праслав. **vol*=**vel*=/**vъl* 'мокрый, влажный'. Это типичная праславянская и праиндоевропейская основа, встречающаяся также в польск. Wąwel (современное Wawel), Wlen < *Vъl-ьnъ (современное Wleń) — Силезия, Volynь (в настоящее время Wolin) — Поморье; ср. также Wołyń (*Вольнь*). В апеллятивах: русск. *волна*, др.-ц.-слав. vъlьna, польск. wełna; в иной огласовке: *valъ, русск. *вал*, польск. wał; 5. греч. βερούτζη = Vručij 'der Kochende, Siedende, Brausende' (кипящий); 6. греч. ναπρεζή (по Фальку Nastrežie : strežь, т. е. Nastrežьje (Настрежье). Значение strezь такое же, как в параллельном скандинавском варианте: греч. στρούχουν = Strukum : struka 'Veren-

[10] S. Rospond. Starośląskie imiona w dokumencie trzebnickim z 1204 r. «Zeszyty naukowe WSP. Językoznawstwo», III. Opole, 1967.

[11] S. Rospond. Słowiańskie imiona w źródłach antycznych. «Lingua Posnaniensis», 1968, XII/XIII.

[12] K. O. Falk. Dneprforsarnas namn i kejsar Konstantin VII Porfyrogenetos. «De administrando imperio». Lund, 1951.

gung im Flusslauf' (сужение в реке). Однако можно реконструировать более точно по греческой записи ναπρεζή, т. е. *Naprag-ьje : pragъ; ср. *Запорожье*. А затем *Напражье*, считая, что в этом случае имела место субституция славянского *а* через греч. ε, основанная на колебании *а* ⟷ *е*[13]: ср. слав. *Oŕěchovo* — греч. 'Αράχωβα, Zaděka — Ζιάσακας, Zaléšьje — Ζελεσσό, Zasěrjane — Ζεσέριανη, Grebenь — Γραβανάκι вместо Γρεβενάκι. По-видимому, это была форма на *-ьje* того же типа, что и чеш. Nákři, Nálesi. Труднее объяснить ошибку пишущего: греч. πρ вм. στρ. Впрочем, основа strežь, принятая Фальком в значении 'Verengung im Flusslauf', не является засвидетельствованной. Реконструкцию Napražьje (т. е. *Напорожье*) дал уже Шафарик[14].

Это типичные первичные отапеллятивные топографические названия (без специального топонимического словообразования: Ustupi, Nejęsyti, Vručij) либо вторичные, нередко сложные: *Vъl-ьnyjь pragъ, Ostrov-ьnyjь pragъ, Napražьje.

Для древнего украинского вокализма и консонантизма важны следующие замены: праслав. *ą* > *u* (Ustupi : *stąp-*, Vručij : *vьr-ąt-*); праслав. *ę* > *a* (Nejasyti). В области консонантизма следует выделить изменение праслав. *g* > *x* (prah). Таким образом, засвидетельствованные славянские формы топонимов можно считать разговорными, ибо лишь неполногласная форма prah вм. porog указывает на незначительное влияние церковнославянских болгаризмов.

Скандинавские варианты — это почти прозрачные переводы исконных славянских названий: Nejęsyti — сканд. Aiforr 'perpetuo praeceps', греч. ἀειφόρ, Vol-ьnyj pragъ — сканд. (βαρουφόρος) Baruforos либо Varuforos : исланд. bara 'Welle' (волна) либо швед. vara 'Erhebung', 'Ufer', 'Fels' (скала); Vručij — (λεάντι) Leanti : швед. (также причастие) lea, hlahjan 'издавать резкие звуки'; Napražie — сканд. (στρούκουν) Strukum : struk(a) 'kleine Stromschnelle' (небольшой поток).

---

[13] M. V a s m e r. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941, стр. 239, 243—244.

[14] P. J. S z a f a r z y k. Slawische Alterthümer, Bd II. Leipzig, 1844; ср. также К. О. Ф а л ь к. Указ. соч., стр. 201—202; см. также: А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. М., 1903.

Характер этих вариантов не разговорный, а скорее письменный. Местное население, несомненно, употребляло отечественные формы.

ПВЛ (ср. Лих. II 215) цитирую: «бѣ путь изъ Варяг въ Греки». Константин Багрянородный в IX главе, озаглавленной «О русских, приезжающих из России на однодеревках в Константинополь», перечислил нижеследующие торговые пункты, расположенные по течению Днепра: Νεμογαρδάς, возможно вм. Νεβογάρδας = Новгород (первичная, еще без метатезы группа *gard-*); Μιλινίσκα = Смоленск (путем субституционного упрощения группы согласных *sm* > *m*); Τελιούτζα = Любеч (скорее всего греч. τε является союзом 'и'); Τζερνιγῶγα = Чернигов; Βουσεγραδέ = Вышеград, т. е. русск. Вышгород; Κιόβα, Κιοάβα, Σαμβατά = Куява, т. е. Киев, ср. также иной топонимический вариант названия этого древнего города Sąvod; Βιτετζέβη = Витичев [15].

Как первичные топографические топонимы могут быть объяснены *Куява*: Kujava: *Kujь, затем давшее *Киев* > Kiïv, Sąvod : sąvod = sątok [16]. Название *Смоленск* < *Smolьnьskъ : p. Smolьnja датируется IX в. (863 г. по ПВЛ столица племени кривичей) [17]. В греческих источниках XVI в. Σμαλέντζικα. Формант *-ьskъ*, особенно продуктивный для северной Руси, типичен также для северных Лехитских земель (*Гданьск* < Gdańsk — Gyddanyzc 998 г.). Такое же притяжательное образование на *-jь* *Любеч* < Ljubeč *Ljubъk-jь сигнализирует архетипичную модель [18] для древнерусских названий городов. Не надо, вероятно, принимать как посессивные названия Чернигов и Витичев. Среди древнейших силезских топонимов имеется Głogów (у Титмара Glogua), происходящий от głog 'шиповник', ср. польск. Gdów : *gъd 'мокрый' Tarnów и др. Теоретически можно принять происхождение названия Чернигов от антропонима *Черниг(а)* или реконструировать апелля-

---

[15] Оригинал текста Константина Багрянородного по Парижской рукописи; ср.: К. О. Фальк. Указ. соч., стр. 275—276 (фотография); ср. Лих. II. 215.

[16] С. Роспонд. Значение древнерусской ономастики для истории. К этимологии топонима *Киев*. — ВЯ, 1968, № 1, стр. 103 и сл.

[17] Ср. также: Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, стр. 224.

[18] Ср.: F. V. Mareš. K chronologii slovanských posesivních adjektiv staršího a mladšího typu (Budeč — Budkov). «Zpravodaj místopisné komise ČSAV», roč. XI, číslo 3. Praha, 1970.

тив *černyga — вид чернозема, ср. польск. тип lodyga др.-ц.-сл. *книга* : **кънъ*. Ср. REW. III, 326.

Формант *-ovъ* в древнерусских названиях также первоначально имел топографическую, а не посессивную функцию: *Клов* (ПВЛ) от kъlъ, *Гъдов* : *gъd-*, *Псков* : *blьsk > *plьsk [19] и др. Витичев (холм над рекой Стугной, прит. Днепра) может иметь теоретическое значение 'холм Витича' : Vit-ič. Однако основа *vit-* : viti характерна для различных апеллятивов, главным образом названий растений: др.-русск. *витъ*, 'витая работа', польск. witwa 'верба, ива', witarnia 'вид груш', witka 'усик у растения', witecznik 'растение из семейства амарантовых'. В таком случае vit-ič 'какое-то растение' было бы образовано при помощи суфф. *-ičь* < *-ikjo*: польск. konicz, koniczyna 'клевер, trifolium'. Ср. в ПВЛ *Боричевъ* (увозъ). Древнюю Русь называли страной городов (Gardariki) и поэтому среди самых стародавних названий мы встречаем название *Вышеград*; ср. ПВЛ *Белгород*.

На материале ПВЛ можно выявить основные словообразовательные и семантические типы древнерусской ономастики, в то время как у Багрянородного зафиксированы лишь единичные имена. Этот памятник, сохранившийся в списках 1377 г. и XV—XVI вв., несмотря на наслоения времени, отражает названия древней Руси X—XII вв. В памятнике преобладают названия топографического характера, тем более, что, давая довольно подробное описание важнейших городов, он сообщает даже микротопонимы (ср. части города Киева: *Боричев, Щековица, Хоревица*).

Из словообразовательных макротипов выделяется архетипный поссесив на *-jь* (*Всеволожь*), а также топографический тип на *-ьskъ* (*Бужскъ*), отчасти также на *-ьnъ* (*Червенъ*). Они были, как правило, мужского рода, так как атрибутивные образования обозначали города: *Святославль* (город), *Изборск* (город), *Червенъ* (город). Мужского рода были и древние названия на *-ovъ*, *-ьpъ* с топографическим значением: *Клов* < **Kъlovъ* : *kъlъ*, *Ростов* : **rost-* (ср. roślina), *Псков* < *Blьsk-ov: **blьsk-*, ср. польск. Pszczyna Blszczyna, *Искоростень* < iz- Korost-*ьpъ* : праслав. **korst-*, польск. Krosno.

---

[19] См.: S. Rospond. Micellanea onomastica slavogermanica, I. «Onomastica slavogermanica», 1966, II; Он же Ze studiów nad polską toponomastyką, XI. Zagadko na nazwa *Pcim*. «Język polski», 1965, XLV, стр. 8—12.

В отличие от Польши и вообще западнославянских областей, в особенности лехитских, здесь поражает нетипичность патронимичных названий на *-ičі*: Olьžiči, село (основанное княгиней Ольгой как специальный административно-податной пункт); *Уветичи*, вариант названия *Витичев* (ныне *Вятичев* Киевской обл.) Тих. 296 (карта): *Уветичи* к северу от Киева, а *Витичев* к югу от Киева. Оба названия *Ольжичи*, *Уветичи* не являются в строгом смысле патронимичными, как, например, польск. Raclawice 'потомки Рацлава'. Ср. данные западнославянских документов: в булле 1136 г. имеется 23 названия на *-ісу* при общем количестве 112, в булле 1155 г. их 15 из 63, т. е. патронимические названия на *-ісу/-ісе* составляют около четверти всех топонимов. Мы говорили об этом еще на IV Международном конгрессе славистов в Москве (1958) [20]. На восточнославянской территории продуктивным сделался формант *-ьць-* (мн. ч. *-цы*, производная форма *-овцы*): *владимирцы* 'жители Владимира', *вышегородцы*, *выгошевцы*, *муромцы* и т. п. в ПВЛ были названия жителей различных мест, с течением времени превратившиеся в названия поселений: *Дмитриевцы*, *Киевцы*. Имеются сигналы экспансии посессивных *-ов(-ев*, *-ово)*, *-ин* (*-ино*): *Васильев*, *Юрьев*, *Горошин*, *Микулин*, *Нежатин* и т. д.

Ниже приводится древнерусский материал, структурно организованный в соответствии с моей классификацией [21] и разделенный на семантические подгруппы.

НАЗВАНИЯ IX—XII ВВ.

Первичные топографические названия (без названий, связанных с деятельностью человека)

Белз(ы), затем *Белз* — город на границе Руси и Польши на берегу р. Солокии, прит. Буга Тих. 325. Эта река двумя своими рукавами образует небольшой остров в виде непра-

[20] S. Rospond. Stratygrafia toponimiczna. «Z polskich studiów sławistycznych». Warszawa, 1958, стр. 159.

[21] S. Rospond. Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych. «Prace Wrocławskiego towarzystwa naukowego», ser. A, № 58. Wrocław, 1957. — Критику классификации С. Роспонда см.: В. Н. Топоров. К проблеме классификации в топонимии. «Исследования по структурной типологии». М., 1963.

вильного четырехугольника. Лих. I, 101: *В 1030 г. Ярославъ Белзы взялъ*; Тих. 33, 277, 322, 325, 326; Siel. 317; Słownik St. Sł. I, 102; Ср. польск. Bełz — Бохнинский п.; Bełzów Келецкий о., Bełżec, Bełżyce Люблинский о.; бойк. bęuza 'глубокая пропасть, вода', bęuz 'глубокое заросшее травой русло потока'[22]. SEBr, 20 приводит диал. польск. bełży (bełzy sie) 'белиться'. Может быть связано с лат. fulgeo 'блестеть, сиять'.

Броды, город на границе Волыни и Галицкой Руси: Лих. I, 159, 160, 360, II, 444; Тих. 33 (конец XI в.). Ср. польск. bród, очень частое определение местностей, расположенных возле речных переправ: ср. польск. Brody (несколько топонимов Brodnica, Brodnia, Brodźce, Brodna и т. д.). Ср. ниже Brodnia (вторичное название).

Следует вспомнить, что bród происходит от глагола праслав. bredą, bresti, broditi, русск. *браду*, *брести*, *брод*, лит. brãdas 'топкое место, брод'.

Вручий (ныне *Овруч*), город на Волыни, административно-податной пункт: Лих. I, 53, 251, II, 12, 56, 315, 320; Тих. 13, 16, 44 и т. д.; Siel. 264. В ПВЛ: *у города Вручога*, *у Вручего*, *в город*, *называемый Вручий*. Идентично назван днепровский порог (ср. выше у Багрянородного Βερούτζη).

Это был очень древний город (977 г. согласно ПВЛ) на земле древлян, названный от глагола vьreti, причастие vьručijь 'бурлящий'. Для названий надводных мест и мест, расположенных возле них, подобные названия были нередко определениями: польск. Wrząca (несколько названий вблизи Лодзи, Познани, Серадза и т. д.). Ср. также польск. Wrząckо, Wrząckie (Spis. 1271). Подобный же причастный тип польск. Grzmiąca Быдгощский о. и др. (Spis. 349). Неверно с точки зрения структуры этимологизирует это название Тих. 304 как образованное от глагола *въручитися*, *въръщатися*. Вторая форма *Овруч* возникла путем декомпозиции и агглютинации в сочетании *во Вручем*. Ср. Ник., 303: *Вручий*: vьrěti 'бить ключом, кипеть'[23]; ср. срб. *врутак* 'источник, ключ', а также в бассейне Де-

---

[22] J. Rudnyckyj. Nazwy geograficzne Bojkowszczyzny. Lwów, 1939, стр. 18; S. Rospond. O leksykografii nazewniczej. «Język polski» 1969, XLIX, 1, стр. 52.

[23] Ср. также: Л. Л. Гумецька. Наріс словотворної системи української актової мови XIV—XV стор. Київ, 1958, раздел 2.

сны болото *Овpут*; ср. также REW II 250 (*Овpут* * *vьrǫt-*: *vьrěti*).

Галич (в ПВЛ *Галичане*): Лих. I 10, 206, II 112, 212, 243; Тих. 37, 208. Затем возникло латинизированное Galicija, а также укр. *Галичина*. Ср. Ник. 95: *Галич*: 1. на р. Днестр; 2. в Костромской обл.: 3. *Галичина* могила на Подолии; 4. *Галичья гора* и др. Арабский географ Аль-Идриси (1150 г.) упомянул Галич в Словакии (civitas Galicz в Хронике венгерско-польской). Предлагались различные этимологии, часто фантастические: *Галич* 'место, где садятся галки', SEBr 133. Мы полагаем, что следует принять основу *gal-//gol-*, ср. польск. Galew, Galowizna, Galia (местность в Краковском в.). Я. Розвадовский [24] объяснял многочисленные топонимы и микротопонимы Gało/Hało, Gały/Hały, Gała/Hała из hala 'голое место'. Следует признать, что слово *галичь* того же топографического типа что и *борич*, *витич* и т. д. Ср. Тих. 329 от *галити* 'радоваться', *галичь* — 'галочий крик'.

Городец: 1. город возле Киева. Лих. I, 100, II, 32; городок к северо-западу от Переяславля Южного: Лих. I, 133, II, 412. Продуктивность этой именной основы для севрославянских территорий (польск. *grod-*, чеш. *hrad-*, русск. *город*,- ср. *городец*, 'городок') может служить доказательством наличия большого числа городов. Ср. польск. 1155 г. gradice = Grodziec (Сем. I, 668) и часто повторяющиеся названия: *Городець*, *Городище*, *Городок*.

Заруб, город (также *Зарубье*) в районе Переяславля на Днепре: Лих. I, 151, 352, II 423, 469 (1096 г.); от основы *rąb-* происходят различные топографические определения лесных вырубок: польск. poręba, zaręba, wrąb; ср. также przerębla, wyrębla.

Капич: Лих. I, 54, 252, II, 322 *межю Дорожичемъ и Капичемъ* (описание стоянки Владимира, которая находилась между Киевом и Вышгородом). Название *Капич* является, вероятно, топографическим от *кар-*, польск. *karać*, *kapla*, русск. *кап*, *капать* — REW I 520, 521. В этом случае следует также признать апеллятив *kapičь, ср. *кап* 'нарост на дереве'.

Острог: Лих. I, 181, 384, II 466: *в Бужьскѣмъ въ Остроз̀ѣ*; следует понимать как два названия: *Бужьск* и *Острог*.

[24] J. Rozwadowski. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948; S. Rospond. O leksykografji nazewniczej. ., стр. 54.

ББ 99
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

Неверно рассматривается как одно название *Бужьский острог* — Лих. I; Siel. 405—406: Ostrog Buski. Слово *острог*: *острый* означало изгородь из заостренных кольев (ср. *острокол)*. На Руси острогов было большое число: как апеллятив *острог* употреблен автором ПВЛ; Лих. I, 160: *и не вдадуге внити имъ* въ *острогъ*, однако Лих.I, 181: *шед сяди в Бужьскѣмь въ острозѣ* (Лавр. *Остромѣ*); Лих. I, 384: *в Бужском остроге* (перевод). Однако правильно ли считать их названиями одного и того же поселения? Есть ли другой город *Бужск*, а также его вероятная часть, названная острогом? Ср. рассуждения по этому поводу Лих. II, 466, Siel. 405—406. Например, часть древнего силезского города (*Raciborz), основанного Ратибором (*Ratibor-jь), называлась именно Ostrόg. Здесь археологи открыли древнее городище. Уже само название подсказывает, что некогда здесь был город, обнесенный частоколом, т. е. остроколом, или острогом.

Переволока, город в Переяславском княжестве: Лих. I, 141, 342, II 417; Siel. 362. На территории древней Руси, т. е. от земель северных полян и до Византии находился важный водный путь по Днепру. В верхнем течении Днепра необходимо было в некоторых местах перетаскивать лодки с помощью деревянных чурбаков. Такие места называли *волока*, или *переволока*. Ср. Лих. I, 11: *и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти*. Ср. также Лих. II 445: *прилук* 'пристанище, постоялый двор', или, там же, *волок*, *переволок*. Польск. włók, włóka (от wlec) означало кусок заборонованного поля, т. е. powłóczony. Ср. польск. Przewłoka (Жешувский и Люблинский о.). Ср. ниже *Переволочна*, а также Schütz 75, с.-хорв. *прѐвлака* 'Landenge'.

Прилук, город в Переяславском княжестве на границе с Половецкой степью — Лих. I 141, 160, 342, 361, II 417, 445. *Прилук* упоминается лишь в Ипат. и отсутствует в Лавр. В. Н. Татищев [25] отметил в этом месте *Устье*, вместо *Прилук*. Что касается цитаты: *и ѣдучи к Прилуку городу* Лих. I, 160, II 445, то она означает город, находившийся в княжестве Переяславском. В некоторых списках ПВЛ вм. *Прилук* стоит *Переволочна*. Возможно, что это был один и тот же город, поскольку термин *прилука* означал 'пристанище', 'постоялый двор', которые были

[25] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 2. СПб., 1773, стр. 144.

необходимы в районах, называвшихся *волок*, *переволока*. Слав. основа *ląk-//luk-* означала 'влажный, низкий луг, расположенный в изгибе (излучине) реки', что соответствовало общеславянскому *priląk-//priluk-*, польск. przyłęk, przyłęg 'бугристое место в низине, на влажном лугу'; ср. срб. диал. *прелука*, гуцул. *прелука* 'полянка в лесу'. Ср. частое в др.-польск. Przyłęk (Prilanc 1189 г., 1203 г.)[26], которое М. Карась[27] ошибочно относит к предложному типу Podgóra, Zalas. Очевидна первичная структура названия Przyłęk : przyłęk, без специальной топонимической деривации, а не przyłęku > Przyłęk.

Сутѣска: слав. sątěska 'angustiae, convallis'; ПВЛ (Ипат. 178, Лавр. 238): *Сутейск*, ср. Лих. I 159, 180, 360, 382, II 440, 441, 464, Тих. 34. Это очень древний город, отмеченный в арабских источниках (Аль-Идриси). Однако и в русском, и в польском языках слово sąteska вышло из употребления, и уже Нестор подогнал это первичное топографическое образование под продуктивный тип названий на *-ьскъ*: *Сутейск*. Что касается более подробной этимологии этого названия, ср. Ros. 235—236. На польской почве оно было преобразовано сначала в Sienciaszka, затем Sąsiadka, Замосцьский у. Подобные первичные образования хорошо сохранились на южнославянских территориях, где также известен апеллятив sutjeska 'узкая долина', 'Engpass, enges Tal, Schlucht.' Ср. Soteska, окр. Любляна, Sutjeska окр. Сараево, *Сътеска* в Болгарии. Ср. чеш. soutěska, словен. sotêska, ср. Schütz 45. Эти названия имеют большое значение для ономастической лексикографии, а также для изучения других реликтовых слов, поскольку они расширяют наши сведения о славянской апеллятивной топографической лексике, некогда весьма богатой[28].

Устье, урочище: Лих. I, 151, ср. REW III, 192: *устье*, или *усть* 'Mündung', часто в составных названиях: *Усть-Двинск*, *Усть-Нарова*, *Усть-Юг*.

---

[26] S. Rospond. Śląskie studia toponomastyczne, I. Topographica. — RKJ, II, стр. 53.

[27] M. Karaś. Nazwy miejscowe typu *Podgóra*, *Zalas* w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955, стр. 28—29.

[28] F. Bezlaj. Význam onomastiky pro studium praslovanského slovniku. «Slavia», 1958, XXVIII, № 3.

Вторичные названия с топономической деривацией

Топографические названия

Названия с формантом -ьskъ

(также с осложнениями в результате фузии):

Бужьск, *Божьск*, город на Буге: Лих. I 176, 181, 182, 379, 384, II 466; Тих. 33, 322—323. С древнейших времен сложился тип названий городов, образованных от названий рек, чаще всего городов племенных (ср. Buzanie у «Географа Баварского»). Что касается этимологии гидронима *Буг*, *Бог* (1. приток Вислы, 2. река, впадающая в Черное море, 3. в Македонии. Ср. REW I 227, Ник. 66—67), то наиболее правдоподобной представляется гипотеза, согласно которой различные апофонические ступени его унаследованы от праиндоевропейской эпохи, и праслав. **bag-*//**bog*//**bug-* означают 'затопленное место, течение, поток'. Ср. праслав. bag-ъno, польск. bugaj со значением 'большая пойма', русск. *буга* 'низкий берег, поросший ивой', *бугор*, *бугра* 'возвышенность, сток, по которому стекает вода'. Ср. и.-е. **bhaug-*, лит. baugùs, лат. fugio, скр. bhujāti. Ср. также польск. Busk (совр. Busko-Zdrój) Вислицкого у. Ros, 86.

Голотичьскъ, город недалеко от Полоцка: Лих. I 116, 317, II 401; Тих. 33. ПСРЛ указ. 77. От основы golъ образуются самые разнообразные топонимы: ср. польск. этнич. Golęszycy (в IX в. Golensizi), gradice Golensicezke 1155 г., луж. Golsk(o). Ср. Ros. 117. Ср. различные топографические апеллятивы: русск. *голоть* 'гололедица', польск. gola, golaźń, golina, golizna, gołaźń, gołoć, с.-хорв. *голица*, голија.

Долобьскъ, урочище в районе Киева: Лих. I, 183: *на Долобьскѣ*, 190; II, 460 там же *Долобско озеро*. Ср. Ros. 104; *Dolob-*, вар. *Dulěb-*, Dulěby, этническое название: dulebyj. Племя волынян также названо Dulěby: Лих. I 14, 23, 210, 220, II 109, 222. В случае *Долобьскъ* возможна основа *lъbъ-*, русск. *лоб* в первичном топографическом значении; ср. польск. Łeba, Łebno, Łebsko (jezioro): lъbъ 'ров, русло, река' [29]. Ср. племенное название *дулебы*: чеш. Dudleby, словен. (Panonia) Dudleipa, Dudleipin,

---

[29] S. Rospond. O leksykografii nazewniczej, стр. 6.

Tudleipin=паннонские *ду(д)лебы* [30] ТТ 9, 157, 192 ошибочно рассматривают как заимствование из балтийского lab > русск. *лоб* (*Лобынск*, *Лобно*, *Лобжа*, *Лоба*). Ср. Ros. 176.

Дрютьскъ, также *Друтьскъ*, город в районе Смоленска: Лих. I 141: *отъ Дрютьска*, 159: *на Дрютьскъ*, 201: *Дрютескъ*, II 417, 442; ПСРЛ указ. 102 (весьма обильный исторический материал): *Дрютска*, *Дрюцка*; Тих. 33, 201. Название образовано от *Дрють*, вар. *Друть* — ТТ 185 установили балтийское происхождение названия: лтш. druva, др.-прусск. Drawe, Druteyn, Drutthen : лит. drútas 'сильный'.

Зарѣческъ, трудно точно локализовать: Лих. I 186, II 469: *около Зарѣчьска* — во всяком случае это не Зареческ на Волыни, упомянутый под 1150 г. (Ипат.), Тих. 37 *Зареческ* (1106 г.). Ср. польск. Zarzecze : zarzecze, т. е. za + rěka с формантом *-ьje*. Такой тип топонимов с префиксальным *za-* довольно част: русск. (*Волжск — Заволжск*), *Зашиверск — р. Шивера*, *Задонск* и т. д.

Изборск, Псковской обл.: *Избореск*, *Изборьск*, *Изборе́ско*, *Изборовьскъ* (ПСРЛ 119—120), Ros. 129, Лих. I 18, 214, Сем. II 311, Тих. 13, 15, 16, 55, 389—391. Это название было притяжательным прилагательным от имени личного *Избор*. Ср. русск. *Изяслав*, *Измир*, *Избыгнѣв* (Туп. 166), чеш. Izbud, Izvěst, Izbramir, слвц. Izbor см. Sv 101. Уже Миккола [31] выдвинул этимологию *Изборьскъ* : *Избор* — имя, известное у словенцев с IX в. Суфф. *-ьskъ* мог выполнять исключительно притяжательную функцию: польск. Raciborsko и т. д. — ср. Ros.33 [32].

Курск, Черниговского края. Лих. I 150: *из Курска*, 158: *Курьску*, II 422; Тих. 33, 177, 345—348. Назван по имени реки *Кур* : *куръ* 'петух' или же *куръ* 'прах, пыль' — ср. Ros. 163. ТТ 191—192 считают название реки балтийским. Ср. также Ник. 222. В связи с широким использованием основ названий животных для именова-

---

[30] S. R o s p o n d. Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich, cz. II. Formacje po rozpadzie dialektalnym. «Rocznik sławistyczny», XXIX, cz. 1, 1968, стр. 24.

[31] J. M i k k o l a. L'avance des Slaves vers la Baltique. «Revue des études slaves», 1921, I, стр. 200.

[32] Ср. также: S. R o s p o n d. Sufiks *-sk* i *-sko* jako formant zachodnio-słowiańskich nazw miejscowych. «Slawia occidentalis», 1933, XII, стр. 45 и сл.

ний рек (*Бобр*, *Вепрь*) интерпретация названия *Кур* как балтийского не обязательна, ср. польск. Kursko, Повнанский о. или *Курск*, владение Новгорода (Лих. 346). Грамоты. . . II 584, 689, III, 40, 759, 760: *Курско*, I 80 : *Курьско*, V 138, 458 : *Курецко*. В ценном труде Топорова — Трубачева круг ономатологических балтизмов понимается иногда слишком широко.

Логожск, ныне *Логойск*, Минской обл. Лих. I 159: *до Логожьска*, II, 443; Тих. 33, 371; Сем. III, 80. Ср. русск. *лог*, р. пад. *лога* 'Tal Schlucht, Brachfeld; с.-хорв. лог 'Vertiefung', 'углубление, местность, расположенная в долине среди холмов' [33], *лог-ога* : *логъ* тот же тип, что *острога* : *остръ*, *лысога* : *лысъ*. Название *Ложанка* не может происходить, как полагают ТТ 193, из балтийского. Ср. Ros. 173.

Лучьск, город на Волыни на р. Стырь. Лих. I 136, 177, 180 : *Лучьскѣ*, *Лучьску*, II 413, 445, 463; там же I 136, 337: *Лучане* 'жители Луцка', ПСРЛ указ. 184—185. Ср. русск. *лука* 'изгиб реки, речной залив' (Ник. 243); ср. Ros. 168: *ląk-//luk-* 'болотистый луг' и т. д. Частое топографическое определение: чеш. Loucko, помор. *Lučьsko*, польск. Łącko.

Минск вар. *Меньск*, город на р. Свислочь в Белоруссии. Лих. I 112: *Мѣньску*, *Мѣнескъ*, 160, 162, 200: *Мѣньску*, 185: *Мѣнескъ* 201: *Менескъ* 202: *из Мѣньска*, II, 397; ПСРЛ указ. 204, 261; Тих. 34; ср. этимологию Ros. 182: Minia, вар. Mienia — название реки (Mińsk Mazowiecki, ранее Mieńsk) балто-славянского происхождения от и.-е. **moi-n-//*mei-n-* ; **min-* **mei-*'проходить мимо, идти', лат. meo, meare, лтш. miju, mīt, нем. Main < др. -в.-нем. Moin < Men, галльск. Moenus < и.-е. *Moinos.

Одрьскъ, *Одреск*, *Одрск*, город вблизи Полоцка. Лих. I 159: *на Одрьскъ*; Лих. II 442. Однако неизвестно, где находился этот город. Карамзин неверно считал, что *Одрьск* возникло вследствие ошибки вместо *Дрютеск* [34]. Контекст свидетельствует о расположении этого города где-то в районе Полоцка. Ср. гидронимы: 1. Odra, Odrov, приток Днепра, 2. *Одра*, бассейн р. Сновь, 3. *Одр*, *Одрино* болото в Полесье. Предполагается, то *Одрьскъ* был древним го-

[33] Ср.: П. П. Семенов. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, IX. СПб., 1914, стр. 410.

[34] Н. М. Карамзин. История государства Российского, II. СПб., 1842, стр. 134.

родом при впадении Одрова в Днепр. Возможна этимология польск. Odra от основы *ǫod-r-* 'вода' — Οὐιαδούα[35].

Пинск, город на р. Пина, прит. Припяти. Лих. I 171: *Пиньска*, 174: *Пинескъ*, 178: *к Пиньску*, П 461. Ср. Лих. I, 180: *Пиняне*. Этимология окончательно не выяснена (Ros. 207); ср. польск. Pińsko Кцинский у., Pińsk в Поморье. Наиболее правдоподобно говорить о нем как о славянском названии (ср. ареал многочисленных польских и восточнославянских речных названий): 1, и.-е. **poi-n-//* **pei-n-//*pī-n-*, отсюда праслав. pěna 'пена', др.-инд. pīnā̃s 'жирный', 'толстый', греч. πιών 'тучный, плодородный', лит. pienas 'молоко'; может быть также лтш. spuma 'пена', инд. phēna-, др.-герм. heim 'пена'; 2. праслав. -pin-: pęti, pьnǫ. Нет необходимости выводить его из балтийского (TT 201) или из индо-иранского (REW II 358). Эта общеиндоевропейская основа была характерна главным образом для названий рек, широко разливающихся, не очень глубоких и пенистых. Для польских названий Pieńsko > Pińsko можно принять праслав. основу pьnь 'пень' (ср. луж. Peńsko > нем. Penzig).

Полоцк: Лих. I 18 (862 г.): *Полотескъ*, 24: *Полтѣскъ*, 54, 83: *в Полотьскѣ*, 99: *Полотьску*, II 7, 8 и т. д. Ср. также I 12, 209: *Полочане*. От названия р. *Полота*: праслав. **pol-t-* происходит русск. *Полота* и польск. Płota, на которой находится также древний польский город Плоцк на Мазовше (Ros. 209). Праслав. основа **pol-t-* относилась к **pol-* 'поле', ср. многие другие производные: **pl̥-t-* (Połtowsk > Полтовск > Пултуск, р. Пелтев, *Полтава*, *Полтва* и т. д.; **pol-n-* 'полонина, горный луг'; *pol-* этноним *поляне* (в Польше, на Руси и в Македонии), название *Польша*, *полевой*. Анализ основы **pol-* с детерминантами *-t-*, *-n-* и т. д. позволяет выявить большое гнездо топографических названий, относящихся главным образом к равнинным и надводным объектам.

Случьскъ, *Случескъ*, древнерусский город на р. Случь: Лих. I 200, ПСРЛ указ. 428. Тих. 38, 306. Этимологию см. Ros. 245—246. *Случь* — 1. *sъlǫčь, ср. slukij 'кривой'; 2. праслав. slukъ 'влажный' от sluti (REW II 666), восходящий к праслав. основе *lǫk-//luk-*, польск. łęk (Pałuki).

---

[35] См. S. Rospond. Odra — Οὐιαδούα. «Onomastica slavogermanica», 1966, II, стр. 111 и сл.

Смоленск, *Смольньскъ*: Лих. I 13: *Смоленьскъ*, 20: *къ Смоленьску*, 92: *отъ Смоленьска*, 108: *Смолинескъ*, 112: *у Смолиньска*, ср. 312, 150, 151, 158, 159, 161, 168, 197, 201, II 209 и т. д., ПСРЛ указ. 428—435, Ros. 246—247. Имеется большой сравнительный общеславянский материал — топографические названия, производные от основы *smol-* 'вид почвы', ср. с.-хорв. *смоница* < *смольница*. О древности этого города на р. Смольня (по ней названного) свидетельствуют греческие и скандинавские источники: Μιλινίσκα (у Багрянородного), *Смаленская*. Основа *smol-* в первоначальном значении 'черная почва' (возможно болотистая) широко представлена в общеславянской топономастике: *смоляне* — название племени (на Руси их центром был город Смоленск); в Болгарии, ср. у полабских славян; ср. Smeldingon у «Географа Баварского». Многочисленны были также названия мест на *-ьsk-* и *-ьn-*: польск. и болг. Smolsko, слвц., Smolno.

Сновьскъ: Лих. I 115: ко *Сновьску*. . . *потопаша въ Снови*; ПСРЛ указ. 435: *Сновескъ*, *Снъвьскъ*, *Сновьскъ*. Это был древний город северян на р. *Сновь*. Этимология гидронима *Сновь*: и.-е. *snāu-/*nāu- 'плыть, течь', т. е. Snū > Sny, Snъve, Snъvь; ср. также TT 146. В бассейне Немана есть р. Сновка.

Торчийский (торчьский) град, *совр. Торчица*, город на р. Торч, прит. р. Рось (земля волжских булгар). Лих. I 143: *Торчьский* 144, 145, 147: *к Торцьскому*, 145: *Торцьский*, 160: *на Торческый город*; ПСРЛ указ. 482, 483: *Торческъ*, *Торчьскь*, *Торьский* и др. Тих. 34, 303. Основа *torč-* иноязычного происхождения, ср. название племени *торки* (Лих. I 59, 109 и т. д.).

Турийск, город на Волыни, на р. Турия: Лих. I 177: *Турийску*, *Турийскѣ* (местн. пад. ед. ч.), ПСРЛ указ. 485: *Турьскъ*, *Туржиск*, *Туриск*, Тих. 34. Согласно TT 210 *Турия* : лит. Taurė, др.-прусск. Tauro, Taure. Ср. *Туров*, город недалеко от впадения р. Струмень в Припять (Лих. I 54, 83 и т. д.); отсюда его жители *туровцы*; Siel. 265.

Черторыйск, вар. *Чарторыйск*, город на Волыни. Лих. I 181: *Черторыескъ*. Ср. *Черторыя* (Тих. 408).

Названия с формантом -ovъ, -ovo, evъ, -ino

Известно, что функция суфф. *-ovъ* была не только посессивной, но также и топографической. Возможно, что эта вторая функция была более ранней, так как в наиболее

древних названиях славянских городов, образованных от личных имен, предпочитался формант *-jь*: (Sěrad-jь). Судя по источникам, эта топографическая функция *-ovъ* была довольно частой: Glogua= польск. Głogów (Титмар XI в.). Возможно, название *Краков* (Craccoa, Cracovia) может быть объяснено также топографически (Krzaków : krzaki 'кусты'), ср. польск. Gdów (др.-русск. *Гъдовъ* : **gъd-* 'влажный, болотистый'), Gdynia, Gdańsk. О происхождении названия *Киев* от Kujava, а не от *Куjь* мы писали в специальной статье [36].

ПВЛ дает материал для следующих топографических названий на *-ov*, *-ev*, *-in(o)*;

Берестово (дворцовое село), княжеская деревня под Киевом (загородная резиденция князя Владимира Святославича): Лих. I 57: *на Берестовѣ в сельци еже зовуть ныне Берестовое*, 89 : *на Берестовѣмь*, 104 : *Берестовое*, 109 : *с Берестоваго*, *Берестового*, 151 : *на Берестовѣмь* (2 раза), *на Берестово*; Тих. 59, 161—163 и т. д. Основу berstъ 'Ulmus carpinifolia' находим в русск. *берест*, польск. brzost; ср. укр. *берест*, русск. *Берестовая*, ср. ниже *Берестье*. Очевидно, первоначально была форма на *-ovo*, затем при переписке изменившаяся на *-ovoe*.

Клещино (озеро), под Переславлем Залесским на северо-востоке древней Руси Лих. I 13: *на Клещинѣ озерѣ* (совр. *Плещеево. — Ред.*). Основа *klest-//klešč-* была частой в топографических названиях. Ср. *клещ* 'вид насекомого и рыбы' а также в названиях растений: польск. kleśnica, kleśniawa 'colocassia, ambrosinia'. Отсюда многочисленные топографические названия: макед. Kleščino, укр. *Кліщі*, слвц. Klieštiná, польск. Klesna, Klestno (jezioro).

*Клов (*урочище) между древним Киевом и Печерским монастырем (теперь находится в городской черте Киева.— *Ред.*). Лих. I 187: *на Кловѣ*: праслав. kъlъ означало 'кусок дерева, бревна, спиленного пня'. Ср. польск. диал. kło 'вырубка, на которой торчит много пней' [37], отсюда польск. Kielno, Kielce, слвц. Kelča. Можно сомневаться, являются ли в действительности притяжательными названия

---

[36] С. Роспонд. Значение древнерусской ономастики для истории, стр. 113 и сл.

[37] M. Rudnicki. Nazwy rzeczne Gildnica, Ukleja, Sąpolnia i pokrewne. «Onomastica», 1964, IX, стр. 197.

городов *Чернигов*, *Боричев*, *Витичев*. С достоверностью к топографическим названиям относится *Псков* : праслав. **blьsk-*.

Названия с формантом -ьп-

Восточнославянский материал, благодаря «славянской» орфографии и формам косвенных падежей, позволяет различать форманты *-ьпъ* и *-ьпо*. На западнославянской почве субституционное написание на *-in*, *-en* (Stetin, Gnezden) допускает реконструкции как Szczycien, Gnieździen, так и Szczytno, Gniezdno. В восточнославянских же документах существует почти фонетическое отличие *-епъ* и *-ьпо*. Названия первоначальных городов были обычно муж. рода на *-ьпъ*, а деревень — ср. рода на *-ьпо*.

Дубен, затем *Дубно*, город на Волыни. Лих. I 181: *Дубенъ*, II 466; Тих. 33. Праслав, dąbъ 'quercus' особенно часто встречается в собственных именах с формантом *-ьп*; общеславянские топонимы: польск. Dębno, Dębna (около 40 названий; Вог. 46—47), чеш., слвц. Dubne, Dubné.

Красьнъ — Красен, город на р. Красна, прит. Днепра (недалеко от Триполья). Лих. I 160: *у Красна*. Лих. и Siel. ошибочно дают Krasn, не понимая структуры названия. Ср. праслав krasa, krasьnъ 'краска, особенно красная, блеск, красный цвет'. Отсюда многочисленные топографические названия, в том числе и для рек: в Греции *Красица* (Κρασέτσα), с.-хорв. *Красно*, укр. *Красна*, польск. Krasna, чеш. Krasno; ср. Вог. 115—116.

Листвен, местность недалеко от Чернигова. Лих. I 100 : *к Листвену*. Ср. русск. *листва*, *лиственный*.

Лубьнъ, затем *Лубно*, *Лубны*, город на р. Сула в Переяславском княжестве: Лих. I 161: *к Лубьну*, 186: *около Лубьна*, *къ Лубну*. Ср. польск. Łubno, Łubna, чеш. Lubno, Lubná, ср. Барс. 116, 119: *Любнѣ* (1229 г.), *Лубны* (город в Полтавской обл.), *къ Лубну* (1107 г.) Вог. 136—138 считает основу *lub-//ljub-* общеславянской с топографическим значением; ср. польск. łub 'кора', lubo 'ободранная древесина липы, дуба', чеш. lub, луж. łub 'кора', помор. lěba, lěbina 'прутья для плетения', lěbizna 'густая, твердая трава'. Следует принять праслав. корень *lub-//ljub-*, и.-е. **loubh-*, **leubh-*[38].

---

[38] M. Rudnicki. Studia nad nazwami rzek lechickich, I. Żeba i Żupawa. «Slavia occidentalis», 1935, XIV.

Переволочна, город в Полтавской обл. (ср. выше *Прилук*). Лих. II 445. Ср. русск. *переволока* 'прибрежное место, по которому переволакивались суда, пристань'. Вог. 176: праслав.* pervolka, ср. польск. Przewłoszno // Preulocno (1290 г.), диал. Pšyvъločno, русск. *Переволочна* (1092 г.) — см. Барс. 157.

Песоченъ, город в Переяславской обл. Лих. I 141: *Пѣсоченъ*; Тих. 34: *Песочен* или *Посочен* (1092 г.); Лавр. 208, Ипат. 150, Тих. 38: *Песочен* (1172 г.). См. Ипат. 379. Согласно Барс. 161, *во градка Песочнаго* (1169 г., 1237 г.); *Песочня* Смоленская обл., документально *Песочна* (1328 г.), см. Барс. 161; ср. Сем. IV 261: *Пясочно*, см. SG XVII 44—47: Piaseczna (8 раз), Piaseczno (9 раз.). Основа pěsъkъ была необычайно продуктивной в общеславянских топографических названиях: польск. Piaseczno, Piaseczna (более 50 топонимов) — ср. Вог. 177—179. Ср. чеш. Písečná, слвц. Piesečná.

Корьдынъ (?), см. Лих. II 444: *Корьдно (Кордно)*, неизвестно, что это был за город: Лих. I 159: *ко Корьдну* (где-то в области торков). Вероятна адаптация какого-то чуждого названия при помощи продуктивного форманта *-ьп-*.

Названия с формантами -апь, -ипь, -епь (-ěпь)

Для территории Киевской Руси характерен формант *-пь* с различными предшествующими гласными (ср. в апеллятивах *-пь*, *-апь*, *-ипь*, *-епь*, *-ьпь*, *-упь*, *-ynja*): др.-ц. сл. grъtanь, jablanь, strьženь, jesenь, pustynja. Труб. 231 разбирает гидронимы Правобережной Украины: *Березань*, *Дубень*, *Здвижень*, *Студень*, *Горынь*, *Родунь*, *Любань*.

Преобладание конечного *-ь* (возможно субстратного) в праславянской зоне *В* (между Бугом и Днепром) подчеркивалось много раз [39]. Труб. 233 неправомерно причисляет некоторые образования на *-упь* и т. п. к иноязычным: Gorynь < *gerin*. Ср. славянский архетипичный формант *-ynja*: Gdynia, Ksynia.

М. Балий приводит ценный материал на *-апь*, *-ипь* в украинском языке: *Черевань*, *Хубань*, *Красунь* и т. д.

---

[39] S. Rospond. Prasłowianie w świetle onomastyki. «I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej». Warszawa, 1968.

Формант *-ань* характерен для юго-восточных городов Украины, а в юго-западных и северных почти неизвестен [40]. Продуктивность и исконность форманта *-пь* в различных ономастических образованиях иллюстрируется богатым древнерусским материалом из ПВЛ. Название греческой колонии *Херсонес* (в Крыму), через которую проходил торговый путь, связывавший Киевскую Русь с Византией, адаптировалось славянами в форме *Корсунь* (Лих. I 12: *Корсунь, ис Корсуня*, 75—77: *на Корсунь, къ Корсуню*; там же 34: *Корсунцы*, жители Корсуня. Греческое название города *Фессалоники*, расположенного в Македонии, в ПВЛ русифицировано в *Селунь*; Лих. I 21, 22: *до Селуня, в Селуни, в Селунь*.

Желань, местность на юго-запад от Киева: Лих. I 145: *на Желаню*, II 516 считает рекой; Тих. 33: *Желань, Желянь*. Основа *žel-//žal-*, и.-е. **gēl* (возможно была огласовка **gol-*?). Ср. с.-хорв. *жâл* 'побережье, берег', *жало* 'песок, песчаная местность, невысокий берег' (Schütz, 82), ср. др.-ц.-сл. *жаль* 'могила'. С надежностью следует признать топографическое значение для названий польск. Żalna, Żalno, с-хорв. *Жална* — см. Bor. 274.

Звиждень (другие варианты *Звѣждень*; *Въздвижень*; звучание не было установившимся, ср. также *мость Звиженьскый*, р. *Здвижа* — Лих. II 462), город к западу от Киева, на р. Здвижа. Лих. I 173: *Въ Звиждени городѣ, мостъ Звиженьскый*; Лих II 131: *Воздвиженск*; ср. Ros. 280: *воздвижение : Воздвиженьское*; см. SG XIV, 12: Wozdwiżeńsk Радомского у., Wozdwiżeńskie Харьковской губ. Как вытекает из исторических записей, некоторые названия (и прежде всего *Здвижень*: р. *Здвижа*) подверглись дальнейшим преобразованиям под влиянием слова *воздвиженье*. О гидронимических образованиях на *-ень (Ястребень, Сербень, Дубень, Здвижень)* см. Труб. 231. Здесь ярко выражена агглютинация предлога *въ+Звиждень*, с дальнейшей идентификацией с апеллятивом *воздвиженье*.

Искоростень (различные варианты), сейчас *Коростень*, Житомирской обл.: Лих. I 40: *изъ града Изъкоръстѣня, у Искоръстѣня*, 42: *на Искоростѣнь градъ*. *Из-//ис-* может быть с достоверностью выделено как предлог, часто встречающийся при словообразовании, ср. выше *Воздви-*

---

[40] M. Balij. Formanty *-апь, -anja, -unь, -unja* w języku ukraińskim. «Slavia orientalis», 1969, XVIII, № 1.

жень. Славянская основа: праслав. *korsta, польск. krosta, chrosta < *chvorstъ, чеш. krásta, chrásta означала холмистую неровную местность: ср. польск. Krosno (многочисленные топонимы см. Вог. 79—82), др.-русск. *Хварстен* (1125 г.), русск. *Хоросна*, *Хворосна*, см. SG I 632, 666; болг. *Храсна*, с.-хорв. *Храсно*, на территории Греции Φράστανα = *Хварстьно*.

Ошибочно этимологизировать *Искоростень* из др.-норв. skarfv 'Klippe' — подводный камень + швед. sten 'камень'. Мы выступали с критикой этого так называемого «нордизма» [41]. Ср. также Ник. 206.

Наилучшим подтверждением того, что *из-*, *ис-* было агглютинацией предлога, служит материал «Хроники» М. Стрыйковского (1582 г.) 123: Choroscienia, 123: Chorosten, 127: Chorościeniem, 127: w. Choroscienie, 124; w Chorostenie, 122; Korostena, w Korostenie. Чередование согласных ch-/k- было живым явлением в топонимах на *-ень*. Селищев, 157 проиллюстрировал примерами: *Листень* XVI в. (Московская обл.), *Плашень* (Рязанская обл.), *Городень*, или *Гордня* (Калининская обл.).

Корсунь (в Крыму, греч. *Херсонес*): *в Корсунь*, *из Корсуня*, *на Корсунь*, *къ Корсуню*, Лих. I 12, 75—78, 80, 83, 111; *корсунцы* 'жители Корсуня' — Лих. I 34, 37. Продуктивность форманта *-пь*, а также *-ь* (*-апь*, *-упь*, *-епь*, *-ипь*) ярко выражена на восточнославянской территории. Многие иноязычные топонимы были ассимилированы с помощью этих формантов: *Казань*, *Астрахань*, *Рязань*, *Кубань*. Этому типу следовало бы посвятить особую монографию.

Кснятынь Лих. II 520 ошибочно пишет *Кснятин*; ср. Siel. 385 Ksnjatyn, город на правом берегу Сулы, Лих. I 161: *къ Кснятиню* (363 в переводе: *к Кснятину*). От имени *Константин* уменьшительным было *Коснята*. Однако отнесение названий Snjatyn (ср. *-уп*) и Ksnjatin к притяжательным с формантом *-ĭn* сомнительно, так как здесь ярко выражено первичное *-упь*. Ср. разъяснение о притяжательном суфф. *-ĭn* (Ник. 387). Формант *-упь* мог обладать, помимо топографической, также и притяжательной функцией: польск. Gdynia, чеш. Bechyně, Kdyně, Hostyně,

---

[41] S. Rospond. Onomastische Slavo-nordica. Kritische Bemerkungen. «Sprawozdania Wrocław. Tow. Nauk», 1965, XX, «A», стр. 56.

русск. *Белынь*, *Курынь*, *Смердынь*, см. Селищ. 157. Возможно, также существовала диалектная тенденция замены сонанта *-n* на *-ń*. Ср. польск. Lubin > Lubiń? Ср. Лих. I 109: *к Войню*.

Радосынь, урочище возле Городца, к востоку от Киева, Лих. I 192: *в Радосыни*. Этимология не вполне ясна. Следует только выделить формант *-ńь* как характерный для украинских топонимов. Ср. -ynia (польск. Gdynia, Kcynia).

Родня, Могилевская обл., город на р. Рось, л. прит. Днепра: *въ граде Родьни на усть Рси*. Ср. Тих. 13, 16, 55, 149, 286, 302; Труб. 244—245 на территории Правобережной Украины выделяет около ста гидронимов с формантом, происходящим из первичного *-ьпа*: *Лубня*, *Головня*, *Ризня* // *Ризна*, *Рудня*, *Рокитня*, *Черемошня* / *Черемошна*. Формант *-nja* < *-ьпja* в апеллятивах встречается прежде всего в nomina loci: польск. studnia : studzić 'место с холодной водой', stajnia 'скотный двор', laźnia и т. д. Основа *rod-*, ср. польск. rodna ziemia, rodny 'плодородный, урожайный', чеш. rodný с тем же значением, чеш. Rodná; см. Барс. 175: *до XV в. Родня называлась Родно*. Ср. с.-хорв. *Родне*, *Родно брдо* — см. Вог. 200—201.

Рязань, древний город на Оке. Лих. I 151, 170: *к Рязаню*, *из Рязаня*, *рязанцы*. Этимология либо иноязычная, либо исконная. Ср. мордовское племя *эрзя*, *эрзянь*. Может быть слав. rjasa 'топкое место'. Недалеко от Рязани есть село *Рясы*. Возможно также сближение с основой **rędž-*//**rędg-*//**rąg-* русск. *ряж-*: *Ряжск* — город Рязанской обл. Ср. Ros. 228. Замену *ž* на *z* можно объяснить влиянием угро-финского субстрата, т. е. *Рязань* < *Ряжань*. Сем. IV 366—369 привлекает также русск. *ряж* 'деревянный сруб, наполненный песком, для устройства укрепления'. Ср. также основу ręža 'Spalte, Rinne' (щель, трещина), отсюда полабск. Rinsowe (1216 г.), Rensow — см. ТМН 129.

Суздаль, древний город, Владимирской обл. Возможно это адаптация какого-то иноязычного названия. Лих. I 99, 100, 168—169: *в Суждали*, *Суздалю*, *на Суждаль*, *Суждалю*. Позже возобладала форма *Суждаль*. Относительно различных иноязычных угро-финских основ см. Ник. 397. Однако убедительного объяснения нет. Согласно Труб. 229 формант *-alь* свойствен некоторым гидронимам: *Криваль*, *Звиздаль*, *Тусталь* (бассейн Припяти).

Сутѣнь, урочище. Лих. I 184: *на Сутѣнь*; II 468 пишет, что нигде в летописях это название не встречается. К. В. Кудряшов полагает, что это река Молочная и что этимология *Сутѣнь* — это перевод тур. süten 'молочная' [42].

Тмуторокань, русский город на Черном море: Лих. I 83, 99 и т. д.: *(в) Тмуторокани*, *Тьмутороканю*. В греческих источниках Ταμάταρχα, в арабских Samkerz, Samkarš, Samakuš, ныне *Тамань* — ср. Нидерле [43], 119; ср. также М. Фасмер [44].

Названия с формантом -ьje

Первичное собирательное значение суфф. *-ьje* (ср. польск. liście 'листья') было известно и в топонимике: польск. Międzyrzecze, срб. *Међулужје*, *Заводје*.

Берестье (*Брест*, польск. Brześć), древний город на Буге. Лих. I 99, 158: *къ Берестию*, 174: *Берестие*, 178, 180: *къ Берестью*, 182: *Заратися Ярославъ Ярополчичь Берестьи*, 180: *берестяне* 'жители Берестья'. Ср. праслав. основу *berstъ 'ulmus carpinifolia': польск. Brzostek, укр. *Берест*, русск. *Берестовая*, чеш. Břestce, болг. *Брестава*, в Греции Βρέστα. В связи с продуктивностью апеллятивов на *-ьje* эти названия можно было бы считать первичными — *Берестье : берестье* 'березовая кора'. Ср. польск. Brzeście (несколько топонимов), Brześć Kujawski (с типичным исчезновением конечного *е*, ср. Podgórze > Podgórz, Międzyrzecze > Międzyrzecz).

Заволочье, местность, Лих. I 132, II 411: *в Заволочии*. В первой Новгородской грамоте 989 г.: *и бежа за Волок*. Siel. 352 сн. 1 комментирует: *Город Волынь — нынешний Gródek Nadbużny* у впадения р. Хучвы в *Буг*. О термине *волок* писалось выше.

Олешье, крайний переволочный торговый пункт в устье Днепра перед выходом в Черное море. Лих. II 413: *въ Олешьи*. Лих. I 135, Siel. 353 неточно реконструируют это название: *Олеша*, вместо *Олеше*. От основы праслав. olьcha, jelьcha образованы многочисленные топонимические дериваты: польск. Olsze, укр. *Олешня*, в Греции Ἔλση.

---

[42] К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948.
[43] L. Niederle. Slovanské starožitnosti, I, 4. Praha, 1902.
[44] M. Vasmer. Osteuropäische Ortsnamen. «Acta et commentationes univ. Dorpatensis», 1921, I, стр. 13.

На большую топонимическую продуктивность *-ьје* обратил внимание Селищ. 155: *Завалье*, *Залесье*, *Заозерье*, *Загорье*. Это многочисленные собирательные топонимы, образованные от предложных конструкций.

Названия с прочими формантами, например -іса

Вороница, урочище, которое трудно точно локализовать. Лих. I 161 II 448: *с Вороницѣ*. Ср. русск. *ворона*, укр. *Ворона*, название словенского города Vranica. В восточнославянской и южнославянской группах это был продуктивный топонимический формант, иногда вторичный: Селищ. 155: *Брынница*, *Добровица*, *Каменица*; в XV в. (село) *Заполитское*, позже *Заполица*, *Мощаница*, *Погорелица* // *Погорелое*, *Радовица*. О продуктивности форманта *-іса* (мн. ч. *-ісе*) на территории Сербии — ср. Франк [45]. О плотном и довольно широком распространении гидронимов на *-іса* см. Труб. 171—172 (на Правобережной Украине он их насчитывает 301: *Быстрица*, *Рудавица*, *Муравица* и др.). В ПВЛ есть гидронимы *Медведица* (Лих. I 169: *на Медвѣдици*), *Сальница* Лих. I 192, II 476: *на рѣцѣ Сальницѣ* — речка между Изюмом и Изюмцем, теперь не существующая. А. И. Попов возводит ее название к нынешней р. *Сал*, л. прит. Дона [46]. Ср. также *Сожица*, прит. Сулы, возможно совр. речка *Оржица* (Лих. II 412). Лих. I 132: *на Съжицѣ*; 14: *на Съжю*. Ср. Лих. I 13: *Хоривица* (холм в Киеве), *Щековица*; 171: *Рудица*, 184: *в Хортичем островѣ* (*Хортица*). Ср. также Лих. I 170, II 459: *на Кулачьце* — река *Колокша*. Позже наблюдается экспансия форманта *-іса*.

Среди топографических названий следует также упомянуть *Погорина*. Лих. I 174: *Погорину*, II 462: *Погорина* — побережье р. Горыни (объяснение Ермолаевского списка Ипатьевской летописи). Однако *Погорина* не может быть непосредственным дериватом от *Горынь*. Этимологически *Погорина* < *Погор-ина*, т. е. с формантом такого же типа как срб. *Горина*, *Слатина*, *Загорадина*, *Закутине* — ср. Franck (указ. соч. 200—201).

---

[45] F r a n c k. Studien zur serbokroatischen Ortsnamenkunde. Leipzig, 1932, стр. 189.

[46] А. И. П о п о в. «Повесть Временных лет» в новом издании Академии наук СССР. «Вестник ЛГУ», 1951, VI, № 5, стр. 136.

Посессивы на -jь

Это наиболее древние архетипы, характерные для названий славянских городов. Формант *-jь*, унаследованный от праиндоевропейской эпохи, проявляется в древнейших записях, ср. др.-инд. pítryas, лат. patrius, греч. πάτριος < и.-е. *pətriios 'отцовский, отчий'. Архетипность легче всего выявляется в основах, бывших наиболее частыми праславянскими композитами: *Всеволод*, *Дорогобуд*, *Перемысл*, *Переяслав* и т. д.

Всеволож, город на Волыни (Тих. 33). Лих. I 175: *Всеволожь*, 116: *в монастырѣ Всеволожи*, 177: *ко Всеволожю*, ср. также *Всеволож*, Черниговской обл. Ср. *Всеволод*, древнерусское династическое княжеское имя, ср. Тупиков; имена с первым местоименным членом *все* относятся к древним общеславянским: русск. *Всеслав*, польск. Wszemił (1136 г.), хорв. Vьsemil, чеш. Všel'ub — см. Sv. 92—93. Среди имен древнерусских князей в ПВЛ упомянуты следующие композиты этого типа: *Всеволод* (3 раза Лих. I 56, 101, 201), *Всеслав*, *Всеславича* (Лих. I 88, 104,186).

Володимер, древний волынский город, основанный при Владимире. Лих. I 81, 109: *посадиша. . . Всеволода Володимери* (местн. пад. ед. ч.), 108: *Володимерь* (вин. пад. ед. ч.), 109: *из Володимеря*, 135: *Володимери* (местн. пад. ед. ч. — 2 раза, 136 — 2 раза), 174, 175, 182; *Володимерю* (дат. пад. ед. ч.) 158, 159, 173, 177, 179, 180, 182, 160: *из Володимеря*, 162: *къ Володимерю*, 171, 180; *Володимерь* (вин. пад. ед. ч.), 177: *в Володимери*, 180: *Володимеря* (род. пад. ед. ч.), 185: *Володимерю* (местн. пад. ед. ч.), 202: *во Володимерь*. Здесь восточнославянское «живое» *-olo-* уживается с унаследованным от праслав. mer/měr, ср. др.-в.-нем. mâri 'славный', готск. mērs 'большой', 'великий', греч. μῶρος 'неразумный' [47]. Лишь позже закрепилась церковно-славянская форма *Владимир* с заменой архетипного *-mer*. Одновременно в ПВЛ часто упоминается князь *Володимеръ* (Лих. I 174, 185),

---

[47] S. Rospond. Miscellanea onomastica slavogermanica, II. «Onomastica slavogermanica», IV, 1968, стр. 29; Он же. *Kazimierz — Palas Kazimierowski* czy *Kazimierzowski?* «Prace filologiczne», XX. Warszawa, 1970, стр. 317—323.

174: *къ Володимеру*. Ср. Лих. II 488—489 (индекс) *Владимир Всеволодович Мономах*, однако в ПВЛ *Володимер* (Лих. I 108, 131—133, 135—137, 142—144 и. т д.); Лих. II 489: *Владимир Святославич*, а в ПВЛ: *Володимер*, *Володимера* и т. п. (Лих. I 17, 47, 49, 50 и т. д.), II 489: *Владимир Ярославич*, а в текстах только *Володимер* (Лих. I 99, 101, 103, 104 и далее). Равным образом в атрибутивной деривации на *-ьsk* сохранялась первоначальная форма: *Володимер — Володимерьскаго* (Лих. I 181). Nomen personale дифференцировано от nomen loci: *Володимеръ*, *къ Володимеру*, *Володимера* (Лих. I 174, 181 и далее) и *Володимерь*, *Володимерю*, *Володимеря* (171). Образование на *-jь* является в этом случае мемориальным, впервые упомянутым в 988 г., оно было дано в честь князя Володимера Святославича. Ср. другой *Владимир* на р. Клязьме, известный с XII в. как крепость, названная по имени ее основателя Владимира Мономаха.

Выдобыч, холм с расположенным на нем монастырем в Киеве. Лих. I 152: *на холму*, *нарѣцаемѣмъ Выдобычи* (мест. пад. ед. ч.), 171: *на Выдобычь*. Siel. 372 ошибочно принимает его как патронимическое название на *-iči*, которых на самом деле в ПВЛ нет, и дает перевод: «*на холме*, *называемом* Wydobycze». Правильно он перевел на стр. 396: «переправился на Wydobycz». Первый компонент следует связать с общеслав. *vid-* (смешение *i*/*y* типа *Давид—Давыд* наблюдается в ПВЛ), ср. Sv. 91; польск. Widoradz : Widorad, Wid(o)goszcz : Widogost, др.-луж. *Vidogost-jь. Возможно, в копиях под влиянием укр. *i* > *y* записано *Vyd-* вместо *Vid-*. Ср. польск. Jawid : Jawidz, русск. *Явид*. Другой компонент *-byt*: ср. Sv. 72 *Radobyt*.

Дорогобуж, волынский город на р. Горынь. Лих. I 135, 180, 182: *Дорогобужь*; 178: *Дорогобужю*. Из *Dorogobud-jь; ср. с.-хорв. *Драгобуд*, чеш. Drahobud, полабск. *Dargobąd-jь. Второй член *-bud* может быть из праслав. *-bud*: buditi или *-bǫd*. На территории Польши имеется много топонимических посессивов на *-jь* от имен со вторым компонентом -bąd: Dargobądz, Dobrobądz, Niesiebądz, Pobądz и др. Ср. RKJV, 1965, стр. 96—98.

Дорогожич, урочище под Киевом (Лих. I 54, II 322: *стояше Володимерь обрывся на Дорогожичи*, *межю Дорогожичемъ* и *Капичемъ*). Лих. II 322 ошибочно определяет Дорогожичи как якобы патронимическое вместо **Дорого-*

жит-jь : *Дорогожит*; ср. имена со вторым членом *-žit* (Sv. 93) чеш. Požit, Zažit, с.-хорв. *Драгожит*, *Доброжит*, *Боржит* и др. В качестве первого члена žit 'vita' также употреблялся часто: *Житомир* и др. Название *Дорогожич* вскоре, однако, было вытеснено другими образованиями притяжательного типа на *-ovo*, ср. Ипат. (1146 г.): *И прииде Изяслав ко валови, идеже есть Надово озеро у Шелвова борку и ту ста полкы подле вал с сыном своим Мьстиславом* (Лих. II 322). А. А. Шахматов писал о *Дорогожичи*, основанном *у монастыря Кирилла, между Вышгородом и Киевом*, где согласно легенде в лесу умер Борис [48]. У Дорогожича, действительно, был бор (Лих. II 358). Это название искажено в Ипат. 222 (ср. Тих. 37, 72: *Дорогичин* — 1142 г.).

Любеч, очень древний город земли Черниговской, находившийся на Днепровском торговом пути, упоминается уже у Багрянородного (ср. выше Τελιουτζα). Лих. I 20: *Любець*, 24: *Любечь*, 96: *к Любичю* (!) (прибавлено из Радзивил.) 105: *от града Любча*, 170: *Любячи* (!). Варианты *-ькъ//-ікъ* в антропонимических образованиях указывают на колебание, при котором можно одинаково принять как имя *Любек*, так и *Любик*. Наиболее частыми были однако формы *Любеч*, *Любча* < *Ljub-ьk-jь. Существует севернорусская диалектная форма с цоканьем: *Любець*. Четкое фонологическое противопоставление *к* : *ч* < *кjь* намного увеличило число посессивных образований этого типа: польск. Sądecz > Sącz, Bądecz, Biejecz > Biecz, Chodecz, Gdecz > Giecz, Lubecz, совр. Lubcz, Sierpcz — Sierpe — ср. RKJ V 128. Ср. Тих. 13—16, 177, 185, 345, см. ПВЛ 882 г., 907 г., договор Олега с греками. В источниках XII в. еще упоминается как древний город, но в 1159 г. уже считается опустошенным. В конце XVIII в. там можно было видеть лишь «земляное обвалившееся укрепление, близ которого ярами вокруг отделенное, 20 саженей вышины, необширное, а ровное, ничем не укрепленное место, замок называемое» [49].

Перемил, древний волынский город на р. Стырь: Лих. I 176, II 463: *Перемиль*. *Peremil-jь : Peremil;

[48] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 75—76.

[49] Ср.: А. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851, стр. 315.

ср. многочисленные антропонимы с праслав. приставкой *per-*: русск. *Перемысл*, *Перенѣг*, *Переслав*, *Переяслав*, польск. Przebor, Przemysł, Przebąd. Второй член также употребляли довольно часто: польск. Bogumił, чеш. Bohumil, ср. Sv. 79, 102. Ср. Niemil в Силезии и в Краковском у. (Nyemil 1242 г.) — ср. RKJ V 105. *Перемышль*, польск. Przemyśl Лих. I 54, 181; *Перемышль*, 136: *Перемышлю*, 171: *Перемышьль*, 179*: около Перемышля*. Ср. польск. Przemysł, чеш. Přěmysl (династия Пшемыслидов). Второй член *-mysl* был весьма продуктивным в общеславянских личных именах: помор. Siemysł : Siemyśl, Witomyśl, Pomyśl и др., ср. RKJ V 109—111.

Переяславль (Южный, Русский, совр. *Переяслав-Хмельницкий*). Лих. I 24, 84, 85, 108: *на Переяславль*, 25: *ис Переяславля*, 36: *ис Переяславля*, 109: *Переяславли*, 135: *у Переяславля*, 137, 142: *в Переяславли*, 143, 148, 151: *Переяславлю*, ср. также 159—161, 183, 185, 186, 197, 199, 202.

Композиты структуры «indeclinabile+корень+nomen» были архетипными. Праслав. корень *-ję-*, др.-русск. *-ja-* был характерен главным образом для восточнославянской антропонимии: русск. *Яволод*, *Изяслав*, *Переяслав*.

В Болгарии, на Дунае, был древнейший город *Prě-slav-jь (позже *Преслав* 822 г.; у арабского путешественника XII в. Аль-Идриси: Berisklâfa). ПВЛ преобразовала это название по-своему, с добавлением типичного русск. *-ja* (праслав. *-ję*); кроме того, переписчики древних сводов добавили продуктивный и характерный формант *-ьсь* (*-есь*): *Переяславец* — Слово о князе Святославе, который отправился на Дунай, на болгар в 967 г.: *взя городъ 80 по Дунаеви и сѣде княжа ту въ Переяславци* — Лих. I 47. Там же: *бяше Переяславци* (мест. пад. ед. ч.), 48, 50: *в Переяславець*. Ср. польск. Boleslaw, -wia, Boleslawiec. Адаптации с помощью суфф. *-ец*, возможно, способствовало то, что летописец знал название *переяславцы* (Лих. I 52) для жителей русского Переяславля. Идет ли речь в действительности о жителях Переяславца на Дунае, как думает Лих. (II 524): *переяславци — жители Переяславля на Дунае?* За ним это же повторил Siel. 451. Ср., однако, цитату: *И послаша переяславци къ печенѣгомъ, глаголюще*: «*Се идеть вы Святославъ в Русь, вземъ имѣнье много у грекъ и полонъ бещисленъ*» (Лих. I, 52).

Если речь идет о Переяславе болгарском (в действительности *Преслав*), то в таком случае форма *Переяславец* была бы этническим дериватом от *Переяслав* вместо болг. *Преслав*. В ПВЛ имя мазовецкого князя Masław изменено в *Моислав*. С такими переделками можно встретиться неоднократно, особенно если принять во внимание редакции ПВЛ.

Посессивы на -evъ, -ovъ, -inъ

Выше мы обращали внимание на древние топографические названия с суфф. *-ev//-ov*. Формант этот, особенно *-ov*, был весьма экспансивным уже в эпоху раннего средневековья. Доказательством этого могут служить субстратные образования с добавлением к ним типового форманта *-ov*: *Саратов* (основа с достоверностью иноязычная — ср. Ник. 369—370), *Тамбов* (1636 г., также называется река — ср. Ник. 407), *Харьков* (укр. *Харків*, основан в XVII в. и река с таким же названием — Ник. 453), *Ростов* (Ник. 358) — надежная этимология отсутствует. Стереотипные общеславянские образования на *-ov* требуют подробных стратиграфических, исторических и синхронических исследований. Это посессивное образование не является столь древним, как *-jь*. Можно подозревать, что из древнейших названий городов только *Краков* и *Киев* действительно являются посессивами. Кроме того, притяжательное *-ovъ* не столь древнее, как другие форманты, поскольку оно сходно с род. пад. мн. ч. основ с тематической гласной *-и-*: *сыновъ*, *становъ*. В эпоху феодализма оно стало наиболее типичным для названий поселений, образованных от имен владельцев: польск. Uniejewo, чеш. Branišov, русск. *Любимово*, сербск. *Борисово*. О сверхпродуктивности этого форманта в феодальный период свидетельствуют вторичные образования на *-ov-*: русск. *Валище—Валищево*, *Загорье—Загорьево*, *Высокое—Высоково* — ср. Селищ. 152.

Стратиграфия на современном русском материале (европейская часть СССР) дает две четко выделяющиеся зоны: 1) северная, с необычайно продуктивным макротипом *-ov* (к северу от линии: Брянск—Тула—Горький—Казань); 2) южная, с очень продуктивным *-ка* (*-овка*, *-евка*: *Андреевка*) [50]. Первоначально этот формант был

[50] В. А. Никонов. География русских суффиксов. «Onomastica». Wrocław-Kraków, 1959, V, 2, стр. 321 и сл.

характерным для древней Руси, но вскоре, как свидетельствуют, например, Новгородские грамоты, становится типичным для севера.

Если бы мы захотели представить себе картину первичной и вторичной стратиграфии топонимов с атрибутивными *-ov*, *-in*, то прежде всего нам было бы необходимо разграничить названия топографические и посессивные. Из древнего материала ПВЛ следует, что топографические названия на *-ov* (*-ev*) были нередки. Возможны также вторичные образования на *-ev-*, хотя основа оканчивалась на твердый сонант: *Могилев* : *могила*, *Канев* (?). Выше обсуждались топографические названия на *-ov*, *-in*: *Псков*, *Берестово*, *Клещино* и др. Некоторые из нижеследующих топонимов также можно рассматривать как топографические (*Чернигов*, *Могилёв*) или же как вторичные (иноязычные: *Орестов*, *Сугров*, *Обров*; ср. также мою этимологию *Киевъ* < Kujava).

а) Образования на -ов, -ев

Боричев (увоз), Боричев холм, связывал центральную часть Киева, расположенную на горе, с низменной частью, называемой Подолом. Лих. I 13, II 221: *седяшѣ Кий на горѣ*, *гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ*. Это могло быть притяжательным названием от патронимического имени *Борич* : *Борислав*, но нельзя игнорировать и доминирующую топографическую номенклатуру древнего Киева: *Щековица*, *Хоривица*, *Подол*, откуда возможна этимология *Боричев* : *борич* : *бор*. Ср. р. *Боричка* (Лих. II 444). Ср. ниже *Витичев*, холм над р. *Стугна*, прит. Днепра. В ПВЛ упомянут под 945 г. (договор Руси с греками) среди послов Игоря с исконными именами (*Гомоль*, *Синко*) также и *Боричь* (Лих. I 35, II 290). В Радзивиловском списке, явно переделанном, указано: *и Синько биричь*. Это дает повод Лихачеву считать (правда, ошибочно [51], Siel. 244) последнюю версию более правильной, поскольку *бирич* означало 'сборщик податей'. Ср. в ПВЛ *биричи* (Лих I 84). Возможно, по имени личному *Борич* упомянутого посла холм в Киеве назван *Боричев*.

Васильев, Киевск. обл. (ср. Тих. 300): Радзивил.: *в Василеве*, Лавр.: *Василиви*, ср. Лих. I 77, II 191. Лих. I 85: *к Василеву*. Летописец упоминает будто бы согласно традиции в этом городе был крещен Володимер.

[51] А. И. Попов. Указ. соч., стр. 133.

Володимер получил при крещении христианское имя *Василий*; *Василий*, или *Василь*, было одним из самых частых среди династических и других древнерусских христианских имен. Происхождение его греко-византийское, ср. греч. βασίλευος, лат. Basilius, польск. Bazyli. Ср. Лих. I 177: *Василя*. Экспансивность посессивного *-ev* в новых исторических названиях, образованных после принятия Русью христианства, доказывается на примере этого топонима, образованного от христианского имени. В славянском мире отсутствуют посессивные топонимы на *-jь*, образованные от основ христианских имен. Ошибочно считают богемисты таким топонимом чешск. Albeř < *Alber-jь, который в действительности происходит от герм. Alber-s (форма с посессивным нем. *-s*), которое изменилось в Alber-z и, наконец, в Albeř [52].

Витичев, холм над р. Ступна, прит. Днепра. Упоминается уже у Багрянородного как город (ср. выше: Βιτετζέβη). Конец XI в. Тих. 14 полагает, что со временем древний город *Витичев*, упоминаемый византийским императором, стал заброшенным местом, получившим название *холм Витичев*. Тем более ценными являются свидетельства этого источника, рассказывающего о важных торговых центрах древней Руси, со временем забытых. Таким образом, даже список городов ПВЛ не полно отражает самые ранние торговые и оборонительные центры древней Киевской Руси, поддерживавшей довольно оживленные торговые и политические отношения с Византией. Так как в различных рукописях название *Витичев* чередуется с формой *Уветичи*, совр. *Вятичев*, Киевской обл., при выяснении этимологии следует принять во внимание как основу *Vit-* (*vit-*), так и *vjat-* (ср. этноним *вятичи*). Лих. I 149: *городъ на Вытечевѣ холму*. Отношение написания *Вытеч — к Витич* не совсем ясно. Лих. II 513 (индекс) отсылает от названия *Витичев* к *Уветичи*, город (460, 465). Лих. I 181: *въ Увѣтичих — Уветичи*, теперь деревушка *Вятичев*, Киевской обл. (ср. Siel. 405).

Предложная агглютинация встречается довольно часто в топонимах ПВЛ (ср. выше *Искоростень*), значит, возможно, *у+Ветичи*, *Вятичи*. Можно отметить связь

---

[52] См.: S. Rospond. Mistni jména v Čechách Jejich vznik, původnívyznam a změny. «Slavia», XXIX, 1960; ср.: S. Rospond. Miscellanea onomastica, II, стр. 46.

Vyt-, *Vit-*, *Vět-*, *Vjat-*. Основой была форма *Vjat-*, т. е. этнонимическое название *вятичи*, которое также упоминается в ПВЛ. Лих. I 14: *вятичи*, *на вятичѣхъ*. Контекст ПВЛ: *Радимичи бо и вятичи от ляховъ* следует понимать в легендарном смысле. Народная традиция сохранила память о древнем переселении из области диалектного распада праславян, т. е. из области *A* между Одрой — Вислой и Бугом в область *B* (Буг—Днепр). Этимология названия *вятичи* вызывает разногласия, хотя уже давно является предметом исследования. По моему мнению, оно происходит от и.-е. *ven-t 'мокрый, влажный', прасл. vęt- (ср. название реки в Силезии Więca < *Vętja). Можно также античных антов связать с этим позднейшим названием племени *вятичи*. С формантом *-itjo* образовывались топографические этнонимы: Lędzicy, Golęszycy, Łużycy < Łężycy. Бубрих последовательно этимологически связывал вятичей с антами и венедами [53]. Сказочным является выведение ПВЛ названия *вятичи* из имени вождя *Вятко*. Лих. I 14: *а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ*. Ведь таким же образом летописец выдумал легенду о Кие, Щеке, Хориве, Лыбеди.

Уменьшительные имена на *-ко* с достоверностью можно отнести к более поздним образованиям. Является ли локализация вятичей, отодвигающаяся не так далеко на северо-восток, точной? Может быть, это племя следует также переместить в направлении Днепра?

Этимологическое сближение греч. Βιτεζέβη— *Витичев* и *Уветичи* с *вятичи* способствовало бы изменению локализации этого племени. Город *Витичев*, известный Багрянородному как расположенный на торговом пути «из Варяг в Греки», находился в Киевской Руси, недалеко от Днепра, ниже Киева и Вышгорода. Летописец (Лих. I 13) указывает: «По Оцѣ рѣцѣ, где втечеть в Волгу, мурома языкъ свой и черемиси свой языкъ, моръдва свой язык». Следовательно, там жили угро-финские племена. Из вышеприведенных доводов следует, что связывая название *Витичев* с первичной основой *vęt-* < *vjat*, мы предполагаем некое графическое и фонетическое «сцепление» *-ja* ↔ *ě* ↔ *i* ↔ *y*. Отсюда *Вытечевѣ* ПВЛ, *Увѣтичихъ*, там же.

---

[53] См.: Д. В. Бубрих. О названии *анты* и связанных с ними названиях. «Изв. АН СССР», 1946, т. V, вып. 6, стр. 478; ср. REW, I, 376.

Во времена Багрянородного (X в.) носовые в восточнославянской группе уже исчезли: ср. выше *Вручий*, *Неясыть*. В противном случае Багрянородный написал бы *Βιντιτζέβη или *Βεντιτζέβη, а не Βιτιτζέβη.

**Выгошев : Выгошевци*, город на Волыни, локализовать точно трудно. Лих. I 180: *бѣша у него берестяне, пиняне, выгошевцы*. Последние были жителями города *Выгошев* (ср. Лих. II 464). **Выгош : выг-* ср. 'старая собака', wyżeł от wyć 'выть'. Следует отказаться от гипотезы о заимствовании из венгерского или немецкого, ср. REW I, 367—368.

Кыевъ < *Куява* — преобразование древнерусского топографического названия первичного типа *Куява : куява* под влиянием экспансивного притяжательного форманта *-ov / -ev*. Это преобразование, возможно осуществленное по образцу живой, обиходной формы, было необходимо летописцу, который опирался на легенду о трех основателях Киева (Кий, Щек, Хорив).

Обров, местность в Переяславском княжестве. Локализовать более точно трудно. «Возможно, — пишет Лихачев, — что «Обров» означает вал, находящийся близ Переяславля Южного». Лих. I 159, II 443: *во Обровѣ*. Это название не является в строгом смысле притяжательным, так как основа *obr-* — монгольского происхождения, ср. латинизированное Avarus < тюркско-татар. арар, abar 'мятежник', др.-польск. obrzyn < *obr-inъ, изменившееся в olbrzym 'великан'. Авары могли оказывать влияние на славян, своих соседей. В топонимии северной славянской территории широко распространена основа *obr-*: польск. Obrowo, Obrzycko : Obra, Obrzyca (названия рек), чеш. Obrovice.

Орестов, или *Арестов*, русифицированное название Адрианополя. Лих. I 32: *град Ондрѣнъ, иже первое Арестовъ град нарицашеся, сына Агамемнонъ*. Лих. II 283: *Адрианополь*, расположенный в 240 км. от Константинополя был, согласно легенде, основан Орестесом, Орестеясом (Орестом), сыном Агамемнона, героя Троянской войны. С помощью притяжательного форманта *-ov* в ПВЛ ассимилированы иноязычные названия — лишнее доказательство продуктивности форманта *-ov* в посессивной функции.

Римов, Переяславской обл., город на р. Сула, л. прит. Днепра. Лих. I 161, II 448: *за Римовъ*, ср. также ПСРЛ II,

132—133, V 86, Барс. 172: это был пограничный, степной город. С достоверностью его название является адаптацией иноязычного имени, подобные названия были в Переяславском княжестве. Ср. *Ромен*, город на р. Суле. Лих. I 162, II 450: *ко Ромну*. Может быть, та же самая основа *Rom- // Rim-* (ср. Ник. 355): *Ромны*, город Сумской обл., прежде, в XII в. — *Ромен*. Имеются различные фантастические этимологии. Может быть, лит. romus 'тихий' [54]— ср. также Труб. 209, 262: *Ромен // Ромон*, название реки; неясны связи с другими индоевропейскими гидронимами. Краэ [55] приводит названия Armantia, Armenta; ср. также лит. Armenà.

Несколько гидронимов бассейна р. Сулы в форме *Ромен* приводит П. Л. Маштаков [56]. Возможно происхождение из лат. Rēmus < греч. Rēmos и слав. Rim.

Ростов, город Ярославской обл., обильно документированный в ПВЛ. Лих. I 18: *Ростовъ*, 24: *на Ростов*, 83, 141: *Ростовѣ* (мест. пад. ед. ч.), 150: *идоша Ростову*, 161: *к Ростову*, 165: *Ростова* (род. пад. ед. ч.), 168: *Ростову*, 169: *у Ростова*, 168—169: *ростовци*, 168: *землю Ростовьску*; 13: *на Ростовьскомъ озерѣ меря*. Ср. Сем. IV, 327. Ср. Ник. 358. Удовлетворительная этимология отсутствует. Возможна адаптация какого-либо иноязычного названия, ср. *Тамбов*, *Саратов*, *Харьков*. В качестве основы можно принять имя *Рост* : *Ростислав*. Лих. I 110: *Ростислав*, *сын Владимира Ярославича*, 116: *сын Всеволода Ярославича*, I 147: *сын Мстислава*; Тих. 394—396: *Ростов*, *главный город в Ростово-Суздальской земле*. Город расположен на берегу озера Неро. Ср. также REW II, 539.

Саков, город в Переяславском княжестве на л. берегу Днепра, около Витичева. Лих I 182, II 466: *у Сакова* (2 раза); Тих. 469 (индекс): *Саков* / *Салькoв*. Ср. Лих. I 149: *Засаковцемъ* — *Засаковци*, люди, проживающие за городом Саковым. Славянское прозвище Sak : sak — иноязычного происхождения. Ср. sak, sakwa, sakiewka, ит. sacca, sacco, лат. saccus, греч. σάκκος 'мешок'. В таком случае для названия *Саков*, Переяславской обл. сле-

---

[54] Ср.: О. С. Стрижак. Назви ричок Полтавщини. Київ, 1963, стр. 59—60.

[55] Ср.: H. Krahe. Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie. Mainz, 1962, стр. 12—13.

[56] П. Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913, стр. 59.

дует принять половецкое происхождение. Ср. Лих. I 160: *Сакзя* (*Сакзь* половецкий хан).

Сугров, половецкий город. Лих. I 191: *к Сугрову*, 201, II 476: *Сугровъ*. Ср. Лих. I 186: *Сугра яша — Сугр* половецкий хан. Следовательно, этот половецкий город назван по имени хана *Сугр* [57]. Местоположение Сугрова, как и Шаруканя, К. В. Кудряшов точно определяет в районе Северского Донца.

Туров, город расположен недалеко от впадения р. Струмень в Припять. Лих. I 54: *Бѣ бо Рогьволодъ пришедъ из заморья, имяще власть свою в Полотьскѣ, а туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася*. На основании этого текста следует, что Туры был варягом, так же как и его брат Рогволод. Лих. II 326, Siel. 270 приняли интерпретацию А. А. Шахматова [58], Тих. 306 справедливо считает, что это норманистическое утверждение не подкреплено доказательствами. Ведь речь идет только о том, что Туры владел Туровом (в Турове). Ср. русск. turъ (*Буй-тур Всеволод* в «Слове о полку Игореве»), *Турова божница* в Киеве, *Турова могила*, *Туров* (1283 г.) Черниговской обл. Общеслав. turъ 'bos primigenius, capra caucasica' стал основой отыменных и топографических названий: укр. *Турець*, русск. Туровка, польск Turzna, Tursko, чеш. Tursko, с.-хорв. *Турица* (Šmil. II, 477). Следует, однако, упомянуть, что основа *tur-* в зависимости от территории является многозначной: ср. *Туринск* Тобольской обл.: р. *Тура* : тюрк. tura 'город' и tur, tor 'озеро' (Ros. 268); на территории Волыни и Полесья может быть балтийск. происхождения: *Турийск*, на Волыни: р. *Турия* : лит. Taurė, др.-прусск. Tauro, Taure TT 210.

Чернигов, древний город, известный уже Константину Багрянородному как Τζερνιγώγα Тих. 4, 13—17 и далее; часто упоминается в ПВЛ. Лих. I 24, 108 : *на Чернигов*, 25, 36: *ис Чернигова*, 99, 100, 109, 115, 132: *на Черниговѣ*, 114, 128, 129: *Чернигову*. Происхождение названия, несомненно, славянское, исконное, однако этимология не вполне ясна структурально. Можно реконструировать антропоним *Černig-* с формантом *-yg(a)*, *-ig(a)*. Такое образование известно, хотя и очень редко: польск. łodyga,

[57] Ср.: К. В. Кудряшов. Указ. соч., стр. 119.

[58] А. А. Шахматов. Как назывался первый русский христианин-мученик. «Изв. императорской Академии наук», серия 6. СПб., 1907, № 9.

dziadyga 'старый дед', ostryga. На восточнославянской территории образования на *-ыга* часты в антропонимии: *Малыга*, *Ярыга*, *Коротыга*, чеш. Čeliha (Sv. 174) [59]. Трудность в принятии этой этимологии заключается в том, что к антропонимам, оканчивающимся на *-а* (типовым было *-yga*, *-iga*, а не *-yg*) прибавлялся суфф. *-inъ*: *Предславино* от *Предслава*. Привлекает внимание греч. запись -γ ωγα вместо γοβ. Возможно, ошибка γ—γ вместо γ—β. А, может быть, *-iga* (ср. *-aga*, *-oga*, *-uga*) было характерным для гидронимии — ср. Труб. 77: *Ствига*, прит. Припяти, *Ковжига*, прит. Ворсклы. Вероятно, однако, *Ствига* происходит от и.-е. *(s)ǫeig- 'извиваться'. В пользу древнего распространения форманта *-g-* свидетельствуют слова: др.-ц.-слав. *кънига* : *кънъ*, *острогъ* 'палисад', *калужа* < *kalug-ja : *калъ*. Исходя из этих доводов и принимая во внимание первичную топографическую функцию суфф. *-овъ*, можно, пожалуй, считать топоним *Чернигов* топографическим названием, т. е. что он мог быть образован от названия реки **Чернига*. Тогда формант *-ов* — детерминатив топонима. А, может быть, существовал апеллятив *чернига* со значением 'чернозем'?

Юрьев, город в Эстонии (Тарту, Дерпт): *Семь же лѣтъ иде Ярославь на Чудь и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ*; Лих. II 372 отмечает, что позднейшие летописи добавляют: *постави градъ Юрьев в свое имя*. При крещении Ярославу было дано имя *Георгий-Юрий*. *Юрьев*, город на р. Рось, также основан Ярославом-Юрием. Лих. I 149: *к Гургеву*, *Гюргевъ*, *юргевци*, 160: *на Гюргевъ*, 185: *городъ Гюргевъ*.

Эти топонимы свидетельствуют об экспансии посессивного *-овъ*, образующего топонимы от основ новых христианских имен.

б) Образования на *-in*

Нелегко отличить топографические названия от посессивных, тем более, что *-in* в написаниях может дать *-ун(ъ)*. Развитие и распространение образований на *-inъ* проходило параллельно с образованиями на *-ovъ*.

Балин, половецкий город в районе Северского Донца. Его трудно точнее локализовать. Лих. I 201: *Балинъ*; там же упоминаются два других города с иноязычной

---

[59] Ср. также: А. С е л и щ е в. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ: «Уч. зап. МГУ. Труды кафедры русского языка», 1948, вып. 128, кн. 1, стр. 150.

формой: *Сугровъ* и *Шарукань*, ср. Лих. II 483. Тих. его не упоминает. Основа *Bal-* может принадлежать либо христианскому имени (*Балтазар*, *Бартоломей*) как гипокористическое сокращение, либо какому-нибудь другому иноязычному слову (ср. *Сугровъ* : *Сугр*, князь половецкий). Ср. польск. Balice, срб. *Балићи*. Ср. *Балин* Подольск. о. Сем. I 200; Туп. 470: *Балин*.

Варин (трудно локализовать). Лих. I 160: *у Варина вежѣ*; II 446. С достоверностью основа *var-* может быть отнесена к иноязычным: *вара*, *варака* 'крутой холм, скалистая гора на берегу моря' REW I 273.

Воин, город к югу от Переяславля Русского. Лих. I 109: *на торкы зимѣ к Воиню*, 135: *с половци къ Воину*, 161: *к Воиню* (но в Лавр. *Воину*). Ср. *Вой-ин* : *Воя* — имя личное, сокращение двучленного имени с первым компонентом *Вой-*. Ср. *Вой*, купец в ПВЛ (Лих. II 481, Siel. 425), *Войкина слуга*, там же (Siel. 356). Чередование *n—ń* оправдано, так как для русской топонимии и особенно гидронимии типичны формы на *-ь*.

Горошин, город в Переяславском княжестве. Лих. I 160: *Горошинъ*. Ср. уменьшительное *Гороша* от *Городислав*, польск. Grodzisław.

Кснятинь, город на правом берегу Сулы. Лих. I 161: *къ Кснятиню*. *Кснята* — вариант имени *Коснята*, сокращение от *Константин*. Позже *Коснята* > *Къснята* > *Кснята*. (Ср. в древнерусских записях *ъ* ↔ *о*). Предпочтение форм с мягкой основой (*Рось*, *к Воиню* и др.) объясняет написание *Кснятиню*. Ср. Тих. 37.

Микулин, город на р. Серет в Галицкой Руси. Лих. I 159: *за Микулинъ*. Одна из самых распространенных антропонимических основ в русской ономастике.

Нежатин вар. *Неятин*, город к юго-западу от Киева. Лих. I 116: *у Неятина*. Ср. Тих. 34: *Нежатин*, или *Неятин* (Лавр. 169, Ипат. 122). Очевидно, притяжательная форма *Нежатин* произошла от имени *Нежата*: *nĕg-+ęta, а *Неятин* от *Неята*: *-ję-*. Следует скорее всего за первоначальную форму принять *Нѣжатин*, ср. *у села на Нѣжатинѣ нивѣ* (Лих. I 133) — *Нежатина Нива* (около Чернигова). Siel. 353 ошибочно перевел это название на польский как Nieżatynna (?) Niwa.

Патронимические названия на *-iči*

В отличие от западнославянской территории, которая характеризуется значительной продуктивностью патронимических топонимов на *-ici*, *-ice*, восточнославянская с древнейших времен (если не считать отдельных «оазисов») была чужда типу названий на *-itjo*. Вот что писал А. М. Селищев (указ. соч., стр. 159—160): «Такое образование для названия местных пунктов применялось на севере и в центре не часто, как и образование на *-овцы*. Чаще было применение таких имен на юго-западе и на западе: в Калужском, в западной части Орловского края. Примеры из Московской, Владимирской, Новгородской, Рязанской и Тульской областей: *Белыничи* (Зарайск. у. Ряз.), *Боровичи* (Новг.), *Витославичи* (село, Новг. обл., XI в.), *Войничи* (волость, Ряз. у., XVI в.), *Воловичи* (село, Колом. у.), *Всегодичи* (Ковров. у. Влад.), *Галичичи* (Боровск. у., XVI в.), *Городковичи* (Спас. у. Ряз.), *Городошевичи* и *Гремичи* (в районе р. Протвы, XIV в.), *Гусиничи* (Влад. у., XVI в.), *Дроздовичи* в Суздальском крае XIV в. *Дубровичи* (в Ряз. у.), *Киверничи* (Моск. у. XVI в.), «Пустошь, что была деревня *Луковичи*, *Волковичи* тож» (Моск. у., XVI в.), *Луховичи* (Зарайск. у. Ряз.), *Луконичи* (Зарайск. у. Ряз.), *Любичи* (в обл. Лужи, XV в. Зарайск. у. Ряз., Кирсан. у., Тамб.), *Людгощичи* (улица в Новгороде в XI—XII вв.), *Петровичи* (Спас. у. Ряз.), *Пневичи* (Моск. у., Переясл. у., XIV в.), *Пустошь Поповичи* (Моск. у., XVI в., село в Прон. у. Ряз.), *Свитничи* (Влад. у., XVI в.), *Семенычи* (Вер.), *Тервиничи* (Тихвинск. у., Новг., погост Михайловский в *Тервиничах*, XVI в)., *Угодичи* (Ростов. у. Яросл.), *Филиповичи* (Зарайск. у., Ряз.), *Шереховичи* (Боровицк. у., Новг.) *Скушевичи* (Егорьевск. у., Ряз.), *Ярославичи* (погост в Лодейнопольск. у., Олонецк». Автор справедливо считает, что не все названия происходят от имен личных, т. е. являются патронимическими в строгом смысле. «Некоторые из них, — писал автор, — как топонимические имена с подчеркнутым значением коллектива появились позднее по образцу других названий на *-ичи*, которые уже не выражали указания на личную принадлежность владельцу. Возможно, таково происхождение названия погоста — *Ярославичи* вместо *Ярославец*. Также позднего образования названия не от личного имени, напри-

мер *Городковичи*. Имеются примеры в форме единственного числа на *-ичь* (из *-itj*): село *Вседобричь* (Моск. обл. начала XIV в.), от личного имени *Вседобр*, *Микуличь* и *Никуличи* (Ряз. у.), *Лютории* (Епиф. у. Тульск.)».

Эту непродуктивность топонимов на *-ичи* на восточнославянской территории мы подчеркивали уже, когда писали: «Исторический материал показывает, что в самом деле в определенных границах, на определенной территории (главным образом северо-западной, т. е. белорусской) тип *-itj-(iči)* был известен, однако одновременно появился его конкурент» *-ci*, *-ovci*, *-inci*, который оказался в некоторых областях до такой степени экспансивным, что стал доминирующим» [60].

В хронике Нестора названы этнонимы на *-ичи* (которые в принципе не являются патронимикой): *вятичи*, *дреговичи*, *кривичи*, *псковичи*, *радимичи*, *уличи* и два названия поселений на *-ичи*: *Ольжичи*, *Увѣтичи*, которые, как будет видно из дальнейшего, не являются в строгом смысле патронимическими, означающими потомков (?) *Ольги*, *Увѣт-* (?). Мы также писали в цитированном выше исследовании: «Несомненная продуктивность типа *-itj* объясняется тем, что именно эти восточнославянские пограничные территории соседствовали с польскими (белорусские и украинские земли). Кроме того, следует принять во внимание канцелярские топонимические полонизмы, возможные, например, в галицко-волынских грамотах и заключавшиеся в прибавлении суфф. *-iči*, *-iče* под влиянием продуктивного польского *-icy -ice*». На аналогичные явления для Чернигова обратил внимание Ю. С. Виноградский [61]. Там в 1360—1503 гг. распространяется тип на *-ичи*, *-овичи*, что связано с литовским владычеством, и возможно возникло под влиянием польско-литовской канцелярии [62]. Много названий на *-ичи* есть также в реестре черниговских границ. Отчасти это могло также объясняться белорусским влиянием. Ср. в этом районе названия: *Яковичи*, *Охрамиевичи*, *Тихоновичи*.

Приводим материал на *-ичи* из грамот Новгорода и Пскова, двинских и галицко-волынских.

---

[60] S. Rospond. Stratygrafia toponimiczna. . ., стр. 171.
[61] Ю. С. Виноградський. Назви міст, сіл та річок Чернігівщини. «Мовознавство», XIV. Київ, 1957, стр. 33.
[62] Там же, стр. 37.

Топонимы на *-ичи*

Новгородские	Двинские	Галицкие
Бежичи, Битославицы, Волотовици, Демяничи, Дятелици, Лопастици, Ловшичи, Ляховичи, Молвятичи, Нитничи, Пикиничи, Хавдиничи, Хотуничи, Яжелбици, Ясеничи,*	*Каковичи, Паустовичи*	*Баличи, Болестрашичи, Бориничи, Будятичи, Бышковичи, Велбичи, Волковичи, Гневковичи, Грибовичи, Гриковичи, Добаневичь, Дедошичи, Ловчичи, Пекуличи, Погоничи, Смолиговичи, Тишковичи.*

Л. Л. Гумецкая [63] выделила в украинских грамотах XIV—XV вв. 25 названий на *-ičі*, *-oviči* (и только 6 *-ovci*), например: *Жасковичи*, *Облазничи*, *Михалковичи*, *Узворотвичи*, *Борховичи*, *Нѣкловичи* и т. д.

Доказательством того, что тип *-ičі* группировался в северо-западной (белорусской) и пограничной польско-русской части территории может служить материал из III тома словаря П. Семенова: Киевская обл.: *Лисовичи*, *Лѣсовичи*, *Микуличи*; Минская обл.: *Любаничи*, *Ляховичи*, *Негневичи*, *Недзвѣжичи*; Могилевская обл.: *Майлатичи*, *Милославичи*, *Носовичи*; Черниговская обл.: *Лыщичи*; Подолье: *Лѣсниче*; Виленская обл.: *Маньковиче*. Исследования, проводимые мною в общеславянском масштабе в связи со «Славянским топонимическим атласом», показали, что об образованиях с формантом *-itjo* следует говорить, имея в виду севернославянскую общность: зона А праславянского диалектного распространения (Одра — Висла — Буг) и зона В (Буг — Припять — Средний Днепр) в отличие от южнославянской области, которая (не считая «оазисов») не обнаруживала такого предпочтения типа *-itjo* [64].

Таким образом, названия на *-ичи* сосредоточились на определенной территории древней Руси, примерно совпа-

---

* Диалектная цокающая форма на *-ici* (*Ред.*).

[63] Л. Л. Гумецкая. Указ. соч., стр. 13—15.

[64] S. Rospond. Północna i południowa Słowiańszczyzna w świetle onomastyki. «Makedonski Jazyk» (в печати).

дающей с территорией распространения белорусских говоров, гранича на севере с псковскими говорами (переходный белорусско-русский диалект) и на юге — с переходным белорусско-украинским.

Многочисленную полесскую патронимику на *-ича* обработал Л. Оссовский [65]. В. А. Никонов [66] обратил внимание на специфический ареал названий на *-ичи*. В ПВЛ приведены следующие названия мест на *-ичи*:

Ольжичи, село, специально основанное Ольгой как административно-податной пункт. Лих. I 43: и есть село ее *Ольжичи* и доселе. Ср. Лих. II 304, 306. С топонимастической точки зрения это название следует считать мемориальным.

Ув'ятичи. Лих. I 181: *въ Ув'ятичих*. Он идентифицирует *Уветичи* с современной деревней *Вятичев* Киевской обл., ср. Siel. 405. Можно предположить также, что в ПВЛ имеется не одно название агглютинативного типа, включавшее в состав основы предлог *у* или *из*: *у — в'ятичи*, т. е. *вятичи*. Именно на этой территории существовал город *Витичев* (ср. выше), точнее холм Витичев (Лих. I 149). И.-е. основе **ven-t-*, праслав. *vęt-* посвящена богатая, но противоречивая литература (ср. REW I 376). Мы уже рассказывали об этимологических связях этой широко распространенной основы: и.-е. **ven-* 'мокрый, влажный', праслав. vęt : польск. Więca, название реки, *вятичи*, название племени и этноним *венеды* — славяне и восточнослав. *анты* [67].

Можно принять и письменные варианты: *vjat-*, *vět-*, *vit-*. Лих. II 460, 466 от названия *Ув'ятичи* отсылает к *Витичев*. Так, *Вятичев* > *Витичев*, позже измененное в *Ув'ятичи* под влиянием, с одной стороны, *вятичи* (замена *-ev* на *-iči*), а с другой, — агглютинативного добавления *у+в'ятичи*. В ПВЛ вырисовывается явное предпочтение патронимических названий — с филиационным, родовым значением (nomina personalia ед. ч.). Лих. I 186: *Всеславичь*, 162: *Бурчевичь*, 103: *Творимиричь*, 149: *Ратиборичь*, 201: *Володимеричь* и т. д.

---

[65] L. Ossowski. Gwarowe białorusko-ukraińskie nazwy miejscowe na-*iča*. «Onomastica», I, 1955, стр. 117 и сл.

[66] В. А. Никонов. География русских суффиксов. «Onomastica», 1959, V 2.

[67] S. Rospond. Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich.

Известно, что личная патронимика во мн. ч. на *-itjo* стала основой позднейших названий поселений: польск. Racławicy 'потомки Рацлава', позже Racławice (переход им. пад. > вин. пад.) 'местность, на которой живут потомки Рацлава'.

Формант мн. числа *-ичи* был употребителен в ПВЛ для названий жителей определенных поселений и местностей: *псковичи* (Лих. I 201) жители Пскова, *берендичи* (*Берендей* — славянская адаптация иноязычного Berendej, тюркского происхождения); Лих. I 176: *берендичи*, *печенѣзи*, *торци*. Ср. *Беренды* имя личное (Лих. I).

Законом так называемой ономастической поляризации мы объясняем то, что западнославянская продуктивность *-itjo* в названиях поселений должна была в коммуникативных целях уменьшить и даже до некоторой степени ликвидировать их употребление в качестве nomina personalia: польск. *Janowic* было заменено новым вторичным патронимическим образованием с формантом *-k-*: *Janik*, *Janiak* и др. В противоположность этому восточнославянская (подобным же образом южнославянская) личная патронимика на *-itjo*: русск. *-ич*, *-ович*, *-евич*, с.-хорв. *-ић*, *-овић* не позволяла разрастаться местным названиям на *-itjo* [68].

Compositа

В моей структурной классификации [69] выделены, кроме первичных и вторичных топонимов, еще и сложные (III группа). В общем славянская топонимика, взятая в сравнении, например, с германской, не слишком часто пользуется композитами, которые могут быть характерными для начального ономастического этапа (микротопонимы), но со временем подвергаются универбизации pod góra > Podgóra, za lasem > Zalesie, Zalas, Zalesice. Композиты часто являются кальками с иноязычных названий, что очевидно на территориях со значительной интенсивностью субстратных влияний. Ср. польск. Jelenia Góra — нем. Hirschberg, помор. Zielony Dwór — нем. Grünhof

---

[68] S. Rospond. Prawo polaryzacji onomastycznej (доклад на Международной ономастической конференции в мае 1969 г. в Нитре).

[69] S. Rospond. Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957.

и др. В ПВЛ сохранились следующие сложные, не всегда полностью топонимизированные микротопонимы составного типа. Они расположены отчасти на чужих территориях.

Белая Вежа или вернее *Бѣла Вежа*, хазарская крепость, находившаяся на Волге. Лих. I 47: *Бѣлу Вежю взя*; II 311, 446, 486; Siel. 257. Ср. польск. Białowieża < <Białawieża.

Бѣла Вежа (Остерская), город на р. Остр. Лих. I 160: идохом к *Бѣлѣ Вежи*.

Белгород, древний город на территории Киевской Руси (возле Вышегорода). Лих. I 57: в *Бѣлѣгородѣ*, 83: *градъ Бѣлгород*, 87: *около Бѣлагорода*. Затем произошло сращение обоих членов. Ср. серб. *Београд* вместо древнего Singidunum, помор. Białogard и др.

Белобережье, берег Черного моря, между устьем Днепра и Днестра, в настоящее время остров Березань в устье Днепра; ср. Słownik st. sł. I 111, 451; Siel. 247. Лих. I 37: *въ Бѣлобережьи*. Очевидно, вторым членом является основа праслав. *bergъ, русск. *берег*: русск. *Набережное*, укр. *Бережанка*, польск. *Brzeżany* — см. Šmil. I 35. Что касается не всегда дословного значения *běl* — ср. ниже.

Белоозеро, местность и город, 100 км к югу от Онежского озера. Лих. I 13: *На Бѣлѣозерѣ* сѣдять весь, 18: *на Бѣлѣ-озерѣ*, раздая грады. . . другому *Бѣлоозеро*. Ср. REW I 148: калька с вепс. Vâuktaŕ, фин. Valkea Järvi : вепс. *vâuged* 'белый' [70]. Апеллятивная основа *běl-*, особенно в композитах (ср. *Белоруссия*, Biała Chrobacja) не всегда может интерпретироваться дословно как цветовая, но часто и как метафорическая, иногда также как страна света. Известно, например, что в сибирской и азиатской ономастике 'черный', 'белый' имеют символические значения 'запад', 'восток', срб. *бели брег* 'южный берег'. Вообще славянская ономастическая семасиология почти никем не затронута и нуждается в специальном исследовании.

Вышегород, древний город возле Киева (ср. Тих. 294). Лих. I 43: *Вышегороду*, *Вышегородъ*, 57: *Вышегородѣ*. Это одно из самых частых «культурных» названий со значе-

[70] См. также: J. J. Mikkola. Finnisch-ugrische Forschungen, t. 2. Helsingfors, 1902, стр. 76.

нием город, расположенный на холме, чаще над рекой: польск. Wyszogród, чеш. Vyšehrad.

Звенигород (Червенский), город, находившийся между впадением Серета и Збруча в Днестр. Лих. I 136: *иде Звенигороду*. Ср. другие идентичные названия: *Звенигород*, Московской обл., а также Киевской обл. — см. Тих. 33, 37, 334—337; Ник. 146. Значение первого члена праслав. *zvьn-*, *zvon-* можно объяснить по-разному: 1 в момент приближения неприятеля звонили тревогу; 2 в черте города находились церкви, в которых звонили в колокола. Ср. болг. *Звенъгород* (ударение на ъ). Ошибочной, однако, является реконструкция польск. Zmigród > Żmigród как первичного *Zwnigród [71].

Медвежа Глава, город в Эстонии, лат. написание Odenpe. Лих. I 201: взя городъ ихъ именемъ *Медвѣжа Глава*. На этом примере очевидна тенденция русификации, калькирования иноязычных названий.

Нежатина Нива, около Чернигова. Лих. I 133: и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на *Нѣжатинѣ нивѣ*. Ср. выше *Нежатин — Нежата*. На этом примере видно, что названия поселений были топонимизированы; ср. *Спасское что на Березниках > Березники* [72].

Новгород, северный центр древней Руси. Лих. I 11: *Новъгородѣ*, 12, 13: в *Новѣгородѣ* и т. д. В ПВЛ, как правило, склоняются обе части названий: ср. *от Царягорода, ко Царюгороду* (I 11). Новгород известен был уже византийскому писателю Багрянородному под названием Nemogardas, правильнее Nevogardas; ср. сканд. Holmgard, араб. (вероятно X в.) *Славия*. Называние таким образом новых городов было частым: польск. Nowogród (несколько топонимов); ср. *Новгород-Волынский*, *Северский*. Это и предшествующие названия с компонентом *-город* (затем *-град*) указывают, что действительно древняя Русь справедливо была названа в скандинавских источниках Gardariki 'страна городов'.

---

[71] W. Taszycki. Nazwa miejscowa Żmigród. «Język Polski», 1947, XXVII; S. Rospond. Śląskie studia toponomastyczne, I. Topographica. — RKJ, II, 1959.

[72] См. об этом: S. Hrabec. Podział znaczeniowy rosyjskich nazw miejscowych. «Księga pamiątkowa 75-lecia Tow. Nauk w Toruniu». Toruń, 1952, стр. 163 и сл.

Оковский лес, в районе Валдайской возвышенности (ср. Ока). Лих. I 11: *потече из Оковьскаго лѣса*. Этимологию р. Ока ср. Ник. 305.

Рожне поле, местность на верхнем Буге, недалеко от Звенигорода Галицкого. Лих. I 178: *на поли на Рожни* : от основы *rogъ* образованы названия: (ср. Вог. 202—203): польск. Rożna, Rożno, чеш. Rožná, укр. Рожная; Барс. 175: *на Рожни*, болг. Рожен, словен. Rožno и т. д.

Стародуб, город возле Чернигова. Лих. I 150: *въ Стародубъ*.

Треполье (позже Треполь), город в устье р. Стугны, прит. Днепра. Лих. I 143: *къ Треполю*, II 419.

Числительное *три*, *трие* встречается в качестве основы некоторых имен собственных: словен. Triglav (три горные вершины). В русск. *Треполье* имеются в виду стыки нескольких полей, т. е. это название такого же типа, как польск. *Sępolno*.

Хортичев остров (ср. *Хортица*), ниже днепровских порогов. Это место издавна было бродом, служащим местом переправы. Лих. I 184: *в Хортичем островѣ*. Ср. русск. гортань < прасл. *gъrtanь*.

Иноязычные и неясные названия

Жельди, город в Переяславском княжестве, на р. Сула: Лих. I 201: городъ *Жельди*, ср. Тих. 37: *Желди*, или *Желдя*; в одной из рукописей даже *Желний*. Различные варианты указывают на вероятную адаптацию какого-то иноязычного названия.

Копыса, город около Орши, на л. берегу Днепра. Лих. I, 200: взя. . . *Ръшю* и *Копысу*. Уже формант *-ыса* указывает на иноязычное, балтийское происхождение.

Ладога, город на Ладожском озере, сканд. Aldeigjuborg=фин. названию реки Alode-joki 'равнинная река' — Лих. I 197: *Ладога*, *в Ладогу*. Относительно этимологии из финского с метатезой *alt* > *lad-*, ср. Ник. 226 (фин. aalto 'волна' — REW II 5). С несомненностью сначала возникло название реки, затем города и, наконец, озера. Другим названием озера было Nevo, ср. ниже.

Муром, город на р. Оке, основан в IX в. Лих. I 18: *в Муромѣ*, *Мурома*. Название города дано по имени угрофинского племени muroma — четкая этимология отсутствует, ср. Ник. 279. Но происхождение бесспорно ино-

язычное. Возможно, сюда же относится *Мурманск*: саам. mur 'море' + maa 'земля'.

Нево (вариант названия Ладога), озеро. Лих. I 11: озеро великое *Нево*. Летописец, описывая местонахождение полян и их дорогу «изъ Варягъ въ Греки», упомянул названия угро-финского происхождения *Ильмень* и *Нево* (озеро), *Нева* (реки): фин. neva 'болото' — ср. Ник. 286. Ср. там же (305) этимологию названия р. Ока, прит. Волги, от фин. joki 'река'.

Рша > *Орша*, селение на Днепре. Лих. I 112: на *Рши* у Смолиньска, I 200: взя *Ръшю*.

Этимологию см. Ник. 313: река *Орша*, ранее *Рша* (агглютинация *о-*), позже город на ней с тем же названием. Вероятно, балтийского происхождения.

Суздаль, город Владимирской обл. Лих. I 99: *в Суждали*, 100: *Суздалю*, 168: *на Суждаль*, *Суздалю*, 170: *Суждалю*. Далее происходило чередование *z* — *ž*. Трудно из многих фантастических псевдоэтимологий, ср. Ник. 397, найти и выбрать правильную. Ср. также Тих. 397—402. Несомненна адаптация какого-то иноязычного (угро-финского?) названия.

Шеполь, город на Волыни на р. *Став*, недалеко от Луцка. Лих. I 175: *Шеполь*. Понятен второй член *-поль* < *поле*, но неясна этимология первого члена *ше-* (может быть, *шесть*, ср. *Треполь*, *Триполь*).

Тмуторокань, русский город на Черном море. Лих. I 83: *Тмутороканu* (мест. пад. ед. ч.), 99: *ис Тъмутороканя*, 110: *Тмутороканю*, *Тмутороканu*, 111: *Тмутороканu*.

Халеп, село на р. Стугна. Лих. I 160: *у Халѣпа*.

Из вышеприведенного сопоставления иноязычных топонимов ПВЛ следует, что отсутствуют норманские, скандинавские названия. На севере и юго-востоке встречаются только финно-угорские названия. Известно, что славянские названия здесь складывались на значительном угрофинском субстрате, оставленном племенами гребенчатой культуры.

Новгородские берестяные грамоты, открытые благодаря археологическим раскопкам, дают 106 текстов, которые также очень важны для древнерусской ономастики. Этот материал исторический, почти диалектный, не под-

вергавшийся «литературной» обработке летописца, т. е. орфографическим, фонетическим, морфологическим и лексическим «коррекциям». Язык их обиходный, живой. В них также записаны имена собственные. Содержание грамот касается повседневной жизни новгородцев. Приводимые там названия относятся к ближайшим к Новгороду местностям, и только при заключении торговых сделок упоминаются отдаленные города: Ярославль, Переяславль. В некоторых случаях — это микротопонимы и даже не совсем топонимизированные образования от обозначений личностей: *у шурина*, *у вьицина-войчина*, у *тимоште* и т. п. Не совсем ясно, что это: nomina loci или nomina personalia. Материал этих грамот относится к XII—XVI вв. В это время преобладающим макротипом были посессивы на *-ов(о)*, *-ин(о)*. На их продуктивность указывал В. Курашкевич Kur. 33. Например, гр. 1 (вторая половина XIV в.) перечисляла: *с менова села*, *с васильева села*, *с окс ѣева*, *с шадрина*, *с ошвина*, *с* [*г*]*афанова*, *с хариенова*, *мохова*, *с менова стана*. Остальные три названия имеют вид: *с лути*, *с*/. . ./*руньского*, *з бабинихъ*.

МАТЕРИАЛ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Посессивы на -овъ, -инъ или -ово, -ино

Это наиболее репрезентативная, как мы уже об этом говорили, ономастическая структура. Материал цитируется с указанием номера грамоты и века ее происхождения.

Акосово, название села: *в акосово* (вин. пад. ед. ч.), № 55 (XIII в.). Ср. Kur. 33, 74. Имя личное *Акос*, вероятно, греческого христианского происхождения: ср. *Акулина* — греч. Ἀκυλῖνα см. REW I 67.

Васильево (село), *с Васильева села* (гр. № 1). Ср. Kur. 33, 45, Грамоты 376: *Васильево село*. Христианское имя *Василь*, *Василий* из греч. Βασίλειος, а также *Василиса* из греч. Βασίλισσα было с давних пор известно на Руси: ср. в новгородских грамотах (Kur. 67): *ко Васильеви*, *ко Василю*, № 25 *с Васильемъ*.

Гафаново: *с* /*Г*/*афанова* гр. № 1, Kur. 33, 44, 45. Личное имя *Гафан* — греч. Ἀγάθων (*Агафон*). На фотографии с оригинала виднеются контуры двух букв перед *афанова*, и поэтому издатели реконструируют с *Гафа-*

нова. Имя *Гафанко* в гр. № 23 разговорно-сокращенный вариант имени *Агафон*.

Давидова (деревня) или *Давыдова*: *у Давыдовы* (род. пад. ед. ч.) гр. № 20 (вторая пол. XIV в.). Ср. Kur. 33, 58. Относительно колебания *и*/*ы* (*Давыда*, гр. № 33, *но Давидову* гр. № 65), ср. Kur. 30.

Лопинково (?) или *у Лопинкова* (составное предложное название): *у Лопинкова* гр. № 2 (середина XIV в.) — ср. Kur. 33, 46—47. В этой грамоте перечисляются податные и торговые обязательства отдельных лиц: *у Филипа*, *у Фомѣ*, *у Гостили*, *у Жидили* и т. д. Можно также колебаться, является ли название *у Лопинкова* в строгом смысле nomen loci. Возможно это была прозвищная фамилия *Лопинков*; ср. Туп. 231 *Лопак*, *Лопах*, *Лопух(а)*. Kur. 33, 98 считает его nomen loci.

Меново (село), *Меновъ* (станъ): *с менова села*, *с менова стана* (гр. № 1), Kur. 33, 45, 99. Личное имя *Мен* : праслав. *mĕn-*, польск. *Mieniec*, чеш. Menec.

Мохово (село): /с/ *Мохова села* (гр. № 1), Kur. 33, 45. Сокращенное имя *Мох* происходит от сложных имен типа *Моислав* и т. д. Можно объяснять также как отапеллятивное имя: ср. русск. *мох* 'muscus'. Ср. Туп. 258 *Мохъ*, *Мохонько*.

Овсѣево: *с Овсѣева* (гр. № 1) Kur. 33, 45. Личное имя **Овсѣй*: 1. *Овсей* вар. *Евсей*; 2. *Овсей* : *овес*; праслав. *овьсъ*; Туп. 285: *Овсяник*, *Овсяной*; польск. *Owiesek*, *Owsian*, *Owieśny*.

Спѣхово, или же *на Спѣховѣ* — предложная форма (гр. № 92 — первая пол. XIV в.), Kur. 33, 86—87. Содержанием грамоты являются записки купца, торгующего лососями и перечисляющего рыбаков, которые ему должны. Многочисленны предложные формы: *на Флоре* или *Фларе* (ср. имя *Флор(ка)*, *на Лавре* (*Лаврентий*, *Лавр(ок)* — имя личное), *на Заяце* (прозвище *Заяц*), на *Зуйке* (ср. *Зуй*, *Зуйка*) и т. д. Как справедливо указывает Kur. 87, прозвищами могли быть: *на Стуковиць* (местн. пад. ед. ч. с конечным *ь* вместо *е*—*ѣ*), *на Спѣховѣ*. Только в этом случае выступает *ѣ* (ѣ), т. е. в первоначальном проявлении, так как в других случаях представлено *е* (местн. пад. ед. ч.): *на шюрине* и т. д.

Далее можно признать прозвищем *Спѣхов*: **спѣх* — отсюда *на Спѣховѣ* было бы местн. пад. ед. ч. от личного имени, ср. *на Лавре*, *на Зуйке* и все др. Не исключено

также, что здесь предложное название места *на Спѣховѣ*.

Хариѧново (село): /с/ *Хариѧнова се|ла*/ (гр. № 1), Kur. 33, 45, 104. Личное имя *Хариян*, вероятно, иноязычного происхождения, ср. греч. χαρίεις и др. образования от *χαρ- 'красивый, приятный'.

Ошвино: *с Ошвина села* (гр. № 1), Kur. 33, 45. Основа, вероятно, иноязычная.

Шадрино: [с] *Шадрина* (гр. № 1), Kur. 33, 45; ср. REW 365 *шадра* < казанск. татар. *шадра* 'пестрый', русск. диал. *шадра* 'оспа, следы оспы на лице'. Туп. 434 *Шадра*.

Большинство этих притяжательных названий образовано от иноязычных, чаще всего христианских имен, что служит доказательством того, что эти посессивные образования были более поздними, чем формы на *-jь*.

Kur. 33 справедливо считал, что в этих грамотах немного имен славянского происхождения: *Радослав* (гр. № 50), *Богша* (гр. № 68), *Гостѧта* (гр. № 9) и нек. др. Подавляющее большинство составляют христианские имена, фонетически и морфологически в значительной степени ассимилированные: *Борис*, *Василий*, *Волос* (=*Влас*, *Власий*) и т. д.

Отсутствуют патронимические примеры на *-ичи* (nomina loci), или *-ич* (nomina personalia).

Единичные топонимы на *-jь* относятся к отдаленным городам: *Переяславль* в Киевской земле, т. е. /въ/ *Переѧславлѣ* (гр. № 105 XII в.), Kur. 33, 89—90. Лишним здесь является ъ (Kur. 26). В гр. № 69 также упомянут *Ярославль* (*на ѧрославли*), Kur. 33, 80. Остальные названия Новгородской земли топографические — иногда кальки с иностранных (карельских, эстонских).

К первичным образованиям относятся:

Луть, *с лути* (род. пад. ед. ч.) гр. № 1. Топографическая основа *lut-* первоначально означала: 'мокрый, болотистый', ср. польск. *Lutynia*, *Luciąża*, болг. *Люта*, макед. *Лутишта*, в Греции *Люто Село* (Λιτόσιλον), хорв. Ljutava и т. п. Для топографических названий не следует вводить значение 'жестокий, свирепый' (Šmil. I 263).

Волок или *Волоки*, название поселения (Грамоты, 377). *Гугморо на волоки* (вин. пад. мн. ч.) гр. № 2. Неясным остается, пожалуй, иноязычное имя *Гугморо*, Kur. 35, 47. Апеллятив *волок* означал 'сухое место между двумя ре-

ками, используемое для перетаскивания лодок' — ср. REW I 341.

В гр. № 69 есть местное название *до Углеца*, Kur. 80—81, 33, 28. Следует принять основу праслав. ǫgъlьcь, ǫgъlьca (род. п. ед. ч.) *углец*, *уголца*. Форма *Углеца* вместо *Угольца* является аналогичной к им. пад. ед. ч. *Углец* (Kur. 28). Грамота относится к середине XIII в., когда уже несомненно произошло исчезновение и вокализация еров (ь, ъ). В 4-й Новгородской летописи 1148 г. есть упоминание о военном походе из Новгорода вдоль Волги к Ярославлю и упоминается эта местность: от *Углеча поля воротишася к Новгороду* — ПСЛ 4, 8; Kur. 81. Известна также местность *Угол* (Грамоты 196, 198). Диалектное произношение *Углеч* понятно на цокающей территории, где избегается этот диалектизм. В той же гр. № 69 есть форма *углицане* как этническое название. Содержание грамоты — донесение из военного похода (возможно, что эта грамота относится даже к XII в. — Kur. 80).

Эти ценные ономастические данные следует связать с современными. Что касается этнонима *уличи* : Unlizi («Географ Баварский»), то можно реконструировать основу *ǫglitji (формант — *-itjo* в непатронимической, а топографической функции, ср. Golęszycy, Łężycy, Lędźicy). Это было сильное восточнославянское племя, так как, по свидетельству «Географа Баварского», владело 318 городами. Возможно, это относилось к IX—X вв. и было почерпнуто из какого-либо византийского источника. ПВЛ среди других древнерусских племен (*северяне*, *поляне*, *древляне*) в соседстве с *тиверцами* (*тиверцы*) выделяет на Днестре *уличей*: Лих. I 14, II 183: а *улучи* (другой вариант *лутичи*, *угличи*) и *тиверьци* сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множьство ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли (или) до моря и суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грекъ Великая скуфь. Из контекста, локализующего это племя, достаточно точно вытекает, что, обитая на Черном море, т. е. на периферии древней Руси (восточнославянских земель), они могли быть названы термином ǫglъ 'окраина, угол' и т. д. Ср. другую цитату из ПВЛ Лих. I 20—21: и бѣ обладая Олегъ поляны, и деревляны, и сѣверяны, и радимичи, а съ уличи и тѣверци имяше рать. Данные, взятые из донесения новгородской грамоты, очень древней и, возможно, относящейся к XII в., позволяют объединить этот этноним с ос-

новой *ǫglъ*, так как есть разборчивая запись *углицане, до Угленца* (gl.). «Географ Баварский» засвидетельствовал уже в IX в. существование носового ǫ (=un), т. е. Unlizi. Что касается этимологии этнонима, см. выше.

Характерными являются композиты, иногда кальки: *Оц ѣкоза* : *в Оц ѣкозе* (гр. № 11 XV—XVI вв.), Kur. 33, 54—55. Следует принять как прозвищное имя *Оц ѣкоза* и образованное от него тождественное название местности.

Пустопьржа или *Пустопержа* [73], *на пустопьржи* (гр. № 23 XIV—XV вв.) Kur. 33, 59—60. Местность находилась в верхнем течении р. Плюсы. Второй компонент названия *пьрг-*, т. е. pŗg-; REW II 337 русск. *перга*, укр. *перха*.

Великъ Островъ: *во[ве]ликомо острове* = въ великомъ островѣ (гр. № 2), Kur. 33, 46.

В ѣльдаказа, топоним или имя личное (?) гр. № 2, Kur. 33, принадлежит к числу карельских топонимов velli-käz 'имеющий брата', ср. Kur. 46—47: *в ѣлют* из карел. *vellyt* уменьшительная форма от 'брат'. В эстонском также есть корень välja 'поле' и суфф. *-t*, *-kaz*. Для топонима естественнее вторая интерпретация. В индексе (Kur. 95) эта запись определена как nomen personale. Встречаются также личные (родовые) имена мн. числа: *Бабины*, т. е. *з Бабинихъ* (гр. № 1). Может быть, это позднейшее *Бабинское поле* — Грамоты 274, Kur. 33, 45. Прозвище *Бабин*: *Баба* было известно: ср. Туп. 33 *Баба*, *Бабайка*, *Бабан*, *Бабаха*.

Хомутина (?): *на хомутини* (гр. № 50 серед. XIV в.), Kur. 33, 71—72. В новгородских грамотах один раз упомянуто село *Хомутка* в род. п. ед. ч., ср. Грамоты 180, Kur. 72. Из русских материалов XVI в. известно слово *хомутина* 'подкладка под хомут', вероятно, оно стало прозвищем *Хомутина* и затем топонимом. Во всяком случае это название не следует помещать под формантом *-инъ* (Kur. 33), как и *шадрина*, *ошвина*. В грамоте же выражена ясная локативная форма: *на хомутини*, ср. *хомутина* топонимич. термин 'изгиб реки'.

Испорченными являются записи: [ ] *инова села* (гр. № 1, Kur. 33, 44). Несомненен здесь только суфф. *-ово*; с [ ] *рунъского* или ружиного — Kur. 33, 55. Неясна этимология формы *на ушеменки* вместо *ушьменкѣ* (гр. № 20

---

[73] Ср.: Новгородские писцовые книги, 4, . . . 1885, стр. 124.

вторая пол. XIV в.), Kur. 33, 58. Речь идет о названии реки или поселения.

Вышеуказанный топонимический материал, представляющий большую ценность как единственный во всем славянском мире записанный в XII—XVI вв. в живой, обиходной форме, позволяет нам делать следующие выводы:

1. Колебание и отсутствие ярко выраженных топонимических форм затрудняет различие nomina loci от nomina personalia или appellativa: ср. грамота № 1. Это «nomina in statu nascendi».

2. Преобладают посессивные формы на *-ов(о)*, *-ин(о)*, а также первичные топографические и «составные».

Для более наглядного представления о древнерусской топонимии, вышеприведенный материал следует дополнить тем, который приводит в своей работе «Древнерусские города» М. Т. Тихомиров, установивший хронологию возникновения древнерусских городов на основании исторических источников, главным образом ПВЛ и различных грамот. Многочисленные исторические данные он сопоставил с результатами археологических исследований. Нижеследующий комментарий является лингвистическим, топономастическим к его историческим свидетельствам.

НАЗВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

Для IX—X вв. М. Н. Тихомиров отметил 23 города: *Белгород* (980 г.), *Белоозеро* (862 г.), *Васильев* (988 г.), *Вручий* (977 г.), *Изборск* (862 г.), *Искоростень* (946 г.), *Вышгород* (946 г.), *Киев* (основанный очень давно), *Ладога* (862 г.), *Любеч* (882 г.), *Муром* (862 г.), *Новгород* (862 г. или еще раньше основанный), *Пересечен* (922 г.), *Перемышль* (981 г.), *Переяславль* (907 г.), *Полоцк* (862 г.), *Псков* (903 г.), *Родня* (980 г.), *Ростов* (862 г.), *Смоленск* (очень старый город), *Туров* (980 г.), *Червень* (981 г.), *Чернигов* (907 г.).

Все эти названия выше были классифицированы и этимологизированы структурно. Это делает возможным выделение архетипных атрибутивных структур (masculina с подразумеваемым *город*): 1. *-jь*, например, *Переяславль* и т. д.; 2. *-ьскъ*, например Изборск, Полоцк и т. д.; 3. *-ьнъ*, которое иногда подвергалось влиянию топонимов с осно-

БЕЛОЕ МОРЕ
Сев. Двина
Онежское оз.
Вычегда
Великий Устюг
Сухона
Белоозеро
Вологда
Ладожское оз.
Свирь
ФИНСКИЙ ЗАЛИВ
Нева
Ладога
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Юрьев
ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
Псков
Старая Русь
Кострома
Углич поле
Новый Торг (Торжок)
Ярославль
Волга
Ростов
Переяславль
Суздаль
Нижний Новгород
Тверь
Дмитров
ВЛАДИМИР
Боголюбово
Великие Луки
ПОЛОЦК
Торопец
Усвят
Москва
Муром
Неман
Витебск
СМОЛЕНСК
Коломна
Ока
Друцк
Рша
Борисов
ГОРОДНО
Переяславль
РЯЗАНЬ (Старая)
Минск
Логожск
Пронск
Вщиж
Брянск
Зап. Буг
Берестье
Десна
Пинск
Новгород Северский
Туров
Мозырь
ЧЕРНИГОВ
Курск
Любеч
ВЛАДИМИР
Путивль
Белз
Луцк
Дорогобуж
Вышгород
Сейм
Бужск
КИЕВ
Перемышль
Теребовль
Белгород
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
Дон
Волга
ГАЛИЧ
Канев
Днестр
Днепр
Прут
Южн. Буг
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Крупнейшие русские города XII-первой половины XIII вв
Наиболее крупные города, центры земель
Крупные города
Города с посадами
75 0 75 150 225 км

вой, оканчивающейся на мягкий согласный *-ьнь*, например *Искоростень* < *Искоростенъ*, *Червень* < *Червенъ*. «Новгородская летопись» (с. 80) дает *Пересечен* : *пересека*.

Из этого сопоставления названий городов IX—X вв. вытекает, что посессивы на *-ев* уже были экспансивными: 1. Киев < Куява (первичное, топографическое название); 2. некоторые формы на *-ов* (*Ростов*, *Псков*, *Туров*, *Чернигов*) следует, пожалуй, считать топографическим типом, а не посессивным; ср. *Василев* (от христианского имени!).

Обращает на себя внимание продуктивность и древность сложений со вторым членом *-город*: *Белгород*, *Вышгород*, *Новгород*. Это указывает на высокую степень административного и организационного развития (ср. силез. Opole : opole). Известно также, что скандинавы называли Русь Gardariki 'страна городов'. Именно этот второй член *-город* указывает на функцию этих древних названий как названий «культурных». Нужно также подчеркнуть отсутствие скандинавских названий (кстати *Искоростень* ошибочно считается скандинавским) и наличие названий угро-финского происхождения: *Ладога*, *Муром*.

В XI в. число городов достигало 58. Некоторые из них могли быть основаны и ранее, однако не позднее составления источников, в которых они засвидетельствованы. Это: *Берестье* (1019 г.), *Белз* (1030 г.), *Броды* (конец XI в.), *Бужск*, или *Божеск*, *Вздвижень*, или *Здвиждень*, *Всеволож* (1097 г.), *Воин* (1055 г.), *Выръ* (конец XI в.), *Голотическ* (1071 г.), *Городец* под Киевом (1026 г.), *Горошин* (конец XI в.), *Гурьгев*, или *Юрьев* (1095 г.), *Дорогобуж* (1084 г.), *Дрютеск=Друцк* (1092 г.), *Дубно*, или *Дубен* (1100 г.), *Желань*, или *Желянь* (1093 г.), *Заруб* (1096 г.), *Звенигород Червенский* (1086 г.), *Изяславль*, *Курск* (нач. XI в.), *Логожск*, *Лубно*, или *Лубен* (конец XI в.), *Луцк* (1085 г.), *Меньск*, или *Менск=Минск*, (1067 г.), *Микулин* (конец XI в.), *Нежатин*, или *Неятин* (1071 г.), *Новгород Святополч* (1095 г.), *Обров*, *Одрск* (конец XI в.), *Олешье* (1084 г.), *Острог* (1100 г.), *Переволока* (1092 г.), *Перемиль* (1097 г.), *Песочен*, или *Посечен* (1092 г.), *Пинск* (1097 г.), *Прилук* (1092 г.), *Римов*, *Ромен* (конец XI в.), *Ростовец* (1071 г.), *Рша* (=Орша 1067 г.), *Рязань* (1096 г.), *Саков* (1095 г.), *Святославль* (конец XI в.), *Сновск* (1068 г.), *Стародуб Северский* (1096), *Сутейск*, *Теребовль* (1097 г.), *Торческ*, *Триполь* (1093 г.),

Турийск (1097 г.), *Тмуторакань* (1022 г.), *Уветичи* (1100 г.), *Устье* (1096 г.), *Халеп* (конец XI в.), *Черторыйск* (1100 г.), *Шеполь* (1097 г.), *Юрьев* (в Эстонии, 1030 г.), *Ярославль*. Перечисленные названия также были классифицированы и структурно этимологизированы.

В дальнейшем в XI в. среди названий городов сохранялись характерные макротипы — *-jь*: *Ярославль*, *Всеволож*, *Изяславль*, *Дорогобуж* и т. д. В том же XI в. отмечается появление новых образований этого типа: *Перемиль*, *Святославль* : *Святослав*. В дальнейшем характерными становятся образования на *-ьскъ*: *Бужск*, *Курск* и т. д. Доказательством экспансивности этого типа может служить преобразование названия *Сутѣска* в *Сутейск*. То же относится к атрибутивному типу на *-ьнъ* (для названий городов следует принять мужской род, а не средний на *-ьно*): *Лубен*, *Дубен*, *Песочен* или *Посечен*. Топографические названия первичного и вторичного типа, как правило, сохраняют свою устойчивость: *Белз*, *Берестье*, *Прилук*, *Устье*, *Острог* и т. д. Более поздними, по сравнению с типом *-jь*, и в то же время более экспансивными оказались названия на *-ев* (*Юрьев*, *Гурьев*), *-ов* (от основ заимствованных: *Римов*, *Саков*, *Обров*), *-ин* (*Воин*, *Горошин*, а также от основы христианского имени: *Микулин*).

Адаптация иноязычных имен была актуальна в связи с освоением новых, и в том числе половецких, территорий: *Тмуторакань*, *Халеп* и др. Для XII в. Тихомиров насчитал 134 названия городов. Так как самая старая редакция ПВЛ описывает события до 1117 г., большая часть материалов, относящихся к XII в., почерпнута Тихомировым из позднейших ее редакций и из других источников.

Моя лингвистическо-топономастическая обработка систематизирует материал по структуре и дополняет краткими этимологиями.

XII век

Посессивные названия на -jь

Богуславль (1195 г.), Киевск. обл.: ср. *Богуслав* имя личное.

Буличь (1162 г.), Киевской обл.: *Bulik-jь.

Воронеж, или *Воронаж* (1177 г.) на р. Дон, ср. Ник. 89, REW I 229. Есть также река *Воронега*. Известны раз-

личные малоудовлетворительные этимологии. Можно ли допустить *Воро(но) + нѣг-jь?¸ Ср. ниже *Уненеж*. Второй компонент *-нѣг* известен антропонимии, ср. Sv. 82.

Всеволож, Волынской обл. (1147 г.), Тихомиров локализует его в Черниговской обл.: **Всеволод-jь*, т. е. от часто встречающегося династического двукомпонентного имени *Всеволод* (ср. ПВЛ *Всеволод Давидович*, *Ярославич*, *Володимирович*).

Глебль (1147 г.), в Заднепровской Украине (ср. Тих. 296 карта). Династическое имя *Глеб* не следует выводить из скандинавского Guđlēfr (ср. REW I 411), так как древнерусское *Гълѣбъ* можно этимологизировать как *гъ + лѣб-*; ср. ниже мой вывод против нордизмов. Ср. в ПВЛ *Глеб Святославич*, *Всеславич*, *Владимирович*. Один из половецких князей также носил имя *Глеб* (Лих. I 100).

Дѣдославль (1146 г.), к северу от Курска: **Дѣдослав-jь*.

Домагощ (1147 г.), к северу от Курска: **Домагост-jь*; ср. многие восточнославянские топонимы и гидронимы на *-гощ* [74]. Второй мелиоративный компонент *-gost* относится к древнейшим и самым продуктивным в славянской антропонимии: Onogost (греч.'Αναγάστος[75]).

Лукомль (1178 г.), Киевской обл. **Луком-jь*. Первичные причастные антропонимы на *-ом*, *-им* были очень древними: польск. Radom, Chocim.

Мстиславль (1156 г.) на р. Сож: в ПВЛ встречаются династические имена *Мстислав Владимирович*, *Всеволодович*, *Давыдович*, *Изяславич*.

Ор(о)гощ (1159 г.), Черниговской обл. Второй компонент *-гощ* ясен; ср. выше *Домагощ*; первый *ор-* можно, вероятно, сопоставить с праслав. orati.

Переяславль Залесский (1152 г.), за Доном: ср. *Переяславль Русский* (907 г.) на Украине.

Путивль (1146 г.), Киевской обл.: вероятно **Путив-jь*; имена с формантом *-в-*, хоть и редко, но встречались. Ср. Sv 173: чеш. *Zliv, хорв. Staniv; или может быть **Путим-jь* с заменой *мл* > *вл*: ср. *Pątim-jь в Мекленбурге. *Podstapim-jь, нем. Potsdam.

Радощ < *Радогощ* (1155 г.), Смоленской обл.: **Радогост-jь*, одно из древнейших и частых общеславянских

---

[74] P. Aruma a. Sur les principes et methodes d'hydronymie russe: 1. les noms en gost. «Scando-slavica», VI. Copenhagen, 1960.

[75] S. Rospond. Słowiańskie imiona w źródłach antycznych.

имен, например Radogost 1188 г., Riedegost XI в., нем. Radegast=*Radogost-jь; в Словении Rategasth 1080 г., нем. Tradigist и Ratgoz 1112 г., Ratkoz 1179 г., нем. Raabs.

Тихомль (1152 г.), к северу от Курска: **Тихом-jь*, ср. имена на *-ом*: Радом, Луком и др.

Уненеж (1147 г.), Киевской обл. **Унѣнѣг-jь*; первый компонент праслав. uně (unij, uněj 'лучший'), польск. Uniedrog, Uniemir, полаб. Unebor, русск. Унѣнѣг, ср. Sv. 90; второй компонент *-нѣг(а)*: чеш. Mironěha, Ubyněha Sv. 82.

Хоробор (1153 г.), Киевской обл., второй компонент *-бор* : *борити* был весьма продуктивным (Bolebor, Čstibor и т. д., ср. Sv. 71); первый апеллятивный компонент *хор-* известен также в качестве личного имени: Chor, Choruš, ср. Sv. 49.

Чернобыль (1193 г.), на р. Припять, что касается второго компонента *-byl*, его следует сравнить с чешскими именами Radobyl, Drahobyl.

Ярополч (1160 г.), Киевской обл., династическое имя *Ярополк* было частым: ПВЛ *Ярополк* Владимирович, Изяславич, Святославич.

Названия с формантом -ьскъ

Другим структурным типом названий, характерным для древнерусских городов, были топонимы на *-ск-*.

Воротынск (1155 г.), Калужской обл., др.-ц.-сл. *врата* 'ворота'. Ср. Ros. 281.

Дебрянск > *Брянск* (1146 г.), город на Десне в земле вятичей: ср. Ros. 108—109 dьbrь, или dъbrь 'долина'.

Девягорск (1147 г.), Псковской обл.: возможно первоначально *Деревьягорск* : *деревья*? Ср. Ros. 101. Не исключена также этимология *Девят-горск*, ср. *Пяти-горск*, возможно сопоставление с именем личным *Девгений* < греч. Digenēs.

Зареческ (1106 г.), Волынской обл.: предложное сочетание *за+рѣка* стало основой топонима *Зареческ* — ср. Ros. 284. Ср. этого же типа русские названия: *Заярск*, *Зарайск*, *Зашиверск*, *Заволжск*.

Клеческ (1127 г.), Киевской обл., другие формы: *Кльческъ*, *Кльчьскъ*, далее первичная форма **Кълък-ьскъ* : *къл-*, ср. польск. Kłecko, Kielce, Kielno, см. Ros. 164.

Козельск (1154 г.), Калужской обл.: от праслав. *козьлъ* 'козел' образованы польск. Kozielsko, Kozielsk. Ср. Ros. 155.

Коречьск, или *Корческ* (1150 г.) Волынской обл., ср. основу *kor-* 'рубить', отсюда *kŗčь* 'раскорчеванное место', польск. Korzecko, Korno, или Korzno — см. Ros. 151.

Лобынск (1146 г.) праслав. *лъб-* в первичном топографическом значении (ср. аблаутные формы и.-е. **loubh-*, праслав. **lub-*, польск. *łub-*, а также и.-е. **leubh-*, праслав. *ljub-*, польск. Lubań и т. д.). От этой основы образованы такие топографические названия, как польск. Łebsko (оз.), Łeba (р.), Łebno и русск. Лобно, ср. Ros. 176.

Милеск (1150 г.): для него можно принять в качестве топографической основы *mil-//měl-* (и.-е. *ei/oi*), т. е. тот же корень, что и в Mielec, Mielczanie (ошибочно Milczanie лужицкие, топоним Μιλιγχοί, ср. название южнослав. племени Μιλιγγχοί в Греции). Ср. Ros. 183. Согласно TT 134 *mil-* балтийского происхождения: Meluken, Myluken, Miluke, отсюда название реки Mileča, Milča.

Мичьск (1150 г.), Киевской обл. В бассейне Дона есть несколько рек с названием *Мечь*, *Меча*. Ср. Ros. 182, Ник. 266: удмурт. meč 'крутой, обрывистый'.

Моровийск (1139 г.), ср. *Моровск*, Черниговской обл., другие формы в грамотах *Морив ѣйск*, *Моравийск*, ср. Ros. 187. Основа праслав. *mor-*, morje, morava 'сырая, поросшая травой земля'.

Мченеск, или *Мценск* (1147 г.), Орловской обл. Принимая во внимание цоканье, возможно *Мченеск* < *Мценеск*, *Мценск* : *Мецна* — название реки. Последняя же происходит, вероятно, от **Мътьсна* или **Мъдьсна* < фин. mähnä 'рыбья икра'. Ср. Ros. 179, а также REW II 182, Ник. 280, TT 225. В записи 1147 г. *Мъценьскъ*.

Мыльск (1150 г.), район Луцка: и.-е. основа *tū-* / *tou-*, праслав. *ty-* имела широкий диапазон значения: 'плыть, течь'; ср. Ros. 189, где дается эта этимология, а также сравнительный материал: *Мылинка*, прит. Десны, прусск. au-mū-snan 'мытье', лит. mau-d-yti 'купать', др.-инд. mū-tra 'моча'.

Нериньск (1147 г.), на Волыни *Норинск*, ср. Ros. 191. Гидронимическая основа *Ner-* и *Nor-*, *Nar-* балтийского происхождения — ср. TT 198: *Нерята*, *Неруса*, *Нерль*, прит. Волги, *Неро*, оз. у Ростова Великого.

Полтеск (1146 г.), в земле вятичей, ср. Ros. 209—210, также *Полотеск*, *Полтеск* на р. *Полота*, прит. Западной Двины. Основа *pol-t* (аблаутная форма *pl̥-tū*, праслав. pl̥ty), отсюда Połtwa, Połtawa, ср. REW II, 397, Ros. 209—210.

Пресненск, или *Плесненск* (1188 г.), на Волыни, ср. Ros. 212: *плѣснь* 'плесень, гниль'; TT 201—202: р. *Плесса*, *Плисса*.

Пронск (1186 г.), Рязанской обл.: Ros. 220 от названия р. *Проня*, которое в REW II 441 считается славянским; по TT 202—203 — *Проня* — *Пра* восходят к мордовск. prja 'голова'.

Ропеск (1159 г.), Черниговской обл., ср. Ros. 230 *ропа*: *Ропеск* > *Ропск*. Часто встречаются гидронимы *Ропа*, *Ропянка*, ср. название поселения Ropczyce, укр. *Ропавско*.

Рыльск (1152 г.), Курск. обл. на р. *Рыло*; Ros. 232: основа *рыть*, ср. польск. Rylk(o).

Свирильск (1177 г.), Черниговской обл. Ros. 259: от названия р. *Свирь* или *Свѣрь*, слав. *Съвиръ* (польск. Świrz, Świrzanka) или фин. Syvärі (оз.): syvä 'глубокий'. Ср. REW II 594.

Севск (1146 г.), Брянской обл.: ср. Ros. 239: р. *Сев*, или *Сева*, слав. *сѣв-*, сюда же *Сѣвер-* (необязательно со вторичным значением 'северный ветер').

Случеск, или *Слуцк* (1116 г.), Минской обл., Ros. 245—246 от названия р. *Случь* < **сълǫчь*, русск. *слукий* 'кривой, изогнутый', ср. также *слукъ* 'влажный'.

Трубецк, или *Трубческ* (1185 г.), Брянской обл., Ros. 266 от праслав. *trąb-*.

Ушеск (1150 г.) на Волыни. Ros. 272 от названия р. *Уша*; по TT 212, балтийского происхождения: Usa, Ussa, от лит. uosis, диал. ousis 'ясень'.

Чернеск, или *Черньческ* (1142 г.), ср. Ros. 96 от праслав. *čr̥nъ* 'черный'. Существуют многочисленные славянские топонимы с формантом *-ьск-*: польск. Czersk(o), полабск. Czersk, луж. Cersk и т. д. Ср. многочисленные гидронимы Czarna и от них города Čr̥n-ьskъ, *-ьsko* (pole).

Чичерск (1159 г.), может быть, следует этимологически связывать с польск. Czeczersk. Ср. Ros. 94 название *Чечера* : *Чечерск*, Могилевской обл. По TT 212 гидроним *Чечера*, *Чечора*, *Чичора* происходит из балтийск. Kikir, Kieker, лит. Čičirys, лтш. Ciecere. Однако польск. Cze-

czersk(o) или Ciecierskо от праслав. *чечерити*, польск. czochrać, чеш. čečeriti.

Шумск (1149 г.) на Волыни: ср. Ros. 263 от *шума* 'лес', ср. польск. *Szumsk*, Szumsko.

Посессивы на -овъ

Боголюбов (1175 г.) под Суздалем, ПСРЛ II 111, Сем. I 277, ср. русск. имя *Боголюб*, чеш. Boholjub (с.-хорв., словен. не обязательно калька с нем. Gottlieb), Sv. 70. Названо так по имени основателя князя Андрея Боголюбского.

Болохов (1150 г.), Подольской обл. (ПСРЛ 14). *Болох* сокращенная форма *Болеслав*. Относительно форманта *-ох* в личных именах см. Sv. 148, ср. русск. *Дорох*, *Жироха*. Ср. *Болехов*, Ивано-Франковской обл.

Борисов (1127 г.), Смоленской обл. на р. Березина. Одно из наиболее частых династических имен. В ПВЛ *Борис* Владимирович, Вячеславич; Туп. 60, Барс. 12. Город был основан князем полоцким Борисом.

Борисов-Глебов (1180 г.): династическое имя *Глеб*, др.-русск. *Гълѣб* (якобы нордического происхождения) [76] было также основой посессивного топонима *Глебль*. Ср. *Глебов* : *Глѣбъ*; Туп. 106—107.

Василев Смоленский (1165 г.) Смоленской обл., ср. Тих. 36: *Василев Смоленский*, 41: *Василев Галицкий*, 13, 16; *Василев*, древний город Киевской обл.

Вернев или *Чернев* (1151 г.), Киевской обл. ПСРЛ II 31; ср. праслав. *вѣр-*; согласно Sv. 98 от этой основы образованы имена Bezvěr, чеш. Věřislav, ср. Туп. 82: *Вереня*, *Верета*, *Вереша*.

Володарев (1150 г.), Киевской обл., *Володар* имя личное. Ср. Туп. 92 *Володарь* (1082 г.).

Выгошев (1152 г.), также в ПВЛ *выгошевци* 'жители *Выгошева*', ср. Лих. II 464, I 180. *Выгош* могло быть сокращением от *Выгон*, *выгонити*. Ср. Туп. 99: *Выгал*, *Выглядко*.

Глухов (1152 г.) под Переяславлем: от прилагательного *глухъ* было образовано прозвище *Глух* (Туп. 106), польск. Głuch. Ср. Барс. 150, ПСРЛ II 69, Сем. I 642.

---

[76] S. Rospond. Onomastische Slavo-nordica, стр. 55—56.

Дмитров (1154 г.) под Суздалем, а также *Дмитров* Киевский (1183 г.). Имя *Дмитр* часто упоминается в ПВЛ (Лих. I 173, 187), как и *Дмитрий* (там же I 24). Ср. Барс. 61, ПСРЛ III 8, а также I 164 *во Дмитровѣ* (1284 г.), Сем. II 70.

Канев вар. *Канов* (1149) Киевской обл. Тих. 302: возможно от тюрк. *хан — кан* [77]; ср. личное имя *Кан* или *Кань*, чеш. Kanin, Kanice, польск. Kaniów. Туп. 565 *Канин* (отчество).

Карачевъ (1146 г.), вар. *Корачев*, Орловской обл. на территории вятичей, ср. *Карачаево* и *Карачаевск*, а также племя *карачаевцы* от тюрк. kara 'черный'+čaj 'вода'. Ср. ПСРЛ II 27—28, Сем. II 507; Туп. 174: *Карач* (1495 г.).

Копоново (1187 г.), Рязанской обл.: ПСРЛ VII 105, Барс. 102. Возможно от основы *копати*, ср. также *копим* 'вялый человек'; Туп. 586 *Копотич*, *Колосов*.

Михайловъ (1172 г.), Киевской обл.: *Михаил* одно из самых обиходных имен, ср. Лих. I 107, 121, Барс. 125, ПСРЛ II 102.

Мунаревъ (1150 г.), на Подолье. ПСРЛ II 258, Туп. 260: (только) *Мунзора*, *Мунт*, 654: *Мунев*, *Мунин*, *Мунехин*.

Носовъ (1148 г.) вблизи Переяславля ПСРЛ II 318. Прозвище *Нос* и его многочисленные дериваты служили основами топонимов: польск. Nosalewice, Nosków, Nosocice, чеш. Nosakov, Noskov. Ср. Туп. 281: *Носаль*, *Носан*, *Носачь*, 282: *Нос* (часто).

Обловь (1159 г.)=*Болве*, на территории вятичей. ПСРЛ II 11. Адаптация иноязычного названия Blove, Bleve, сближение с *Обловь* : *обль*; Туп. 672: *Облов* (отчество).

Радиловъ (Городецъ *Радиловъ* на Волгѣ 1172 г.), ср. Селищ. 129: *Радилово* (XVII в.) возле Можайска, *Радило* имя личное. Туп. 332: *Радило* 1147 г., 1169 г. Ср. ПСРЛ II 74.

Рогачевъ (1142 г.), Смоленской обл. Ср. Ник. 354: от прозвища *Рогач*. Встречались напрасные осложнения исконной этимологии типичного притяжательного названия на *-ов*, *-ев* как якобы происходящего от лит. ragas

---

[77] Заслуживает внимания следующее: у ряда тюркских народов имеются «кости», т. е. ответвления родов, носящие имена *Кый* и *Кан*. Ср. также названия сибирских рек *Кий* и *Кана*. См.: Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских имен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», т. 6, вып. III—IV. СПб., 1896, стр. 346.

'алтарь' или rog 'мыс, образуемый впадением р. Друть, при устье которой лежит *Рогачев*'. Ср. ПСРЛ Указ. 388, Барс. 173, Сем. IV 303.

Роговъ (1194 г.), ПСРЛ указ. 388: от прозвища *Рог* образовано польск. Rogów, Rogowo, Туп. 337: *Рог* (очень часто).

Стрежевъ (1127 г.) Смоленской обл. Возможна антропонимическая основа *strezi- / strez(o)-*, ср. Sv. 87; польск. Strzyżewo, Strzyżewice, Strzyżew.

Ср. ПСРЛ I 130, II 11; *Стрѣжевъ*; Барс. 191, Туп. 763: *Стрежов* (отчество).

Товаров (1190 г.). Ср. Туп. 783: *Товарков*. ПСРЛ II 474: только *Товарый*.

Чурнаев (1190 г.), ПСРЛ II 77: а дворъ *Чурная* сожженъ; Туп. 432—433: только *Чура*, *Чурак*, *Чурило*, *Чуръ*, 828: *Чурлаев* (отчество).

Юрьев Польский (1177 г.), город при впадении Гзы в Колокшу: ср. также *Юрьев*, город на р. Рось. Туп. 456: *Юр*.

Ярышевъ (1148 г.) в земле вятичей: от основы *jarъ*, ср. имена *Яр*, *Ярота*, *Ярош* и т. д.; Туп. 459: *Ярун*, *Ярышь*, *Ярыга*, ПСРЛ указ. 574. Ср. также *Ярышев (Ярышова)* улица в Новгороде.

Посессивы на -инъ

Брягин (1147 г.), Черниговской обл. Ср. Туп. 63: только *Брага*.

Воробиин (1147 г.), Черниговской обл.: *Воробей*, *Воробий* : др.-русск. *воробий* 'воробей', ср. польск. Wróblin, Wróblew. Ср. Туп. 92: *Воробей* (часто). ПСРЛ II 100.

Дорогичин (1142 г.), Волынской обл., Туп. 132: *Дорога*, 133 *Дорогой*.

Кснятин (1148 г.), этимологию см. выше.

Кучелмин (1159 г.), возле Галича. Туп. 221: *Куча*, *Кучага*, *Кучина*.

Лучин (1173 г.), Смоленской обл. ПСРЛ II 107 от имени или прозвища *Лука*. Ср. ПВЛ 79 *Лука* (евангелист), 101 *Лука*, новгородский епископ.

Малотин (1139 г.), *Малота* имя личное. Туп. 242 *Малош*, *Мал* и т. д.

Пирятин (1154 г.), под Переяславлем: *Пирята* < Pir-ęta: слав. *pir-*, piriti 'пировать'. Ср. ПСРЛ II 200.

Чемерин (1149 г.), на Волыни: прозвище *Чемерь* от *чемерь* 'ядовитое растение' (ср. Срез. III, 1498), Туп. 423: *Чемерь*.

Названия с непосессивным формантом -ьнъ

Городен Волынский (1183 г.). Вог. 66—68: *Городьнъ*, совр. *Городно* (Волынь), изъ *Городна* 1127 г.: в Греции Γαρδενά — *Гордьно.

Дверен (1192 г.) Киевской обл.: *Двьр-ьнъ* от праслав. двьри 'двери', ср. польск. Dźwierzno.

Красьнь (1165 г.), или *Красный*, Смоленской обл. (ср. также *Красно*, Киевской обл.: около *Красна* 1136 г.). Много общеславянских топонимов от основы *kras-* 'краска', 'цвет': польск. Krasna, Krasne, чеш. Krásná (Вог. 115—116).

Пересеченъ (1154 г.), ср. выше *Пересѣченъ* 922 г. город в Киевской обл. Ср. праслав. perseka, польск. Przesieczna, чеш. Přisečná, с.-хорв. *Пресечно*, болг. *Просечен* (Вог. 175).

Песоченъ (1172 г.) под Переяславлем: *во градка Песочнаго*; ср. также *Песочня*, Смоленской обл. — 1328 г.: *Песочна*; *Пясочно*, праслав. pěsъkъ 'песок' было основой общеславянских названий на *-ьнь*, *-ьно*, *-ьна*: польск. Piaseczna, Piaseczno, чеш. Písečná, ср. Вог. 177—179.

Полкостен (1125 г.), под Переяславлем, вероятно, адаптация какого-то иноязычного названия.

Эти структуры (*-jь*, *-ьскъ*, *-овъ*, *-инъ*, *-ьнъ*) составляли основу древнерусской топонимии вторичного, атрибутивного типа, свойственную главным образом названиям городов. Отсюда их мужской род: *Ярополчь*, *Шумскъ*, *Носовъ*, *Пѣсоченъ*. Добавление материала XII в. не изменяет пропорции отдельных топонимических структур, заметным является лишь некоторое увеличение посессивов на *-овъ*, *-инъ*. Как бы компенсируя это, непродуктивными делаются патронимические названия на *-ичи*. Приводимые у Тихомирова *Бежицы*, или *Бежицкий Верх* (1196 г.) — *Бежичи*, Новгородской обл. и *Углич*, или *Углече поле* (1149 г.) нельзя считать патронимическими названиями в строгом смысле этого слова. Ср. *Бежичи*: *běg-* 'беглые поселенцы'; *угличи*: ǫglъ, ср. выше об этнониме *уличи*. Очевидно, так же, как и в западнославянской топонимии, родовые коллективы, соответствовавшие сельскохозяй-

ственным поселениям, еще не составляли городов. Поэтому Тихомиров и не упоминает их. Однако, как мы наблюдали в ПВЛ, названия этого типа в общем не были продуктивными, за исключением отдельных «оазисов». Ср. сопоставления на основе грамот Новгорода, Двины и Галича [78].

Первичные или вторичные топографические названия оставались по-прежнему продуктивными.

Бароч, или *Баруч* (1125 г.) у Переяславля: *бара* 'болото'; формант *-уčь* (ср. польск. Bagucz) мог быть записан как *-ичь*.

Волок (1135 г.), *Волок Ламский* (1178 г.), позже *Волоколамск*, Московской обл.: *волок* 'сухая часть пути между двумя реками, через которые приходится перетаскивать лодки' — ср. REW I 341.

Галич (1138 г.), центральный город Галиции (укр. *Галіčіна*), различные этимологии, нередко фантастические, см. Ник. 95. Мы считаем единственно правильным выводить его из праслав. *gal- // gol-*. Я. Розвадовский [79], приводя примеры главным образом из западнославянской территории: Gało, Gały, Gała, Hały, Hało, Zahale, Hałe, Hala и т. д., писал об этих апофонических морфемах *gal- // gol-* : golъ: «Само собой разумеется, что этот элемент *gal-* находится в непосредственной этимологической связи с общеславянским словом golъ 'голый, обнаженный' (*gol- // gal-* представляет собой обычный апофонический параллелизм). Тем, кто потребует еще особого доказательства, укажем на следующие семантические параллели: наряду с польск. hala и т. д. распространены такие слова, как: польск. gala 'открытое голое место', (Linde), слвц. hala, лит. gãlas 'конец', первичное значение 'голый ствол, пень'».

Здесь Розвадовский не упомянул Halicza—Galicza, однако не подлежит сомнению, что эти названия также представляют собой основу *gal-//gol-* с формантом *-ič*. Ср. этноним Golężycy, или Golęszycy. Следует упомянуть, что имеются следующие *Галичи*: 1. *Галич* в УССР на Днестре; 2. в РСФСР, Костромской обл., там же Галицкое озеро. Согласно Mik. 210 *-ič*: срб. голић, укр. *модрыч*, чеш. holič, слвц. třebič, польск. wiśnicz. REW I 388

---

[78] S. Rospond. Stratygrafia toponimiczna, стр. 172—173.
[79] J. Rozwadowski. Studia nad nazwami wód słowiańskich, стр. 82.

ошибочно отклоняет связь с праслав. *gal-*, *hal-*, укр. *галява* 'прогалина в лесу'. Малоубедительна этимология, предложенная еще Брюкнером от galica 'галка'.

Гнойница (1152 г.) Волынской обл.: *гной*, *гнойный* Срез. I 524—525, польск. Gnojnica, чеш. Hnojnice, болг. *Гнойница*. Ср. ПСРЛ II 71.

Гомий (1142 г.), Могилевской обл. REW I 435: *гом*, или *гомь* 'шум, громкий смех'. ПСРЛ указ., 72: *Гомий*, *Гомей*, *Гомье*, *Гомень*, *Гомъи*, совр. *Гомель*.

Дерновый (1146 г.), в Киевской земле: ПСРЛ указ. 94: *Дерковый* праслав. dьrnъ, русск. *дерн*; Šmil. I 98: укр. *Дернова*, полаб. Darnowa, словен. Drnova, слвц. Darnava. Ср. Срез. I 654 *дерновый* от *дернъ*.

Котелничь (1143 г.) в земле вятичей: праслав. *kotьlъ*; Šmil. I 204: словен. Kotlič, чеш. Kotelsko. Ср. Срез. I 1304: *котълъ*, *котъльникъ*. Возможно, что это служебное название ед. числа типа *kotьlьnik-jь 'поселение, принадлежавшее котельнику'. ПСРЛ II 159 приводит также названия *Котеленъ*, *Котелно*, *Котелнича*.

Луки Великие (1166 г.), Новгородской обл. праслав. ląka, русск. *лука* (в значении 'мокрая земля').

Лутава, или *Лутань* (1155 г.), Черниговской обл.: ПСРЛ указ. 184, праслав. *ljut-*, слав. *lut-* с первичным топографическим значением. Миклошич не упоминает этой основы среди отапеллятивных, но дает среди отименных; Šmil. I 263 приводит лишь вторичное значение 'жестокий, лютый, резкий'. Однако такие названия, как макед. *Лутишта*, в Греции Λιτόσιλον (Ljuto Selo) с.-хорв. *Љутава*, польск. Lutynia, укр. *Люта* и др. не могут быть выведены из *ljut-* 'лютый'. На территории Польши топографическое значение 'болото, нечистота' наиболее отчетливо обнаруживают названия рек и озер: Luciąża, Lucień, Lutynia, Lutryna, ср. лат. lutum, lustrum 'лужа', греч. λῦμα 'грязь', кельт. Luteva, Lutetia, лит. liūtynas, liūtynė 'лужа, болото, грязь'[80].

Моравица, или *Муравица* (1149 г.), на Волыни: ср. выше этимологию морав. *Морава*. Ср. ПСРЛ II 237.

Неколочь (1127 г.), вар. *Нѣклочь*, *Неклочь* (ПСРЛ II 264). Ср. праслав. *kolt-* Šmil. I 187, праслав. koltъ 'бревно'.

---

[80] M. Rudnicki. Prasłowiańszczyzna — Lechia — Polska, t. II. Poznań, 1961, стр. 7.

Обловь (1159 г.), ср. выше *Блова*, *Блеве*: oblъ, др.-русск. *облый*, *Обловка*, польск. Oblica.

Пересопница (1149 г.), на Волыни: основа *-sop-* < *-sъp-*, *переспа* 'земляное укрепление' (ср. Тих. 323). Ср. Šmil. II 447: *sъpъ* 'земляной вал, дамба', в Греции *Прέσπα* (Πρέσπα), польск. Sepno, Zaspy, др.-русск. *сопъ*. Чаще были апеллятивы с долгим гласным: польск. nasyp, с.-хорв. *насип*.

Полоной (1169 г.), совр. *Полонное*, укр. *Полонне*, Хмельницкой обл. (Ник. 337); праслав. **pol-n-*, отсюда русск. *полонина* 'луг'. Šmil. II 349: в Греции Πλανίτσα, польск. Płonina.

Попашь (1147 г.), город в Посемьи Черниговской обл. (ПСРЛ II, 357), Тих. 38: *Спаш* (1152 г.). Ср. *-paš-*, *пашня*. Ср. ПСРЛ II 438. REW II 328 *паша* 'пастбище'.

Тисмяница (1144 г.), *Тисмяничя*, у Галича: ПСРЛ II 474; ср. Я. Розвадовский, указ. соч., стр. 300, польск. р. Tuchmienica, прит. Вепша, а также в бассейнах рек Варты и Днестра. Основа *tys-*, *tysz-*//*tąch-*, *tuch-*. Возможно, это была тихо, спокойно текущая река; от нее и получил название город.

Ушица (1144 г.), у Галича: ср. р. *Уша* (Тих. 59), а также выше город *Ушеск*.

Отапеллятивными, очевидно, являются следующие названия с «культурным» значением: *Городец*, или *Городок*, на Остре (1135 г.) *Городец Радилов* на Волге (ср. выше), *Торжок*, или *Новый Торг* (1139 г.).

Наиболее характерными являются следующие композиты: *Межибожье* (1146 г.) : р. *Бог*, *Межимостье* (1170 г.), *Звенигород* Киевский (1150 г.), *Зарытый* (1160 г.), ср. польск. Zaryte, Зарой (1154 г.) : rojь — ср. Šmil. II 376: rojь, izroj, рогој 'источник, струя'; в Греции *порой*, укр. *рійок*. Ср. также *Устилог*=*Устилуг* (1150 г.).

Следующие названия иноязычного и неясного происхождения (довольно многочисленные, в той или иной степени ассимилированные).

Блеве (1147 г.), ср. ПСРЛ II 11 *Блове* (*Обловь*) на земле вятичей.

Болдыжь (1146 г.) ПСРЛ II 14: *Лѣсъ между Сѣвским и Карачевом*, Туп. 57: лишь *Болдырь*.

Бохмач (1147 г.), ПСРЛ II, 16, совр. *Бахмач*, Черниговской обл.

www.ruslang.ru

Брань, или *Брон* (1125 г.) ПСРЛ II 17: *Бронь, княжь*, на территории Черных Клобуков.

Визна (1145 г.), или *Визьна*, польский город на Волыни: ПСРЛ II 32.

Вьяхань, или *Въехань*, *Явьхань*, Переяславской обл. ПСРЛ II, 61, Туп. 101: только *Вяхорь* : *vech-*.

Желди, *Желдя*, или *Желний* (1116, ср. выше ПВЛ).

Копыс (116 г.), ср. выше ПВЛ.

Корсунь на Роси (1169 г.) см. выше.

Мозырь (1155 г.), Гомельской обл. на р. Припять: ПСРЛ II 620.

Москва (1147 г.), различные этимологии, чаще всего иноязычные, см. Ник. 275. Конечно, первичным следует признать название реки *Москва*.

Небль (1158 г.), Волынской обл.: ПСРЛ II 63.

Сапогынь (1151 г.) на Волыни: ПСРЛ II 417, ср. русск. *сапог*.

Семынь (1152 г.), Черниговской обл.: ПСРЛ II 422.

Семычь, вар. *Сѣмьчь*, *Сѣмочь*, *Семичь* Киевской обл.: ПСРЛ II 422. Ср. REW II 608—609: Семён, др.-русск. *Съмеон*, *Съменъ* < греч. Συμεών. Может быть от основы праслав. **sěm-*, русск. *семя*, *семья*; ср. также р. *Семь* (др.-русск. также Сѣмь), р. *Семица* (неясно).

Тумащь (1150 г.), Киевской обл. ПСРЛ II 481.

Удеч (1164 г.), или *Удечевъ*, у Галича. ПСРЛ II 496; *Udъk-jь : ud, uda; Туп. 469: *Уда*, *Удалик*.

Перечисленные у Тихомирова 47 городов первой половины XIII в. нуждаются в такой же классификации.

XIII век

Посессивы на -jь

Збараж, или *Збыраж*, Тернопольской обл. *Збараж*, *Збыраж* (1211 г.) Тих. 41. Несомненно притяжательное название от имени *Збырад*, *Zbyrad-jь. Ср. польск. Zbyrog и Zbyroż названия поселений. Ср. русск. *Събыслав* и со вторым членом *-рад* : *Урад*, *Сурад*, *Сбырад* (Sv. 83).

Изяславль Галицкий (1240 г.) Тих. 41. Ср. выше *Изяславь* от *Изяслав*, часто встречающееся династическое имя.

Ярославль Галицкий (1231 г.) Тих. 42. Этимологию от употребительного династического имени *Ярослав* см. выше. В XIII в. и позже возникло мало новых названий на *-jь*, не считая известных (*Изяславль*, *Ярославль*), отметим только одно название *Збыраж*.

Посессивы на -ов-, -ин

Василев Галицкий (1229 г.) Тих. 41. Ср. выше этимологию от имени *Василь*.

Зубцов, Рязанской обл. (1216 г.). Барс. 80, ПСРЛ III 34, I 201, Сем. II 289, Тих. 41: *Зубцов*, ср. в индексе 459: *Зубьчев*. Ср. *Зубец* (1215 г.), Туп. 163; чеш. Zubec (Sv. 141).

Любачев (1211 г.), город на Волыни Тих. 41, Барс. 119, ПСРЛ II 160, совр. Lubaczów, Жешувского в. От личного имени Ljubač : *ljub-* образованы посессивные топонимы [81].

Ольгов, Рязанской обл. (1207 г.). Тих. 42. Ср. *Льгов*, ранее *Ольгов* Сем. II 114 *от Ольгъ*, князь (879 г.), Туп. 283; ср. ПСРЛ II 59, Барс. 142.

Щекарев, на Волыни (1219 г.). Тих. 42. Личное имя *Щекарь* следует связывать с основой *šček-*, ср. чеш. Ščekna (Sv. 156), праслав. ščeka, ščekati. Туп. 453 *Щека*, *Щекун*.

Торчев (1231 г.). Тих. 42. От этнонимической основы tork- (ср. *Tjurk-*) нередко образуются топонимы. Ср. ниже *Торчевск*, Туп. 787: *Торчев*.

Формант *-ов-* как очень экспансивный добавлялся к иноязычным основам: *Комов* (1204 г.) Тих. 41, *Моклеков* Галицкий (1211 г.). Тих. 42. Топографическим является название *Ржев* (а также *Ржевка*) *ръжь*. Ср. Mik. 311, укр. *Рожыска*, *Ржавец*, словен. Ržišče. Ср. Ros. 232: *rъg-*//*rъž-*.

Намного реже были названия на *-ин-*: *Верещин*, на Волыни (1204 г.) Тих. 41. Ср. др.-русск. *врѣщати* ‘кричать’, было прозвище *Верещака*. Ср. Sv. 204: Vřěšč, Туп. 83: *Верещака*, *Верещалка*.

Топографические названия на -ьскь

Орельск (не существует сейчас) (1204 г.), Тих. 42. Ср. *Орельска* в Греции, т. е. Ἀρλίσκα 1361 г., см. Ros. 200.

[81] Ср.: S. Kozierowski. Nazwiska, przezwiska, imiona polskie niektórych typów słowotwórczych. Poznań. 1938, стр. 58.

От основы огьlъ существуют общеславянские топонимы: польск. Orzelec, Orlik и т. д.

Ожск (1237 г.) Тих. 42, ср. Ros. 272 *Ушеск* на Волыни, *Ужск*, или *Ожск*, на земле древлян, *Ужеск*, Рязанской обл., ПСРЛ указ. 496: *Ужескъ*, или *Ожескъ*, р. *Уша*, *Ужа*, балтийского происхождения (ТТ 212).

Угровеск (1204 г.) Тих. 42, ср. Ros. 270 от праслав. основы *ągr-*, ср. чеш. Úhersko.

Топографические названия на -ьн-

Быковен (1211 г.) Тих. 41. От праслав. bykъ 'бык' образованы многие топографические названия: укр. *Быков*, польск. Byczyna, русск. *Быковка*, ср. Šmil. I 58.

Колодяжен (1240 г.) Тих. 41. Об основе *колодязь*, *колодезь* писал Никонов [82]. Она была частой в названиях рек и расположенных возле них местностей. *Колодезь* означает 'водный источник', ср. REW III 601.

Любно (1229 г.) Тих. 41. Следует принять топографическую основу *ljub-* < и.-е. **leubh-*, ср. выше *Любен*.

Различные другие первичные или вторичные топографические названия

Первичные: *Холм* (1223 г.) Тих. 42, *Соль Великая* (1214 г.) Тих., там же; *Плав* (1213 г.) Тих., там же, ср. Šmil. II 344: plavъ : укр. *Плав*, чеш. Plav, русск. *Плавянка*, польск. Pławy. С суфф. *-ица* образовано название *Сосница* (1234 г.) Тих., там же; с собирательным суфф. *-ьје-*: *Столпье* (1204 г.) Тих., там же.

Вторичные: *Городок* Волынский (1213 г.) Тих. 41; *Городище* на Саре (1216 г.) Тих., там же. *Гороховец* (1239 г.) Тих., там же, ср. Šmil. I 125, русск. *Гороховка*, польск. Grochowa и др. *Добрый* (1207 г.) Тих., там же, вероятно, от праслав. основы *dъbr-*. Ср. Šmil. I 93, укр. *Добряні*. Формант *-ьць* был довольно частым: *Каменец* (1196 г.) Тих., там же, *Кременец* (1226 г.) Тих., там же; *Олонец* (1137 г.) Тих., там же, из фин. alan- ср. alanko 'низменность'. Ср. Ник. 307 и REW II 265.

[82] В. А. Никонов. *Ручей—ключ—колодезь—криница—родник*. «Материалы и исследования по русской диалектологии (новая серия)», II. М., 1961.

Композиты

Составные названия в новой восточнославянской топонимии были довольно продуктивными: *Белгород* Рязанский (1208 г.) Тих. 41, *Коломыя* (1240 г.) Тих., там же, ср. *коло*+*Мыя* как предложное определение типа русск. *Кологрив* 'около гривы', *грива* 'поросшая лесом узкая возвышенность'. Ср. Ник. 200: укр. диал. *коломыйе* 'заполненные водой глубокие выбоины дороги' [83]. Так как в этом месте река *Мыя* (*Мыява*) : *мы-ть* впадает в Прут, простейшим объяснением будет *коло* 'около' + *Мыя* название реки. Основу праслав. *ту-* < и.-е. **mū-/mou-* следует сопоставить с др.-прусск. au-mū-snan 'умывание', лит. mau-d-yti 'купать', инд. mū-tra 'моча'. Ср. русск. *Мылск* на Волыни (1150 г.), *Мыльскъ*, р. *Мылинка*, прит. Десны (ТТ 190, 196 помещают среди неясных). Ср. Ros. 189.

Стародуб Ряполовский (1218 г.) Тих. 42. Определение *Стар-* в составных, как и в сложных названиях, было частым: *Старая Руса*, *Старая Рязань*, *Старгород* и т. д.

Усть-Юг (*Устюг*), Вологодской обл., в устье р. Юг (1218 г.) Тих. 42, Ник. 77. Сложения с первым членом *усть*: *Усть-Каменогорск*, *Усть-Катав*, *Усть-Медведицкая* и т. д. см. Ник. 440. Второй член *юг* — угро-финский 'река', он известен в гидронимии Севера Европейской части СССР: ср. Ник., там же. *Усть-юг* следует причислять к гибридным образованиям.

Иноязычные и неясные названия

На осваиваемой территории, ранее заселенной различными угро-финскими племенами, нередки иноязычные названия, ассимилированные в различной степени. Часто это топонимы балтийского происхождения.

Кострома, название города от названия р. *Кострома* (1214 г.) Тих. 41. Различные, часто фантастические этимологии см. Ник. 208—209. Основа *kostr-* могла быть славянской. Šmil. I 200: праслав. *kostьr-* в различных значениях 'вид травы' и т. д.; польск. Kostrzyń, макед. *Костур*, *Кострец*, блр. *Костричи*. Однако формант *-ма*, *-ома* характерен для гидронимов Севера, средней полосы Европейской части СССР и для Сибири. Ср. Б. А. Сереб-

---

[83] Л. Л. Гумецька. Указ. соч., стр. 39.

ренников: Костромская обл. со многими гидронимами на *-ма*: *Кострома*, *Шекшема*, *Шильдома* и т. д.[84]

Кукенойс и *Герцике* Тих. 41, 362: города полоцкого княжества на Зап. Двине.

Нерехта, город и река в Костромской обл. (1214 г.), Тих. 42; REW II 214 ошибочно выводит из славян. *не+реготать* (!?). Гидронимические образования на *-та* (ср. выше *-ма*) неславянские, ср. *Ухта* (несколько раз, также и в Сибири), *Тахта*, *Тохта*, *Чачапта*, *Кухта*, ср. Ник. 290.

Тверь (1209 г.) Тих. 42, город на верхней Волге (с 1931 г. *Калинин*). Ср. Ник. 168—169: в новгородской летописи *Тьхвѣрь*. Ник. ошибочно связывает это иноязычное название (ср. также название р. *Тверца*, прит. Волги) с польск. twierdza, возводя к tworda 'крепость', и лит. tvora 'ограда'. Скорее всего следует допустить связь с финским написанием *Тихвин*, р. *Тихвинка* (Ник. 419) из фин. tihkua 'сочиться'. Ср. REW III 86.

Неясными, вероятно иноязычными, являются:

Серегер (1230 г.) Тих. 42; *Онут* (с 1213 г.) Тих. 42; *Зопиш* (1211 г.) Тих. 41 (В указ: *Зопищ*!).

Каким образом можно объяснить *Толмачь* (1213 г.) Тих. 42? Ведь среди славянских топонимов трудно допустить название, образованное от апеллятива *толмачь*, *толмачити* 'переводить'. Это слово объясняется как восточное заимствование из половец. tolmač и telmač, турец. tilmáç/dilmaç, венг. tolmács. Сташевский объяснял название р. *Толмач*, на которой находится поселение *Толмач*, от русск. *Толмач* 'чибис' [85].

История заселения древней Руси в свете топонимической структуры и стратиграфии

Археологические разыскания объясняли не одну загадку из прошлого древней Руси. Слишком широко и в прямом смысле понятый нордизм, опиравшийся главным образом на свидетельства ПВЛ, не нашел достаточного подтверждения в топонимике и даже в антропонимике [86]. Образование древнерусских городов было дли-

[84] Б. А. Серебренников. Топонимические загадки Сибири. «Onomastica», 1959, RV, Z. 1, стр. 102, 111.

[85] J. Staszewski. Słownik geograficzny, стр. 309.

[86] S. Rospond. Onomastische Slavo-nordica (Kritische Bemerkungen).

тельным и самостоятельным эволюционным процессом (ср. центр племени ополян г. Ополе в Силезии). В. Генсель [87] создал работу о возникновении славянских городов в свете археологии; топонимист должен заняться этой же темой с топонимической точки зрения: посредством тщательного структурного и стратиграфического, а также хронологического анализа выявить названия древнейших городов, выделяя патронимические, служебные, «культурные» [88] и др. названия. История поселений «Antiquissima Polonia», а затем «Slavia» находятся в процессе создания. Речь идет не об индивидуальных этимологиях отдельных названий, исконных или иноязычных, а о применении типологического метода. Таким образом, топономастические исследования разъясняют более широко и полно вопросы этногенеза праславян и славян. Образование праславянской области на западе и востоке можно проследить на двух гидродинамических слоях: в сфере А (Одра—Висла—Буг) находятся в основном первичные гидронимы, чаще всего образования на *-а*: Ślęza < *ślęga, Warta, Odra, Bug; в сфере В (Буг—Припять—Средний Днепр) доминируют вторичные образования, нередко на *-ь*: *Бужок*, *Супрасль*, *Свислочь*. Север и юг славянских областей достаточно ясно вырисовываются благодаря исследованиям по составлению ономастических атласов [89].

М. Н. Тихомиров описал древнерусские города с точки зрения истории поселений. В этом смысле его работа представляется исключительно полезной. Однако, не будучи языковедом, а также не имея созданного топонимистами историко-этимологического словаря географических названий древней Руси, он не мог правильно лингвистически интерпретировать некоторые топонимы. Заслуживает внимания его общее заключение об отсутствии норманнизмов: «Поражает отсутствие каких-либо названий, которые могут быть отнесены к названиям скандинавского или хазарского происхождения. . . Таким образом,

---

[87] W. Hensel. Archeologia o początkach miast słowiańskich. Warszawa, 1963.

[88] Разряды названий, принятые в классификации В. Ташицкого (*Ред.*).

[89] Ср. библиографию к ст.: S. Bąk: Stanisław Rospond. «Onoma», XII, 1966—1967, XII, № 2—3; ср. S. Rospond. Północna i południowa Słowiańszczyzna w świetle onomastyki.

изучение истории русских городов наносит решительный удар по разного рода построениям о норманнах, хазарах, готах и т. д. как создателях русской государственности и культуры» (Тих. 15—16).

Однако нижеследующие этимологии М. Н. Тихомирова с лингвистической точки зрения ошибочны:

Луцк, или *Луческ*, выводится им «от крутой луки, которую здесь образует Стырь, охватывающая город с трех сторон» (Тих. 322). Оно же происходит от повсеместно употребительной праслав. топонимической основы *ląk-/luk-* в значении 'болотистый луг' (Ros. 168); польск. Łącko, чеш. Loucko, хрв. Lučko.

Червень автор этимологизирует от *червень* 'темно-красная ткань, червец, пурпур или багряная краска' . . .«в переносном смысле это могло обозначать красивый город или город, стоявший в красной местности» (Тих. 324—325).

Польские археологи [90] локализовали главный город Городов Червеньских в местности Чермно, расположенной на р. Гучва. Г. Борек [91] доказал, что праслав. *čr̥'mь*, *čr̥'mьnъ* — вторичная основа, ср. *čr̥'vь*, *čr̥'vьnъ*. Она повсеместно встречалась в западнославянских языках в топографическом значении (для названий рек с водой рыжеватого, ржавого цвета, а также в названиях поселений, происходящих от упомянутых гидронимов или данных в связи с окраской почвы): Czermno, Czermna (10 названий на территории Польши, особенно в южной ее части); подобные же названия встречаются в Чехии, Моравии, у лужичан. Ср. Вог. 40—41.

Из этих лингвистическо-топономастических рассуждений следует заключение, что: 1. нужно принять локализацию археологами города Червень в местности Чермно; 2. первичное название содержало в себе основу *čr̥'m-*, а не *čr̥'v-*; 3. наиболее вероятным был формант *-ьнъ*, а не *-ьнь*. Замена *Червенъ* на *Червень* (ср. Лих. I, 58, 178, 180: червенъ) объясняется тенденцией восточнославянской топонимии к мягкотематичности.

---

[90] Ср.: A. G i e y s z t e r. Polskie badania na Grodach Czerwieńskich w latach 1952 i 1953. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1 (6). Warszawa, 1954.

[91] H. B o r e k. Prasłowiańskie *čr̥'mьnъ* w języku polskim. «Rozprawy Komisji Językowej Wrocławskiego Towarzystwa Naukowiego», 1966, VI, стр. 283 и сл.

Вместо явно топографического значения *Галичь* — Halič (ср. выше), автор дает этимологию: *галити* 'радоваться', *галичь* 'галочий крик' Тих. 329.

Очень древний город *Любеч* (упоминаемый уже у Багрянородного) Тихомиров (345) неструктурно выводит из апеллятивов *любы*, *любовь*, *любый*, тогда как это было посессивное название *Ljubъk-jь типа польск. Sądecz < *Sądъk-jь, словен. Choteč, русск. Trubeč и т. д.

Путивль не может происходить, с лингвистической точки зрения, от р. *Путивлька*; как раз наоборот, название реки с формантом *-ка* является дериватом от более раннего посессивного названия *Путивль*. Справедливо предположение автора (с. 346), что это название относится к типу *Мстиславль*, *Изяславль*. Но основой было не имя *Путша* или *Путята*, а *Путив* или *Путим* (ср. выше).

Этимология *Смоленска* и *смолян* (352) не уточнена. Ср. Ros. 246—247.

Не уточнена этимология *Пскова* (389): от *плеск*, *плескание* «для обозначения свадебного языческого обряда или языческих игр». Ср. выше мою этимологию от **blьsk-* (польск. Pszczyna, Pcim и т. д.).

Совершенно ошибочна этимология названия *Суздаль* (397) как город *Сузда* или *Сужда* (посессивный тип на *-ль*!?). В названиях *Ярославль*, *Ростиславль* имеет место так называемое эпентетическое *l* (праслав. *vj* > *vlь*). Ни в коем случае это название не может происходить от личного имени *Сузда* или *Сужда* с добавлением *-ль* (??).

Сила аргументации М. Н. Тихомирова заключается в анализе исторических источников и соотнесении данных с археологическими находками. Четко вырисовывается крепкая организация городов и в частности ранние торговые связи с Византией. Расширение городских поселений было неизбежным. Наша структурная и стратиграфическая топонимическая интерпретация, выявляющая хронологические макротипы, подтверждает выводы историков.

Для названий городов очень продуктивными были определительные, притяжательные (*-jь*) и топографические (*-ьskъ*, *-ьnъ*) структуры: **Ярослав-jь городъ* (муж. род), **Полот-ьскъ городъ*, *Čę'v-ьnъ *городъ*.

Для Руси были характерными большие города и небольшие городки (ср. название Gardariki); «Географ Баварский» на территории племени unlizi насчитывает до 318 городов (unlizi civitates).

К атрибутивным ономастическим формам примыкают все более разрастающиеся топографические и особенно посессивные названия на *-ovъ*, *-evъ*, *-inъ*: *Васильев*, *Юрьев*, *Микулин*. Уже сама антропонимическая основа, образованная от христианского имени, указывает на их более позднее появление по сравнению с посессивами на *-jь*, которые не образовывались от христианских имен.

В феодальную эпоху образования на *-ов(о)*, *-ин(о)* становятся самыми представительными и даже стереотипными для русской ономастики. На древней Руси этот формант был в равной степени характерным как для Северной (Новгородской), так и для Киевской Руси: ср. выше, см. карту. Лишь позже наступило характерное дифференцирование, которое отметил В. А. Никонов: перевес *-ов(о)*, *-ин(о)* на севере Европейской части СССР. «Абсолютно преобладая на старинных московских, псковских, частью новгородских территориях, *-ов-*, *-ин-* слабеют южней, утрачивая абсолютное большинство, а дальше и совсем отступая на задний план. Южная граница преобладания *-ов-*, *-ин-*, за которой начинается господство *-ка*, — самая выпуклая черта во всей русской топонимике, разделяющая страну на две самые большие зоны. Эта линия, изгибаясь, проходит северней Могилева и Брянска на Тулу, значительно южней Рязани, выходя на Волгу выше Камского устья. К северу от нее всюду «задают тон» *-ов-*, *-ин-*, а южней ее преобладает *-ка*. Чрезвычайно наглядна зональность в полосе переходной, например в Тульской обл., северные районы которой принадлежат зоне *-ов-*, *-ин-*, юго-восточные — зоне *-ка*, а промежуточные — арена борьбы» [92].

Следовало бы подробно исторически исследовать это знаменательное и довольно четкое разграничение русской топонимии на две части — северную и южную. Необходимо иметь в виду его вторичность, обусловленную экспансивностью форманта *-ка*, а главное то, что большинство топонимов на *-ов* перестало быть топонимически коммуникативным. А. М. Селищев писал: «Весьма широко распространено в обиходе применение суфф. *-ка*. По отношению ко многим пунктам употребляются две формы: с суфф. *-ов* (*-ин*), *-ок* и с суфф. *-ка* (*-вка*, *-нка*). Часто форма на *-ка* является единственной формой имени пункта: *Бер-*

[92] В. А. Никонов. География русских суффиксов, стр. 328.

сеневo—Берсеневка, *Обухово—Обуховка*, *Львово—Львовка*, *Поповка*, *Воскресенка*. Во многих названиях этот суффикс применен в позднее время. Ср. указанные выше примеры *Станиславка*, *Милославка*. Несомненно, вторичное образование представляют такие названия, как *Скородайка* вместо более раннего *Скородаево*, *Полетайка*, *Полежайка* вместо *Полетаево*, *Полежаево*, *Цареборисовка* при более раннем *Царев—Борисов* и мн. др.» (Селищ. 153—154).

Доказательством экспансивности *-ов*, *-ев* могут также служить не вполне ясные, возможно не посессивные, топонимы *Могилев*, *Чернигов* и русификация иноязычных названий при помощи этого топонимического форманта: *Саков*, *Римов* и др.

Топонимическим «выразителем» сильного и развитого городского, а позже феодального уклада являются атрибутивные, посессивные (*-jь*, *-ov*, *-in*) или топографические (*-ьskъ*, *-ьпъ*) образования. В промежутке между X в. и первой половиной XIII в. преобладали образования муж. рода на *-jь*, *-ьskъ*, *-ьпъ*, реже встречались среднего рода на *-ovo*, *-ino*, *-ьno*.

Другим важным для истории поселений древней Руси фактом можно считать непродуктивность (за исключением «оазиса» Белоруссии) патронимического типа *-iči*. Из моих монографий [93], касающихся топонимов на *-itjo*, выясняется исторический, социальный и экономический характер этих сельских коллективов. Это в античном смысле villae (не civitates — города), окружавшие как бы венком древние города. Они были поставщиками сельскохозяйственных продуктов для городов, а позднее для феодала. Сельскохозяйственные поселения сосредоточивались на плодородных безлесных и равнинных территориях, находящихся не на периферии, которая могла подвергнуться нападению врага. Поскольку Новгородская и Киевская Русь защищали свою независимость от половцев и других кочевников, то на этих периферия в оборонительных и прочих целях создавались главным образом города, а не сельскохозяйственные поселения. Позже, когда эти районы уже перестали быть периферийными, на их территориях

[93] S. Rospond. Południowosłowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-itj-*. Kraków, 1937; Он же. Z geografii toponomastycznych typów sufiksalnych w Polsce. Patronymica. «Lud Słowiański», 1938, IV, A, стр. 22—47; Он же. Patronimiczne nazwy miejscowe na Śląsku. Wrocław, 1964.

выделяются патронимические названия, но уже новые: на *-цы*, *-овцы*, *-инцы*. С ними также связаны плюрали типа *Горбуны*, *Бузяты* и др.

Выводы

Структурные и стратиграфические ономастические исследования важны как для лингвистики, так и для истории. Оба направления исследований должны привести к созданию ономастических монографий и Славянского ономастического атласа. Не подлежит сомнению, что ономастика, постоянно имеющая дело с географическими и историческими реалиями, является научной дисциплиной, связывающей языкознание со смежными науками: археологией, историей, географией, социологией.

Для восточнославянского языкознания представленное здесь исследование ономастики древней Руси (до первой половины XIII в.) с точки зрения структуры и стратиграфии делает возможными следующие выводы:

1. Наиболее характерными для древней Руси были формы на *-jь*, *-ьskъ*, *-ьnъ*.

2. Уже в те времена (XII в. и позже) проявляется экспансивность посессивов на *-ovъ*, *-evъ*, *-inъ*.

3. XIII в. становится периодом отмирания названий на *-jь* и интенсивного образования атрибутивных названий на *-ov-*, *-in-*.

4. Непродуктивными для древней Руси (Новгородской и Киевской) были патронимические названия на *-ičі*: *Ольжичи* (?), *Ув'ѣтичи* (?).

5. Различные первичные и особенно вторичные топографические образования (*-ica*, *-ьсь*) были продуктивными и характерными с точки зрения топонимической выразительности основы, иногда «скрытой» в названиях: Kujava : kujava > Kyjevъ, Sąvodъ (греч. Sambatas для обозначения Киева).

6. Характеристика источника необходима для соответствующей интерпретации названий. Нередко редакторы ПВЛ (особенно старейшего киевского свода) вносили ученые «этимологии», например *Щековица* от *Щека*, *Хоривица* от *Хорива*; их многочисленные записи неясно отражали живую, обиходную ономастику. Новгородские грамоты, написанные на бересте, наоборот, характеризуются живой

ономастикой, которая вследствие этого отражала названия в процессе зарождения. Они не являются в строгом смысле слова nomina loci, а скорее nomina personalia, употребляемые в функции nomina loci: *у Шурина*.

7. Встречаются иноязычные названия, однако не нордические, скандинавские, а только балтийские (*Герцике*, *Кукенойс*), угро-финские (*Ладога*, *Кострома*) и др. На Черном море, называемом в ПВЛ *Руськое море*, или *Понътское море*: *Понетьское море*, *еже море словеть Руськое* (Лих. I 120) — были древнегреческие колонии, названия которых затем русифицировались: Chersones > *Корсунь*, Tamatarcha > *Тмуторокань* > *Тамань*, возможно Karkina или *Каркинита* > *Кърчь*, *Кърчевъ* [94].

Нордические названия (скандинавские) появляются чаще всего как варианты и кальки древнерусских (ср. названия днепровских порогов); ср. также в скандинавских сагах и рунических письменах Garda-riki — слав.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ (ПРОДУКТИВНОСТЬ)

Исконные топонимы IX—XI вв.
(Багрянородный, ПВЛ, Тих.)

	Первичные	Вторичные			Сложные слова и предложные конструкции
Отапеллятивные (топография)	17	*-ьскъ*	16	38	17
		-ьнъ	5		
		-овъ, -евъ	5		
		-ино	1		
		-ье	3		
		прочие	8		
Отантропонимические		посессивы *-jь*	9	22	
		-овъ, -евъ	8		
		-инъ	5		
		патронимика *-ичи*	2		

[94] L. Niederle. Slovanské starožitnosti, стр. 119—120.

Заимствованные топонимы IX—XI вв.

	Первичные	Вторичные			Сложные слова и предложные конструкции
Отапеллятивные	8	*-овъ*	1	5	
		прочие	4		
Отантропонимические		*-овъ, -евъ*	5	6	
		-инъ	1		

gard+герм. -riki 'страна', ср. также топонимическую полукальку для Новгорода Holmgardr.

8. В качестве характерного лингвистического процесса в топонимии следует отметить (возможно главным образом в письменных источниках) ономастическую агглютинацию *Рша* > *Орша*, **Коростьнъ* > *Искоростень*, *Вручий* > *Овручь*, *Вятичи* > *Увѣтичи*. Известно, что названия в основном употребляются в контексте, т. е. с предлогами в косвенных падежах. Так создавались частые в русской топонимии агглютинативные названия.

Исконные топонимы XII в.

(ПВЛ, Тих.)

	Первичные	Вторичные			Сложные слова и предложные конструкции
Отапеллятивные	2	*-ьскъ*	22	44	
		-ьнъ	6		
		-овъ	2		
		-ьje	2		
		прочие	12		
Отантропонимические		*-jь*	18	52	
		-овъ, -евъ	25		
		-инъ	9		

Заимствованные топонимы разных типов, включая неясные, 17

Исконные топонимы XIII в.

(Тих., Грамоты)

	Первичные	Вторичные			Сложные слова и предложные конструкции
Отапеллятивные	4	*-ьскъ*	3	13	8
		-ьнъ	3		
		-евъ	1		
		прочие	6		
Отантропонимические		*-jь*	4	26	
		-овъ, -евъ			
		-ово, -ова	18		
		-ино, -ина	4		

Заимствованные названия разных типов 7

Примечание. Естественно, приведенные данные не могут быть полными, поскольку здесь использован ограниченный материал. Но и этого достаточно для того, чтобы показать распространение посессивных топонимов на *-ов, -ово, -ова, -ино, -ина* (22) и вытеснение ими типа *-jь*. По данным новгородских грамот, в ближайших окрестностях Новгорода в XIII в. не появилось ни одного топонима с суфф. *-jь*, хотя еще в XII в. этот архетип не уступал «экспансивным» *-овъ, -евъ, -инъ*.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Барс. — И. Барсов. Материалы для историко-географического словаря России, I. Географический словарь русской земли (IX — XV ст.). Вильно, 1865.

Грамоты — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949.

Ипат. — Ипатьевская летопись.

Лавр. — Лаврентьевская летопись.

Лих. — Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, ч. I—II. М.—Л., 1950.

Ник. — В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

ПВЛ — «Повесть временных лет», ч. I—II. М.—Л., 1950.

ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей», т. I—VII. Указатель к первым осьми томам. СПб., 1907.

Радзивил — Радзивиловская летопись.

Селищ. — А. Н. Селищев. Из старой и новой топонимики. «Труды ИФЛИ», т. V. М., 1939.

Сем.	П. П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской Империи, т. I—V. СПб., 1863—1885.
Срез.	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. Грац, 1955.
Тих.	М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956.
Труб.	О. Н. Трубачев. Названия рек правобережной Украины. М., 1968.
ТТ	В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
Туп.	Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. «Зап. Отд. русской и славянской археологии Император. Русского Археолог. Об-ва», т. VI, 1903, стр. 58—913.
Шахм.	А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. I, II. СПб., 1903.
Bor.	H. Borek. Zachodniosłowiańskie nazwy toponimiczne z formantem *-ьn-*. Wrocław, 1968.
Kur.	W. Kuraszkiewicz. Gramoty nowogrodzkie na brzezowej korze. Warszawa, 1957.
Kur.$_2$	W. Kuraszkiewicz. Gramoty halicko-wołyńskie. Kraków, 1934.
Mik.	F. Miklosich. Die Bildung der slavischen Personen und Ortsnamen. Heidelberg, 1927.
REW	M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Heidelberg, 1953.
RKJ	«Rozprawy Komisji Językowej Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego», t. I и сл. Wrocław, 1959.
Ros.	S. Rospond. Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-ьsk-*. Wrocław, 1969.
Schütz	J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.
SEBr	A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I—II. Kraków, 1927.
SG	«Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich», t. I—XV. Warszawa, 1880—1902.
Siel.	F. Sielicki. Powieść minionych lat. Wrocław, 1968.
Słownik st. sł.	«Słównik starożytności słowiańskich». Wrocław, 1961 и сл.
Spis	«Spis miejscowości Polskiej Rzeczyspolitej Ludowej». Warszawa, 1967.
Sv.	J. Svoboda. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.
Šmil.	Vl. Šmilauer. Příručka slavanské toponomastiky, t. I—II. Praha, 1963—1964; изд. 2. Praha, 1970.
TMH	R. Trautmann. Die slavischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins. Berlin, 1950.

Перевел с польского В. П. Нерознак

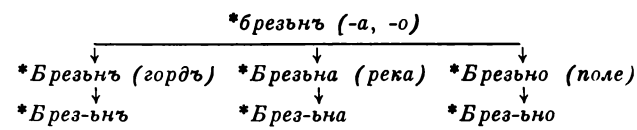
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ТОПОНИМЫ С ФОРМАНТОМ *-ьн-*

Г. Борек

Цель данной статьи — анализ топонимов с формантом *-ьн-* на восточнославянской территории (русской, украинской и белорусской) с точки зрения их продуктивности, стратиграфии и смысловых функций. В работе продолжены исследования старой топонимической модели с формантом *-ьн-*, встречающейся на всей славянской территории. Вопросы генезиса этой формы как самостоятельной топонимической структуры в работе не затрагиваются, поскольку эта проблема всесторонне освещена в отдельной монографии [1].

Достаточно отметить, что топонимы с формантом *-ьн-* встречаются на всей территории распространения славян, относятся к самому древнему слою славянских топонимов и продолжают оставаться весьма «живучими» в топонимии и в наше время, ввиду своей постоянной связи с продуктивными апеллятивными прилагательными на *-ьн-*.

Словообразовательной основой этой структуры являются апеллятивные прилагательные с формантом *-ьн-*, однако наблюдается постоянный процесс топонимизации этих названий по следующей схеме:



Благодаря эллипсису субстантивного именного члена, первичное название-прилагательное субстантивируется, а функцию топонимического показателя начинает выполнять вторично абстрагированный формант *-ьн-*. Родовая дифференциация этих топонимов — изначальных прилагательных — не зависит исключительно от родовой принадлежности основы опущенного существительного (*ezero, *gora, *gordъ, *město, *polje, *rěka, *sedlo,

[1] H. Borek. Zachodniosłowiańskie nazwy toponimiczne z formantem *-ьn-*. Wrocław, 1968, стр. 482.

*vьsь и т. п.), а подчиняется родовой классификации, господствующей на данной территории. Таким образом, на славянской территории образовались отдельные зоны, характеризующиеся преобладанием того или иного родового форманта, например: *-но* преобладает на юго-западных лехитских землях, *-ен* — на южнославянских, *-не* / *-не́* в Словакии, южной Польше и т. д.

Ввиду трудности сбора исчерпывающего исторического материала и идентификации топонимов, взятых из различных источников, в анализе восточнославянских топонимов пришлось ограничиться одним основным источником — «Списками населенных мест» всех губерний царской России конца XIX и начала XX в. Поскольку эти списки (изданные Центральным статистическим комитетом Министерства Внутренних Дел) не охватывают всех (и особенно некоторых западных) губерний, то этот источник был дополнен аналогичными списками того времени, а недостающий материал по Западной Украине был дополнен современными материалами (см. перечень источников).

В более старых списках названия записаны по-русски, что не исключает русификации многих белорусских и в особенности украинских названий. Это не сказывается на этимологически-смысловой интерпретации названий, однако, несомненно, затрудняет анализ их родовой дифференциации, например, первичные суффиксы **-ьная*, **-ьное* на украинской почве выступают в виде *-на*, *-не*, чего более старые источники не отмечают. Поэтому на этой территории трудно отличить первичное **-ьна* от позднейшего **-ьная*, так как в письменном *-ное* можно предположить укр. *-не*. Ввиду этих трудностей примеры с *-на* / *-ная* на украинской территории рассматриваются нерасчлененно, поскольку лишь дальнейшие детальные исторические исследования позволят более точно разграничить эти родовые типы.

Встретившиеся в списках гидронимы также подвергались анализу. Однако этот материал нуждается в дополнениях. Учитывая это, в работу включен ценный материал по гидронимике, содержащийся в трудах В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева [2]. Из этих работ взяты

---

[2] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962; О. Н. Тру-

лишь те названия (вернее те семантические основы), которые не были засвидетельствованы в списках, поскольку идентификация всего заключенного в этих источниках материала практически невозможна. Специальных работ, посвященных изучению интересующей нас темы, пока нет. Отдельные упоминания с формантом *-ьн-* встречаются в общих работах по восточнославянской топонимии, главным образом в региональных монографиях, число которых возрастает. В них мы имеем дело в основном с регистрацией и интерпретацией конкретных топонимов на *-ьн-*, встречающихся на данной территории.

Из наиболее известных авторов в первую очередь следует назвать А. М. Селищева [3], который среди других топонимических типов упоминает также названия с формантом *-на-*, интерпретируя их как исконно адъективные формы, связанные генетически с соответствующими существительными, обозначающими географический объект, например: *Дубна*, т. е. **Дубьна деревня* и т. п.

Л. Л. Гумецкая, исследуя топонимику в украинском приказном языке XIV—XV вв.[4], приводит много названий на *-но* и *-ное*, иллюстрируя историческими примерами их вторичную субстантивацию, например 1445 *Сенно / Сенно село*.

Интересные замечания, касающиеся рассматриваемого топонимического типа, находим также в отдельных докладах, прочитанных на Общесоюзной топонимической конференции в 1965 г.[5] Так, В. А. Никонов [6] резонно утверждает, что стратиграфический анализ топонимических названий может помочь при установлении территории распространения славян, отмечая, что в самый древний период в названиях городов доминировали форманты *-ен*, *-ов*, *-ск*, а позднее также *-славль*.

бачев. Названия рек правобережной Украины. М., 1968.

[3] А. М. Селищев. Из старой и новой топонимии. «Сборник статей по языковедению», т. V, М., 1939.

[4] Л. Л. Гумецкая. Топонимика в украинском приказном языке XII—XV вв. «Мовознавство», т. XIV. Київ, 1957.

[5] «Всесоюзная конференция по топонимике СССР (21.I—2.II 1965). Тезисы докладов и сообщений». Л., 1965.

[6] В. А. Никонов. Топонимия и формирование восточных славян. «Всесоюзная конференция по топонимике СССР (21.I—2.II 1965)».

В. Б. Вилинбахов [7] подчеркивает роль Новгородской земли для этногенеза восточных славян и отмечает в топонимии этой территории следы западнославянской топонимии в виде часто встречающихся названий на *-но* и *-аны*. Мой материал подтверждает верность этого наблюдения, хотя, возможно, здесь нельзя говорить о непосредственных влияниях, а лишь о старых общих тенденциях развития.

И, наконец, И. Д. Исаевич [8] приводит несколько старых названий городов с формантом *-ен* на территории Прикарпатья (*Червен*, *Дубен*, *Колодяжен*, *Пересечен*), связывая причины их позднейших родовых изменений (*Чермно*, *Дубно*, *Пересічна*) с заменой в украинском языке родового определяемого *градъ* на *місто*, *село*, *урочище*. Мне эта причина не кажется основной, поскольку формант *-ен* исчезал в равной мере как на востоке, так и на западе прежде всего вследствие внутренних структурных перестроек самих образований на *-ьн-*, обычно заменяясь более продуктивными формантами: *-но-*, *-на*, частично *-не*.

Анализируемый материал представлен в алфавитном порядке с указанием числа названий, встретившихся на русской, украинской и белорусской территориях (см. ниже). Ввиду их обилия, пришлось отказаться от точных ссылок на источники и от локализации топонимов. К украинским отнесены названия на территориях бывших Бессарабской, Волынской, Екатеринославской, Киевской, Подольской, Полтавской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Таврической губерний, а также нынешней Западной Украины, к белорусским — бывших Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний. Границы указанных административных областей не точно совпадают с языковыми, однако дают определенную ориентацию.

Изолированные примеры приводятся в таблице полностью, с родовыми окончаниями, частотные — в виде топоосновы без родовых окончаний. Большое число названий, образованных на базе предложных конструкций (тип: *Подлесно* < *под лесом*), дано в обобщенном виде —

---

[7] В. Б. Вилинбахов. Топонимика и некоторые вопросы истории древней Руси. — Там же.

[8] И. Д. Исаевич. Древнейшая топонимика Прикарпатья и верхнего Побужья. — Там же.

на соответствующий предлог. Дублетные формы названий (*Бумботная* / *Бумботка*) даются через косую черту. Знаком + в таблице отмечено наличие названий с подобными основами на западных и южных славянских территориях, знаком — отсутствие. Однако сравнение это носит лишь самый общий характер, так как имеющийся в нашем распоряжении материал по южным территориям недостаточен. Знак : в материале означает, что за ним следует предлагаемая автором этимология. В предлагаемом анализе материала топоосновы даются со строчной буквы, а топонимы, из которых они вычленяются — с прописной буквы курсивом.

При семантическом анализе имен определенных типов важно установить их словообразовательные возможности, поскольку в зависимости от этого отдельные форманты могут существенно отличаться друг от друга. Например, продуктивный формант *-ьск-* [9] может с одинаковым успехом присоединяться и к апеллятивным, и к антропонимическим основам и, следовательно, имеет иные словообразовательные возможности, чем формант *-ьн-*, который присоединяется, как правило, к апеллятивам и лишь в исключительных и, очевидно, «вторичных» случаях к неличным антропонимическим обозначениям. Зато в области апеллятивов его возможности настолько широки, что образования с *-ьн-* явно преобладают над прочими апеллятивными топонимами. Это показано на материале западнославянских топонимов, где автору удалось выявить свыше 700 первичных словообразовательных основ, а также значительное число основ вторичных. Еще ярче это иллюстрируется материалом данной работы, содержащей 1142 словообразовательные основы, в том числе много вторичных. Семантические функции форманта *-ьн-* в топонимии при таком широком диапазоне основ и такой продуктивности образований должны быть также очень широкими, и поэтому трудно их привести к какому-либо общему знаменателю. В начале статьи уже говорилось о том, что «живучесть» форманта *-ьн-* в топонимии обусловлена большой продуктивностью апеллятивных прилагательных на *-ьн-*, которые в связи с этим характеризуются значительной смысловой «бесцветностью». Их

---

[9] Ср., St. Rospond. Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-ьsk-*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969.

основной функцией является общеатрибутивная, выражающаяся в адъективизации разных словообразовательных основ без четкой реально-смысловой разграниченности. Связи этого форманта с отдельными основами были по преимуществу случайными, продиктованными ситуацией с факультативным содержанием, например польск. leśny kwiat 'лесной цветок' — 'цветок из леса', leśna droga 'лесная дорога' — 'дорога через лес', leśny wyrąb 'лесная вырубка' — 'вырубка в лесу' и т. д.

В самом древнем топонимическом слое первоначальные границы употребления прилагательных с формантом *-ьн-* были довольно четко определены: обозначение разнообразных характеристик территорий — сначала как типичные атрибутивные определения в эллиптических сочетаниях, затем уже как самостоятельная лексикализованная топонимическая структура. Их свободное факультативное содержание дало возможность отражать самые различные особенности местности и сложные связи человека с географической средой.

Однако со временем, когда названия с формантом *-ьн-* укрепились как самостоятельная ономастическая формация, стали возможными образования по аналогии, вторичные названия, а также примеры с трудным для объяснения топонимическим значением. Возможность этого второго этапа чисто механических образований с формантом *-ьн-* необходимо иметь в виду при семантической классификации материала, который базируется на новейших источниках XIX—XX вв., но не подкреплен историческими записями. Многие субстантивные названия, вторичные либо просто неясные, свидетельствуют о том, что материал охватывает разные словообразовательные слои, как древний, так и позднейший, когда формант *-ьн-*, благодаря своей продуктивности, служил для механического создания топонимов.

Поскольку все отапеллятивные топонимы, по классификации В. Ташицкого [10], сводятся к двум смысловым группам: топографические названия и названия «культурные», связанные с деятельностью человека, а для более тщательного семантического анализа такое деление является слишком общим и недостаточным, то в рамках

---

[10] W. Taszycki. Słowiańskie nazwy miejscowe. Ustalenie podziału. Kraków, 1946, стр. 45.

данной классификации выделены более подробные смысловые подгруппы, позволяющие точнее охарактеризовать основные смысловые функции форманта *-ьн-*. Однако следует сказать, что и это более дробное деление не свободно от некоторого схематизма, явившегося следствием большого смыслового диапазона форманта *-ьн-* (например, топоним *Колодно* может означать как место либо реку, заваленные колодами, т. е. топографическое название, так и место, поселение, укрепленное колодами, т. е. название, связанное с деятельностью человека), а также смысловых колебаний многих географических терминов, составляющих основу анализируемых названий [11].

Среди топографических названий, которые «выражают топографическую или географическую особенность местности» [12], прежде всего выделяется наиболее распространенный тип.

1. Физико-географические названия, непосредственно характеризующие рельеф местности и различные ее особенности. Здесь преобладают определительные названия, среди которых могут быть выделены:

а) названия, отражающие характерные особенности местности, поселения: алмазный, бедный, безводный, бездырочный, безлесный, безлычный, белогорный : белая гора, беломестный : белое место, белопашенный : белая пашня, беспечный (укр. безпечный), беспутный, блажный ‘опасный’, блакитный (укр. лазурный) [13], бледный, близный / ближний, важный, величный : великий, верхний, вехотный : вехот ‘пучочек соломы, подстилка’, вечный, *Видно* : *vid- / *veid- ‘крутить, вить’ (Бор. 254), видочный (укр. видный), внезапный топ. ‘скорый, быстрый’, возвратный, вольный, *Волковойна* — ‘где волки воют’, восточный, выгодный, выгорный : выгорать, сгорать, выдырный : выдрать, выжний (укр. вижній, горный), выметный, высадной : высадить, пересадить, гласный : глас / голос, голодный, горестный, горишний (укр. горішній ‘верхний горный’), горный, граничный, гранный : грань,

---

[11] Ср.: Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.

[12] W. Taszycki. Указ. соч., стр. 45.

[13] Помета (укр.) означает украинизм. Орфография сохраняется русская, как в источнике. Некоторые изменения внесены в написание приставок: беспутный (в списках: безпутный) (*Ред.*).

грубный : грубый, дальный / дальний, двоебортный, двойничный, двудельный, двулучный, двуречный, десной 'правый', длинный, дольный, долишний (укр. долішній, 'нижний'), домашний, дорный : дор < драть, дупельный : дупло, едный : ед / яд, жарный : жар, жемчужный : жемчуг, жирный, жмурный : жмурить, забежный : забег, задний, западный, заходный (блр. заходні) : заход 'запад', зимний / зимный, изменный, переменный, изобильный, клубный : клуб 'шаровидная вещь', колесный, *Коломно* : диал. коломень 'окрестность', конечный : конец, крайний, красный, краснопутный : красный путь, кривомежный : кривая межа, крутный : крута 'изгиб реки', кустарный, ланный : лан 'поле, нива', лежный : лежать, *Лепный* : лепый 'красивый', личный, лунный, лютный : лютый, *Малавна* : малый (?), медный, межный, мильный : миля, миловидный, мирный, *Модно* : модеть 'таять, тлеть' (?), мутный, неводный, невольный, некременный 'без кремня', немилый, нераздельный, неразлучный, нератный, неровный, нерыбный, нескучный, неудачный, нечаянный, нижний, обельной 'облый, круглый', объездный, обильный, обличный, обочный, ожерельный : ожерелье, окольный, окропный : окроп 'кипяток', оловянный, оплетный, оскочный : оскочить / обскочить 'окружить', осыпной : осып / обсып, откосный : откос, отъездный, отскочный, отходный, отшибной : отшиб, певный (укр. певний 'верный, уверенный'), перевесный, передельный, перемежный, перещепный, плетный : плеть, повольный 'вольный', подобный, пожарный, пожиточный (укр.), поздний : pozdě — топ. 'сзади' (Бор. 191), полазный : полазить, полезный, половинный, полуденный, полуночный, поперечный, *Попружна* : *porǫgъ — топ. 'длинная узкая полоса', постельный, починный, прелестный, пробежный, прохладный, проходной, пушный : пух / пушь, пушина 'мякина', ср. пушная земля, пышный, 'буйный', раздельный, раздорный, разметный : разметить, рассыпной, раскосный : раскос, расклонный : расклон, расходный, *Ревна* : *rev- < *rьvati 'рвать', ровный, родной, рожный, рубежный, *Рыжный* : рыжий, рыпный : рыпать, 'скрипеть', сагайдачный 'окольный', санный, *Свидно* : свидый 'незрелый, зеленый, кислый', северный, семиверстный, семидубровный, семистрельный, семичастный, серебренный, середний, *Синное* : синий, скрытный, *Славно* : *slav- 'струиться, окраплять' (Бор. 216), слом-

ный : слом, смирный, солонечный : солонец ‘соленое озерище, соленые грязи’, сольный : соль, соседний, спешный ‘внезапный’, ‘скорый’, спокойный, спольный : сполье ‘межа’, стеклянный, *Стрельна* : *strěl- — топ. ‘быстро течь’ (Бор. 228), страшный, стройный, струпный : струп (топ.?), *Суровна* : суровый, *Суромный* : суром ‘шум’, сушный : сушь, сухой, тайный, творожный : творог, темный, тесный, тучный ‘обильный’, тысячный, удачный, удельный, удобный, упорный, устанный : устать ‘стать’, устронный (блрус. устронны ‘укромный, пустынный’), холодный, хыстный : хыста ‘кусок холста, платок’, червоный, черемный / чермный ‘красный’, четвертной, чистоснежный, чудный, *Шайно* : шаить / шаять ‘таять, топиться’, *Шуйно* : шуий ‘левый’, также растение шуя ‘Bromus secalinus’, *Юговна* : юг, явный, — всего 215 основ и 927 примеров;

б) названия, отражающие рельеф местности: бал / балка, берег, болонь ‘низменное поречье, покрытое травой’, борозда, брод, буй / буйвище ‘высокое открытое место’, вал, взгорье, висок (топ. ?), ворота — топ. ‘проходы, глубокие ущелья’, враг ‘овраг’, вылом ‘пролом’, выскид ‘буревал’, выскор ‘бурелом, выкорча’, галица / гало ‘открытое безлесное пространство; гнездо, голова — топ. ‘начало, исток, верховье’, головья ‘открытое море’, голь ‘голое место’, груда, гряда, дорога, *žal- ‘песчаное место, берег’ (Бор. 274), жолоб — топ. ‘глубокая и узкая долина’, залив, збочье / збич (укр. збоче / збіч) ‘склон горы’, кадь / кадка — топ. ‘вырытая водой котлообразная яма’, кадовба (укр.) — топ. ‘углубление на дороге’, копань ‘яма, неглубокий колодец’, короста — топ. ‘неровная, всхолмленная местность’ (Бор. 79), корыто — топ. ‘русло реки’, котел, кресты / крестцы ‘развилка дороги’, крюк / крючья — топ. ‘крутой загиб, поворот дороги, реки’, кулига ‘клин земли, безлесное место’, култук (тюркск.) ‘угол, кут, рукав реки’, купа, кут ‘угол, окраина’, лава — топ. ‘порог, речная гряда’, лаз ‘тесный проход’, линия, лоб — топ.‘ мыс, крутой берег’, лог / ложок — топ. ‘долина, балка, овраг’, лом, бурелом, лоно, лопата / лопатина — топ. ‘округлое углубление’, лот / лоток ‘плоское корытце’, лука / лук, ляга ‘яма с водой’, ляда ‘пустошь, новь’, могила ‘холм, курган’, нагиб ‘загиб, колено’, обвод / обод, обиток / обток (Труб. 130—131), облив ‘залив’, облом, обрез ‘край,

грань', огиб 'лука, окраина', оклад 'обвод, чертеж', око — топ. 'глубокое место в реке', округ, олом 'облом', омут / омутина 'яма под водою в реке', остреш — ср. польск. ostrysz 'горка, холм', остров, пасть 'провал', перебой 'заколье', перебор 'каменистый порог в реке', перевод — топ. 'балка, прогон', перекоп, перепад, петля, пещера / печора, плато / платок, площадь, подолье, покутье 'кут, угол', полица 'низкий яр', полом, полоса, поляна, пробой, провал, провора 'овраг', прорыв, проток, пустыня, путь, разбой — топ. 'участок реки, где много отмелей, перекатов', развил, раздол 'долина, лог', раздорожье, разлив, рассоха 'развилка', рот — топ. 'падь, ущелье', рука — топ. 'рукав реки', сопка, стёка / стечка 'стечение вод', степь, стырь — топ. 'холм', *Трехвражное* : враг, овраг, убережье, угол 'перелом, выступ', улица, урвень 'крутой перелог, берег', ухаб, *Ушна* : ухо — топ. (?), шар — топ. 'слой, пласт земли, плоскость', шея — топ. 'пролив, узкое место', *Шибенное* : шибать, ср. шибелистая дорога (?), щит — топ.'взгорье' (Бор. 239), яма, яр — всего 112 основ и 382 названия;

в) названия, отражающие характер почвы и влажность: бель 'болотистый луг', болото, брение / берние 'глина, камень', брус 'песчаник', гверста / дверста / дреста 'мелкая галька, дресва', глина, глыба, гнила, гнить, гной, грузкий 'топкий', грязь, дрем / дрема 'непроходимое болото', дресва / дряства, дур — топ. 'гной', дрянь / дрань — топ. 'болото', железо, земля, зыбь 'трясина', ил, кал, камень, камыш / комыш 'болотная очереть', кач 'трясина', клей, кожух — топ. 'топь, трясина', ком 'груда, глыба', кремень, *Лезно* : *lěz — топ. 'низкое место, заливаемое водой' (Бор. 128), лой / лоина — топ. 'лог, овраг', люша 'грязнуха', магнит, мель, мокрыш / мокруша, нива, окат 'грязь', опока 'скала', песок, плав 'трясина', поле, полонь 'чистое безлесное место', полонина, попел, ропа, руда, ряса 'мокрота, топкое место', сага 'болото, трясина', скала, сковорода — топ. 'плоский, подводный камень', служ / слуда 'мочажины', тряс — всего 50 основ и 380 примеров;

г) названия, обозначающие воду и атмосферные явления: буран, взмут, вихор 'водоворот', водопой, волога 'вода, жидкость', дождь, дуга, дух 'воздух', дым, исток, истопить, калюжа / лужа, ключ 'родник', криница / кренница, кур 'дым', лед, лей < лить, лоса — топ. 'гладкая

поверхность воды', лужа, метель, молоко — топ. 'жидкость' (Бор. 142), мороз, озеро, пара, пена, плесо, пронос 'стрежень, русло', пруд, пыль 'метель', разводье, рассол 'солепая вода', река, родник, роса, сало — топ. 'стоячая на болоте вода', *Сладководная* : сладкая вода, снег, солодь, *Стобно* : *stob- 'болотные воды' (Бор. 225), став, стреж / стрежа 'быстрое течение', струя, талый < таять, ток, убиение 'прибой воды', хиз 'дождь, зимный ветер', — всего 45 основ и 140 названий;

д) вторичные топографические названия [14], определяющие положение данного объекта по отношению к другому объекту. Наиболее многочисленны среди них названия, образованные от конструкций с предлогами: *Заболотная* : за болотом, *Набережна* : на берегу, *Надпоточный* : над потоком, *Побочная* : по боку, *Урожное* : у рога и т. п.

Сюда можно отнести также значительное число названий с начальными компонентами *Вновь-*, *Ново-* и *Старо-*: *Вновьпоселенная*, *Новокрасное*, *Новохуторная*, *Стародальная*, *Старопашенная* и т. п. как отражающие расположение по отношению к другому поселению, основанному раньше или позднее. Основы, сочетающиеся с предлогами, весьма разнообразны; но все они оформляются суф. *-ьн-*, о большой продуктивности которого свидетельствуют собранные нами 700 примеров.

2. Названия, связанные с растительным миром, — вторая большая группа в разделе топографических названий. К ним относятся следующие основы:

арбуз, береза, березник, берест, блющ / плющ, боб, боз / бузина, бор, борщ 'Acanthus', бред 'ива', брость 'почка', бурак, верба, верес / вереск, веть, вить / ветвь, вяз, гай, гвоздь 'лес', горох, горчица, гречуха / грешка, гриб, дер / дерник 'Prunus spinoza', дерево, дереза / дерюза 'Cavagana frutescens', деряга / дерюга 'Lycopodium', дрязг 'лес', дуб / дубик / дубок, дубрава, дыня, ель / ельница, жимолость, жито, ива, илем 'вяз, Ulmus', караич / карагач тюркск. 'Ulmus pamila', кастерь / костра 'сорная трава', клен, кора, корень, крапива, крушина, куга / кугольник 'Typha', куколь 'Agrostemma

---

[14] Ср. P. Zwoliński. Słowiańskie nazwy miejscowe Bułgarii. «Sprawozdania Akademii Umiejętności», t. LI. Kraków, 1950.

githago', купава 'Nymphea', лабузье 'бурьян', лам 'хворост', лебеза / лабазина 'хворостина', лен, лес, леша / лещина 'орешник', лиза 'Allium metans', липа, лоза, лопуха / лапуха, луб, лыко, мак, мох, мыло 'Dianthus', ольха, омела, орех, оса / осика 'осина', осет / осот, очерет, папороть / папорть, пелево / плевелы, пневье, просо, пшено / пшеница, репа / репица, рогоза, рожь, рожица 'Malva silv.', рокита / ракита, семя, сено, сибирек 'Cavagana frutescens', сит 'Juncus L.', слепец (растение), смовдь (укр. 'Laserpitium latifolium'), смерека (укр. 'ель'), смородина, солома, сосна, сосняк / сосняг 'сосновый лес', ствол, стебель, стебка 'хлыст, розга', табак, таволга, тина 'Chara', тополь, трава, трость, хворост, хвощ, хвоя, хмель, хмельнужка 'хмелевая плеть', хрен, цвет, чемер / чемерица 'растение', черемуха, черень 'дубовый лес', чеснок, шмара 'Lemna', щеть (растение), яблоко, яблонь, ягода, ясень, ячмень — всего 120 основ и 725 названий.

3. Названия, образованные от апеллятивных названий животных:

агнич 'агнец', блоха, волк, воса 'оса', выдра, гад (змея), глиста, голубь, грай / грач 'Corvus fugilegus', гусь, жаба, жеравь / журавль, казара 'Anser torquatus', карась, клещ, клокуша, 'утка'; кобыла, козел, комар, конь, кочет 'петух', крек 'лягушачья икра', куна / куница, линь / лень, лис / лисица, лосось / лососина, лось / лосина, медведь, моклок 'вид дикой утки', муравей, овад 'овод', овца / овчина, пес, пеструха 'тетерка, глухарь', пиявка, пчела, рак, рыба, рысь, свинья, селява 'рыба Aspius clupeoides', сиг (рыба), синица, скворец, сова, сокол, стрек / строк 'Tabanus', тетерев, тур, уклея, хома / хомяк, чапля, щегол, щука, ястреб — всего 58 основ и 126 названий.

Соотношение различных типов топографических названий, составляющих в нашем материале абсолютное большинство, можно изобразить в виде следующей таблицы:

Тип основы	Число основ	Число названий
1. Физическая география:		
а) характерные особенности территории	215	927
б) рельеф местности	112	382

Тип основы	Число основ	Число названий
в) почва	50	380
г) вода и атмосферные явления	46	140
д) вторичная топография		707
2. Флора	120	726
3. Фауна	58	126
	Всего 601	3388

Названия, связанные с деятельностью человека, встречаются реже топографических. Они составляют вторую семантическую группу названий с формантом *-ьн-* в рамках их основной топонимической функции. Здесь можно выделить следующие группы названий:

1. Названия, связанные с материальной культурой:

амбар, баня, блин, бондарь, борть 'колода для пчел', брага, бревно, бронь / броня, будара 'дубок, грузовая лодка', буда 'плетенка', верт 'сад', вежа 'башня', весло, вино, виноград, винокур, волок 'переволока', гасия 'гумно', гать 'настил из хвороста и бревен через болото', голубница, гончар, горнец 'горшок', город / городок, горожа, горшок, гумно, деготь, дерть 'корчевье', дровосечь, друк / дрюк, жердь, иго, изба / избица, istъba / istobka, извоз, кий 'палка', кирпич, клеть / клетка, ковар 'кузнец', кожа, кол, колода, колодезь, колодница, комяга 'лодка', конорез 'резанье лошадей', копь, копать, копье, корабль, коровай 'пирог', коруна 'корона', корчма, костарь, кошара, кров 'крыша', кужа 'плетеная воронка для ловли рыбы', кузнец, курея, курень, лагерь, лапоть, лодия, лут / луть, лыко, маяк, мельница, меч, молот, мост, мостить, мочало, наковальня, обора, оброк, обсек / осек, овин, овчарня, огнище 'срубленный и спаленный лес', одверье, орать, осада, острог, паль, пальник 'выгорелая прогалина', папир 'бумага', парус, пасека, перевесье 'место ловли', переволок, перерубь, пересек, переход, печь, пила / пильня, пирог, пища, плот, плуг, плут / плутево 'поплавок у сетей', повар, повит (укр. 'уезд'), погреб, подворье, попас 'место выпаса скота', поруб, посох, построить, пушкарь, расчист 'вырубленное и выж-

женное место в лесу', решето, роспахать, рубить, рыбак, ряд 'селение, хутор', сабля, сад, садыба (укр. садиба 'селение'), сахар, сбор, светлица, свинарня, свобода / слобода, свод 'арка', секира, село, скарб, скорода 'борона', соха, станица, стая 'стадо, двор', стодола (белор. 'овин'), столб, столп, страда, струб / сруб, стукало 'палица, колотушка', ступа, сутяга 'проволока', *Сухоблюдная* : сухое блюдо (?), сыромят 'кожа' табор, таша 'палатка', теребить, терем, тобол (тюркск. 'сума, котомка'), товар, толока 'выгон', топорище, ср. топорищное дерево, тыка, тын, хабар (тюркск. 'сообщение, новость' рус. обл. 'гостинец, угощение'), хижа 'изба', хлеб, хлев, хомут, хрусталь, хутор, часовня, шабля (укр. 'сабля'), шатер 'палатка', шуба / шубка, щепа, яз / ез 'перебой' — всего 167 основ и 516 названий.

2. Названия, связанные с общественной и духовной жизнью человека: артель, *Богородичное* — по названию церкви, бой, ватага, владыка, выезд, гостина, грабеж, гридь / гридьба 'княжеская дружина', дед, дел 'дележ, раздел', *Dulěbъ этноним, ездок, желья древнерус. жалоба, жеребей 'пай земли', заклад : закладывать, извоз, инвалид, инженер, караул, *Каратай* 'отатарившийся мордвин на Волге', караван, казна, князь, *Козар* 'хазар' этноним, костел, лупление, льгота, мечеть, мыто, наряд 'группа военнослужащих', находъ 'набег, нападение', охота, перевоз, переезд, победа, побой, побоище, подел, погром, рассыл, рать, ремонт, *Рождественное* — по названию церкви, руга 'церковная земля', семья, сотня, сторож, тать, уплата, устав, хоромы / храм, церковь, ясак — всего 53 основы и 132 названия.

Кроме того, в материале встретились названия, которые можно отнести к так называемым топонимическим абстракциям. Они связаны с деятельностью человека, его общественной и духовной культурой, однако нередко в них трудно обнаружить реальное смысловое топонимическое содержание, хотя они, как правило, ясны по значению, так как составляют новый слой топонимов на *-ьн-*, ср.: *Алтынная* : алтын 'монета', *Безденежная* : безденежный, *Беззаботная* : беззаботный, *Безумная* : безумный, *Безукладная* : безукладный, *Безыменная* : безыменный, *Беседное* : беседный, *Беспечна* (укр. 'беспечный'), *Бесспорная* : бесспорный, *Бессчастная* : бессчастный, *Бес-*

шапочная : бесшапочный, *Благодатная* : благодатный, *Благословенная* : благословенный, *Блаженное* : блаженный, *Владинное* : владенный / владейный, *Выборная* : выборный, *Ганебная* : ганьба 'позор', *Грамотный* : грамотный, *Денежная* : денежный, *Добродушное* : добродушный, *Докучное* : докучный, *Дружна* : дружный, *Жалованная* : жалованный, *Желанная* : желанный, *Забавная* : забавный, *Заботная* : заботный, *Званное* : званый, *Единенное* : единение, *Любезна* : любезный, *Милостна* : милостный, *Молебное* : молебный 'просительный', *Надежная* : надежный, *Наказное* : наказный, *Недружно* : недружный, *Нужна* : нужный, *Обыденная* : обыденный, *Офирна*, укр. офірний, *Отписная* : отписный, *Отважная* : отважный, *Отрадное* : отрадный, *Памятная* : памятный, *Переможне*, укр. перемогти, победить, *Погибна* : погибать 'исчезать, пропадать', *Помошная* ср. помощь, *Похвальная* : похвальный, *Праздничный* : праздничный, *Прехвальное* : прехвальный, *Призначная* : призначный, *Проказна* : проказный, проказливый, *Променная* : промена, *Радостная* : радостный, *Радушная* : радушный, *Разгульная* : разгульный, *Ранное* : ранний, *Разумная* : разумный, *Роскошна* : роскошный, *Случайна* : случайный, *Союзное* : союзный, *Спорная* : спорный, *Тритузное* : три туза, *Успешная* : успешный, *Утешное* : утеха, *Хлопотная* : хлопотный, *Шляхетна* укр. шляхетний 'благородный' — всего 62 основы и 232 названия.

Кроме этого существует группа названий, свидетельствующая о механической продуктивности форманта *-ьн-* в топонимии. Это вторичные названия, образованные от уже существующих топонимов, либо выступающие параллельно с другими названиями тех же объектов, имеющими иную словообразовательную структуру. Без исторических документов нельзя определить, которое из названий появилось раньше: *Байрачный / Байрак*, *Ботыжное / Ботыжка*, *Бунботная / Бумботка*, *Генеральное / Губернаторское*, *Гласно / Гласново*, *Жданная / Ждановка*, *Касна / Каськи*, *Кошна / Косина*, *Крестное / Крестново*, *Кульно / Кулино*, *Кушинное / Кувшивный Колодезь*, *Кучугурный / Кучугуры*, *Лиманное / Лиманъ*, *Лосменна / Лосмина*, *Лужесно / Лучеса*, *Моравна / Морава*, *Морочна / Мороч*, *Огороженное / Горожино*, *Описна / Ольга*, *Осотно / Осотино*, *Осужное / Осуга*, *Певная / Певново*, *Пересна / Переспа*, *Плюсна / Плеснец*, *Потесная / Потеска*,

Птична / Птичина, Ручевенной / Ручья, Савишное / Савинское, Семидесятное / Семидесятка, Сербишна / Сирбигина, Собинное / Собнино, Средипольная / Средиполье, Страстна / Тростенка, Стреличный / Стрелица, Студенная / Студена, Сукромна / Сукрома, Сучно / Сучки, Туречна / Турищевка, Уежная / Уед, Устюжна / Устюг, Ушично / Ушица, Ущерно / Усть-Черновая.

Остальные названия можно отнести либо к субституционным, либо к сомнительным и неясным. Особенно много старых субституционных названий встречается среди гидронимов, что свидетельствует о том, что формант *-ьн-* издавна служил для славянизации иноязычных топонимов, главным образом балтийского происхождения. Помимо этого остается сравнительно многочисленная группа названий, основы которых не удалось объяснить с достоверностью на основе доступных материалов. Возможно, часть основ прояснится из диалектного материала, который был для меня недоступен. С другой стороны, нельзя забывать о вторичных изменениях и преобразованиях в названиях, которые можно объяснить только на основании исторического материала. Вот эти названия:

Абольна, Аряжное, Бладышная — Владычная (?), Блядно, Божно : Бог (?), *Болобовно, Боретное, Боройна, Борзна, Ботна* субст. Труб. 250, *Ботыжное, Брезленное, Брудная*, блр. бруд или первичное *Бродная, Вайно, Вамна, Ведно, Вейно*, субст. *Розв.* 78, *Вельбовно, Вельна* балт. ТТ 179, *Велижно, Веребейная* балт. ТТ 143, *Веровна, Ветесна* балт., *Вилижна, Вилична, Вильно* балт. Труб. 179, *Вовна, Воздружное* : воздружить (?), *Волховолочный* — волха 'ольха'?), *Вуйна, Вызна* балт. Труб. 180, *Вымно* : вымя (?), *Глезна, Глембочно* (Витебск) — возможно полонизм: Głęboczno, *Глутна, Глядно* : глядеть (?), *Гненный, Головесна, Гримна* (укр.), *Гришно* : грич 'собака' (?), *Деревейна, Деремезна, Добосна* балт. ТТ 184, *Доленжно* (Волынь) — возможно полонизм : Dolężno, *Дретно, Дритовно, Дрижно* балт. ТТ 143, *Дрозна* : дрозд (?), *Драсна / Дресна* балт. ТТ 185, *Евна, Желомейно, Замелкишна, Заргиная, Звинечный, Зденный, Здянный, Зерна, Зобна, Зубильно, Зульна, Исерна, Каравошный, Карна / Корна* балт. ТТ 191, *Кеташна* ТТ 108, *Катешна* Труб. 151, *Каточижная, Качкарный / Кошкарный, Кильна, Клитна* балт. ТТ 191, *Кляшна, Ковбышный, Ковна* балт. ТТ 191, *Колбасна* : колбаса (возможно с переносным значением?),

Колмна, *Колодична* Труб. 28, *Колонна*, *Копольна*, *Кораичный*, *Корасно*, *Корожисна*, *Корасильна* Труб. 152, *Кошно*, *Котежно*, *Кульно* : куль 'мешок' или тюркск. (?) ср. Труб. 139, *Лабезна* балт. ТТ 109, *Ладосно*, *Лапузна* балт. ТТ 192, *Левна* балт. ТТ 105, *Лемна* / *Лямна* балт. ТТ 192, *Лирна* балт. ТТ 192, *Литизно*, *Литна*, *Логобная*, *Лумна*, *Лусна*, *Лынна* балт. ТТ 194, *Людвянный* Труб. 35, *Людная* ТТ 139, *Майна*, *Макарзна* ТТ 225, *Маленешный*, *Малодильно*, *Манна*, *Мецна* фин. ТТ 225, *Мойна*, *Молодечно* : молодец?, ср. также *Молода* : герм. мулдан 'земля' Труб. 80, *Муразична*, *Недна* балт. ТТ 198, *Нересна* балт. ТТ 198, *Новильная*, *Нуйно*, *Обуражное*, *Оражна* балт. ТТ 199, *Острежна* : острый (?), *Осучный* Труб. 36, *Осынное*, *Отельный* : отёл? *Перероvно*, *Пересветное*, *Перетесна* ТТ 109, *Перетна*, *Перно*, *Пертечно*, *Перстна* балт. ТТ 201, *Пинешно*, *Пласкинное*, *Покеречный* Труб. 35, *Политна*, *Полотебное* / *Полатебна*, *Попрозна* Труб. 143, *Портно*, *Поршна*, *Почайна* Труб. 145, *Пошарна*, *Претычный* Труб. 36, *Пусорогатна*, *Путошно*, *Развижна* Труб. 143, *Ракишна*, *Редна* ТТ 109, *Рекотна* балт. ТТ 204, *Решная*, *Ризна*, Труб. 143, *Роготно*, *Рочайна* : ручей (?), *Рубижна*, *Рыбижна*, *Рыдно*, *Рытна* ТТ 106, *Сапежная*, *Сверзно*, *Свично*, *Себерна* : себер (пайщик), *Семничный* : семь (?), *Силечно* / *Селешня*, *Сильно* : сила (?), *Скобная* Труб. 44, *Сквирна* балт. ТТ 207, *Скильной*, *Скорлотна*, *Скорпатная*, *Скуйна*, *Скулянный*, *Слутно*, *Смейно*, *Сосично*, *Сошно* / *Шесно* балт., *Спартесный*, *Срамотная* / *Сармотная*, *Стабна* балт. ТТ 117, *Стаботный* Труб. 35, *Стрестно*, *Стрышно*, *Сузна*, *Суражное*, *Сурная*, *Сусешна* : сусек? *Сутно*, *Табурное*, *Таковная*, *Таложно*, *Тверезна*, *Тольно*, *Тошна*, *Трашна*, *Тризна*, Труб. 193, *Турасна* балт., *Тюковный* : тюк (?), *Тянная* ТТ 140, *Тясна*, *Урмизно*, *Хвенна* Труб. 146, *Химное*, *Холосна*, *Хотнее* / *Хатнее*, *Храбузна*, *Цинное*, *Цильна*, *Цятно*, *Чажешно*, *Чейно*, *Чережно*, *Чумна*, *Шапанное*, *Шижна*, *Шильна*, *Шостна*, *Шурное*, *Щемельна* балт. ТТ 213, *Щутное*, *Ябыльна*, *Ящна* балт. ТТ 214.

Подводя итоги проведенного семантического анализа, следует подчеркнуть, что из 966 основ с прозрачной славянской этимологией 702 основы, т. е. свыше 72%, связаны с топографическим значением, остальные 264, т. е. 28% — с деятельностью человека. По отношению ко всем рассмотренным названиям процент топографических еще

выше: 76%. Объясняется это тем, что топографические названия выступают чаще всего в больших сериях и редко носят изолированный характер. Проведенный на восточнославянском материале анализ подтверждает общую закономерность, согласно которой структура на *-ьн-* в топонимии имеет прежде всего топографическое значение, и в меньшей степени связана с деятельностью человека.

Важным свидетельством древности топонимов, образованных с этим формантом, является широкое распространение их и общность представленных в них словообразовательных основ на всей славянской территории. Несмотря на неполноту южнославянского материала, о чем упоминалось выше, можно выделить свыше 100 общеславянских словообразовательных основ, встретившихся с формантом *-ьн-*. Их можно изобразить в реконструированном праславянском виде, так как они представляют, без сомнения, самый древний словообразовательный слой этой структуры: banja, berza, blizъ, bojь, bolta, borъ, brusъ, buda, bъčela, bъzъ, chvoja, chvorstъ, chlěbъ, choldъ, chormъ, čemerъ, dolъ, dǫbъ, dьrstь, dъždžь, glina, goldъ, gora, gordъ, gręzь, jagoda, jama, jastrębь, kalъ, kamy, komarъ, kǫpa, kǫtъ, koryto, krajь, kremy, kropiva, krasa, lěska, lipa, lomъ, loza, lǫgъ / lugъ, lǫk-/luk-, lubъ, medja, melko, mostъ, močidlo, mъchъ, na- (в предложных конструкциях), ne- (+ основа), olьcha, orkyta, ostrogъ, orzьbojь, orvьnъ, ǫgъlъ, paportь, pěsъkъ, plavъ, podъ-, po- (в предложных конструкциях), roditi, rogoža / rogozь, rěka, rěpa, rogъ, ruda, ryba, ręsa, sedlo, sekira, sitъ, skala, skorda, smola, smьrkъ, smьldъ, solma, stǫpa, svoboda, sьrebro, taj-, terbiti, tukъ, turъ, tьma, velikъ, věža, vid-, vino, vitь, volja, vorta, vьrba, za- (в предложных конструкциях), zadъ, zemja, zima, žaba, železo, žito.

Это в основном топографические названия и сравнительно старый слой названий, связанных с деятельностью человека (*gordъ, *mostъ, *terbiti и т. д.). Подобная обработка южнославянского материала позволила бы значительно расширить этот список общеславянских основ, встретившихся в топонимии с формантом *-ьн-*, так как общее число севернославянских основ включает дополнительно еще 232, что вместе с перечисленными составляет всего 340.

Итак, образования на *-ьн-* относятся к самым древним типам славянской ономастики, причем активность их возрастает за счет многочисленных новообразований. Эта продуктивность форманта *-ьн-* привела как на западе, так и на востоке к значительному расширению сферы его приложения, распространившейся главным образом на апеллятивную лексику. В результате можно выявить сотни основ, общих обоим ареалам, и множество основ, известных лишь одному из них.

Анализ севернославянских и самых древних западнославянских названий, засвидетельствованных в исторических записях (чего нам недостает для восточнославянской территории), показывает, что первичная и главная топонимическая функция формы на *-ьн-* заключалась в определении (в широком смысле) характерных черт территории, — с точки зрения физико-географической — в различных ее проявлениях (включая плоды деятельности человека), а также флоры и в меньшей степени фауны. Издавна известно также применение форманта *-ьн-* для морфологической адаптации названий иностранного происхождения, о чем свидетельствуют старые гидронимы главным образом балтийского происхождения. И только в позднейшем слое названий увеличивается число топонимов, связанных с общественной и духовной культурой человека (не характеризующих непосредственно территорию), а также вторичных образований с неопределенной нейтральной топонимической функцией.

Родовое подразделение названий с формантом -ьн-

Приведенный материал показывает, что топонимы с формантом *-ьн-* на восточнославянской территории так же распространены, как на западнославянской (число восточнославянских примеров — 4640 — немного более превышает количество обработанных мною западнославянских названий).

Необходимо учесть большие территориальные различия, а также пропорциональную концентрированность всех названий на этих территориях.

Если на основании материалов, представленных в «Списках населенных мест», число всех названий для европейских территорий старой России принять за 200 000, то

топонимы на *-ьн-* составят около 2,3%, т. е. такую же среднюю величину, как и на западнославянской территории [15]. Таким образом, можно сделать общий вывод, что сосредоточенность названий с формантом *-ьн-* на всей северославянской территории приблизительно одинакова, причем эта структура на фоне топонимических типов выделяется как редкая, но достаточно стабильная и повсеместно представленная.

Подобно всем другим первичным атрибутивным формам топонимы на *-ьн-* раньше могли выступать в трех родах: мужском, женском и среднем. Новообразования в рамках этой структуры приводили к наслаиванию на старый простой вариант: **-ьпъ*, **-ьпа*, **-ьпо* позднейших усложненных образований, соответствовавших господствующим в исторических славянских языках словообразовательным моделям: **-ьпъjь*, **-ьпаja*, **-ьпоje*. Таким образом, всего было шесть родовых подтипов этой структуры, и все они представлены в топонимии. Правда, в некоторых славянских языках произошло вторичное смешение отдельных первичных образований с простыми формантами и последующих образований со сложными формантами (ср.: польск. *-па*, чеш. и слав. *-ná* и т. п. вм. старых **-ьпа/*-ьпаja*), однако восточнославянские языки сохранили в основном без изменений это первоначальное формальное различие. Только в украинском языке путем стяжения первичных форм **-ьпаja* > *-па*, **-ьпоje* > *-пе* произошло выравнивание форм женского рода в единую форму *-па*.

Эта формальная принадлежность названий на *-ьн-* к разным грамматическим родам нуждается в особом стратиграфическом анализе в связи с территориальным «расслоением» отдельных родовых формантов, тем более что и на восточнославянской территории мы наблюдаем характерное преобладание отдельных родовых типов. Генетически родовая дифференциация этих названий обусловлена грамматическим родом предполагаемой основы (существительного): *Oročьnъ (gordъ), *Čьrmьna (rěka), *Brezьno (polje), однако не исключено, что уже в самом древнем периоде на отдельных территориях укоренились некоторые стереотипные основы, положившие начало преобладанию здесь какого-либо одного форманта. Во-

[15] Ср. Н. В о г е к. Указ. соч., стр. 399.

преки изначальной синтаксической зависимости этих предполагаемых сочетаний на родовую дифференциацию топонимов стали влиять различные процессы структурного характера, способствовавшие выравниванию по аналогии, что привело к механическому приспосабливанию родовых окончаний топонимов к господствующим на данной территории типам.

Родовая соотнесенность восточнославянских названий станет ясна из следующей таблицы.

Территория	*-но*	*-на*	*-ная*	*-ное/-не*	*-ной/-ный*
Русская	379	375	882	793	289
Украинская	106	285	197 *	311	299
Белорусская	291	112	78	304	17
Всего	766	772	1157	1408	535

* Украинские формы женского рода объединяем, так как без детального исторического исследования трудно отделить первичное *-ьна* от *-ьная*; списки часто дают названия в русифицированной форме.

В этих топонимах поражает отсутствие форманта *-ен* < **-ьпъ*, хорошо представленного до XIV в.[16]: *Буковенъ*, *Голоденъ*, *Городенъ* (2 назв.), *Дверенъ*, *Дубенъ*, *Дубеченъ*, *Истоженъ*, *Ключенъ*, *Колодяженъ*, *Котеленъ*/*Котельно*, *Красенъ*, *Лиственъ*, *Осеченъ*, *Песоченъ*, *Червенъ*. Эти названия либо исчезли, либо преобразовались путем аналогии в более типичные и часто встречающиеся: *-но* (*Дубно*, *Городно*, *Котельно*, *Красно*), *-на* (*Пересічна*), или *-не* (*Колодяжне*). Аналогичные процессы на западнославянских территориях привели к полному исчезновению этого малопродуктивного на севере форманта; зато на южных территориях распространения славян топонимы на *-ен* встречаются очень часто, ср. болг. и с.-хорв *Брусен*, *Брезен*, *Дебрен*, *Долен*, *Грабен*, *Кален*, *Коритен*, *Красен*, *Лещен*, *Липен*, *Плевен*, *Сливен*, *Воден* и т. д.

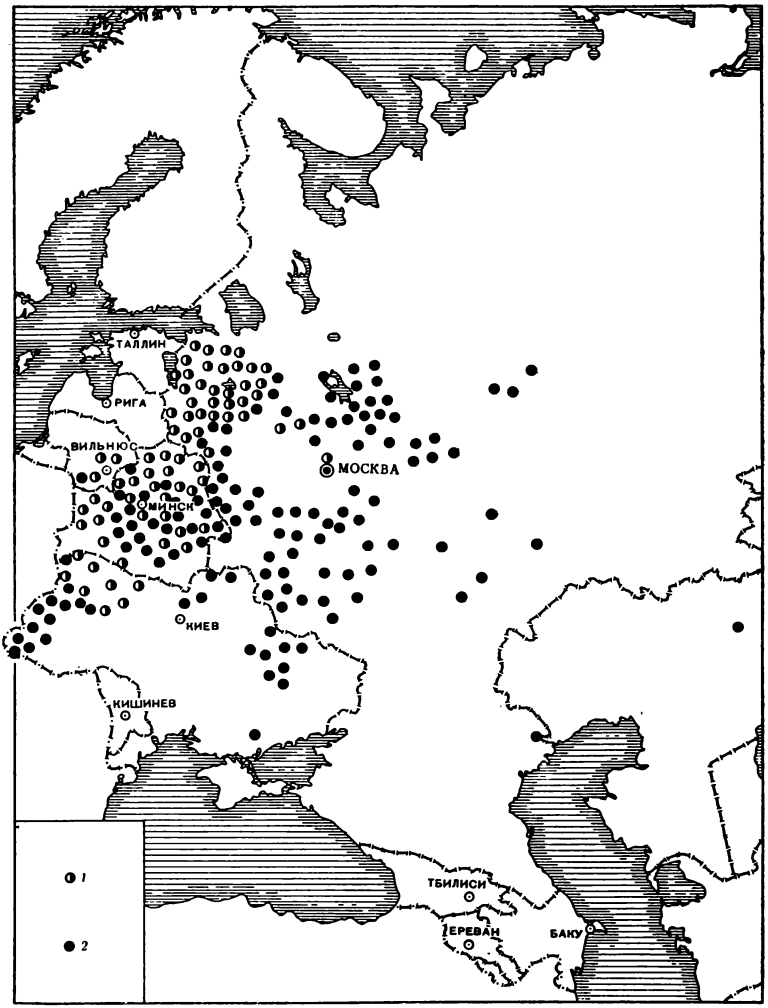
[16] Ср.: И. Барсов. Материалы для историко-географического словаря России, I. Географический словарь русской земли (IX—XIV стол.). Вильно, 1865; Полное собрание русских летописей. Указатель к первым восьми томам, т. II. Указатель географический. СПб., 1907.

Что касается сохранившихся на сегодняшний день родовых типов, то их характерные соединения наблюдаются на территориях, где вообще много топонимов с формантом *-ьн-*. Как правило, на одной и той же территории наличествует два — три и даже четыре (Новгород!) родовых типа.

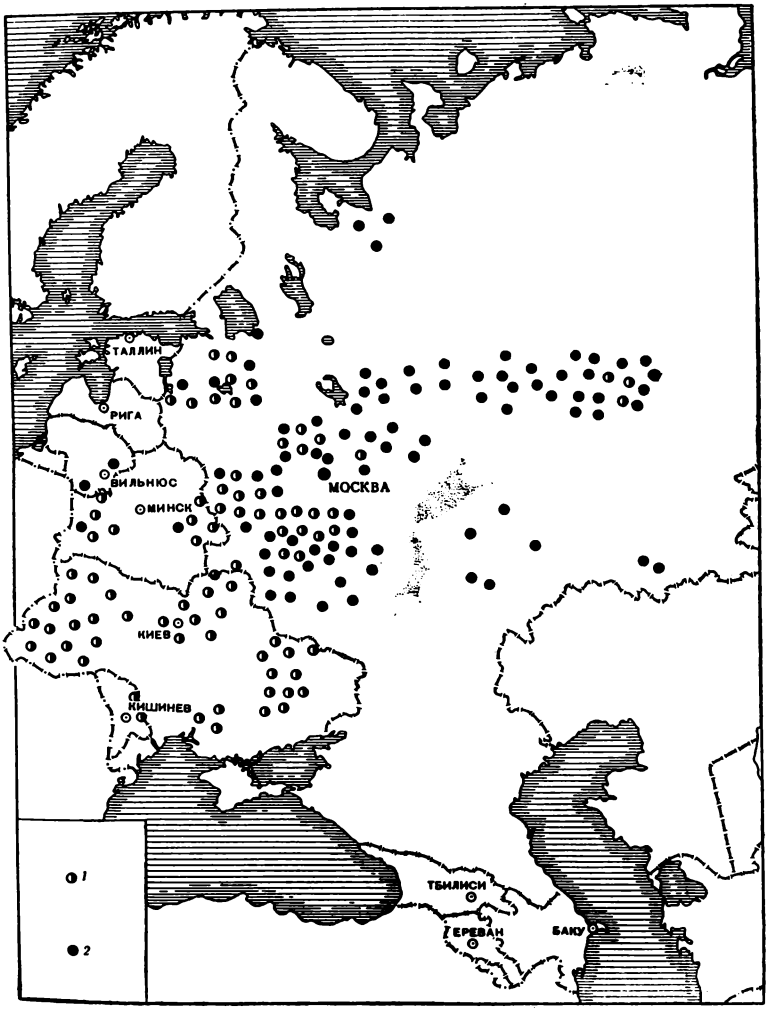
Таким образом, центр продуктивности старого форманта *-но* — Новгородско-Псковская земля (свыше 280 названий!); отсюда он распространяется на всю Белоруссию (291 пример) и на Волынь (95 названий). Остальные примеры образований с формантом *-но* встречаются разрозненно. Эта картина удивительно напоминает стратиграфические соотношения западнославянских топонимов на *-но*, которые заметно превалируют на северо-западе — Лехитские земли. Это свидетельствует в пользу несомненной древности явления и может быть использовано в дальнейших этногенетических исследованиях, касающихся первоначального размещения северославянских племен, на что также обратил внимание В. Б. Вилинбахов.

Благодаря сохранению формальных различий в названиях с древним формантом *-ьна* > *-на*, а также новейшим формантом *-ьная* > *-ная*, мы можем хотя бы на русской и белорусской территориях проследить различную продуктивность этих двух родовых типов, а на украинской территории ввиду новых смешений *-ьна*, *-ьная* > *-на* — формы женского рода, как выше указано, более целесообразно трактовать вместе.

Древний формант *-на* обнаруживает значительную продуктивность на смоленской земле (72 названия), отсюда распространяется на могилевскую и калужско-тульскую земли, затем на севере через Калинин к Новгороду. Число примеров с новейшим формантом *-ная* в два раза больше числа примеров с *-на*. На упомянутых территориях они представляют значительные скопления, это свидетельствует о том, что проверенная временем продуктивность форманта *-на* нашла свое продолжение в виде форманта *-ная*. Однако ареал последнего расширился к юго-востоку в полосе Орел — Курск — Воронеж, а на территории Украины — в направлении Харькова. Большой продуктивностью этого форманта характеризуются центральные русские территории на запад от Москвы. Еще одно скопление названий с формантом *-ная* отмечается в полосе Вологда — Кострома — Киров — Пермь, т. е. на тер-



Карта 1. Стратиграфия формантов *-но, -ное*: 1. — *-но*, 2. — *-ное* (один знак=10 названиям)



Карта 2. Стратиграфия формантов *-на*, *-ная*: 1. — *-на*, 2. — *-ная* (один знак=10 названиям)

ритории, где формант *-на* выступал сравнительно редко. Это, по-видимому, отражение позднейшего заселения.

На территории Украины, особенно в северной ее части, более интенсивны формы женского рода, возможно под влиянием соседства с русскими землями, в то время как в Белоруссии названий с этим формантом сравнительно мало.

Очень продуктивный формант *-ное* (свыше 25% всех названий) характеризуется большей территориальной разбросанностью, в связи с чем число локальных скоплений названий с этим формантом соответственно возрастает. На русской территории обращает на себя внимание концентрация этих названий в черте Смоленск — Орел — Курск — Воронеж — Тамбов — Рязань, а также к северу от Москвы в бывших Вологодской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Вятской губерниях.

Большая продуктивность форманта *-ное* наблюдается в Белоруссии, особенно в треугольнике Минск — Могилев Витебск. Принимая во внимание возрастание продуктивности форманта *-но* на этой территории, можно заметить характерное преобладание форм среднего рода над формами других родов.

Наконец, Украина представляет собой типичную переходную территорию: на севере (Харьков — Чернигов) — связь с белорусско-русскими территориями, а на западе (Львов — Дрогобыч — Волынь) — с соседними польскими территориями, которые также характеризуются большой продуктивностью форманта *-не*.

Самый редкий формант *-ный/-ной* чаще всего встречается в старых названиях хуторов. Скопления названий с этим формантом отмечаются на территории бывшей Вятской губернии (107 названий), а также в окрестностях Харькова и дальше к Югу. Во многих же губерниях названия этого типа вообще не встретились.

Таким образом, названия с формантом *-ьн-* имеются на всей восточнославянской территории, однако размещаются они неравномерно. Только в некоторых ее частях сложились локальные системы значительной продуктивности, состоящие, как правило, из нескольких родовых типов. В остальных местах встречаются лишь отдельные типы названий с этим формантом и значительно реже. Аналогичную территориальную стратиграфию этой структуры наблюдаем на западнославянских территориях.

Таблица

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Абольна	—	—	1	—	—
Агничн-	2	—	—	—	—
Алмазная	1	—	—	—	—
Алтынная	1	—	—	—	—
Амбарный	—	1	—	—	—
Арбузна р.	—	1	—	—	—
Артельное	1	1	—	—	—
Аряжное	1	—	—	—	—
Байрачный	—	1	—	—	—
Баловное	—	1	—	—	—
Банн-	7	—	—	+	+
Бедное	1	—	—	+	—
Безводн-	44	2	2	—	—
Безголовна	1	1	—	—	—
Бездепежная	—	1	—	—	—
Бездырочная	—	1	—	—	—
Беззаботн-	1	1	—	—	—
Безъименн-	3	17	—	—	—
Безлесная	2	—	—	—	—
Безлычная	1	—	—	—	—
Безукладная	1	—	—	—	—
Безумная	—	1	—	—	—
Бельн-/Бельничн-	4	1	—	+	—
Белогурна	—	—	1	—	—
Беломестная	6	1	—	—	—
Белопашенная	1	—	—	—	—
Березкн-	16	1	1	—	—
Березн-	20	8	3	+	+
Березничн-	3	—	—	—	—
Берестна	1	—	—	—	—
Беседн-	1	—	1	—	—
Бескровный	—	1	—	—	—
Беспечн-	—	4	—	—	—
Беспутная	1	—	—	—	—
Бессчастн-	1	2	—	—	—
Бесспорная	—	1	—	—	—
Бладышная	1	—	—	—	—
Благодатн-	18	18	1	—	—
Благословенн-	3	1	—	—	—
Блаженн-	1	1	—	—	—
Блазное	1	—	—	—	—
Блакитная	—	1	—	—	—
Бледн-	2	—	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Блинн-	2	—	—	—	—
Близн-/Ближн-	5	3	2	+	+
Блошн-	2	—	2	+	—
Блюшно	1	—	—	—	—
Блядно	1	—	—	—	—
Бобовна	1	—	—	—	—
Богодушная р.	—	1	—	—	—
Богородичн-	—	2	—	—	—
Божно	1	—	—	—	—
Бозна	—	1	—	+	+
Бойн-	2	—	—	+	+
Болобовно	—	—	1	—	—
Бондарная	—	1	—	—	—
Болонн-	2	—	—	+	—
Болотн-	6	—	2	+	+
Боретное	1	—	—	—	—
Боротн-/Бортн-	10	—	1	+	—
Боройна	1	—	—	—	—
Боровн-	8	1	2	+	+
Бороздно	1	—	—	—	—
Борзна / Барзна / Ворзна / Варзна р.	—	1	—	—	—
Борщевна	1	—	—	—	—
Ботна р.	—	1	—	—	—
Ботыжное	1	—	—	—	—
Брашно	1	—	—	—	—
Бредно	1	—	—	—	—
Бренн-/Берн-	1	2	—	+	—
Бревенн-	2	—	—	+	—
Брезленное	—	—	1	—	—
Бродн-	1	—	5	+	—
Бронн-	1	1	2	+	—
Бросно	1	—	—	—	—
Брудная	—	—	1	—	—
Брусн-	1	1	—	+	+
Бударная	—	1	—	—	—
Будн-	—	2	2	+	+
Буйн-	2	—	—	+	+
Буреполомный	1	—	—	—	—
Бумботная / Бумботка	1	—	—	—	—
Буранн-	2	—	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Бурашное	1	—	—	—	—
Вально	1	—	—	+	—
Важн-	1	1	—	—	—
Ватажн-	2	—	—	—	—
Ведно оз.	1	—	—	—	—
Вежн-	2	—	1	+	+
Вельна р.	—	—	1	—	—
Вельбовно	—	1	—	—	—
Велична	1	—	—	+	+
Великодн-	—	2	—	—	—
Велижно	1	—	—	—	—
Вербичн-	—	2	—	+	+
Веребейная р.	—	—	1	—	—
Вересн-	—	1	1	+	—
Верная	—	1	—	—	—
Веровна	—	—	1	—	—
Вертное	1	—	—	—	—
Верхитно оз.	—	—	1	—	—
Верхн-	10	5	—	—	—
Веслинное	—	—	1	—	—
Ветна	1	—	—	+	—
Ветесна р.	1	—	—	—	—
Вейн-	4	—	4	—	—
Вехотное	—	—	1	—	—
Вечный	1	—	—	—	—
Взмутное / Возмут р.	—	—	1	—	—
Вигодная	—	1	—	—	—
Видерно	—	1	—	+	—
Видн-	1	1	2	+	+
Видочна	—	1	—	—	—
Видпильная р.	—	1	—	—	—
Винн-	2	1	1	+	+
Виноградн-	2	—	—	—	—
Винокурно / Винокорно	—	—	1	—	—
Височн-	3	—	—	—	—
Витна р.	1	—	—	+	+
Вихорна	1	—	—	—	—
Владинное	—	—	1	—	—
Владычн-	8	2	—	—	—
Внезапная	1	—	—	—	—
Вновьпоселенная	3	—	—	—	—
Вновьраспаханная	1	—	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Вновьроспашная	1	—	—	—	—
Вовна р.	—	—	1	—	—
Водопойн-	1	1	—	—	—
Воздружное	1	—	—	—	—
Возгорна	1	—	—	+	+
Возвратное	1	—	—	—	—
Вольн-	3	7	—	+	+
Волочн-/Волошн-	4	—	1	+	—
Воложна р.	1	—	—	+	—
Волховолочный	1	—	—	—	—
Волчное	—	—	1	+	—
Воротн-/Воротичн-	1	—	2	+	+
Восна р.	2	—	—	—	—
Восточная	1	—	—	—	—
Вражная	1	—	—	—	—
Встесная / Стесна р.	—	1	—	—	—
Вуйна	—	1	—	—	—
Выборн-	1	1	—	—	—
Выдырное	—	1	—	—	—
Выгорн-	1	1	—	—	—
Выездн-	2	—	—	—	—
Выломный	1	—	—	—	—
Вымно оз.	—	—	1	—	—
Высадное	—	—	1	—	—
Выскидно	1	—	—	+	—
Выскорное	1	—	—	—	—
Выметное	1	—	—	—	—
Выводное	1	—	—	—	—
Выжично	—	1	—	—	—
Выжн-	—	2	—	+	—
Вязовн-	8	—	—	+	—
Вяжная	2	—	1	—	—
Гадно	1	—	—	+	—
Гайн-	2	1	1	+	—
Галично	1	—	—	—	—
Ганебн-	—	2	—	—	—
Гасная	1	—	—	—	—
Гатн-	—	1	1	+	—
Генеральное/Губернаторское	1	—	—	—	—
Глезна	—	1	—	—	—
Глинн-	12	8	9	+	+

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Глисн-	—	—	2	+	—
Гласн-	2	—	—	+	—
Глембочно оз.	1	—	—	—	—
Глыбная	—	1	—	—	—
Глядно	1	—	—	—	—
Гнездн-/Гниздечн-	—	2	2	+	—
Гненный	—	1	—	—	—
Гнийне	—	1	—	—	—
Гнильно	1	—	—	—	—
Гнойн-	—	2	4	+	—
Гольн-	—	—	1	+	—
Голодн-	2	1	—	+	+
Голомно	1	—	—	—	—
Головн-/Головичн-	—	1	3	+	—
Голубно	—	1	—	—	—
Голубничный	—	1	—	—	—
Гончарная	1	—	—	—	—
Гореси-/Горестн-	—	2	—	—	—
Горишн-	—	3	—	—	—
Горн-/Горнй-	13	2	15	+	+
Горнечн-	5	—	—	—	—
Городн-/Городичн-/Городочн-	27	5	14	+	+
Городивна р.	—	1	—	—	—
Горошн-	2	—	—	+	—
Горсечн-	2	—	—	—	—
Гостин-/Гостинн-	2	—	—	+	—
Горожное	—	—	1	—	—
Горчична	—	1	—	—	—
Грабежное	1	—	—	—	—
Грайно	—	—	1	—	—
Грамотный	—	1	—	—	—
Гранное	1	1	—	—	—
Граничн-	4	—	—	+	—
Гречушное	1	—	—	—	—
Грибн-	2	—	2	+	—
Гридно	1	—	—	—	—
Гримне	—	1	—	—	—
Гришно	1	1	—	—	—
Грубн-	—	2	—	—	—
Грудная	1	—	—	+	—
Грузная/Грузна р.	—	1	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Грушевн-	—	2	—	—	—
Грязн-	34	3	4	+	+
Грядечна/Городенка р.	—	—	1	—	—
Гуменн-	—	2	—	+	—
Гусн-/Гусин-	—	2	—	+	—
Гверездн-/Гверстн-	5	—	—	—	—
Гвоздн-	2	—	—	+	—
Дальн-	3	—	3	+	—
Двоебортное	1	—	—	—	—
Двоелучное	2	—	—	—	—
Двойнишный	1	—	—	—	—
Двудельное	1	—	—	—	—
Двуречн-	—	2	—	—	—
Дворно	1	—	—	+	—
Дегтярн-	6	1	—	+	—
Дедн-/Дядн-	3	1	3	—	—
Дельн-	1	1	1	+	—
Денежн-	4	—	—	—	—
Деражн-/Деряжн-	—	1	3	+	—
Деревн-	—	1	4	+	—
Деревянн-	2	3	—	—	—
Дерезна	—	—	1	—	—
Дерн-	—	1	1	+	—
Дертн-/Дертичн-	2	1	1	—	—
Деремна	—	1	—	—	—
Десн-	—	1	2	—	—
Длинный	1	—	—	—	—
Добосна/Добысна р.	—	—	1	—	—
Добродушное	1	—	—	—	—
Докучное	—	—	1	—	—
Дольн-	—	1	8	+	+
Доленжно оз.	—	1	—	—	—
Долишн-	—	3	—	—	—
Должно оз.	—	—	1	+	—
Домашн-	1	1	1	+	—
Дорн-/Дарн-	2	1	—	—	—
Дорожно	1	—	—	+	—
Дошно	—	1	—	+	+
Дражн-/Дряжн-	4	1	5	+	—
Дрянн-/Драничн-	4	—	—	—	—
Дресн-/Дрестн-/Дрясн-	3	1	—	+	+
Дретно	1	—	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Дритовно	1	—	—	—	—
Дровосечн-	3	—	—	—	—
Дрижна р.	—	1	—	—	—
Дрозна р.	1	—	—	—	—
Дросна/Дресна р.	—	1	—	—	—
Дружн-	3	2	—	—	—
Дручно	1	—	—	—	—
Дубасна/Добысна р.	—	—	2	—	—
Дубечн-/Дубичн-	1	1	1	+	+
Дубн-	18	3	10	+	+
Дубровн-	4	4	4	+	—
Дулебно	—	—	1	—	—
Дупельн-	4	—	—	+	—
Дурн-	2	2	1	—	—
Дужн-	1	—	1	—	—
Душная	1	—	—	+	—
Дымн-	3	—	—	+	—
Дынное	1	—	—	—	—
Евна	—	1	—	—	—
Ельн-/Ельничн-	7	1	4	+	—
Есенная	1	—	—	+	—
Единенное	1	—	—	—	—
Едно	1	—	—	+	—
Елешн-	2	—	—	—	—
Ездочн-	2	—	—	—	—
Езерн-	—	2	—	—	—
Жабн-	3	—	—	+	+
Жалична	1	—	—	+	—
Жалованная	—	1	—	—	—
Жарна	—	—	1	+	—
Жданная/Ждановка	1	—	—	—	—
Железн-	7	1	1	+	+
Жельно	1	—	—	—	—
Желанн-	5	1	—	—	—
Жемчужн-	2	1	—	—	—
Жеравизное	1	—	—	—	—
Жердовное	1	—	—	+	—
Жеребейно	—	—	1	—	—
Жерно	—	—	1	—	—
Жиломостное	1	—	—	—	—
Жирн-/Жировн-	5	—	—	—	—
Житн-	6	1	1	+	+

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Жмурное	—	—	1	—	—
Жолобн-	—	1	1	—	—
Журавн-	1	4	1	+	+
Забежн-	2	—	—	—	—
За-(предлог)	181	43	45	+	+
Забавная	—	1	—	—	—
Заботна	1	—	—	—	—
Задний-	15	—	1	+	+
Закладн-	—	2	—	—	—
Заливное	1	1	—	—	—
Западн-	5	7	—	—	—
Заргинная	1	—	—	—	—
Заходн-	—	—	2	—	—
Збочно/Збична	—	1	1	—	—
Зденный р.	—	1	—	—	—
Здобная	1	—	—	—	—
Здянный р.	—	1	—	—	—
Званный	—	1	—	—	—
Звинечный р.	—	1	—	—	—
Звозна р.	1	—	—	—	—
Зглазно	—	1	—	—	—
Земная	1	—	—	+	+
Зерна р.	—	1	—	—	—
Зимн-/Зимовн-	2	1	—	+	+
Зломное	—	—	1	—	—
Зобна р.	—	1	—	—	—
Зубильно	—	1	—	—	—
Зульна р.	—	1	—	—	—
Зыбошная	1	—	—	—	—
Ивная	—	—	1	+	—
Избичн-/Избн-/Изебн-	4	—	—	+	—
Изменное	—	1	—	—	—
Изобильн-	3	1	—	—	—
Извозное	1	—	—	—	—
Ижно	—	—	1	—	—
Илемн-	3	—	—	—	—
Илитная р.	—	1	—	—	—
Ильна р.	—	1	—	—	—
Инвалидная	—	1	—	—	—
Инженерная р.	—	1	—	—	—
Истобн-	4	—	—	+	—
Истопн-	5	—	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Источно	1	—	—	+	—
Кадн-/Кадочн-	5	1	1	—	—
Кадобна	—	1	—	—	—
Казарное	1	—	—	—	—
Казенн-	8	—	—	—	—
Каленна	—	1	—	—	—
Кальн-	—	5	1	+	+
Калюжн-	—	4	—	+	—
Каменн-	47	11	4	+	+
Камышн-/Камешн-/Комышн-	5	2	—	—	—
Караичное	1	—	—	—	—
Карасно	—	—	1	+	—
Караульная	1	—	—	—	—
Каратинное	1	—	—	—	—
Караванная	1	—	—	—	—
Каравошный	1	—	—	—	—
Карна/Корна р.	—	—	1	—	—
Касна/Каськи р.	—	—	1	—	—
Касторное	1	—	—	—	—
Каташна р.	—	1	—	—	—
Катешна р.	—	1	—	—	—
Каточижная	1	—	—	—	—
Качна	2	—	—	—	—
Кийно	1	—	—	+	—
Кирпичн-	2	1	—	—	—
Клейн-	1	1	—	—	—
Кленн-	7	1	—	+	—
Клешн-	1	—	1	—	—
Клетн-/Клеточн-	8	—	8	+	—
Клитна р.	—	—	1	—	—
Клищивна	—	1	—	—	—
Ключн-	3	1	—	+	—
Кляшна р.	1	—	—	—	—
Клокушца	—	1	—	—	—
Клубна	1	—	—	—	—
Княжн-	7	4	1	—	—
Кобыльн-	—	2	1	—	—
Когильно	—	1	—	—	—
Коварное	1	—	—	—	—
Ковбышный	—	1	—	—	—
Ковна р.	—	—	1	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Козарна	—	1	—	—	—
Козельн-	—	2	—	+	—
Кожушн-	—	2	—	+	—
Кожевенный	1	—	—	—	—
Колесн-	1	—	2	—	—
Кольн-	1	—	1	+	—
Колбасн-	—	2	—	—	—
Колмна	1	—	—	—	—
Колодична/Колодячная р.	—	1	—	—	—
Колодяжн-/Колодезн-	15	5	1	—	—
Колодн-	5	5	7	+	—
Коломн-	12	—	—	—	—
Колонн-	—	1	2	—	—
Колоничное	—	—	1	—	—
Комарн-	1	1	—	+	+
Комяшно	1	—	—	—	—
Комно	1	—	—	—	—
Конечн-	6	—	—	+	—
Конн-	4	1	3	—	—
Конорезное	—	—	1	—	—
Копанн-	3	—	—	—	—
Копейно	—	—	1	—	—
Копно	—	1	1	—	—
Копольна	1	—	—	—	—
Корабельная	—	1	—	—	—
Кораичный	—	1	—	—	—
Корасно	1	—	—	—	—
Коречн-/Корешн-	1	—	1	—	—
Кореннн-	5	—	1	+	—
Корн-	1	1	1	+	—
Коросильна р.	—	1	—	—	—
Коросне	—	1	—	+	—
Коровайн-	—	1	1	—	—
Корунно	—	—	2	—	—
Корытн-	3	7	2	+	+
Корчемн-	1	—	3	+	—
Костарн-	3	—	—	+	—
Костельный	—	1	—	+	—
Кошарн-	1	1	—	+	—
Кошна/Косина р.	—	—	1	—	—
Котельн-	5	1	1	+	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Котежно	1	—	—	—	—
Кочетная	1	—	—	—	—
Крайн-	—	2	2	+	+
Крапивн-/Кропивн-	20	12	6	+	+
Красильно	—	1	—	—	—
Красн-	143	41	46	+	+
Краснопутна	1	—	—	—	—
Кременн-/Кременичн-	1	3	—	+	+
Кремн-/Крымн-	3	3	2	+	+
Крестное/Крестново	2	—	—	—	—
Кречн-	3	—	—	+	—
Кринични-/Керничн-	9	12	2	+	—
Кривомежная	1	—	—	—	—
Кровн-	—	2	—	—	—
Крушинно	—	—	1	—	—
Крутн-/Крутичн-/Крутечн-	1	1	1	—	—
Крючно	—	—	1	—	—
Кузнечный	1	—	—	—	—
Кугольна	1	—	—	—	—
Кукольна р.	1	—	—	+	—
Кулижн-	2	—	—	—	—
Кульно	1	2	—	—	—
Култушный	1	—	—	—	—
Кунн-	2	—	—	—	—
Кунишная	1	—	—	—	—
Купн-	—	2	—	+	+
Купавна	1	—	—	—	—
Курейная	1	—	—	—	—
Куренный	1	—	—	—	—
Кури-	—	2	—	+	—
Кустарная	—	1	—	—	—
Кушинное/Кувшинный Колодезь	1	—	—	—	—
Кутн-	1	1	—	+	+
Кужн-	3	—	—	—	—
Кучугурный/Кучугуры	1	—	—	—	—
Лабезна р.	—	—	1	—	—
Лабушна	—	1	—	—	—
Лавн-/Лавочн-	3	1	2	+	—
Лагерная	1	—	—	—	—
Лазн-	5	—	—	+	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Ламно	1	—	—	—	—
Ланная	—	1	—	+	—
Лапотн-	4	—	—	—	—
Лапузн-/Лопузн-/Лупузна р.	—	—	1	—	—
Льготная	1	—	—	—	—
Лебезная	1	—	—	—	—
Левна/Лемна р.	—	1	—	—	—
Лежн-	3	1	—	—	—
Лезь-	5	—	3	+	—
Лейно	1	—	—	+	—
Ленно	1	—	—	—	—
Лепно	1	—	—	—	—
Лесн-	3	4	12	+	—
Лешн-	2	—	7	+	+
Ливна р.	—	1	—	—	—
Лизна	1	—	—	—	—
Лиманное	—	1	—	—	—
Линейное	1	—	—	—	—
Линно	—	—	1	+	—
Липн-/Липичн-	6	2	8	+	+
Лисн-/Лисичн-	1	—	2	—	—
Лищечне	—	1	—	—	—
Литна	1	—	—	—	—
Лична р.	—	1	—	—	—
Лобн-	3	1	—	+	—
Логабная	1	—	—	—	—
Лодейн-	2	—	—	—	—
Лойн-	2	—	—	+	—
Лонн-	3	—	1	—	—
Ломн-	2	—	—	+	+
Лосменна/Лосминна р.	—	—	1	—	—
Лососн-/Лососинн-	1	—	2	—	—
Лопатн-	—	2	—	+	—
Лопушн-/Лапушн-	3	7	—	+	—
Лосно оз.	1	—	—	—	—
Лосинная	1	—	—	—	—
Лоточная	1	—	—	—	—
Лозн-/Лозычна	3	5	—	+	+
Ложечная	1	—	—	—	—
Лубн-	2	1	—	+	+
Лучн-	1	—	2	+	+

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Лунна	—	—	1	+	—
Лупленный	1	—	—	—	—
Лутн-/Лутовн-	5	—	3	—	—
Лужесно : Лучеса р.	—	—	1	—	—
Лужн-	17	—	—	+	+
Лычн-	12	—	—	+	—
Лынна р.	—	—	1	—	—
Любезн-	2	1	—	—	—
Любна / Лубна	1	—	1	+	+
Людная	—	—	1	—	—
Люшно оз.	1	—	—	—	—
Лютна р.	—	—	1	—	—
Людвянный р.	—	—	1	—	—
Лямна / Лемна р.	—	1	—	—	—
Ляжное	1	—	—	—	—
Лядн-	—	—	3	—	—
Майна	1	—	—	—	—
Маячн-	2	—	—	—	—
Магнитная	1	—	—	—	—
Макарзна р.	—	1	—	—	—
Маковн-	2	—	—	—	—
Малавна / Малевна	1	—	—	—	—
Маленешный	—	1	—	—	—
Малодильно	1	—	—	—	—
Манна	—	1	—	—	—
Медн-	3	—	1	+	—
Медведн-	2	—	—	—	—
Мельн-	—	2	1	+	—
Мельничн-	16	—	—	+	—
Метельн-	—	1	—	—	—
Межн-	4	—	4	+	+
Межвальная	1	—	—	—	—
Мечна	—	1	—	—	—
Мечетная	1	3	—	—	—
Мецна р.	—	—	1	—	—
Мильн-	1	1	—	—	—
Милостн-	1	1	—	—	—
Миловидн-	—	2	—	—	—
Мирн-	1	4	—	—	—
Модно оз.	1	—	—	—	—
Могильн-	8	5	8	+	—
Мойна	—	1	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Моклочно	1	—	—	—	—
Мокрышно	1	—	—	—	—
Молебное	1	—	—	—	—
Молочн-	—	4	1	+	+
Молодечно	—	—	1	—	—
Молотовна р.	—	—	1	—	—
Моравна р.	—	1	—	—	—
Морозный	—	1	—	—	—
Морочна : Морочь, Мороча р.	—	1	—	—	—
Мостн-/Мостечн-/Моститн-	1	1	1	+	+
Мощенн/Мощеное	1	2	3	+	—
Мощн-	1	—	1	—	—
Мошн-	7	1	5	+	+
Мочальн-/Мочульн-	1	—	1	+	+
Муравейно	1	—	—	+	—
Муразична р.	—	1	—	—	—
Мутн-	1	—	1	+	—
Мыльная	1	—	—	+	—
Мытная	1	—	—	+	—
На- (в предложных конструкциях)	52	29	3	+	+
Над- (в предложных конструкциях)	2	3	—	+	—
Нагибная	1	—	—	—	—
Надежн-	—	3	—	—	—
Нарядн-	1	—	—	—	—
Наказное	—	1	—	—	—
Находно	1	—	—	—	—
Не- (+основа)	24	10	6	+	+
Недна р.	—	—	1	—	—
Нересна р.	—	1	—	—	—
Нивн-	1	3	2	+	—
Низнй-/Нижн-	11	5	1	+	—
Новильн-	2	—	—	—	—
Ново- (+основа)	27	2	2	—	—
Нужн-	3	—	—	—	—
Обельна	1	—	—	—	—
Обидинная	—	1	—	—	—
Обильн-	1	1	—	—	—
Обиточн-	—	2	—	—	—
Обиженная	—	1	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Обездн-	2	—	—	—	—
Облично	—	—	1	—	—
Обливная	1	—	—	—	—
Обломна р.	1	—	—	—	—
Ободн-/Обводн-	1	1	—	+	—
Оборна	1	—	—	—	—
Обочна	1	—	—	—	—
Обрезной	1	—	—	—	—
Обсечный	1	—	—	—	—
Оброчн-	9	—	—	+	—
Обуражн-	2	—	—	—	—
Обыденн-	3	—	—	—	—
Овадно	1	—	—	—	—
Овечн-/Овчинн-	3	—	—	—	—
Овчарн-	1	2	—	—	—
Овинн-/Авинн-	3	2	—	—	—
Озерн-/Озерочн-	16	6	—	+	—
Ожерельная р.	—	1	—	—	—
Одверна	—	—	1	—	—
Огибн-	2	1	—	—	—
Огничная	1	—	—	—	—
Огороженное / Горожно	1	—	—	—	—
Окатное	1	—	—	—	—
Окладное	—	1	—	—	—
Окольная	1	—	—	+	—
Окропно	—	—	1	—	—
Окружная	1	—	—	—	—
Олешн-/Алешн-/Ольшанн-	17	1	1	+	+
Оломна р.	1	—	—	—	—
Оловянный	1	—	—	—	—
Омельн-	—	3	4	+	—
Омутн-	3	—	—	—	—
Оплитна	—	1	—	—	—
Описна / Ольга р.	—	—	1	—	—
Опочн-	2	1	—	+	—
Оражна / Орижна р.	—	—	1	—	—
Оранное	—	1	—	+	—
Ореховн-	4	—	5	+	—
Осадный	—	1	—	—	—
Осечн-	1	—	1	+	—
Осетн-/Осотн-	—	2	1	+	—
Оспчн-	1	2	—	+	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Оскочн-	2	—	—	—	—
Осн-	3	1	—	+	—
Осотно / Осотино	1	—	—	—	—
Остречно	—	—	1	—	—
Острежн-/Острижн-	—	2	—	+	—
Остромогильный	—	1	—	—	—
Островн-	11	1	7	+	—
Острожн-	2	1	—	+	+
Осужное : Осуга р.	1	—	—	—	—
Осучный р.	—	1	—	—	—
Осынное	1	—	—	—	—
Осыпной	1	—	—	—	—
Отходное	—	—	1	—	—
Отельный	—	—	1	—	—
Отъездное	1	—	—	—	—
Откосная	1	—	—	—	—
Отскочн-	3	—	—	—	—
Отписная	1	—	—	—	—
Отрадн-	17	4	7	—	—
Отважная	1	—	—	—	—
Отшибной	1	—	—	—	—
Офирна	—	1	—	—	—
Охотна	1	—	—	—	—
Очеретн-	—	4	—	—	—
Очно	1	—	—	—	—
Пальн-	4	—	—	—	—
Палечн-/Паличн-	1	—	1	+	—
Палашно	1	—	—	—	—
Памятн-	2	—	1	—	—
Папирна	—	1	—	—	—
Папоротн-/Папортн-	6	1	5	+	+
Парн-/Парничн-	2	3	—	+	—
Паруєн-	2	—	—	—	—
Пасечн-	—	5	—	+	—
Пасная	1	—	—	—	—
Певна	—	1	—	—	—
Печн-	3	—	1	—	—
Печорн-	1	3	—	—	—
Пневно	3	—	—	+	—
Пенн-	1	—	5	+	—
Переборная	1	—	—	—	—
Перебойн-	1	1	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Передельное	—	—	1	—	—
Переездная	1	2	—	—	—
Перекошно	1	1	—	+	—
Перерубное	—	—	1	—	—
Перемежное	—	—	1	—	—
Пересечное	—	1	—	+	—
Переможне	—	1	—	—	—
Перещепн-/Перещипн-	2	3	—	—	—
Пересветный	—	2	—	—	—
Перепадное	—	—	1	—	—
Перевесн-	—	—	3	—	—
Переводная	1	—	—	—	—
Пересна / Переспа р.	—	—	1	—	—
Перетесна	—	—	1	—	—
Перетна	1	—	—	—	—
Перероно	1	—	—	—	—
Перстна	—	—	1	—	—
Переходн-	3	1	—	+	—
Переволочн-	2	3	1	+	—
Перевозн-	4	—	—	+	—
Перно	—	—	1	+	—
Пертечн-/Пертешн-	2	—	—	—	—
Песочн-/Песчанн-	25	8	5	+	+
Песн-	2	—	—	—	—
Пеструшное	1	—	—	—	—
Пешное	—	—	1	—	—
Петличное	—	1	—	—	—
Пиявочн-/Пьявочн-	3	—	—	—	—
Пияничная	1	—	—	—	—
Пильн-	2	1	—	—	—
Пирожна	—	1	—	—	—
Пишной	—	1	—	—	—
Плавн-	1	2	1	+	+
Пласкинное	—	1	—	—	—
Платичн-/Платошн-	4	—	—	+	—
Плевна	—	—	1	+	—
Плесн-	3	—	2	+	—
Плетн-	1	1	—	—	—
Площшадная	1	—	—	—	—
Плотичн-/Плотечн-	7	1	1	—	—
Плужн-	1	3	—	—	—
Плутно	1	—	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Плюсна / Плеснец р.	—	—	1	—	—
Победн-	2	—	1	+	—
Побочная	1	—	—	—	—
Побоищное	1	—	—	—	—
Побойна	—	2	—	—	—
Под-(в предложных конструкциях)	195	44	23	+	+
Подельно	1	—	—	+	—
Подольн-	14	1	—	+	—
Подворн-	2	—	—	—	—
По- (в предложных конструкциях)	4	6	10	+	+
Подобна	—	1	—	—	—
Поваренн-	2	—	—	—	—
Повитне	—	1	—	+	—
Повольный р.	—	1	—	—	—
Пожарн-	2	—	—	+	—
Поздн-/Позн-	1	1	—	+	—
Пожиточна	—	1	—	—	—
Погибна	—	1	—	—	—
Погребн-	6	—	—	—	—
Погромн-	4	—	—	—	—
Покеречный р.	—	1	—	—	—
Покутный	—	1	—	—	—
Полезная	—	1	—	—	—
Поличн-	2	—	1	+	—
Полянной	—	1	—	—	—
Польн-	8	2	—	+	+
Полазна	1	—	—	—	—
Полөмн-	2	—	1	+	—
Полөнн-/Полонычн-	2	4	1	+	—
Полөвинн-	11	1	—	—	—
Полуденн-	6	—	—	—	—
Полуночн-	—	2	—	—	—
Полөсна	—	—	1	—	—
Помошна р.	—	1	—	+	—
Попасн-	4	2	—	—	—
Попельн-	—	4	—	+	+
Поперечн-	3	1	—	+	—
Попрозна р.	—	1	—	—	—
Поповна	—	—	1	—	—
Попружна	—	1	—	+	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Поршна	—	1	—	—	—
Порубне	—	1	—	+	—
Посадная	1	—	—	—	—
Постельный	—	1	—	—	—
Постойно	—	1	—	—	—
Построенная	1	—	—	—	—
Пошарна	—	—	1	—	—
Потесная / Потеска	1	—	—	—	—
Похвальн-	2	—	—	—	—
Почайна	—	1	—	—	—
Починн-/Починочн-	2	—	—	—	—
Праздничн-	3	—	—	—	—
Претычный р.	—	1	—	—	—
Прехвальное	1	—	—	—	—
Прелестн-	1	1	—	—	—
При- (в предложных конструкциях)	22	13	2	+	+
Пробижна	—	1	—	—	—
Пробойна р.	—	1	—	—	—
Пролобно	—	—	1	—	—
Проносной	1	—	—	—	—
Проказна	1	—	—	—	—
Просянное	—	1	—	+	—
Проскурно	—	—	1	—	—
Проточн-	1	—	1	+	—
Прорывная	1	—	—	—	—
Проваленная	1	—	—	—	—
Проворное	—	—	1	+	—
Променная	1	—	—	—	—
Прохладн-	2	—	—	—	—
Проходное	2	—	—	—	—
Прудн-/Прудишн-	2	—	1	+	—
Пшенн-/Пшеничн-	7	2	—	+	—
Пустошная / Пустошь	1	—	—	—	—
Птична / Птичина р.	—	—	1	—	—
Пустынная	1	—	—	—	—
Пушкарн-	11	3	—	—	—
Пушно оз.	—	—	1	+	—
Путн-	1	1	2	+	—
Путошно	1	—	—	—	—
Пыльная	—	1	—	—	—
Пышн-	—	—	3	+	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Пчельн-	2	1	1	+	+
Пятн-	1	—	1	+	—
Радушн-	3	2	—	—	—
Радостн-	2	—	—	—	—
Разбойн-	1	—	1	+	+
Раздвижна р.	—	1	—	—	—
Развильный	1	—	—	—	—
Разводный	—	1	—	—	—
Разгульная	1	—	—	—	—
Раздельная	—	1	—	—	—
Раздольн-	1	5	—	—	—
Раздорижный	—	1	—	—	—
Раздорная	1	—	—	—	—
Разметный	1	—	—	—	—
Разливная	1	—	—	—	—
Разумн-	2	1	1	—	—
Ракишн-	3	—	—	—	—
Ранное	—	—	1	—	—
Раскосная	1	—	—	—	—
Расклонное	1	—	—	—	—
Распашная	1	—	—	—	—
Рассошн-/Росошн-/Россасн-	2	3	3	+	—
Рассыльн-	3	—	—	—	—
Рассыпн-	2	2	—	—	—
Расходно	—	—	1	—	—
Расчистн-	19	—	—	—	—
Ратн-/Ретн-	6	3	2	+	—
Рачн-/Раковн- оз.	3	—	—	—	—
Ревна р.	2	2	—	+	—
Редна р.	—	—	1	—	—
Редкодубный / Редкодуб	1	—	—	—	—
Ремонтная	1	—	—	—	—
Репн-/Репичн-	11	—	—	+	+
Решотная	1	—	—	—	—
Речн-	3	—	—	+	+
Ржовна	—	—	1	—	—
Ризна р.	—	1	—	—	—
Ровн-	22	8	6	+	+
Рогозн-/Рогожн-	10	14	5	+	+
Роготно	—	—	1	—	—
Родн-	2	—	—	+	+

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Роднишн-/Роднешн-	3	—	—	—	—
Рокитн-/Ракитн-	14	20	1	+	+
Ропн-	—	1	1	+	—
Роскошн-	—	4	—	—	—
Росно	—	—	1	—	—
Росольн-	4	1	—	+	—
Роспашная	2	—	—	—	—
Ротно оз.	—	—	2	—	—
Рожественн-/Рождественн-	2	1	—	—	—
Рожн-/Рожечн-	—	4	3	+	+
Рубно	—	—	1	—	—
Рубежн-	4	4	—	—	—
Рубижна р.	—	1	—	—	—
Рудн-	14	2	3	+	+
Ружное	1	—	—	—	—
Ручевенное : Ручья р.	1	—	—	—	—
Ручное	—	—	1	+	—
Рыбн-	7	3	2	+	+
Рыбачное	—	—	1	—	—
Рыдно	2	—	—	—	—
Рымно	1	—	—	—	—
Рышна	—	1	—	—	—
Рыпяшна	—	1	—	—	—
Рысна	1	—	—	+	—
Рыжно	1	—	—	—	—
Рытна р.	—	—	1	—	—
Рядная	1	—	—	—	—
Рясн-/Расн-	2	8	6	+	+
Сабельный	1	—	—	—	—
Сагайдачн-	1	1	—	—	—
Садовное	—	1	—	+	—
Садыбно	—	1	—	—	—
Савишное / Савинское	1	—	—	—	—
Сажное	1	—	—	—	—
Сальн-	2	1	—	+	—
Саношно	1	—	—	—	—
Санной	—	1	—	—	—
Сапежная	1	—	—	—	—
Сахарн-	1	1	—	—	—
Сборн-	2	—	1	—	—
Светличн-	—	3	—	—	—
Сверзно	—	—	3	+	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Свидн-	1	—	2	+	—
Свинн-	3	3	2	+	—
Свинарн-	—	3	—	—	—
Свична	—	1	—	—	—
Свободн-/Слободн-	2	3	—	+	+
Сводная	1	—	—	—	—
Себерна р.	1	—	—	—	—
Северн-	7	1	—	—	—
Секирно	1	—	—	+	+
Селявн-	2	—	—	—	—
Сельн-	3	—	3	+	+
Семейн-	3	—	—	—	—
Семи-(+основа) : Семидубровн-, Семиверстн-	3	2	—	—	—
Семишно	1	—	—	—	—
Семничный	1	—	—	—	—
Сенн-/Сеничн-	18	4	4	+	—
Сербишна / Сиргибина	1	—	—	—	—
Серебрянн-/Серебренн-	1	2	—	+	+
Середн-/Средн-	25	9	1	—	—
Сетн-	4	—	1	—	—
Сибиречный	1	—	—	—	—
Сижно	1	—	—	—	—
Силечно	1	—	—	—	—
Сильн-	—	2	—	—	—
Синишное	1	—	—	—	—
Синное	—	1	—	—	—
Ситн-	10	3	3	+	+
Скальная	1	—	—	—	—
Скабная р.	—	1	—	—	—
Скарбн-	—	2	—	—	—
Сквирна р.	1	—	—	—	—
Скворешное	1	—	—	—	—
Скильной	1	—	—	—	—
Скорлотна	1	—	—	—	—
Скородн-	8	1	2	+	+
Скороносная р.	—	—	1	—	—
Скорпатная р.	1	—	—	—	—
Сковородно	1	—	—	+	—
Скрытная	—	1	—	—	—
Скуйна	—	—	1	—	—
Скуляпный	1	—	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Славн-	3	2	4	+	—
Сладководная	—	1	—	—	—
Слепично	1	—	—	—	—
Словечн-/Славечн-	—	1	1	+	—
Сломна	1	—	—	—	—
Слудн-/Слудибн-	5	—	—	—	—
Слузна	1	—	—	—	—
Слутно	1	—	—	—	—
Случайная	1	—	—	—	—
Смейно	—	—	2	—	—
Смеречна	—	1	—	+	+
Смирн-	2	3	—	—	—
Смольн-/Смильн-	1	2	1	+	+
Смодна	—	1	—	—	—
Смородинн-	2	—	—	—	—
Снежна	—	1	—	+	—
Собинное/Собнино	1	—	—	—	—
Совна	—	—	1	+	—
Союзное	1	—	—	—	—
Сокольная	1	—	—	+	—
Солын-/Соленн-/Соличн-	1	2	2	+	—
Соломн-/Соломенн-	1	1	—	+	+
Солонечная	1	—	—	+	—
Солотное	1	—	—	—	—
Сопочная	1	—	—	—	—
Сосенн-/Сосанн-	1	1	—	—	—
Соседно	1	—	—	—	—
Сосично	—	1	—	—	—
Сосняжное	1	—	—	—	—
Сошное	—	1	—	—	—
Сошна / Шешна р.	2	—	—	—	—
Сотн-	1	—	1	+	—
Спартесный	—	1	—	—	—
Спешная	1	—	—	—	—
Списанный р.	—	1	—	—	—
Спокойное	1	—	—	—	—
Спольное	1	—	—	+	—
Спорн-	5	4	2	+	—
Срамотная / Сармотная р.	1	—	—	—	—
Средипольная / Средиполье	—	1	—	—	—
Стабна р.	2	—	1	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Стаботный р.	—	1	—	—	—
Ставечна	—	1	—	+	—
Стайн-/Стаешн-	1	1	—	+	—
Станичн-	6	2	—	+	—
Старо- (+основа)	5	—	—	—	—
Ствольн-	1	—	3	+	—
Стебн-	—	2	—	—	—
Стеклянный	1	—	—	+	—
Степн-	6	13	—	—	—
Стечна р.	—	1	—	+	—
Стобна	1	—	—	+	—
Стодольн-	—	1	1	—	—
Столобн-/Столбн-	3	—	—	—	—
Столопн-/Столпн-	1	1	—	+	—
Сторожно	1	—	—	+	—
Страдн-	1	—	1	—	—
Страстна / Тростенка р.	—	—	1	—	—
Страшн-	—	3	1	+	—
Стрельн-	4	—	1	+	—
Стреличный : Стрелица р.	—	1	—	—	—
Стречно	1	—	—	+	—
Стрестно	1	—	—	—	—
Стрижна р.	—	1	—	—	—
Стройно	1	—	—	—	—
Струбна	1	—	—	—	—
Струйно	1	—	—	+	—
Струпна	1	—	—	—	—
Стрышна	1	—	—	—	—
Студенная / Студеная	2	—	—	+	—
Стукально	—	—	1	—	—
Ступн-/Ступичн-	—	2	1	+	+
Стырно	—	—	1	—	—
Суволочное	1	—	—	—	—
Сузна	1	—	—	—	—
Сукромна : Сукрома р.	4	—	—	—	—
Суражная	1	—	—	—	—
Сурная	1	—	—	—	—
Суромна	1	—	—	—	—
Суровна р.	1	—	—	—	—
Сушитно	—	—	1	—	—
Сушн-	1	1	1	+	—
Сусешна р.	1	—	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Сутяжн-	2	—	—	—	—
Сутно	—	—	1	—	—
Сухоблюдная	1	—	—	—	—
Сучно / Сучьки	1	—	—	—	—
Сыромятная	1	—	—	—	—
Табачн-	3	—	—	—	—
Табирный	—	1	—	—	—
Табурное	1	—	—	—	—
Таволжная р.	—	1	—	—	—
Тайная	1	—	—	+	+
Таковная	1	—	—	—	—
Таложно оз.	1	—	—	—	—
Тальное	—	1	—	—	—
Татынное	—	1	—	+	—
Ташное	—	—	1	—	—
Творожный	1	—	—	+	—
Темн-	7	4	3	+	+
Теребейно	—	—	1	—	—
Теребна	—	1	—	+	+
Теремно	—	2	—	+	—
Тесн-	—	—	2	+	—
Тетеревна р.	—	—	1	—	—
Тинна р.	1	—	—	—	—
Тобольно	1	—	—	—	—
Товарна	—	1	—	+	—
Тольно оз.	1	—	—	—	—
Толочн-	2	—	1	—	—
Тополын-	—	3	—	+	—
Топоришно	1	—	—	—	—
Точн-	2	—	2	+	—
Травн-	—	1	2	+	—
Трашна	1	—	—	—	—
Трех-/Тре-/Три-(+основа)	5	2	—	+	—
Тризна р.	—	1	—	—	—
Труботна р.	1	—	—	—	—
Тростн-/Тросн-/Тресн-	25	2	6	+	—
Трясное	—	1	—	—	—
Туречна / Турищевка р.	—	—	1	—	—
Турн-	—	—	5	+	+
Туросна / Тросна р.	—	2	—	—	—
Тучн-/Тушн-	1	3	—	+	+
Тычна	—	1	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Тынн-	—	3	—	—	—
Тысячное	—	—	1	+	—
Тюковный	1	—	—	—	—
Тянная р.	—	—	1	—	—
Убережное	1	—	—	—	—
Убиенн-	3	—	—	—	—
Угольн-	6	—	—	+	+
Удачн-	1	2	—	—	—
Удельн-	1	2	—	—	—
Удобн-	4	1	—	—	—
Уежная / Уед	1	—	—	+	—
Уклейно оз.	1	—	—	—	—
Улычне	—	1	—	+	—
Умнищная	—	—	1	—	—
Уплатное	—	1	—	—	—
Упорная	1	—	—	—	—
Урожное	—	—	1	—	—
Урвенна	—	1	—	—	—
Устанное	—	—	1	—	—
Уставное	—	—	1	—	—
Успешная	1	1	—	—	—
Устронная	—	—	1	—	—
Устюжна : Устюг	1	—	—	—	—
Ущерно / Усть-Черновая	1	—	—	—	—
Ушично : Ушица р.	—	1	—	—	—
Ушна р.	1	—	—	—	—
Утешн-	1	1	—	—	—
Ухабн-	1	—	1	+	—
Хабно	—	1	—	—	—
Хабарный	1	—	—	—	—
Хвенна р.	—	1	—	—	—
Хвойн-/Хойн-/Фойн-	3	2	3	+	+
Хворосн-/Хорос н-/Форосн-	2	3	—	+	+
Хвошн-/Фошн-	4	—	4	+	—
Хижн-/Хизн-	+	2	—	+	—
Химное	—	—	2	—	—
Хлебн-/Хлебородн-	6	1	2	+	+
Хлевн-	1	—	1	+	—
Хлопотная	1	—	—	—	—
Хмельн-/Хмельничн-	7	3	2	+	—
Хмельнужно	1	—	—	—	—

Продолжение

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Холодн-	4	3	—	+	+
Холосна	—	1	—	—	—
Холохольн-/Халахольн-	4	—	—	+	—
Хомно	—	—	1	—	—
Хомутная	—	—	1	—	—
Хоромн-	—	2	1	+	+
Хотнее/Хатнее	—	1	—	—	—
Храбузна	—	2	—	—	—
Хребетный	—	1	—	—	—
Хренное	1	—	—	—	—
Хрустальный	—	1	—	—	—
Хуторной	1	—	—	—	—
Хыстное	—	—	1	—	—
Цветн-	—	3	—	—	—
Церковн-	6	6	1	—	—
Цинное	—	—	1	—	—
Цятно оз.	—	—	1	—	—
Чапельная/Чаплинное	1	1	—	+	—
Часовное	1	—	—	—	—
Чейно	1	—	—	—	—
Чемерн-/Чемеричн-	—	1	3	+	+
Черемн-	5	—	—	+	—
Черемошн-/Черемушн-	12	8	—	+	—
Черничн-	—	—	3	+	—
Череничная	—	1	—	—	—
Черетное	1	—	—	—	—
Чережно	1	—	—	—	—
Червленн-/Червонн-	3	3	—	+	—
Чесночн-	2	—	—	—	—
Четвертная	1	—	—	+	—
Чистоснежное	1	—	—	—	—
Чудная	1	—	—	—	—
Шабельна	—	1	—	—	—
Шайно	—	1	—	—	—
Шапанное	1	—	—	—	—
Шарно	—	1	—	—	—
Шатерно	1	—	—	—	—
Шибенн-	—	3	—	—	—
Шейно	3	—	—	—	—
Шляхетна	—	1	—	—	—
Шмарн-	3	—	—	—	—
Шостна р.	1	—	—	—	—

Окончание

Основа	Количество названий				
	русских	украинских	белорусских	западнославянских	южнославянских
Шубное / Шубочный	2	—	—	—	—
Шуйно	1	—	—	—	—
Шурное	1	—	—	—	—
Щегольное	1	—	—	+	—
Щекотна	1	—	—	—	—
Щемельна р.	—	—	1	—	—
Щетное	1	—	—	—	—
Щепн-	2	—	—	—	—
Щитно	—	—	2	+	—
Щучно	1	—	—	+	—
Щутное	—	—	1	—	—
Юговна р.	—	—	1	+	—
Яблочн-	3	2	—	+	—
Яблонн-/Яблонечн-	11	3	—	+	—
Ябыльна	1	—	—	—	—
Ягодн-	24	5	6	+	+
Яйно	—	1	—	—	—
Ямн-/Ямичн-	31	7	17	+	+
Яровна	1	—	—	—	—
Ясашн-	2	—	—	—	—
Ястребн-/Ястребенн-	—	3	—	+	+
Явное оз.	—	1	—	—	—
Язн-/Езовна	2	—	6	+	—
Яшна р.	—	—	1	—	—
Ячн-/Ешн-	2	—	5	—	—
Всего	2718	1120	802		

ИСТОЧНИКИ

Списки населенных мест Российской Империи, сост. и изд. Центральным Статистическим Комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1866.

Охвачены губернии: Архангельская, Астраханская, Бессарабийская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Екатеринославская, Земля Донского Войска, Казанская, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Нижегородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Псковская, Рязанская, Самарская, Санкт-Петербургская, Саратовская,

Симбирская, Смоленская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тульская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Черниговская.

Список населенных мест Ярославской губернии. Ярославль, 1901.

Список населенных мест Киевской губернии. Киев, 1896.

Список населенных мест БССР. б. Минской губернии. Минск, 1924.

Список населенных мест Могилевской губернии. Могилев, 1910.

Список населенных мест Новгородской губернии, ч. I—XI. Новгород, 1907—1912.

Список населенных мест Волынской губернии. Житомир, 1906.

Крылов А. Населенные места Подольской губернии. Каменец-Подольск, 1905.

Тошкевич И. И. Виленская губерния. Полный список населенных мест. Вильна, 1905.

Указатель населенным местностям Гродненской губернии. Гродна, 1905.

Українська РСР. Адміністративно-територіальни поділ на 1 вересня 1946 року. Київ, 1947.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ И ТРУДЫ

H. Borek. Zachodniosłowiańskie nazwy toponimiczne z formantem -ьn-. Wrocław, 1968 (сокр. — *Бор.*).

J. Rozwadowski. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948 (сокр. — *Розв.*).

M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd I—III. Heidelberg, 1950—1958.

«Белорусско-русский словарь». Под ред. К. К. Крапивы. Москва, 1962.

В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1956.

Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). «Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика)». Под ред. В. В. Мартынова и Н. И. Толстого. М., 1968, стр. 206—255.

Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959.

А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.

И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. М., 1958.

Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.

В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962 (сокр. — ТТ).

О. Н. Трубачев. Названия рек правобережной Украины. М., 1968 (сокр. — *Труб.*).

«Украинско-русский словарь». Под ред. В. С. Ильина. Киев, 1965.

Перевела с польского М. Л. Тарловская

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В СТРУКТУРЕ БАЛТИЙСКИХ ТОПОНИМОВ В СРАВНЕНИИ СО СЛАВЯНСКИМИ

В. Э. Сталтмане

Латышский язык (так же как и литовский) отличается от русского в области морфологического оформления атрибутивных конструкций: относительные прилагательные в русском более частотны, чем в балтийских языках, где вместо относительных прилагательных употребляется родительный падеж соответствующего существительного, ср.: *идеологическая борьба*, лтш. ideoloģiskā (прилагат.), cīņa; *партийный билет*, лит. partinis (прилагат.) biletas; *педагогический институт*, лит. pedagoginis (прилагат.) institūtas, но: *кирпичная стена*, *пивная бутылка*, *медицинский институт*, *рыбий жир*, лтш. ķiegeļu (род. пад.) siena, alus (род. пад.) pudele, medicīnas (род. пад.) institūts, zivju (род. пад.) eļļa, лит. medicinos (род. пад.) institūtas, rūsų (род. пад.) kalba 'русский язык'.

Эта особенность обеих групп языков прослеживается также на материале ономастики [1]. Однако отличие последней от апеллятивов заключается в том, что соотношение балтийского родительного падежа и славянских прилагательных в топонимах подчинено какой-то внутренней закономерности, поддается определенной систематизации (частично при помощи семантической классификации, о чем говорится ниже), в то время как мотивированность употребления генитивных конструкций (лтш. medicīnas institūts) или относительных прилагательных (pedagoģiskais institūts — *медицинский, педагогический институт* — в русском языке в обоих случаях прилагательное) в балтийских языках на материале апеллятивов гораздо труднее постижимо, более идиоматично.

[1] В статье рассматриваются не только собственно топонимы: названия физико-географических объектов, населенных пунктов (ойконимия), названия географических объектов внутри города — улиц, площадей и т. п. (урбонимия), но частично и названия учреждений, ресторанов, гостиниц, колхозов и т. п.

1

Славянские языки лишь в незначительной части топонимов допускают форму родительного падежа. Это в основном так называемые мемориальные названия (правда, далеко не все), присвоенные географическим объектам в честь определенных лиц. Мемориальные названия (и, следовательно, генитивные конструкции) в русском языке применяются для наименования островов, мысов, проливов, заливов, полуостровов, бухт, пиков [2] и др., например: *мыс Голенищева*, *пролив Шокальского*, *остров* (*полуостров*, *мыс*) *Шмидта*, *бухта* (*мыс*) *Дежнева*, *остров Ушакова*, *острова Сергея Кирова*, *остров Рудольфа*, *залив Петра Великого*, *мыс Марии*, *залив Лаврентия*, *земля Франца-Иосифа*, *мыс Елизаветы*, *остров Беринга*, *пик Ленина*.

К рассматриваемой модели топонимов, по-видимому, можно отнести такие названия, как *гора Кропоткина*; ср. польск. Byrona przylądek (мыс), Góry Świętej Anny, чеш. hora Sv. Kateřiny, hora Sv. Sebestiána и т. п.

В названиях населенных пунктов родительный падеж, как правило, предворяется словом *имени*: например, пгт. *им. Степана Разина*, *им. Гастелло* и др.

Кроме фамилий и имен, в рассматриваемой модели наименований встречаются (правда, значительно реже) и апеллятивы: *пик Революции*, *мыс Столетия*, *мыс Терпения*, *остров Уединения*, *долина Смерти* и т. п.

Большинство случаев употребления генитивных конструкций в славянской топонимии падает на урбонимию. Наряду с другими моделями урбонимов (форма им. падежа: *ул. Волхонка*, *Солянка*, *Петровка* и др., качественные, притяжательные и относительные прилагательные: *Новая площадь*, *Бобров переулок*, *Ленинский проспект*, *Спартаковская ул.*, *Пятницкая ул.*, *Каменный мост*, *Кузнецкий Мост*) в последнее время заметно возрастает количество названий в форме родительного падежа [3]. Примеры: ул. *Чкалова*, *пр. Маркса*, *пр. Вернадского*.

---

[2] Разумеется, генитивные конструкции употребляются для наименования перечисленных объектов только как одна из моделей, сосуществующая с другими, ср. *остров Пионер*; *остров Диксон*, *Берингов пролив* и др.

[3] См.: В. А. Никонов. Научное значение микротопонимии. «Микротопонимия». М., 1967; З. В. Суганова. Географические названия Москвы в форме род. падежа существительного. — Там же.

Эти морфологические модели названий внутригородской топонимии свойственны также польским и чешским урбонимам (разумеется, в иных количественных соотношениях)[4], ср. названия улиц Праги и Варшавы: форма им. падежа: чеш. Andělka, Bendovka, Čabelka, Cibulka, Bělka, польск. Bełdan, Bolść, Ciołka; прилагательные: чеш. Černá, Bílá, Červená, Bylanská, Českomoravská, Balbinova, Alšova, Boleslavova, Čapkova, Abresová, польск. Ciemna, Cicha, Ciasna, Archiwalna, Apteczna, Asfaltowa, Akacjowa, Grzybowska, Bukowińska; форма родительного падежа: чеш. Černohorského, Boženy Němcové, Borcové, Bratří Čapků, B. Smetany, польск. Architektów, Bartoszewicza, Batorego, Bonifacego, Brechta, Chopina и т. п.

Представляется небезынтересным вышерассмотренные топонимические модели сопоставить с соответствующими балтийскими. Наблюдения показывают, что в балтийских языках генитивные конструкции в значительной мере преобладают. Если в русском языке генитивные конструкции употребляются как одна из возможных форм (наряду с другими для называния данного типа объектов), например *мыс Сысоева*, но *м. Шелагский*, *м. Челюскин*, *м. Толстой*, *м. Воронов*, *м. Лопатка*, *м. Гребень*, *остров Врангеля*, но: *о. Диксон*, *о. Пионер* и т. п., то в балтийских языках генитивные сочетания оказываются единственными (исключения единичны) для рассматриваемых географических объектов, например, названия мысов в Латвии: Kolkasrags, Mērsrags, Akmeņrags (генитивные конструкции срослись в одно сложное слово), названия островов: Zaķu sala, Zvirgzdu sala, Doles sala и т. п., лит. Kuršių marios (коса).

Что касается названий улиц, то в обоих балтийских языках здесь можно отметить абсолютное преобладание форм родительного падежа, например, лит. Mickevičiaus gatvė (ул. Мицкевича), Algirdo g. (ул. Альгирдаса), Komjaunimo g. (ул. Комсомола), Partizanų g. (ул. Партизан), Arkliu g. (ул. Лошадей), лтш. Raiņa iela (ул. Райниса), Ļeņina iela (ул. Ленина), Revolūcijas iela (ул. Революции),

[4] Мы не останавливаемся на тех моделях чешских и польских урбонимов, которые не имеют соответствий в русской урбонимии, ср. предложные конструкции типа чеш. Nad Botičem, U Václáva, Pod Skalou, K Dubinám польск. Na Bateryjce и т. п.

Olgas iela (ул. Ольги), Akas iela (ул. Колодца), Dzirnavu iela (ул. Мельниц), Audēju iela (ул. Ткачей).

Исключения составляют единичные случаи употребления качественных прилагательных, ср. лит. Tolimoji g. (Далекая ул.), Kreivoji g. (Кривая ул.), Žemoji g. (Низкая ул.), лтш. Zaļā iela (Зеленая ул.), Baltā iela (Белая ул.), Klusā iela (Тихая ул.), Platā iela (Широкая ул.), Lielā iela (Большая ул.), и порядковых числительных: лтш. 1. līnija (1-я линия).

В Риге имеется только одна улица, названная относительным прилагательным Kmunālā iela (Коммунальная ул.).

2

Для балтийской топонимии характерно наличие генитивных конструкций и в тех моделях топонимов, в которых они абсолютно недопустимы (или исключительно редки) в славянских языках. Речь идет о названиях единиц административно-территориального деления (областей, районов, сельсоветов и т. п.), названий географических объектов, обозначающих свойства рельефа (возвышенности, низины, равнины, впадины и т. п.), сюда же относятся названия лесов, болот, заповедников и т. п. Эти названия, как правило, вторичны, т. е. обозначаемый объект получил название от названия другого географического объекта.

В славянской топонимии эти названия представлены строгой моделью «прилагательное (чаще всего относительное)+географический термин», ср., *Амурская область*, *Каменский район*, *Гагаринский район*, *Михайловский сельсовет*, чеш. Sokolovský, Karlovarský okres, Jenišův újezd, Pražský kraj, Plzeňský kraj, Liberecký kraj, польск. Województwo Białostockie, Wojew. Poznańskie, Wojew. Krakowskie; *Валдайская возвышенность*, *Приволжская возвышенность*, *Анадырская низменность*, *Курские леса*, *Кандалакшский заповедник*, чеш. Česká vysočina, Českomoravská vrchovina, Jihočeské pánve (впадина), Český Les, Polabská nižina, Moravský kras (карст), Hornomoravský údal (долина); польск. Wyżyna Lubelska, Kotlina Sandomierska, Kotlina Śląska, Nizina Mazowiecko-Podlaska, Bory Tucholskie, Augustowska Puszcza, Białowieska Puszcza.

Рассматриваемая модель названий в балтийских языках представлена исключительно генитивными сочетаниями[5]: лтш. Cēsu rajons, Tukuma rajons, Slates ciema padome, Zemgales līdzenums, Latgales augstiene, Kirova rajons, Slīteres meži, Ķestera mežs, Velna purvs, лит. Telšių rajonas, Ažuolyno kiemas, Baltijos-Švenčionų aukštuma, Budininkų Miškas, Aluonos pelkė.

Менее единообразна модель названий озер и гор. В балтийских языках здесь преобладают названия в родительном падеже, в то время как в славянских им противостоят прилагательные или же именительный падеж существительного. Примеры: лтш. Liepājas ezers, Burtnieku ezers, Rēznas ezers, Krievu kalns, Saules kalns, лит. Alaušo ežeras, Aivilių ežeras, Ažušiles kalnas, Džiugo kalnas. В славянских языках: *Байкал*, *Онежское взеро*, *Ладожское озеро*, *Полисто* (оз.), *Пясино* (оз.), *Белая гора*, *Благодать* (г.), чеш. Štrbskie pleso (горное озеро), Černé jezero, Bžezový rybník, Kozčinský r., Žinkovsky r., Popice (гора), Orlík (г.), Hřeben (г.), Javorná (г.), польск. Żarnowieckie jezioro, Krępskie j., Wierzchowo j., Wielkie j., Bytyń (j.), Kamienna góra, Babia (g.), Diabla (g.), Dębowa (g.), Jaworzyna (g.), Sobótka (g.).

3

В славянских языках от каждого топонима регулярно может быть образовано прилагательное и, естественно, каждый топоним может быть употреблен в родительном падеже: *Волга — Волги — волжский*, *Москва — Москвы — московский*[6]. Однако в образовании вторичных[7] топонимии-

---

[5] Строгое соответствие балтийских генитивных конструкций славянским прилагательным ярко проявляется при передаче названий из одного языка на другой, наример *Амурская область* — лтш. Amuras (род. пад.) apgabals, *Ленинградский район* — Lenigradas rajons, *Валдайская возвышенность* — Valdaja augstiene и наоборот: лтш. Madonas rajons — *Мадонский район*, Salienas ciems — Салиенское село, лит. Šiaulių rajonas — *Шауляйский район* и т. п.

[6] О словообразовательных возможностях топонимов в различных языках см.: В. Д. Беленькая. Топонимы в составе лексической системы языка. М., 1969, стр. 68, 69.

[7] Термин «вторичный» в данной статье употребляется как более наглядный вместо более точного термина «непервичный», см.

ческих названий, как правило, участвует только один из членов этой корреляции — относительное прилагательное (*Московская область*). Иная картина в балтийских языках: трехчленной славянской системе соответствует двухчленная балтийская: им. падеж Rīga — род. падеж Rīgas. Оттопонимные прилагательные (типа *московский*) балтийским языкам абсолютно чужды [8], зато каждая форма род. падежа может быть использована для образования вторичных топонимов (Rīgas rajons).

Родительный падеж в балтийских языках присутствует имплицитно и в тех географических названиях, которые обычно принято употреблять в форме именительного падежа. В первую очередь сказанное относится к названиям населенных пунктов и рек. Наряду с более употребительной формой именительного падежа, например лтш. Rīga, Mādona, Ierikļi, Druvas, Kosa, Ķipji, Venta, Gauja, лит. Vilnius, Krosna, Šiauliai, Skuodas, Mūša, Nemunas, Šaltuona, потенциально возможна также соответствующая конструкция «род. падеж + географический термин»: Rīgas pilsēta, Madonas pilsēta, Ierikļu stacija, Kosas ciems (раньше Kosas pagasts 'волость'), Ķipju mājas, Ventas upe, Vilniaus miestas, Skuodo miestas, Mūšos upė, Nemuno upė, Šaltonos upė. Следует отметить, что употребление генитивных форм поддерживается наличием одноименных названий реки и населенного пункта: географический термин в генитивном сочетании устраняет омонимию: Ilūkstes upe (река) в отличие от Ilūkste (город).

Генитивные конструкции предпочитаются также в определенных текстах, особо требующих однозначности высказывания, ср.: Noteikumi par mājas dzīvnieku turēšanu Rīgas pilsētā 'Правила для владельцев домашних животных в г. Риге'.

Генитивные сочетания часто предпочитаются также для речек и ручейков небольшой протяженности, получивших свое название от соответствующей местности, например лтш. Salienas upe, Šlapaku upe (одна и та же речка у села

об этом: А. В. Суперанская. Переводимые и непереводимые типы географических названий. «Slavica Pragensia», 1966, VIII, стр. 168.

[8] Хотя (как об этом было сказано в начале) вообще относительные прилагательные балтийским не чужды, ср. лтш. vēsture 'история' — vēsturisks 'исторический', vācietis 'немец' — vācisks 'характерный для немцев, немецкий'.

Saliena и у хутора Šlapaki), лит. Giedros upelis, Akmenių upelis.

Славянские же языки в случаях, требующих эксплицитно выраженного географического объекта, прибегают к оппозитивным оборотам или к вышеотмеченным сочетаниям с прилагательным, ср. *город Москва*, *Москва-река*, *Московская область* (ср. латышскую передачу: Maskavas pilsēta, Maskavas upe, Maskavas apgabals — во всех случаях родительный падеж).

И, наконец, необходимо отметить еще один случай употребления родительного падежа в ономастике, где латышский и литовский языки расходятся между собой. Это названия колхозов, совхозов, гостиниц, ресторанов, и т. п. Современный литовский язык для этих названий допускает параллельные формы с родительным и именительным падежами, например: Draugystės kolūkis (колхоз)// Kolūkis «Draugystė», Maskvos viešbutis (гостиница)//viešbutis «Maskva», Lelijos fabrikas//fabrikas «Lelija». В современном латышском языке в этих случаях употребляется только им. падеж: Kolhozs «Cīņa», fabrika «Māra», viesnīca (гостиница) «Rīga», restorāns «Vidzeme».

В итоге проведенного анализа синтаксической структуры балтийских и славянских языков можно сделать вывод: подобное синхронное сопоставление помогает обнаруживать особенности топонимических систем, незаметные при изучении лишь одного языка́ — таким образом выявилась неспособность балтийских топонимов служить основой для производных прилагательных. Это является также отличительной чертой топонимов и апеллятивов в балтийских языках.

Выше изложенные сопоставительные наблюдения обнаруживают также несоответствия в русской передаче иноязычных географических названий, обозначающих единицы административно-территориального деления. Однотипная передача славянских и балтийских названий (ср. *Познаньское воеводство*, *Краковское воеводство*, *Брновская область*, *Готвалдовская область*, *Тукумский район*, *Каунасский район*, но: *департамент Па-де-Кале*[9], *граф-*

---

[9] Названия, обозначающие соответствующие объекты западноевропейских стран, передаваемые «славянским» способом, например *Рейнская область*, *Франконский Лес*, являются исключениями из общего правила и обычно рассматриваются как «традиционные»,

ство Мидлсекс, штат Нью-Джерси) может быть обоснована только экстралингаистическими факторами. Эта тема ждет своих исследований.

ИЗ АРХИВА П. Л. МАШТАКОВА

Г. П. Смолицкая

В Институте русского языка АН СССР хранится небольшой архив П. Л. Маштакова, широко известного в ономастике своими списками рек бассейнов Днепра, Днестра, Южного Буга и Дона [1].

Подавляющая часть архива представляет собой картотеки указанных бассейнов, а также картотеку «Областного водного словаря», вышедшего в 1931 г. Наиболее интересными материалами архива представляется гидронимическая картотека, составленная по «Спискам населенных мест Российской империи», и черновые наброски «Списков» рек бассейна Балтийского моря, Европейской части Северного Ледовитого океана (от р. Западная Двина до р. Печора) и бассейна Каспийского моря (р. Волга с Окой и Камой).

Ф. П. Филин помнит, как осенью 1941 г. П. Л. Маштаков принес эти материалы в словарный сектор Института русского языка в Ленинграде с целью сохранения [2]. В 1952 г. эти материалы вместе с картотекой «Древнерусского словаря» были перевезены в Москву.

П. Л. Маштаков в 1890 г. окончил с золотой медалью

см.: З. Д. Голубева. О передаче номенклатурных терминов, входящих в состав немецких географических названий. «Топонимастика и транскрипция». М., 1964, стр. 184.

[1] См.: П. Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913; Он же. Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного). Пг., 1917; Он же. Список рек Донского бассейна. М—Л., 1934.

[2] Биографические сведения о Маштакове любезно сообщены автору Ф. П. Филиным и А. И. Поповым, лично знавшими П. Л. Маштакова и работавшими вместе с ним в предвоенные годы в Ленинграде.

Саратовскую гимназию, а в 1894 г. — Высший Петроградский историко-филологический институт по разряду русского языка, словесности, истории и географии. Так написал сам П. Л. Маштаков в автобиографии, найденной совсем недавно А. И. Поповым в одном из архивов Ленинграда. П. Л. Маштаков работал в Комиссии по вопросу о географической номенклатуре при Академии наук. Его деятельность в этой комиссии высоко оценивалась академиками А. А. Шахматовым, А. И. Соболевским, А. С. Лаппо-Данилевским. Работы по сбору и обработке географической (водной) номенклатуры он продолжал будучи библиотекарем в Ленинградском гидрологическом и Ленинградском горном институтах.

Наше внимание привлекла одна папка из архива Маштакова с надписью «Указатели (черновики)». Это своеобразные заготовки по разным бассейнам рек, собранные из нескольких источников, не всегда указанных Маштаковым. В основном материал извлечен из «Перечня внутренних водных путей Европейской России» (СПб., 1907) и карт к нему и из «Справочника по водным рессурсам СССР» (М.—Л., 1936). Кроме того, часть материала извлечена из картотеки Гидрологического института. Это видно по многим страницам с шифром ГГИ, где ГГИ, вероятно, — Государственный гидрологический институт. Именно поэтому бассейны каждой реки представлены в архиве в нескольких экземплярах — по каждому источнику и сводным спискам. Так, участок Балтийского моря между реками Нева и Зап. Двина представлен тремя списками, два из которых дополняют один другой, а третий сводный. Бассейн р. Зап. Двина представлен пятью экземплярами (вариантами) списков, бассейн р. Волги — тремя, бассейн Северного Ледовитого океана — одним. Каждый вариант списка имеет буквенный и цифровой шифр, а каждый бассейн разделен на отдельные участки по схеме, разработанной самим Маштаковым и изданной в порядке опыта Гидрологическим институтом [3].

Черновой характер архивных списков Маштакова различен. Одни из них кажутся более «сырыми» и первоначальными в силу небольшого количества источников, из которых извлечен материал, и в силу неокончательности форм гидронимов. Списки же некоторых бассейнов

[3] П. Л. Маштаков. Схема и шифр бассейнов внутренних вод Восточной Европы и Северной Азии. Л., 1929.

представляются наиболее завершенными относительно всего материала, имеющегося в архиве. К таким надо отнести, например, бассейн Балтийского моря на участке между реками Нева и Луга. О степени полноты и окончательности этого материала могут судить исследователи гидронимии данной территории.

БАССЕЙН БАЛТИЙСКОГО МОРЯ
(между реками Нева и Луга)

р. Красная
Дудергофка
оз. Дудергофское
п. Черная
Кикенка
Стрелка
п. Каргинский
Караста
Сопа-оя
Руока-маеки
оз. Ижорское
Лебяжья
оз. Раменгонское
оз. Черное
оз. Горовалдайское
(Каравалдайское)
Коваш
п. Черная
сп. оз. Порзоловское
л. Рудица
л. Лубенская
сл. оз. Лубенское
Воронка
Капорка
п. Ламошка
Систа (Сумма)
оз. Костовицкое
п. Чернушка
п. Ломошка
п. Клементин
л. Большой
л. Черный
п. Кабачевский
п. Каменный*[4]
л. Велькотка
п. Удосолка*
п. Сергу*
л. Ретицкий
л. Сумма
п. Елглица*
п. Индыш*
п. Толдага*
л. Долгий*
п. Гнильный
п. Соловкин
Пейпия
оз. Копенское
сл. оз. Глубокое*
Гарколовской
Ловколовской
Хаболова
оз. Хаболово
Счепки
Святая
оз. Бабинское
(Леонтьево)*
Каменный*
Темный (Геласов)*
Глухая?*
Толстуйская
оз. Судачье
Лужница
л. Краколье

[4] Знаком * отмечены притоки третьей степени и последующих степеней.

Кроме краткого описания архива Маштакова, мы сочли нужным провести небольшое текстологическое исследование некоторых его черновых материалов, чтобы выяснить степень их готовности и надежности. Для этого мы взяли бассейн верхнего течения р. Оки (включая бассейны рек Угры и Упы).

Сравнение материалов Маштакова с материалами, собранными по источникам разных времен (от XV до XX в.) и разных жанров (актового материала древней Руси, Писцовых и Межевых книг, рукописных и изданных карт XVIII—XIX вв.), показало, что черновые списки, составленные Маштаковым, надо рассматривать только как к л ю ч к составлению подробных списков. По данной территории у Маштакова представлено 140 гидронимов.

Эти 140 гидронимов дают нам возможность поиска и локализации их притоков и других водоемов, находящихся в пределах их бассейнов. Дальнейшая работа с печатными и рукописными источниками по данной территории дает более 10 тысяч гидронимов для верхнего Поочья. Более того, проверка форм этих 140 гидронимов по другим источникам, указанным ниже, показала, что этот ключ к дальнейшей работе по составлению полного «Списка» достаточно надежен.

ПРИТОКИ Р. ОКИ

Материал Маштакова — К.I.4[5]	Наши материалы[6]
п. Очка	р. Очка, Очки — МГМОрл
п. Руда	р. Руда
л. Тросна	р. Тросна, Тросенка, Трасенка — МГМОрл
л. Ракитна	р. Ракитня, Б. Ракитна
п. Озерная	р. Озерна — МГМОрл
л. Крома	р. Крома: р. Крома, Кром — СпОрл, КБЧ, р. Кром — МГМОрл
п. Кремяч	р. Кромец — МГМОрл
л. Лешня	р. Лешня — СпОрл
л. Ицка	р. Ицка: р. Итцка — ПОрл, 931
л. Заревка	р. Азаревка — МГМОрл

[5] К. — бассейн Каспийского моря; I — бассейн р. Волги, 4 — бассейн р. Оки.

[6] Список источников и сокращений см. в конце данной статьи.

Материал Маштакова — К.I.4 [5]	Наши материалы [6]
л. Цон	р. Цон: р. Цон, Цона — МГМОРрл, р. Оцон — КБЧ, р. Оцна, Оцно — ПОрл, 934
л. Лубна	р. Лубна — СпОрл, МГМОрл, ПОрл, 970
п. Рыбница	р. Рыбница
л. Орлик	р. Орлик: р. Орел — МГМОрл, ПОрл, 931, р. Орел, Орель — КБЧ
п. Орлица	р. Орлица — МГМОрл, р. Орлец — ПОрл, 973
р. Мезенка	р. Мезин — СпОрл, ПОрл, 853. р. Б. Мезин [Б. Шезин?] — МГМОрл
л. Неполодь	р. Неполодь: р. Неполодь, Полодь — ПОрл, 860, 862
л. Маховица	р. Маховица, Меховица — СпОрл, р. Моховица — МГМОрл, р. Меховица — ПОрл, 881
л. Цветынь	р. Цветынка: р. Цветинка — СпОрл, р. Цветынь — МГМОрл, КБЧ, ПОрл, 869
п. Оптуха	р. Оптуха, Оптушка: р. Обтуха — С-Т, р. Оптуха, Б. Оптуха — МГМОрл, р. Аптуха, Оптуха — КБЧ, р. Оптуха — ПОрл, 1033
п. Лисица	р. Лисица — СпОрл, МГМОрл, ПОрл, 1035
п. Зуша	р. Зуша — СпОрл, МГМОрл. р. Зуша, Суша — КБЧ
л. Грязная	р. Зушица Грязная, р. Грезная Зуша — МГМТул
л. Устанка [7]	о. Устиной — МГМТул
п. М. Зуша	р. Зуша Филина, Зушица Филина, Филина Зушица — СпТул, р. Филина Зушица, Филиппова Зушица — МГМТул
л. Раковка	р. Раковка — СпТул, р. Б. Раковка — МГМТул, р. Раковня,— С-Т
л. Дична	р. Дичня, Дичка — МГМТул
л. Неручь	р. Неручь — СпТул, МГМТул, р. Неручьи, Неруч — КБЧ
п. Озерна	р. Озерна
п. Залегощанка	*р. Залегощь, Залегощенка — МГМТул
п. Колпна	р. Колпенка, Колпна
л. Олешня	р. Алешня — Тул: р. Алешня — СпТул, МГМТул, р. Олешня — КБЧ
п. Чернь	р. Чернь — СпТул, МГМТул, КБЧ

[7] Отмечено красной галочкой, видимо, как требующее уточнения.

	л. Розка	р. Розка — С-Т, р. Роска - МГМТул, р. Ростка — КБЧ
	л. Бобрик	р. Бобрик — МГМТул
	п. Снежеть	р. Снежеть, Снежет, Снежед — СпТул, р. Снежед — МГМТул, р. Снежет, Снежед, Снежедь — КБЧ
п. Иста		р. Иста — С-Т, СпТул, МГМТул
	п. Истица	р. М. Истица — СпТул, МГМТул
л. Нугрь		р. Нугрь — Орл, р. Нугрь, Нугра — СпОрл, р. Нугрь, Нухрь — КБЧ, р. Нугрь (муж. и жен. р.) — ПОрл, 1012
	л. Болховка	р. Болховка — МГМОрл
	л. Мошок	р. Мог, Мох — СпОрл, р. Мог — МГМОрл, КБЧ
	п. Кутьма	р. Кутьма, Кутемка: р. Кутма, Крутма, Крутьма — МГМОрл
	л. *Левая* (?) [8]	р. Попелевка (?)
	п. *Белев* (?)	
л. Выра		р. Выра, Вырка — СпКал, р. Выра — ККал
п. Упа		р. Упа
	п. Уперта	р. Уперта: р. Уперть — С-Т, р. Уперт — СпТул, МГМТул
	л. *Б. Уперта* (?)[9]	
	п. Шиворонь *а*	р. Шиворонь, Шиворонка — СпТул, р. Шиворона — МГМТул, р. Шиворонь, Шиваронь — КБЧ, р. Шиворона — ПТул, 1264
	п. Шат(ь)	р. Шат
	п. Сежа	р. Сежа, р. Сежа, Сенежа — ПТул, 1165—1166
	л. Воронка	р. Ворона, Воронка
	п. Тулица	р. Б. Тулица — МГМТул, р. Тулка — ПТул, 1149, 1150, 1208
	л. р. Выпрейка	р. Вепрея, Вепра — МГМТул

[8] Притоков р. *Нугрь* с названием р. *Левая* или р. *Белев* не обнаружено; возможно, что это правый приток р. *Нугрь* — р. *Попелевка*. Здесь и дальше курсивом даются такие названия или части названий, которые в материалах П. Л. Маштакова вписаны в основной список карандашом, а со знаком вопроса такие названия, которые, как правило, даны со знаком вопроса или с другими знаками (галочкой, чертой, скобками и т. п.), обозначающими неуверенность автора и необходимость проверки и уточнения.

[9] Река Б. *Уперта* вписана между строк красным карандашом с двумя пометами, видимо, обозначающими необходимую проверку. Поиски р. Б. *Уперта* правого притока р. *Упа* не дали положительного результата.

п. Б. Колодня	р. Колодня, р. Б. Колодня — МГМТул
л. Солова	р. Солова
л. Плава	р. Плава
л. Плавица *	р. Плавица: р. М. Плавица — МГМТул, р. Плавка — ПТул, 1185
л. Малынька *	р. Мальня — СпТул, р. Малынка, Сух. Малынка — МГМТул
л. Холохольня *	р. Холохольня, Холхольня — СпТул, р. Холохонка, Холохолка — КБЧ, р. Холохолец — ПТул, 1148
п. Б. Вадца	р. Ватца, Б. Ваца — МГМТул
л. Б. Мизгея	р. Мизгея: р. Б. Мезгея, Мезгея, Мизгея —СпТул, р. Б. Мизгея, Б. Мезгея — МГМТул
л. Жиздра	р. Жиздра
п. Потья	р. Лотья [Потья?] — ККал
п. Песочна	р. Песочная
л. Ясенок, *Ясень-*	р. Ясенка
л. Которянка, *Каратека* (?)	р. Которянка: р. Катарянка — ККал
л. Драгошанка	р. Драгошанка: р. Драгожанка — ККал
л. Брынь	р. Брынь, Брынка
п. Урушка	р. Урушка: р. Укрушка — ККал
л. *Вертенка, тека*	р. Вертенка
п. Рессета	р. Рессета: р. Ресета — СпКал, ККал
л. Песочна *	р. Песочная
л. Лохова *	р. Лохва: р. Лоховка — ККал
п. Ресетица *	р. Ресетица
л. Болотная *[10]	
л. Полозна *	р. Полозна
п. Абельна *	р. Обельна, Абелейка, Абельна, Абельня, Абольная — МГМОрл
п. Гнездна *	р. Гнездна, Гнездная — МГМОрл
л. Велья (Вейля)*	р. Велья — ККал
л. Черная *	р. Черная
л. Дубна *	р. Дубна
л. Ловать *	р. Ловать
л. *Грем* [11]	
п. Старица *[12]	

[10] р. *Болотная* по нескольким источникам не обнаружена.
[11] Приток р. *Ловати* с названием *Грем* или начинающимся с *Грем* не обнаружен.
[12] Приток р. *Рессета* с названием *Старица* не обнаружен.

л. Большая *[13]	
п. Лотавь *	р. Лошав, Лошавь — ККал
п. Вязовка, Вязь	р. Вязовка
л. Кощa, Кош	р. Гощь — ККал
п. Вытебеть	р. Вытебеть — СпКал, р. Вытебедь, Вытебет — С-Т, р. Вытебить — ККал
л. оз. Шкава *	р. Шкава, Шкова — МГМОрл
л. Лисичка *	р. Лисица — ККал
л. Черный Колодезь *[14]	
л. Лютня *[15]	р. Летня — ККал
п. Дубенка *	р. Дубенка — ККал
п. Песочна *	р. Песочня — ККал
п. Уколка *	р. Уколица — ККал
п. Водринка *	р. Орденка : р. Б. Ординка, Б. Одринка — ККал [16]
л. Лукосна, *Лютня*	р. Лукосна
л. Серена	р. Серена: р. Серенка — С-Т
п. Локнева *	р. Лакнава, р. Б. Локнова — ККал
л. Б. Нигва *	р. Б. Нитва, р. Ниговка — СпКал
п. Песочня (*Песь*)	р. Песочня — Орл, МГМОрл: р. Песковатец — ПОрл, 1033
л. Антора	р. Птора — ККал
л. Высса	р. Высса — СпКал, р. Выса — КБЧ
л. Угра	р. Угра
п. Демина	р. Демина
л. *Небровк?* [17]	
п. Ужеперть, *брать*	р. Ужеперт: р. Ужердь, Ужередь — СпКал, р. Ужеперть — МГМСмол
л. Невестинка, *ейка*	р. Невестенка, Невестинка — МГМСмол
л. Рословка, *а*	р. Расловль, Рословль — МГМСмол
п. Ворона [18] *я, ьи*	р. Ворона: р. Б. Вороня — МГМСмол

---

[13] Приток р. *Рессета* с названием *Большая* не обнаружен.
[14] П. Л. Маштаков дает к нему помету карандашом «не на месте». Ниже по р. *Вытебеть* есть р. *Ченцев Колодезь* — ККал.
[15] К названию *Лютня* в скобках карандашом вариант *Люта*. р. *Орденка* имеет правый приток с названием р. *М. Ординка*, *М. Ординка*, имеющий в свою очередь приток с названием
[16] *р. Ординка, Одринка* — ККал.
[17] Приток р. *Угра* с названием *Небровк* не обнаружен, рядом с р. *Ужеперт* есть р. *Теребовка*.
[18] В названии *Ворона я* переправлено на *а*.

п. Завальня [19]	
л. Городеченка [20]	р. Городенка
п. Баскаковка	р. Баскаковка
л. Дименка	р. Деменка — МГМСмол
л. Немка	р. Немка
л. Волоста	р. Волоста: р. Вольста, Волста, Вобста — МГМСмол
п. Сигоса	р. Сигоса
л. Жижала	р. Жижала — СпСмол, ПВяз, 818, р. Жижала, Жижила — МГМСмол
л. Воря [21]	р. Воря
л. Ворька (*Борька*)	р. Ворька
п. Ресса	р.Реса, Ряса — МГМСмол
л. Усса (*Уса*) *	р. Усия, Уса — МГМСмол
п. *Ледцов* (?) *	
п. *Пекса* (?)	
л. Пополта (*По-полча*) *	р. Пополта
п. Песочня	р. Песочня
л. Волоствица	р. Полотвица — ККал
л. Сохна	р. Сохна
п. Теча (в верх.)	р. Теча
Б. Березуй [22]	р. Березуй, Б. Березуй
п. М. Березуй	р. Березуй, Березуйка
л. Изверя	р. Изверя, Изверь
л. Шаня	р. Шаня
л. Руть *	р. Рута (Руда) — СпСмол, р. Руд — МГМСмол, р. Руть — ККал
п. Совинка *[23]	
л. Суходрево *	р. Суходрев: р. Суходрев, Суходров — СпКал, р. Суходров — ККал, р. Суходров АСВРП, 244; р. Суховров, Суходров, Суховъровъ КБЧ

---

[19] В названии *Завальня* карандашом к *в* подставлено *п*. По другим источникам этот гидроним не обнаружен.

[20] В названии *Городеченка* к *ч* дан карандашом вариант *л*.

[21] В названии *Воря а* переправлено на *я*.

[22] П. Л. Маштаков, видимо, имеет в виду другое название для р. *Теча* в верховьях — р. Б. *Березуй*. На карте данной территории, в частности на ККал, такой ситуации не наблюдаем. На этой карте р. *Березуй*, она же *Большая Березуй* (так. — *Г. С.*) является притоком р. *Теча* и имеет свой приток под названием *Березуйка* и *Беревуй*.

[23] По нашим материалам р. *Совинка* не обнаружена.

п. р. Медынка	р. Медынка: р. Медынь — С-Т
л. Сечна	р. Осечня — ККал

Из 140 названий верхнего Поочья, приведенных у Маштакова, 32 совпадают полностью с названиями, извлеченными из указанных выше источников: р. *Руда*, *Лисица*, *Чернь*, *Упа*, *Солова*, *Плава*, *Жиздра*, *Угра* и др.; 63 названия совпадают с одним из вариантов: р. *Тросна — Тросна*, *Тросенка*, *Трасенка*, р. *Цон — Цон*, *Цона*, *Оцон*, *Оцно*, *Оцна*, р. *Колпна — Колпна*, *Колпенка* и др.; 30 названий представляют собой словообразовательный или фонетический вариант по отношению к нашему: р. *Озерная — Озерна*, р. *Мезенка — Мезин*, р. *Залегощанка — Залегощь*, *Залегощенка* или р. *Заревка — Азаревка*, р. *Водринка — Одринка* и др.; 7 названий в наших материалах не зафиксированы и 8 названий из черновиков Маштакова совершенно не совпадают с нашими или вызывают сомнение в правильности, но они помечены самим Маштаковым: р. *Потья — Лотья*, р. *Лотавь — Лошав*, *Лошавь*, р. *Лютня — Летня*, р. *Антора — Птора*. Гидронимы р. *Белев*, р. *Грем*, р. *Небровк*, р. *Ледцов*, р. *Пекса*, р. *Большая* в наших источниках отсутствуют.

По черновикам Маштакова можно установить процесс работы по составлению «Списков». Например, для бассейна р. *Луга* имеется три черновика: один, написанный карандашом, второй — зелеными чернилами, причем во втором много вставок черными чернилами, и третий — сводный из двух первых, написанный фиолетовыми чернилами. И в этом сводном «Списке» есть вставки черными чернилами: добавляются новые названия, новые варианты к имеющимся названиям и т. п.

Черновики Маштакова дают нам возможность установить и некоторые моменты работы его над отдельным названием. Те названия или части названий, в правильности которых он сомневается, обязательно выделяет: подчеркивает карандашом и рядом надписывает предполагаемое тем же карандашом р. *Теньга — Тянга*, р. *Чищур — Чишур*, р. *Люлих — Люпих*, р. *Дрезна — Дреза*, р. *Явас — Евас*. Иногда в названии подчеркивается одна сомнительная буква и рядом пишется предполагаемая: р. Росляйка —*н*, р. Ламка — *о*, р. Пичаевка — *н*. Часто названия, вписанные карандашом, даются со знаком вопроса: *р. Сеитьма*?

р. Садва? *оз. Широкса*?, иногда без знака вопроса в скобках или без скобок: *р. Ворька* (*Борька*), р. *Пополта* (*Пополча*), р. *Лопасня* (*Лопастна*?), р. *Иночь* (*Ночь*), *Донинка — Донинск*. Иногда в перечне гидронимов встречаются замечания такого рода: «не приток ли Виндрея» (о *р. Удев, Удод*).

Незаконченность работы над названием сигнализируется у Маштакова и другими знаками: галочкой, небольшой вертикальной чертой, сочетанием галочки и черты, буквой «в» (возможно: выверить), сочетанием буквы «в» с галочкой или чертой: *р. Кариан* (*ь—в/*).

Обращает на себя внимание тот факт, что Маштаков почти никогда не зачеркивает название, которое, по его мнению, является неправильным. Его сомнения и поиск находят графическое (посредством специальных знаков) и в основном цветовое решение (карандаши и чернила разных цветов). Возможно, что разные цвета (и знаки) отражают в его черновиках разную степень достоверности (красный карандаш — меньшую степень, а простой — бóльшую степень или наоборот). Это может определить специальное исследование черновиков Маштакова.

Проделанное сравнение дает нам основание говорить о тщательной работе П. Л. Маштакова. Его «Списки» (даже черновики «Списков») достаточно надежны и отражают реальную гидронимическую картину, и те неточности и даже ошибки, которые обнаруживают исследователи в «Списках» Маштакова в связи с повышающимся уровнем гидронимических исследований, говорят, как правило, о противоречивости и ошибках тех источников, которыми пользовался П. Л. Маштаков.

В заключение считаем нужным дать небольшую часть типичного чернового материала из архива Маштакова по бассейну верхней Волги (до р. Шексны).

БАССЕЙН р. ВОЛГИ (ДО Р. ШЕКСНЫ)

оз. М. Верхит [24]	оз. Хвошня
оз. Б. Верхит	оз. Истышня
п. Руна	(Истошня)
оз. Лапино	л. Меглинка (Меглина)

[24] В первой колонке — притоки 1-й степени, во второй — притоки 2-й и последующих степеней.

оз. Меглина*
л. Межник*
оз. Вселуг
п. Кудь
оз. Видбина
оз. Среднее
оз. Долгое
л. Пучинка
л. Половка
оз. Половское
Мостовлянка*
оз. Пено
л. Орленка
п. Б. Ореховня
л. Плотка
п. Жукопа (Черная)
л. Черная
л. Валеска (Валиса)
л. Куцевка (Кутьевка, Михеевка)
п. Тюдьма
л. Бураковец*
п. Ветожетка
п. Выдрин
л. Каменец
п. Туханька
п. Алеменка (Леменка)
оз. Леменское
л. Коча
п. Бойня
оз. Волго
п. Б. Дубенка
п. Плановка
п. Песочня
п. Пырошня
п. Хмелевка*
л. Селижаровка
оз. Селигер
оз. Полоновское*
л. Сорога*
л. Б. Крапивенка*
л. Тихвинка (Тихвина)
л. Жилинка (Жимонка)
Лужинка
Дедуша
п. Якшина*
л. Б. Коша
п. Ворчала
п. Тресна
л. Рясенка (Рясня)
п. Ворочала (Ворчала)
п. Ямшина*
л. М. Коша
п. Солодовня
л. Итомля
п. Ворча
п. Молодой Туд
л. Ночная
л. Тостянка
п. Солотня
л. Крутелька
п. Сишка
п. Дунка — *в?*
л. Добрая
л. Бойня
п. Вазуза
п. Гжать
л. Осуга
п. Луса*
п. Тешма
п. Держа
л. Яруха
л. Талица
Луса
л. Тьма (Тма)
л. Озерна
л. Нашига
п. Шостка
л. Тверца
л. Осеченка
оз. Осечепское*
л. Любинка
л. Тигома

п. Видропуский
п. Шегрина
оз. Шитово*
п. Осуга (Осугский)
Широкий*
л. Озерец (Оздица)
п. Обитеч*
л. Негочь
п. Язовец*
л. Ореховец*
л. Каменка
п. Рачинка (Рачайна)
Самотелка*
Бутивенка*
л. Таложенка
л. Поведь
п. Белоутовка
л. Орша
п. Шоша
л. Вязьма
п. Лоба
п. Лама
л. Инюха
Добица
п. Даховка (Донховка)
л. Созь
п. Дубна
л. Вытараска
л. Вель
л. Сестра
оз. Сенежское (Гущино)
п. Лутошня
п. Б. Яхрома
п. Кухолка*
л. Бунятка*
л. Плоская
п. Хотча
л. Медведица
л. Каменка
п. Кушалка (Куваша)
л. Ивица
л. Дрозна
л. Ожга*
п. Теблиша*
л. Рыбушка
п. Б. Пудица
п. М. Пудица
п. Нерль (Векса)
оз. Плещеево
оз. Сомино
л. Кубря
л. Пошма
п. Студенец
п. Сабля
л. Улла
л. Кашинка
л. Корожечна
п. Юхоть
л. Молокша
л. Улейма
л. Сутка
л. Черная
л. Молога
л. Рострегина (Остречина)
п. Бережа
Деревенский
п. Б. Сосницы
оз. Ямное
оз. Верестово
п. Осень (Могоча и Мелеча)
Могоча
л. Усветь
оз. Ильинское
Мелеча
п. Фадеевской
п. Бакуня
п. Ужень
л. Копчинка
п. Атемеша (Атемежа)
п. Щетинка (Щетина, Гнилка)
п. Ракитная

л. Выричинка
п. Земеглинская
л. Ривица
п. М. Ривица
п. Железниковский
л. Волчина
оз. Грибное
оз. Магское
оз. Пальцыно
оз. Волчино
оз. Рагозно
оз. Перхово
л. Ворожба
л. Мастинской
п. Середница
п. Тифина (Тихвина)
л. Светча
л. Суломля
л. Кеза
оз. Кезадра
л. Осотинка (Осотня)
п. Тополка
л. Конюшина
п. Лука (Луга)

л. Савапа
л. Ратыня
л. Дремучий
л. Малина
л. Речица*
Сырогожа (Сорагожа)
оз. Сорогожское*
Иловица
оз. Илово*
л. Блазновка
л. Кремница
п. Железенка
оз. Железное*
оз. Молодница*
л. Полонуха (Полоная, Попунуха)
п. Семутина
л. Калгановский (Колгановский)

л. Меглина (Меглинка)
оз. Минкинское
п. Поросл
оз. Меглино
канава Никифоровская*
л. Кирва (Корова)
л. Белая*
п. Омаш*
л. Колодня
л. Жалый (Вазовицкий)*
п. Кать
оз. Кривцовское*
п. Мараврушка

л. Кобожа
оз. Великое
оз. Полобжанка
п. Левочка
оз. Старое
п. Петринка
п. Белая
п. Черная
л. Веуч
л. Мезга
п. Каркомля

п. Ижина (Илжина)
л. Тресна

л. Орел

л. Чагодоща (Чагода)
оз. Чагодинское

л. Тушемля (Тушемелька)
оз. Б. Тушемельки
п. Лощинка
оз. Кожанское

л. Горюн
оз. Важанское
Соминка
оз. Сомино
Волчина
п. Важня
л. Быстрая*
оз. Долголищи*

п. Сам*
п. Смердомля (Смердоля)
оз. Надозерье*
п. Недожатка*
оз. Стехова*
л. Лидь
оз. Святое*
оз. Ледское*
л. Тростяницкий*
л. Нежиковка*
оз. Чикозеро*
п. Веу (так!)
п. Межница
п. Белая
п. Женский
л. Тоцкий
п. Песь
оз. Ракитно
л. Сусешня
л. Миничка
п. Любахин
л. Ратца
оз. Осетище*
п. Ластинный*
л. Верхняя
п. Котынька (Копытенка)
л. Виина (Виика)
л. Олешница*
п. Углишный*
л. Лебесовка (Лебежка)*
л. Мережа (Мережка)
п. Речица*
п. Косинка*
л. Вань
л. Шолоц (Шалош)
оз. Верхнее*
оз. Пресное*
оз. Нижнее*
л. Подвохотка
п. Реня
л. Звана*
п. Сенная*
л. Шарица*
п. Кесьма
л. Желемья*
п. Ламь
п. Себла
п. Устрица
л. Рыбинка
п. Сить
п. Болотная*
п. Мошная*
л. Веренка*
п. Кудем
л. Яна
оз. Харлам
п. Чесенава
л. Мосль (Мыль)
рук. Пушма

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ

КБЧ — «Книга Большому Чертежу». Подготовка к печати К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950.

ККал — «Карта Калужского наместничества». СПб., 1792.

МГМОрл — «Губернские и уездные карты, атласы и планы городов Генерального межевания. Орловская губерния». ЦГАДА, фонд 1356.

МГМСмол — То же. Смоленская губерния.

МГМТул — То же. Тульская губерния.

ПОрл	«Писцовые книги Московского государства XVI в. Орловский уезд», ч. I, отд. 1. СПб., 1872; ч. I, отд. 2. СПб., 1877.
ПТул —	То же. Тульский уезд.
СпКал	«Списки населенных мест Российской империи. Калужская губерния». СПб., 1862.
СпОрл	То же. Орловская губерния.
СпСмол	То же. Смоленская губерния.
СпТул	То же. Тульская губерния.
С-Т	П. Семенов-Тяньшанский. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1873.

ПРОГРАММЫ И ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ СБОРА ТОПОНИМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Н. В. Подольская

На пути дальнейшей разработки теории топонимики, регионального топонимического изучения территории, создания топонимических картотек и топонимических атласов, использования топонимики в прикладных целях серьезным препятствием выступает недостаточность систематизированного топонимического материала. Если современные названия значительной части населенных пунктов могут быть взяты из справочников административно-территориального деления (хотя многие из них уже устарели), а названия, существовавшие в прошлом, — из списков населенных мест России, то для названий физико-географических объектов — рек, озер, гор и т. п. — такие источники, как правило, отсутствуют, уже не говоря о том, что микротопонимы, известные лишь узкому кругу местных жителей, записывались и публиковались исследователями крайне редко и выборочно.

Сбор и регистрация местной топонимии на восточнославянской территории — задача не простая в силу обшир-

ности этой территории и организационных трудностей, но неотложная, так как многие местные названия забываются, названия полей заменяются номерами, селения переименовываются, исчезают ранее существовавшие объекты. Чтобы материал представлял научную ценность, необходим сплошной его сбор и с точки зрения территории (т. е. запись названий в каждом селении данного района) и с точки зрения самого материала (т. е. запись всех известных местным жителям топонимов, относящихся к данному селению и его окрестностям).

Чтобы организовать систематический сбор материала, необходимы топонимические центры для каждой области восточнославянской территории, которые будут руководить этой работой, сосредотачивать у себя материал и обрабатывать его. Под словом «область» не имеется в виду административно-территориальная единица, хотя в некоторых случаях возможен выбор территории обследования и по этому принципу, учитывая, что в областных центрах легче было бы организовать топонимические центры при пединститутах или краеведческих музеях. Но в принципе выбор области топонимического обследования должен быть подчинен фактору лингвистическому, физико-географическому и историческому.

Сборщики материала могут иметь различную степень филологической и специальной топонимической подготовки, могут совершенно не иметь опыта работы с населением. Поэтому они должны быть вооружены таким руководством, которое не только объяснит им цель их работы и будет содержать необходимый список вопросов для опроса населения, но и научит, как собирать этот материал и как его записывать. Обычно такое руководство состоит из небольшой вводной части, инструкции и вопросника. Ниже будут приведены примеры различных уже созданных программ, по которым проводится сбор топонимического материала. Сопоставление их может быть полезным для создания новых программ в других топонимических центрах.

С какой целью может собираться материал по программе? Во-первых, для создания индивидуальных работ разных планов: общий анализ топонимии определенного района; анализ одной из топонимических групп (гидронимии, микротопонимии, ойконимии и т. п.) района; анализ субстратной топонимии, анализ какого-либо топонимического форманта или группы формантов; лексемный анализ

топонимии; для исследований историко-этнографического или лингвистического плана, которые проводятся с привлечением топонимического материала и др. Во-вторых, для создания больших коллективных работ: топонимических картотек, которые должны вобрать в себя весь собранный на местах материал и послужить в дальнейшем для научных изысканий, в том числе для создания топонимических словарей. В-третьих, для проверки географических карт и внесения поправок на них, а в отдельных случаях для создания карт, например, для районов, представляющих так называемые белые пятна. Кроме того, для создания специальных топонимических карт, которые обычно являются частью исследования, или для топонимических атласов. Если индивидуальная работа строится полностью или частично на полевом материале, исследователь обычно создает соответственно цели своей работы программу; но такие программы не публикуются, исследователь иногда лишь упоминает о ней в работе.

Для коллективого сбора материала на территории распространения восточнославянских языков опубликовано несколько программ. Первая программа для Украины была создана в ономастическом центре, находящемся в Киеве, в 1954 г.: «Коротка программа збирання матеріалів для вивчення топоніміки України» [1], цель которой ясна из ее названия. Она состоит из инструкции и двух разделов вопросника: 1. Сведения о населенном пункте. 2. Сведения об окрестностях населенного пункта. Эта программа рассчитана на сбор материала в основном учителями в любой области Украины. Сбора местной географической терминологии она не предусматривает. В 1961 г. на Украине Ю. А. Карпенко издал другую более региональную программу: «Короткий питальник для збирання топонімічних назв Чернівецької області». Она состоит из инструкции и вопросника, в котором учтены некоторые особенности местности, для которой предназначается программа, например: «Как называлось село во время боярской Румынии?» «Как называются ближайшие горные полонины?» При работе над проектом Гидронимического атласа Украины была разработана специальная программа для сбора гидронимии.

[1] В 1962 г. в Киеве была издана более детальная программа: К. К. Ц і л у й к о. Программа збирання матеріалів для вивчення топоніміки України.

Для белорусской территории топонимическая программа нам неизвестна. Однако нельзя обойти молчанием, к сожалению, неизданную, но очень детально разработанную программу сбора местной (народной) географической терминологии для Полесья, подготовленную Н. И. Толстым, по которой в течение нескольких лет работали сотрудники Полесской экспедиции и которая могла бы служить образцом для создания региональных детализированных программ для сбора соответствующей лексики[2].

Для территории РСФСР имеется несколько программ. Самой ранней из известных нам опубликованных работ этого плана следует считать «Наставление к изучению местной историко-географической номенклатуры» М. И. Смирнова (Иваново—Кострома, 1927). Хотя программой это трудно назвать, так как специальных вопросов для сбора материала «Наставление» содержит лишь 4: «1. Как называется населенный пункт, какой волости, уезда, губернии, в районе которого производится хорографическая работа? 2. На какой реке или озере находится это поселение? 3. Как называются другие реки и ручьи, протекающие во владениях этого селения? 4. Как называются другие урочища и местечки: леса, поля, болота, овраги, долины, горы, дороги, колодцы, озера, пруды, родники, ключи и пр.?» Зато автор уделяет много внимания тому, как записывать материал, где его брать и как его исследовать. Он дает свою классификацию материала (правда, мало сейчас для нас приемлемую) и приводит десятки названий Переславского Залесья, стремясь показать, как может этот материал помочь вскрыть историю, этническую культуру и природу края, если «за дело исследования возьмется настоящий языковед, а не дилетант». Автор считает необходимым раздельно записывать и изучать иноязычные топонимы и русские. Терминология автора устарела, как и многие из его взглядов. Однако следует отдать должное этому «Наставлению», намного опередившему всех стремившихся и стремящихся к созданию программ для сбора топонимии. Тем более, что через два года, в 1929 г., в «Трудах Переславль-Залесского Историко-художественного и краеведного музея»

---

[2] Мы оставляем в стороне программы, созданные в Прибалтийских республиках как не соответствующие интересующей нас территории, хотя в них содержится много интересного.

были изданы тем же М. И. Смирновым материалы по названиям селений и микротопонимии: «Историко-географическая номенклатура Переславль-Залесского края», реализующая призыв к сбору этого материала, содержащийся в «Наставлении».

В 1959 г. в Ярославле была издана «Программа собирания материалов для изучения словарного состава местных говоров», в которой одним из «заданий» является сбор топонимии, которому отведено 10 вопросов, довольно полно охватывающих возможный материал. Много внимания уделено переименованиям, дублетным названиям, легендам о названиях и истории заселения края и данного населенного пункта. Названия предлагается записывать «орфографически правильно и так, как их произносит местное население». Б. А. Ларин в 1960 г. опубликовал «Вопросник по топонимике» [3], который был составлен, по словам автора, в 1950 г. и в небольшом количестве экземпляров раздавался участникам экспедиции и был, таким образом, опробирован в полевой практике. Он состоит из вводной части, где изложены правила записи (в частности, запись предлагается вести в диалектологической транскрипции), и трех разделов вопросника: I. Основные географические названия. II. Названия населенных мест. III. Мелкие местные названия. Предлагается также записать и «нарицательные имена», например *корба* — 'глухое место в лесу', т. е. имеется в виду попутный сбор местной географической терминологии. Предлагается записывать названия не только сельских поселений, но и городских, а также частей, пригородов и улиц города или поселка. На какую же территорию рассчитан этот вопросник? Ни заглавие, ни вводная часть на этот вопрос не дают ответа. И лишь в примечании мы читаем: «Вопросы рассчитаны на все разнообразие географических условий разных краев и областей нашей необъятной страны». В этом пункте заключается, по нашему мнению, самая слабая сторона «Вопросника». Он не регионален, с другой стороны, характер его вопросов не может обеспечить сплошной сбор материала в любой области. Даже для центральных и северных областей Европейской части СССР вопроспик недостаточен.

---

[3] «Уч. зап. ЛГУ, Серия филологических наук», 1960, вып. 52, № 267.

В г. Шадринске была издана в 1960 г. «Программа собирания топонимического материала на территории Курганской области», составленная В. П. Тимофеевым. Во «Введении» сказано, что сбор материала предполагает его дальнейшую расшифровку в топонимическом словаре Курганской области; сам сбор предполагается проводить в специальных экспедициях и через корреспондентов: учителей, библиотекарей, заведующих клубами, избами-читальнями. Программа имеет «Вопросник», «Пояснения к вопроснику» и «Словарь областных географических реалий» (т. е. местных географических терминов). Автор программы счел возможным познакомить заранее сборщиков материала с основными местными терминами для облегчения работы, для лучшего разграничения имени собственного от нарицательного. Но вопросы для специального сбора местных терминов отсутствуют.

В Томске в 1962 г. по инициативе А. П. Дульзона была издана «Анкета по топонимике Западной Сибири», рассчитанная на включение собранного материала в «Картотеку топонимов Западной Сибири», на поправки на географических картах, на создание различных исследований по географии, истории, этнографии и языкознанию, связанных с территорией Западной Сибири. Поскольку на этой территории, кроме русского населения, много иноязычных племен и народов, то топонимы предлагается по этой анкете записывать в официальном варианте, в местном народном русском произношении и по местному произношению коренного нерусского населения. Этот пункт инструкции очень важен, так как иноязычное население может встретиться на любой территории и учесть его произношение или даже перевод названий необходимо. Кроме инструкции в «Анкете» есть «Вопросник», состоящий из двух разделов: I. Название населенных мест. II. Название природных образований. Один из вопросов второго раздела касается местных географических терминов, с просьбой указать отличия от соответствующих общелитературных географических терминов и отметить разновидности обозначаемых ими объектов. В настоящее время «Картотека топонимов Западной Сибири» создана, на базе ее написано много исследований, но пополнение картотеки продолжается.

В 1968 г. в Свердловске в Уральском государственном университете издана под редакцией А. К. Матвеева

брошюра «Программы и инструкции для топонимических экспедиций». Составители: Э. Д. Барышникова, Л. М. Майданова, Т. В. Марадудина, Г. Я. Шаламова. «Настоящая инструкция, — пишут авторы, — предназначена для топонимических экспедиций университета, работающих на территории севера Европейской части СССР и на Урале, и для диалектологической практики студентов». Цель сбора материала очень широкая: создание картотеки топонимов по особой системе; сбор, очень детальный, местной географической терминологии; составление карт и поправки к картам, сбор антропонимии. Раздел «Методические указания по сбору топонимического материала и его обработке» содержит несколько подробно разработанных пунктов: *А*. Организация работы и сбор материала. *Б*. Правила географической привязки. *В*. Оформление материала. *Г*. Правила нанесения названий на карту. *Д*. Образцы топонимических карточек (включающих и схемы расположения отдельных географических объектов). Вопросник для собирания топонимов также имеет несколько пунктов: *А*. Сведения о населенном пункте. *Б*. Сведения о бассейне самой крупной реки района. *В*. Проверка фактов, извлеченных из письменных источников. Кроме того, имеется инструкция и очень детальный вопросник по сбору местных географических терминов (даже более детальный, чем для сбора топонимов). Имеется также инструкция и вопросник по сбору антропонимов и, наконец, схема отчета о работе экспедиционной группы и литература — раздел, где перечислены программы по топонимике для русской и украинской территории и некоторые работы по местной географической терминологии. Такая программа действий рассчитана не на случайных корреспондентов, а на хорошо организованную серию специальных топонимических экспедиций на большой территории и должна обеспечить сплошной сбор материала для всех трех разделов: топонимии, местной географической терминологии и антропонимии. Благодаря инициативе А. К. Матвеева и его учеников в Уральском университете нашлись силы и возможности для проведения такой работы. Картотека создана и продолжает пополняться.

В настоящее время в Московском филиале Географического общества АН членами бюро Топонимической комиссии Г. П. Бондарук, Н. В. Подольской и Е. М. По-

спёловым подготовлено к печати «Руководство для собирания топонимов, микротопонимов, местных географических терминов и построения топонимических картотек центральных областей Европейской части СССР». Начало для создания этого «Руководства» было положено в 1965 г., когда была написана программа для сбора микротопонимии, размножена в небольшом количестве экземпляров и опробирована при полевой работе топонимистами и диалектологами. По этой краткой программе каждый год работали студенты и научные сотрудники.

Она пополнялась и изменялась.

«Руководство» имеет небольшое вступление, где сказано о значении топонимического материала, отсутствии его систематических собраний, а также о том, что главной задачей, стоящей перед топонимистами в настоящее время, следует считать сбор и систематизацию географических названий. Поскольку сбор материала может быть полевым и камеральным, «Руководство» предлагает вниманию топонимистов три раздела: 1. Сбор материала на местности. 2. Использование текстовых источников и 3. Использование картографических источников. Наиболее обширным и детально разработанным является, естественно, первый раздел. Он состоит из инструкции для полевого сбора материала с объяснением, как следует вести запись в транскрипции и с какими фонетическими явлениями может встретиться собиратель материала на обследуемой территории, и несколько вопросников. I. Сбор топонимов: *А*. Топонимы в сельской местности. *Б*. Название города и внутригородские топонимы (урбанонимы). II. Сбор местных географических терминов: *А*. Водные объекты. *Б*. Объекты рельефа. *В*. Почвенно-растительные объекты. III. В этом разделе предлагается записать местные названия стран света и ветров. Завершением этого раздела служат пояснения, как должен быть оформлен отчет о проведенном сборе материала. Отчет должен быть по возможности представлен в виде карточек определенного размера, на каждой из которых записан лишь один топоним или один термин. Эти карточки должны составить затем топонимическую картотеку Центра. Прилагаются образцы карточек для названий различных видов географических объектов.

Разделы «Использование текстовых источников» и «Использование картографических источников» представляют

собой соответствующие инструкции к сбору материала и его оформлению. Предлагается использовать как современные карты, так и исторические, как современные публикации топонимического материала, так и памятники письменности и различные исторические документы.

Территория, для которой создано это «Руководство», довольно обширна, поэтому предполагается первоначально провести работу по созданию топонимических центров в городах областного и районного значения в зоне МФГО и организовать сбор материала силами студентов и аспирантов историко-филологических и географических факультетов под руководством преподавателей в центрах, а также большие надежды возлагаются на работу краеведов. Цель сбора материала мыслится как создание картотеки топонимов и топонимического атласа Центра, а также топонимических исследований указанной области.

Оправдано ли такое количество программ? Может ли существовать единая программа для всех областей восточнославянской территории? На второй вопрос нужно ответить отрицательно. А на первый — положительно, и даже более того: должно быть еще большее количество программ, особенно если планировать сплошной сбор материала. На украинской, белорусской и русской территориях единой программе будет мешать языковой барьер. Но даже и на территории распространения русского языка (как основного) единая программа вряд ли целесообразна, и вот по какой причине. В программу можно включить достаточное количество вопросов, которые позволят выявить всю топонимию на любой территории, но среди них неизбежно будет множество вопросов излишних, неприменимых в той или другой области, и они лишь затруднят опрос. Проиллюстрируем это на нескольких примерах. Для центральных областей Европейской части СССР, в частности для Московской области, такие вопросы: «Как называется большая гора (утес, скала), горный проход или долина, ближайшая горная цепь, хребет?» «Как называются пороги на реке, заливы (речные, озерные, морские)?» «Ближайшие горные пастбища и перевалы?» (из «Анкеты по топонимике Зап. Сибири») — явно излишни. В «свердловской» программе предлагается проводить опрос по линейным объектам (рекам, дорогам) по правому, затем по левому берегу реки, снизу вверх, или наоборот. И такой опрос на малозаселенной террито-

рии нашего севера, где жизнь селения, его различные угодья сосредоточены по берегам рек, где река — средство передвижения, вполне целесообразен, и информатор сам часто избирает такой план «припоминания» объектов и их названий. В центральных областях, густозаселенных, где река на всем ее протяжении почти никогда не входит в состав владений одного селения, — такой метод опроса не годится. В той же «свердловской» программе в вопроснике по местной географической терминологии отдельный раздел посвящен горам, другой морям: «Существуют ли особые слова для обозначения моря? Есть ли местные особенности в наименовании различных видов морского дна (с морской галькой, ракушками и т. д.)?» и др. Такие вопросы необходимы для обследуемой по этой программе территории и совершенно излишни для центральных областей.

В программе Курганской области находим вопросы о названии заимок (биваков), охотничьих и рыболовных станов, стоянок, крепостей, о названии падей и яров, которые также носят региональный характер и далеко не везде могут быть применены. В программах, созданных в Прибалтийских республиках, очень много вопросов, связанных с этнографическими и историческими особенностями края, совершенно непригодными даже для соседней республики в той же Прибалтике.

Из всего сказанного выше невольно напрашивается вывод о том, что программа должна быть региональна, должна быть составлена со знанием географического ландшафта, языковых особенностей, истории, этнографии данной области. Количество вопросов должно быть достаточным, чтобы выявить весь материал, но не излишним.

АНТРОПОНИМИКА

РУССКИЕ ФАМИЛИИ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Н. А. Баскаков

VI

Из предыдущих очерков о русских фамилиях тюркского происхождения [1] выяснилось, что отношение тех или иных русских фамилий к тюркскому корню часто не совпадает с происхождением их носителей, родословные которых во многих случаях доказывают отсутствие родственных связей с каким-либо родоначальником, вышедшим из тюркских народов. Довольно часто тюркские фамилии русских семей происходят от тюркских прозвищ, данных тому или иному члену русской или западной по происхождению семьи другими русскими же родственниками.

Встречаются, однако, и обратные случаи, когда данный род носит русскую фамилию, ведя свою родословную от тюркского основателя рода, например выходца из Золотой Орды или более поздних татарских ханств — Казанского, Крымского, Астраханского, Сибирского, Большой Ногайской Орды и проч.

Наконец, известны случаи, когда специально созданные родословные возводят происхождение той или иной фамилии к искусственно этимологизируемой западноевропейской, например *Тютчев* — от крымского генуэзца

[1] См.: Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения, I. — «Ономастика». М., 1969; II — «Изв. ОЛЯ АН СССР», 1969, № 4; III — «Первая Поволжская конференция по ономастике». Ульяновск, 1969. IV — «Сов. этнография», 1969, № 4. V — «Антропонимика». М., 1970.

Тутче или *Чичерин* — от итальянского выходца *Чичери* [2], а родоначальника данного рода — к представителям западноевропейских родов, выходцам из Греции, Италии, Швеции, Германии, Англии, Франции и т. п., в то время как представители данного рода носят тюркскую фамилию, безусловно связанную либо с тюркским прозвищем, данным русскими, либо с тюркским происхождением рода.

Ярким примером этого могут служить упомянутые выше фамилии *Тютчев* и *Чичерин*. В родословных этих родов отмечается генуэзское и итальянское происхождение, в то время как указанные фамилии являются, безусловно, тюркскими. Первая из них фамилия *Тютчев*, действительно крымского (турецкого), но не генуэзского (итальянского) происхождения, так как происходит от тюркского (генетически персидского) слова tuč, توچ 'медь зеленая' (Будагов) [3], tuč توچ 'латунь' (Махмуд Кашгарский, II., 407) [4], tuč توچ 'медь' (Там же, III, 132), tuč//tuǯ توج, турец. 'бронза' (В. Радлов) [5] + аффикс профессии *-ču//či*, турец. tučču//tuǯǯu توجى 'работающий на бронзе, торгующий бронзой' (Радлов). Основа же фамилии *Тютчев* tutče — явилась результатом более поздней диссимиляции, ср. русское произношение фамилии Тютчев — t'uč'č'ef < tučču + русск. суфф. *-ев*. Таким образом, родоначальником Тютчевых был либо генуэзец тюркского происхождения, либо турок, живший в Крыму и занимавшийся работой по бронзе или продававший изделия из нее.

Впрочем, не менее убедительной этимологией фамилии *Тютчев* может быть и иная, связанная со словом tutču 'сопряженный, примыкающий' (М. К. I, 399), т. е. человек чужой, иного племени, примкнувший к роду или семье тюркского происхождения.

Вторая фамилия — *Чичерин* — происходит либо от тюркского глагола čeč-'рассеивать, разбрызгивать, разбрасывать' (Радлов) + аффикс причастия будущего времени, ука-

---

[2] Ср.: Ю. Федосюк. Как Ваша фамилия? «Наука и жизнь», 1968, № 9—10.

[3] Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II. СПб., 1869—1971 (далее — *Будагов*).

[4] Махмуд Кашгарский. Девону лугот ит-турк, т. I—III. Ташкент, 1960—1963 (далее — *М. К.*)

[5] В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб., 1888—1911 (далее — *Радлов*).

зывающий на обычность действия čeč+*er* 'разбрасывающий, рассеивающий'. Возможно, что причастие čečer могло быть также связано с глаголом čečerke- 'стараться хорошо говорить, говорить изысканными словами, хвастаться, гордиться' (Радлов) и производными от него čečerkek 'любящий хвастаться красивыми словами' (Радлов) и čečen 'красноречивый', в таком случае фамилия *Чичерин* восходила к прозвищу čečer со значением 'красноречивый ~ хвастун', либо, что также вероятно, фамилия *Чичерин* ~ *Чичеров* происходит от тюркского глагола čič- турец. čič- چيچمك, алт. čyč- 'испражняться' + аффикс причастия будущего времени *-er*, указывающий на обычность действия > čičer 'человек, с которым хотя бы однажды случилась беда' > прозвище по данному признаку čičer//*чичера* > фамилии *Чичерин* или *Чичеров*.

Русское слово *чичер//чичера*, встречающееся в Тульской, Орловской, Тамбовской, Рязанской областях со значением 'резкий, холодный осенний ветер с дождем иногда со снегом' имеет то же происхождение от тюркского глагола čič-//čyč- или родственного предыдущему čeč- 'рассеивать, разбрасывать'.

Итак, происхождение и закрепление русских фамилий тюркского происхождения имеют различные пути и различные причины.

Переходим к анализу конкретных фамилий.

27. *Шереметев*

Фамилия Шереметевых «начало свое восприняла, как показано в представленной выписке из авторов о древних пруссах, из прусского гербовника и в справке архива Коллегии иностранных дел, от Андрея Ивановича по прозванию Кобылы, происшедшего от короля прусского Вейдевута. . .» [6]

Далее в родословной отмечается, что «король Вейдевут разделил царство свое двенадцати сыновьям. Потомок четвертого сына его Недрона, владетель Судовии, Самогиции и пр. владений, Гланда Камбила Дивонович, утомленный в бранях противу Крыжаков и быв им побежден,

---

[6] Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, т. I—X. СПб., 1797—1836 (далее — ОГДР). О фамилии Шереметевых см.: ОГДР II, 10; III, 10.

выехал с сыном своим и со множеством подданных в Россию к великому князю Александру Ярославовичу Невскому и по восприятии святого крещения, дано ему имя Иоанн, а сыну — Андрей Иванович, прозванный по просторечию Кобыла, от коего пошли Сухово-Кобылины, Романовы, Шереметевы, Колычевы, Яковлевы и другие многие роды» [7]. Далее в родословной говорится: «у сего Андрея Ивановича был праправнук Андрей Константинович *Шереметь*, коего потомки *Шереметевы*, как Российская история показывает, многие служили Российскому престолу в боярах и иных самых знатнейших чинах. . .» [8]

Итак, судя по родословной, род Шереметевых имеет генетические связи не с тюрками, а с пруссами, прозвище Андрея Кобылы является русской адаптацией имени его предка *Гланда Камбила Дивоновича*: *Камбила* > *Кобыла* [9], но прозвище *Шереметь*, полученное позднейшим потомком Андрея Ивановича Кобылы его праправнуком Андреем Константиновичем, является, безусловно, тюркским.

Наиболее вероятной этимологией прозвища *Шереметь* является происхождение из чуваш. šeremet 'бедняга, бедняжка, горемыка, жалкий, бедный, бедненький, достойный сожаления' (Ашмарин) [10]; šeremet 'бедняжка, бедняга'; ср. восклицание, выражающее досаду ≈ 'черт возьми!': Ай, *шеремет* аван мар пулса тухрĕ! 'Ах, черт возьми, как нехорошо получилось!' («Чувашско-русский словарь». Под ред. М. Я. Сироткина. М., 1961); чуваш. šeremet является, по-видимому, заимствованием из перс. šerm شرم 'стыд' и его производного šärmände شرمنده 1. 'пристыженный, сконфуженный'; 2. 'скромный, застенчивый' (Б. Миллер) [11]; ср. туркмен. šermende: 1. 'шалун, крикун'; 2. 'незастенчивый'; 3. 'дурной. плохой'; 4. 'опозоренный' («Туркменско-русский словарь». Ашхабад, 1940); šermende 'скандалист, крикун' («Туркменско-русский словарь». Под

---

[7] ОГДР II, 10.
[8] Там же.
[9] Ср.: С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 41.
[10] Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, XVII. Чебоксары, 1950, стр. 162 (далее — *Ашмарин*).
[11] Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1953 (далее — *Б. Миллер.*)

ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева, М., 1968); киргиз. šermende: 1. 'пристыженный, опозоренный'; 2. 'подлец, негодяй, бессовестный; شرمنده 'пристыженный' (Будагов).

Однако для слова šeremet, встречающегося в тюркских языках, можно также предполагать контаминацию двух основ: с одной стороны, чуваш., туркмен. и проч. šeremet < перс. šerm, شرم и šermände شرمنده, а с другой, турец. šeremet < перс. šir märd شیرمرد: 1. 'имеющий скорый, легкий шаг (о лошади)'; 2. 'грубый, вспыльчивый, невежливый (о человеке)'; šeremet bir däli qaŋly 'грубый молодой человек' (Радлов); ср. šeremet شرمت 'живость, горячность лошади'; šeremetlü at شرمتلوات 'горячая лошадь' (Будагов). В связи с этим не исключена возможность происхождения прозвища šeremet из турецкого эпитета общего с эпитетом лошади, поскольку прозвище предков Шереметевых было *Кобыла*; ср. прозвище брата Андрея Кобылы Федора — *Шевляга*, что значит 'кляча', или старшего сына Андрея Кобылы *Жеребец*[12].

Наконец, менее вероятным, но вполне возможным может быть происхождение прозвища *Шеремет* и фамилии *Шереметев* из тюркского собственного имени Šerimbet (см.: «Каракалпакско-русский словарь». Под. ред. Н. А. Баскакова. М., 1958, стр. 776 — *Шеримбет*), состоящему из перс. šer < šir شیر 'лев', и арабск. Muhammad محمد — собственное имя Мухаммед, букв. 'достойный хвалы' > šer Muhammad > šerimbet, по аналогии *Байымбет*//Баймохамбет < baj Muhammad < baj 'господин' + Muhammad 'Мухаммед', или *Пиримбет*//*Пирмахабет* < перс. pir پیر 'патрон, покровитель' + Muhammad 'Мухаммед' и проч. Этот тип имен: *Айымбет*, *Бекимбет*, *Дилимбет*, *Дошымбет*, *Еримбет*, *Еспенбет*, *Ешимбет*, *Жälимбет*, *Жäримбет*, *Зäримбет*, *Изимбет*, *Казымбет*, *Калымбет*, *Кäдиримбет*, *Кälимбет*, *Косымбет*, *Кыдырмбет*, *Макамбет*, *Карымбет*, *Нурымбет*, *Оразымбет*, *Орымбет*, *Рзамбет*, *Тасымбет*, *Тилимбет*, *Турымбет*, *Шылымбет*, с их полными вариантами: *Ай-Махамбет*, *Бек-Махамбет*, *Дил-Махамбет* и т. д. является весьма распространенным у тюркских народов кыпчакской группы: казахов, каракалпаков, ногайцев и проч. (см. «Каракалпакско-русский словарь», стр. 772—777).

---

[12] С. Веселовский. Указ. соч., стр. 41.

Итак, фамилия *Шереметев* происходит либо из чуваш. šeremet 'бедняга, горемыка' < перс. šärmände شرمند 'пристыженный, сконфуженный' (ср. русскую фамилию *Горемыкин*), либо из турецкого слова šeremet (< перс. šir märd شیرمرد); 1. 'имеющий скорый легкий шаг, горячий (о лошади)'; 2. 'грубый, вспыльчивый, невежливый (о человеке)', в связи с прозвищем предков Шереметевых — *Кобыла*, либо из собственного имени Šerimbet (перс. šer ~ šir 'лев' + арабск. собственное имя Muhammad 'Мухаммед'), распространенного у тюрков кыпчакской группы.

Любопытным подтверждением связи семей Шереметевых и Колычевых с Востоком является наличие геральдических элементов в их гербах: бунчука [13], стрелы и меча, положенных крестообразно на серебряном полумесяце, рогами обращенном вверх, под основным гербом, изображающим золотую корону и два серебряных креста, окруженных лавровым венцом. Те же основные и восточные элементы содержат герб Яковлевых. Герб же Сухово-Кобылиных, наиболее древний из них, имеет общую с ними основу, но более новые восточные элементы: бунчук, стрела, меч и полумесяц в нем отсутствуют.

28. *Суворов*

Род Суворовых, как указывается в родословной Суворовых-Рымникских, «происходит из древней благородной шведской фамилии. Предок его (графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. — *Н. Б.*), именуемый *Сувор*, выехав в Россию в 1622 году при царе Михаиле Федоровиче, принят в Российское подданство» [14].

В родословной другого ответвления Суворовых отмечается: «Фамилии Суворовых, стольник Борис Суворов в 7136/1628 году владел поместьями, а в 7194/1686 году за многую его службу и храбрость от государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича пожалован грамотой. Равным образом и другие сего рода Суворовы российскому престолу служили дворянские службы в разных чинах и владели деревнями» [15].

---

[13] В описаниях гербов Шереметева и Колычева помещенный в гербовнике бунчук принят ошибочно за боярскую шапку.
[14] ОГДР II, 14; ср. ОГДР IV, 7.
[15] ОГДР VIII, 67.

Таким образом, фамилия Суворовых является относительно новой и появление ее относится к первой четверти XVII в.

Вполне вероятно происхождение имени предка *Сувор* из швед. svår-, нем. schwer 'тяжелый, грузный; сильный, мощный; суровый, строгий; сварливый, неуживчивый', но наличие в русских областнических говорах имени прилагательного *суворый* 'суровый, брюзгливый, сердитый, нелюдим, брюзгач' (Даль) [16] позволяет предполагать здесь метатезную форму *суворый* из *суровый*. Слово *суровый* может быть заимствованным из тюркских языков, ср. киргиз., казах. sur: 1. 'серый', sur bulut 'серые тучи'; 2. переносное значение 'мрачный'; körünüšü sur 'у него мрачный вид'. Русское слово *суровый* (> *суворый*), возможно, состоит из тюркского корня sur + русский аффикс *-ов* + окончание + *ый* по аналогии *бордо* + (*о*) *в* + *ый*; *сурик* + *ов* + *ый*, *пурпур* + *ов* + + *ый*. Таким образом, *суворый* > *сувор* и *суровый* > *суров*, возможно, связаны общим корнем с тюркским sur 'серый, светло-серый' > *сýровый* > *сурóвый* ~ *сувóрый*, а фамилия *Суворов* — с русским прозвищем *Суворый* 'суровый, брюзгливый, сердитый, нелюдим, брюзга', которое в свою очередь произошло из тюркского sur + русский аффикс *-ов* + окончание + *ый*.

Менее вероятной, но вполне возможной этимологией фамилии *Суворов* может быть из турец. sävar 'всадник', перс. sevar ~ sevor > suvor, سوار 'верховой всадник, конник, кавалерист' (Б. Миллер).

Итак, представляются возможными три основные этимологии. Первая — если родословная опирается на действительные факты происхождения рода Суворовых от выходцев из Швеции, то нет никаких оснований опровергнуть этимологию из шведского svår. Вторая — если ссылка на шведское происхождение рода Суворовых — украшение родословной, надуманное более поздними ее создателями, что подтверждается составом элементов герба Суворовых, который был по заключенным в нем изображениям создан персонально для генералиссимуса А. В. Суворова в его время, то представляется вполне вероятным русское происхождение рода Суворовых, а сле-

---

[16] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. М., 1960 (далее — *Даль*).

довательно, и фамилия Суворовых имеет своей основой русское прозвище *Сувор* ~ *Суворый* < *Суровый*, имеющее тюркскую основа sur 'серый, мрачный' + русский аффикс-*ов* + окончание + *ый*. Третья — менее вероятная — из турецк. sävar < перс. sevar ~ sevor > suvor, سوار 'всадник, наездник'.

29. *Салтыков*

Род графов Салтыковых «произошел из древней Российской благородной фамилии Салтыковых. Начальника его рода Михайла *Салтыка* сын, Андрей *Салтыков*, в 1508-м году при великом князе Василье Ивановиче жалован был оружейничим. Равным образом и прочие потомки помянутого Михаила Салтыка, многие служили российскому престолу в разных знаменитых чинах. Сего же рода Параскевия Федоровна Салтыкова была в супружестве за царем Иоанном Алексеевичем» [17].

Некоторые дополнительные данные о происхождении рода Салтыковых даны в родословной дворян той же фамилии: «Фамилия Салтыковых, — указывается в этой родословной, — происходит от древних благородных предков. Потомки сего рода Иван Данилов сын в 7076/1568 году владел поместьями. Тимофей Иванов сын, прозванный Курган, написан в 7138/1630 году в числе дворян и детей боярских с поместным окладом. Степан Тимофеев сын Салтыков за службу в 7184/1676 году от государя царя и великого князя Алексея Михайловича пожалован на поместия грамотою» [18]. Далее эта родословная повторяет родословную графов Салтыковых [19], а также является общей с родословной князей Салтыковых [20].

Фамилия *Салтыков* происходит от русской клички *Салтык*, в основе которой либо тюркское слово saltaq ~ sołtaq ~ syłtyq ~ syłtaq, встречающееся в кыпчакских тюркских языках (казахском, киргизском) в значении 'немного хромой, прихрамывающий, хромающий на одну ногу, некрепкий на ноги' (Радлов), либо слово saltyq ~ saldyq со значением 'соблюдающий обычаи, порядок',

---

[17] ОГДР II, 15.
[18] ОГДР VII, 28.
[19] ОГДР II, 15.
[20] ОГДР IX, 2.

в казахском языке 'нравственный', ср. казах. салтық, принциптер 'нравственные принципы' («Казахско-русский словарь». Под ред. Г. Г. Мусабаева. Алма-Ата, 1954).

Слово saltyq ~ saldyq (< salt + *tyq* ~ salt-*dyq*) является производным от основы salt, встречающейся в тюркских языках кыпчакской группы в значении 'обычай, порядок, мода', а с аффиксом *-lyq/-tyq/-dyq* > salttyq ~ ~ saldyq— в значении 'соблюдающий порядок, обычаи, нравственный'. Близко к нему по значению и русское, заимствованное из тюркских языков, слово *салтык* (Ушаков: *салтык* из тюрк. salt [21] 'повадка, обычай' — только в выражении «на свой салтык»; Даль: 'лад, склад или образец'; «у всякого шлык на свой салтык»).

Н. К. Дмитриев [22] вслед за В. А. Гордлевским в своих комментариях к тому же «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова сближает русское слово *салтык* с казахским saldyq 'щегольство, мода', хотя в казахском языке слову *мода* соответствует не saldyq, а salt, слово же saldyq имеет устаревшее значение 'рыцарство'. Однако более близким к русскому *салтык* является казах. salttyq 'соблюдающий обычаи > нравственный', а не saldyq 'рыцарство'.

В казахском языке слово salt, кроме значения 'обычай, традиция, нрав', ср. eski salt 'старинный обычай', salt-sana 'идеология', имеет также значение 'без груза, без поклажи, налегке, верхом на лошади'; ср. atqa salt miniw 'сесть верхом на лошадь', salt atty 'всадник'; salt basty 'одинокий человек'; русское прозвище *Салтык* могло быть связано также и с последним значением.

Итак, фамилия *Салтыков* имеет своей основой русское прозвище *Салтык* — слово тюркского происхождения, заимствованное в русский из тюркских языков кыпчакской группы (половецкого, казахского, ногайского, татарского и т. п.) со значениями: а) либо из saltaq ~ soltaq ~ syltyq 'прихрамывающий, немного хромой, прихрамывающий на одну ногу, некрепкий на ноги'; б) либо из salttyq < salt 'обычай, порядок, мода' + аффикс-tyq > > salttyq 'соблюдающий порядок, обычай, моду' > 'нрав-

[21] Тюркские этимологии в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. I—IV. М., 1935—1940) даны В. А. Гордлевским; см.: т. I, стр. 6.

[22] Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. «Лексикографический сборник», т. III. М., 1958, стр. 42.

ственный'; в этом значении слово *салтык* употребляется и в русском языке, ср. 'лад. склад, образец'; «порядков не знает и все на свой салтык норовит не так, как отцы» (И. С. Тургенев) [23]; в) либо из sałt 'верхом на лошади, верховой', ср. sałt atty 'всадник'.

Следует отметить, что в родословной Салтыковых, кроме прозвища *Салтык*, от которого произошла сама фамилия, упоминается еще одно прозвище также тюркского происхождения, а именно — прозвище одного из потомков Михаила Салтыкова, Тимофея Иванова сына, прозванного *Курганом*, прозвища, относящегося к 30-м годам XVII в.

Слово *курган* тюркского происхождения, встречается и в русском языке в значении 'холм, горка, насыпной холм, древняя могила' (Даль). Это слово qurγan قورغان в большинстве тюркских языков имеет близкие значения: 'укрепление, крепость' (Будагов, Радлов) и является производным от глагола qur- قور 'поставить, устроить, приготовить, расположить'. Русское прозвище *Курган* могло быть присвоено либо человеку, обладающему высоким ростом и могучей силой, либо человеку, имеющему пристрастие к кладоискательству.

Наличие этого, тюркского по происхождению, прозвища характеризует род Салтыковых как имеющий какие-то связи и общие традиции с тюркским миром.

30. *Татищев*

Как отмечается в родословных книгах, род Татищевых «происходит от князей Смоленских. В родословной князей смоленских, находящейся в Бархатной и других родословных книгах, показано, что правнук великого князя Владимира Святославича, крестившего Русскую землю, великий князь Владимир Всеволодович Мономах, имел сына Мстислава князя смоленского, а у сего был сын Ростислав князь смоленский же, которые потом находились и на великом княжении Киевском. У помянутого великого князя Мстислава был праправнук князь Глеб Святославович, который имел внука Князя Ивана Дмитриевича Шаха. У сего был сын Юрий Саломерский, который имел сына Василия Юрьевича *Татища*, бывшего

[23] «Толковый словарь русского языка», т. IV, стр. 27.

при государе и великом князе Василие Дмитриевиче наместником Новгородским. Сей Василий Юрьевич Татища, узнав, что новгородцы хотели изменить государю, начальника сего заговора посадника новгородского поймав тайно ночью, из дому послал к государю в Москву, и от того прозван *Татищем*. Потомки его Василия Юрьевича дворяне *Татищевы* российскому престолу служили стольниками, окольничими, воеводами и в других чинах, и жалованы были от государей вотчинами» [24].

Итак, в основе фамилии *Татищев* лежит русское прозвище *Татище* < *Тать* (по аналогии *ворище* < *вор*). Русское слово *тать* ~ *татище* со значением 'вор, хищник, похититель, кто украл что-либо, кто крадет, за обычай, склонный к воровству' (В. Даль) является либо исконным русским с индоевропейским корнем, ср. санскр. tat (M. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch, III. Heidelberg, 1958), либо заимствовано из тюркских языков и восходит к tat تات : 1. класс народа, подданных, не живущих в городе; живущие, служащие у вельможи, исключая рабов; 2. праздношатающийся сброд, из которого собирают волонтеров (Радлов, Будагов). Это слово лежит также в основе названия народа, живущего в Дагестане и Азербайджане.

Русские прозвища *Тат*, *Татище* в значении 'вор, ворище, похититель', следовательно, могут представлять собой заимствования, восходящие к тюркскому слову tat, значение которого 'праздношатающийся сброд', безусловно, связаны с соответствующими данному слову русскими значениями. Таким образом, в основе фамилии *Татищев* лежит либо русское слово *тать*, либо тюркское слово tat + русский аффикс имени с увеличительным значением *-ище* по аналогии с *вор* > *ворище*.

В родословной Татищевых, кроме того, упоминаются два прозвища: Иван Дмитриевич *Шах* и его сын Юрий *Саломерский*, имеющие также восточное происхождение, а именно: 1) *Шах* из тюрк. šah < перс. شاه 'царь, правитель'; слово šah в некоторых языках употребляется также в качестве имени собственного или же используется как составной элемент сложного мужского имени. Ср., *Шаабдуррахман* < šāh ʿabdurraḥmān شاه عابد الرّحمان и 2) *Саломерский* из тюркского собственного имени Salih-emir <

[24] ОГДР II, 17; ср. VII 5.

араб. ṣaliḥ صالِح ‘праведный, честный, выполняющий законы религии, нравственности, а также законы гражданские’, > собственное мужское имя ‘Салых’ и amir امير ‘князь, господин, эмир’.

Эти прозвища связывают род и фамилию Татищевых, с одной стороны, с Шаховскими (по прозвищу *Шах*), а с другой — с Ханыковыми, Хитровыми, Апраксиными, Крюковыми (по прозвищу *Саломерский*) [25].

31. *Вельяминов* [26]

Как значится в родословной: «В 6535/1027 году к великому князю Ярославу Владимировичу в Киев выехал из варяжской земли Шимон Африканович, по крещении названный Симоном, и с ним людей его три тысячи человек. У сего Симона были правнуки Федор Васильевич Воронец, от которого пошли Воронцовы, и Юрий Васильевич Грунка, который имел внука *Вельямина* Андреевича. Сего потомки *Вельяминовы* российскому престолу служили. . .» [27].

Однако по другим версиям [28] фамилия Вельяминовых связана генетически с выходцем из Золотой Орды князем Чотом, общим предком фамилий: Вельяминовых, Сабуровых, Годуновых. В родословной Воронцовых-Вельяминовых [29] упоминается тот же предок Шимон Африканович, сын князя Африкана, брата Якупа Слепого, а также общий предок *Вельямин* Андреевич, сын Андрея Константиновича, по прозвищу Глаз. Таким образом, представляется более вероятной связь Вельяминовых не с Варяжской землей, а с Золотой Ордой, а фамилия *Вельяминовых* восходит к собственному имени *Вели-Амин* из араб. wali ولي 1. ‘искренний друг’; 2. ‘наместник, правитель’ и amin امين ‘безопасный, обнадеженный, постоянный’, хотя, казалось бы, эту фамилию можно было сблизить с русским именем *Вениамин* ~ *Веньямин* < др.-евр. ben jamin ‘сын десницы (правой руки)’ — ‘любимый сын’.

[25] Разбор фамилии *Ханыков* см.: Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения, II.
[26] О происхождении фамилии Вельяминовых см. также: Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения, I, стр. 25.
[27] ОГДР II, 22.
[28] ОГДР IV, 26; V, 16.
[29] ОГДР V, 16.

Происхождение фамилии *Вельяминов* из wali amin, а не из ben jamin подтверждается другим собственным именем, встречающимся в родословной — *Якуп Слепой* и имеющим тюркскую адаптированную форму — *Якуп*, но не *Яков*, также древнееврейского происхождения Ia'qōb; ср. араб. ja'qūb يعقوب, т. е. более близкое фонетическое оформление к *Якуп*.

32. *Колтовской*

«Фамилия Колтовских, как показано в Бархатной и в других родословных книгах, происходит от выехавшего из Касуйской Орды князя Редеги. Правнук сего князя Редеги имел сына Сорокоума, который имел сына Глеба, а у него был внук Михайло Иванович Колтовской, который находился в Стародубе на поместье, а потом служил великому князю рязанскому. Потомки помянутого Михайла Ивановича Колтовские многие служили российскому престолу. . .» [30]

От того же легендарного князя Редеги и его потомков Сорокоума и его сына Глеба происходили также Лупандины [31] (ср. русск. прозвище *Лупанда* 'вытараск, пучеглазый, лупоглазый' (Даль).

Фамилия *Колтовской* имеет генетическую связь с русскими областническими словами *колтыхать*, *колтышить* 'ходить в перевалку, ковылять; качаться, болтаться', которые в свою очередь этимологически связаны с тюркским qołtuq / qołtyq 'место под подмышками', qołtyqła- 'брать под мышки, брать под руку'.

Не менее вероятна также связь фамилии Колтовской с русским областническим *колтать* 'много говорить, болтать' и производным *колток* 'болтун', *колтовка* 'болтунья', ср. тюрк. qołtug 'лесть' (Радлов).

33. *Колычев*

«Фамилия Колычевых начало свое восприняла, как показано в представленной выписке из Авторов о древних пруссах из Прусского гербовника, и в справке Архива коллегии иностранных дел, от Андрея Ивановича по

[30] ОГДР II, 23.
[31] ОГДР II, 24.

прозванию *Кобылы*. . . . . от коего пошли *Сухово-Кобылины*, Романовы, Шереметевы, *Колычевы*, Яковлевы и другие многие роды. . . У сего Андрея Ивановича был внук Федор Колычь, коего потомки *Колычевы* российскому престолу служили в боярах стольниками и в иных знатных чинах. . .»[32]

Геральдические данные и связи Колычевых с другими родами прусского происхождения свидетельствуют о том, что основатель фамилии Колычевых Федор *Колычь* не был выходцем из тюркской среды, но получил прозвище *Колычь*, основа которого, возможно, восходит к тюркскому слову qyłyč, собственное мужское имя *Кылыч*, буквально 'меч, сабля'. Это собственное мужское имя до настоящего времени широко распространено у тюркоязычных народов и особенно у представителей кыпчакской их группы.

Переход же кыпчакского (половецкого, казахского, каракалпакского, ногайского, татарского) узкого *ы* — звука неполного образования, соответствующего русскому *а* в артикуляции для узкого *ы*, в русский *а* и огубление его *а* > *о* — закономерность вполне возможная.

Однако настаивать на этой этимологии трудно, возможно, что прозвище *Колычь* представляет собой своеобразное образование мужского грамматического рода от русск. *колча* 'колченогий, колтыногий, хромой, тот, кто ходит вперевалку или имеет вывороченные ступни' (ср. Даль), что является вполне вероятной основой для прозвища по телесному недостатку.

Не менее вероятной этимологией прозвища *Колыч* может быть также из чагатайск. qołčy 'нищий, проситель' < qoł 'рука' + аффикс профессии *-čy/-či* (Радлов) или из турец. qołdžu ~ qołču 'солдат, находящийся в патруле' (Радлов).

Наконец, не менее интересным сближением прозвища *Колыч* можно считать с *qołč ~ qołyč 'нарукавник, панцирные поручни', хотя это слово в тюркских современных языках встречается только в уменьшительной форме qołč + *aq* 'поручни кольчужные' (Радлов), но аналогичная принадлежность древнего воина — наколенник, надеваемый на колени, — qonč — слово, встречающееся в современных тюркских языках в разнообразных значениях, ср. чагатайск., турец. qondž ~ qonč 'голенище'; туркмен. ġonč 'голенище,

[32] ОГДР II, 27.

нижняя часть штанины'; казах. qonyš 'голенище'; татар. qunyč 'голенище, краги' и проч. — позволяет предполагать, что существовало и аналогичное по форме слово для нарукавника — qołč ~ qołyč.

Как от той, так и от другой формы слова, т. е. от qołč и qonč, произошли соответствующие прозвища, а затем имена и фамилии: *Колчак* — русская фамилия из qołč+*aq* 'поручни кольчужные' и *Кончак* — имя половецкого хана, встречающееся в «Слове о полку Игореве» из qonč+*aq* 'панцирный наколенник' > 'голенища, краги'.

34. *Голенищев-Кутузов*

«Род Голенищевых-Кутузовых, как показано в Российской истории и в Бархатной книге, происходит от выехавшего в Россию к благоверному великому князю Александру Невскому из немец честного мужа именем Гавриила. У сего Гавриила был праправнук Федор Александрович *Кутуз*, от которого пошли *Кутузовы*. Происшедшего от сего Федора Кутуза потомка Андрея Михайловича *Кутузова* дщерь была в замужестве за казанским царем Симеоном. Помянутого же Кутуза брат родной Ананий Александрович имел сына Василия, прозванного *Голенище*. Потомки их *Голенищевы-Кутузовы* российскому престолу служили разные дворянские службы. . .»[33]

Кроме Кутузовых и Голенищевых-Кутузовых, имеется более позднее ответвление этого рода с фамилией *Голенищевы*. Как значится в родословной, «предок рода Голенищевых Тимофей Пантелеев сын Голенищев в 7191/1683 году от государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича за службу и храбрость пожалованы поместиями»[34].

Близкое родство их всех подтверждается единством гербов Кутузовых и Голенищевых-Кутузовых, представляющих собой черного одноглавого орла на голубом щите, держащего в правой лапе меч (в гербе Кутузовых) и серебряную шпагу (в гербе Голенищевых-Кутузовых). В несколько усложненном гербе Голенищевых черный одноглавый орел в нижней части закрыт с правой стороны серебряной стеной и шпагой на красном поле, а с ле-

---

[33] ОГДР II, 31; ср. родословную Кутузовых — ОГДР V, 17.
[34] ОГДР VIII, 119.

вой — серебряным луком и стрелой на голубом поле, что свидетельствует о более позднем происхождении данного герба, а следовательно, и фамилии.

Фамилия Кутузовых в своей основе имеет либо русское слово *кутуз* 1. 'подушка, на которой плетут кружева'; 2. в Костромской обл. 'узел, вещи в узле' (Даль), либо, что более вероятно, в основе прозвища *Кутуз* лежит тюркское слово, встречающееся в турецком языке, qutuz ~ quduz в значении 'бешеный, вспыльчивый', в староузбекском языке qutuz ~ quduz قوطوز ~ قودز, а также в других тюркских языках qutuz ~ qudur в тех же значениях. В последнем случае наличие характерного для некоторых тюркских языков явления ротацизма, т. е. соответствия z ~ r: qutuz ~ qutur.

35. *Измайлов*

О происхождении Измайловых в родословной сообщается, что «к великому князю Ольгу Игоревичу Рязанскому выехал от племени ханска муж честен и храбр именем *Шай*, а по крещении названный Иоанном, со многими людьми. Внук сего Шая, *Измаил* Прокопьевич, имел праправнука Артемия Ивановича *Измайлова*, который был у царя и великого князя Михаила Федоровича в окольничих и посылан великим послом в Польшу и Литву. . .» [35]

Этимология фамилии Измайловых очевидна; она происходит от собственного имени арабского ~ еврейского происхождения, *Измаил* < Ismajił араб. اسماعيل < др.-евр. Iišmā'ēl, широко известного и популярного не только у тюрков, но и у всех народов, имевших господствующей религией ислам.

В родословной Измайловых упоминается предок по имени *Шай*. В основе этого имени лежит либо также арабское слово šajx شيخ 'старик, шейх, глава племени, ученый', либо перс. šāh شاه 'шах, царь'; более вероятна первая основа, т. е. арабск. šajx شيخ.

36. *Юшков*

«Фамилия Юшковых, — как указывается в их родословной, — происходит от выехавшего к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому из Золотой Орды князя

[35] ОГДР II, 34.

Зеушка, а по крещении названного Стефаном, у коего был сын Юрий Степанович. Потомки его *Юшковы* служили российскому престолу. . .»[36]

Если бы в родословной этой фамилии не упоминался предок — выходец из Золотой Орды *Зеуш*, то можно было бы предполагать происхождение этой фамилии от слова *юха* 'ухо-парень, пролаз, бойкий, продувной' (Даль) или из русского *Юша*, *Юшко* — принятых в быту вариантов имени *Юрий*, но точное указание на собственное имя представителя Золотой Орды дает основание для иной этимологии фамилии Юшковых.

Основой фамилии Юшковых служит заимствованное из татарского русское областное слово *юша*, встречающееся в говорах Московской, Тамбовской, Горьковской и других областей в значении 'зюзя, насквозь мокрый от дождя, мокрый' (Даль). Русское слово *юша* представляет собой адаптированное татар. jūš 'мокрый, сырой; мокротá, сырость' (Радлов); juš juš // juuš يوش // يووش 'мокрый, мокрота, сырость' (Будагов). В словаре Л. Будагова дан также и фонетический вариант этого слова, встречающийся в диалектах татарского языка, а именно: džubiš = juuš يوش = جوبيش 'сырой'. В современном татарском литературном языке это слово соответствует варианту jüwĭš (в орфографии *юеш*), в башкирском — jĭwĭš (в орфографии *еуеш*), но в диалектах татарского языка это слово встречается также в вариантах džüwĭš ~ džĭwĭš // dzüwĭš ~ dzĭwiš ~ dzĭwüš, т. е. в этих вариантах j соответствует либо dž, либо dz при дополнительных вариациях гласных, вызванных наличием губно-губного w, т. е. вариации, закономерные для татарского языка, ср. например для диалекта Краснооктябрьского р-на Горьковской обл., где начальный j соответствует спорадически dž и dz: dzĭl вм. jil 'ветер', dz'eŋi вм. džĭŋĭ 'теща' и проч.[37]

Из всех перечисленных вариантов: juuš, juš, juwĭš, jĭwĭš, džüwĭš, džĭwĭš, dzüwĭš, dzĭwĭš, dzüwüš dzĭwüš наиболее близким к фонетическому облику прозвища *Зеуш* является последний вариант dzĭwüš, характерный для татарского диалекта Горьковской обл.

---

[36] ОГДР II, 44.

[37] Р. Ф. Ш а к и р о в а. Фонетические особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области. «Материалы по диалектологии». Казань, 1955, стр. 112.

Таким образом, имя *Зеуш*, встречающееся в родословной рода *Юшковых*, представляет собой диалектный фонетический вариант татарского слова jĭwüš > juuš > juš (=русск. *Юш*), послужившего основой для фамилии *Юшковых*. От этого же фонетического варианта происходит и русское слово *юша* 'мокрый от дождя, зюзя, мокрый, сырой', которое в русских областнических говорах имеет то же значение, что и в татарском языке слово jĭwüš ~ juuš ~ juš.

Так раскрывается этимология фамилии Юшковых, родоначальник которой князь Зеуш получил свое прозвище 'Мокрый', может быть, в прямом значении этого слова в силу каких-то конкретных обстоятельств, а может быть, по другому значению этого слова, ср., в русских говорах *юша* 'мокрый, зюзя', а *зюзя* 'промокший человек от дождя; плакса, рева; пьяный, насосавшийся как губка пьяница; плохой человек' (Даль).

37. *Апраксин*

«Род Апраксиных, — как свидетельствует их родословная, — происходит от выехавшего к великому князю Олегу Ивановичу Рязанскому из Большой Орды мужа честна именем Солохмира Мирославича, который по крещении назван Иоанном. . . У сего Солохмира Мирославича был правнук Андрей Иванович *Апракса*, коего потомки Апраксины служили российскому престолу в боярах, стольниках, воеводах. . .»[38]

Род Апраксиных тесно связан по своей родословной с родами: Ханыковых, Хитровых и Крюковых, общим предком которых был легендарный *Солохмир*, или *Салахмир*. Это родство родов отражается также в общности геральдических признаков, характеризующих гербы этих фамилий: звезды, ятаганы и проч.

Как уже отмечалось нами ранее [39], в основе фамилии *Апраксин* лежит прозвище *Апракса*, которое могло бы быть объяснено сокращенным женским именем от *Евпраксия*, если бы не было указаний в родословной о тюркском происхождении родоначальника Апраксиных Солохмира,

---

[38] ОГДР II, 45; III, 3.

[39] Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения, II.

которые свидетельствуют о том, что и имя Апракса является также заимствованным из тюркских языков.

Прозвище *Апракса* может происходить от слова abyraq ~ abraq ~ amraq, которое встречается в некоторых тюркских языках в значении 'вежливость, учтивость; спокойный, тихий, неглупый, дальновидный, прилежный; любитель охоты' и др. значения (Радлов). Производное слово от данной основы abyraq+*tuu* 'вежливый, снисходительный' (В. Радлов) состоит из упомянутой выше основы abyraq+аффикс наличия данного качества *-tuu*, который в других языках, например алтайском, а также в древних тюркских, замещается аффиксом *-saq* ~ *-sy* ~ *-su;* ср., например qumaqtuu ~ qumaqsuu, qumaqsu ~ qumaqsy 'песчаный' и проч., т. е. по аналогии abyraq ~ apraq+*-saq* ~ *-sy* ~ *-su*: abyraqsaq ~ apyraqsy > apraqsa.

В основе прозвища *Апракса* может лежать также тюркское слово oprag ~ opyrag 'разодранный в лохмотья' (اوپراق ~ اوفراق — Будагов); 'беззубый' (казахск.) + аффикс *-saq* ~ *-sy*; oprag sag ~ oprag sy > aprag sa в значении 'лохматый' или 'беззубый'.

Наконец, прозвище *Апракса* может происходить из тюркского apyrag ~ apyraq 'бахвал, хвастун' (ср. киргиз. глагол apyranda- 'бахвалиться, хвастаться' и apyrandayan 'бахвал, хвастун') + аффикс *-saq* ~ *-sy* — apyraqsaq ~ apyraqsy 'бахвалистый, хвастунишка' > apyraqsa > *Апракса*.

Все три значения прозвища *Апракса*: 1) 'тихий, спокойный, учтивый, прилежный'; 2) 'лохматый, беззубый' и 3) 'бахвал, хвастунишка' вполне правомерны.

38. *Давыдов, Даудов*

Фамилия *Давыдов* и восточный ее вариант *Даудов* представлена в Общем гербовнике несколькими родами. Первый из них — наиболее древний, впервые упоминается в конце XIV—начале XV в. В родословной указывается, что «фамилия Давыдовых происходит от выехавшего к великому князю Василию Дмитриевичу [40] из Золотой Орды Минчака Косаевича, а по крещении названного Симионом, у коего был сын *Давыд*. От сего Давыда

[40] Относится к началу XV в. — к княжению Василия Дмитриевича (1389—1425).

происшедшие потомки Давыдовы многие российскому престолу служили. . .»[41]. Второй род Давыдовых (потомство Якова Давыдова) упоминается в конце XVII в. и, по-видимому, не имеет непосредственной связи с первым, несмотря на наличие некоторых общих геральдических элементов в их гербах [42].

Третий род — Давыдовых (потомства Давыда Бея) является еще более поздним, его упоминание относится к XVIII в. «Предки фамилии Давыдовых, — как указано в их родословной, — происшедшие от Атабек Ишхана, то есть знатного князя, в древние времена имели свои княжения. Давыд Бей в 1517 году также владел Цымаком. Потомок сего рода Степан Давыдов в новейшие времена приехал в Россию в качестве араратского посланника, а потом, вступя в российскую службу, был подполковником» [43].

Наконец, четвертый род — *Даудовых* имеет в основе своей фамилии то же собственное имя *Давыд* ~ *Давид*, но в несколько ином фонетическом оформлении, более близком к произношению этого имени на Востоке. «Предок фамилии *Даудовых*, — как значится в их родословной, — Василий Александрович *Даудов* в 7164/1656 году выехал к государю царю и великому князю Алексею Михайловичу из персидской земли и пожалован поместьем» [44].

Основа фамилии *Давыдов* ~ *Даудов* — собственное имя *Давыд* ~ *Дауд* — в одинаковой степени является общим как для русского языка — *Давид* ~ *Давыд*, так и для многих тюркских языков, происходит от мужского собственного имени арабск. Dawud ~ Daud داود, др.-евр. *Дауид* < dāuid, что в переводе значит ‘любимый’.

В родословной первого семейства Давыдовых упоминается родоначальник, выходец из Золотой Орды Минчак Косаевич, имя которого является тюркским по своему происхождению. Оно состоит из двух собственных имен — *Минчак* и *Косай*.

Минчак из тюрк. mundžaq مونجاق ‘драгоценный камень’ (кумык., дагестан. — Будагов); mundžaq ~ myndžaq مونجاق ~ مينجاق ‘раковинки, ракушки, зерна, шарики че-

[41] ОГДР II, 51.
[42] ОГДР VII, 146.
[43] ОГДР VII, 162.
[44] ОГДР IV, 112.

ток, стеклышки различного цвета, надеваемые на шею лошади, лошаков, ослов для украшения' (чагатайск. — Будагов); bunčuq ~ bundžuq بنچوق ~ بونجوق в том же значении (турец., узбек. — Будагов). Это слово происходит из mojun ~ bojun ~ mujun ~ bujun 'шея' + аффикс *-čaq* ~ *-čuq* ~ *-džaq*, указывающий на принадлежность 'данной части тела; ср. qołčaq 'поручни воинские' (из qoł 'рука' + *-čaq*) или qoɳčaq 'латы, надеваемые на ноги' (из qoɳ 'ляшка' + *čaq*) и проч.

Таким образом, мужское собственное имя *Минчак*, букв. 'драгоценный камень; ожерелье из драгоценных камней, бусы', из тюрк. mynčaq ~ munčaq ~ bunčuq и проч., может быть вполне правомерным, и аналогиями к нему могут служить упомянутые уже прозвища (см. стр. 190).

Косай состоит из двух основ: 1. qawus qaus ~ qaws ~ qos < перс. 'лук; Стрелец (знак зодиака), созвездие соответствует месяцу ноябрю' < араб. qaws قوسٌ (Будагов) и 2. aj 'месяц, луна': qaws aj 'название месяца, соответствующее созвездию Стрельца' собственное мужское имя. Впрочем, первый компонент этого имени может быть прилагательным от qows ~ qowsi قوسی ~ قوس 'изогнутый', тогда сочетание qows aj получило бы значение 'изогнутый месяц', 'изогнутый полумесяц' > собственное мужское имя.

В родословной третьего семейства Давыдовых, потомков Давыда Бея, встречаются также два восточных имени: 1) *Атабек* и 2) *Ишхан*.

Первое имя *Атабек* является сложным; оно состоит из двух элементов: турец. диал. ata 'отец' и bek 'бек, князь', вместе эти два слова составляют собственное мужское имя. Возможно также, что первый элемент этого собственного имени ata не связан значением с ata 'отец', а представляет собой адаптированное к турецкому произношению арабское имя 'aṭa' عَطَاء 'дар, подарок', сочетающееся с bek по аналогии с собственным именем *Алибек*, состоящим из арабск. 'ali عَلِی + турец. bek; арабск. 'aṭa' عَطَاء 'дар' лежит, вероятно, и в основе собственного имени *Отелло*, в одноименной трагедии В. Шекспира, которое состоит из двух слов 'aṭa' 'ulla عَطَاء الله букв. 'дар божий'.

Что касается имени *Ишхан*, то оно происходит из персид. išān ایشان 'они' (из учтивости и уважения употребляется вместо единственного числа). Это же слово у некоторых тюркских народов (татар, башкиров, узбеков, казахов и проч.) употребляется в качестве названия духовного лица, заслужившего всеобщее уважение, а также в значении 'глава ордена мусульманского монашеского братства, суфи'.

Впрочем, слово išxan ایشیخان служит также названием рыбы išxan 'крупная розовая форель', встречающаяся в больших озерах (например, на Кавказе, в Армении в озере Севан), но сомнительно, чтобы в этом значении слово išxan могло быть принято в качестве собственного имени, хотя, судя по наличию в гербе рода Атабека Ишхана знаков армянского алфавита, род этот, вероятно, происходит из Армении, где такое название рыбы широко распространено.

39. *Теглев*

О фамилии Теглевых дана в родословной краткая справка: в 6933/1425 году к великому князю Василию Васильевичу выехали, как показано в Бархатной книге и в представленной родословной, из Большой Орды Багрым и Батый с пасынком Одром. У сего Одра был правнук Юрий *Тегль*, коего потомки *Теглевы* многие российскому престолу служили. . .»[45]

Фамилия *Теглев* может иметь три возможных источника происхождения. Первый из них — русское прозвище, данное по форме одежды — *Тегиляй* 'кафтан со стоячим воротом и короткими рукавами' (Даль) — слово, безусловно, тюркского происхождения, семантически связанное с турецким словом tegel تکل 'шов или шитье шелком, о платьях со складками, ваточных и проч.' (Будагов).

Второй — монгольское и бурятское слово tēg ~ tēgel 'пуговица в виде палочки; ручка какого-либо предмета; предмет, за который зацепляют, зацепка, ср., тюрк. teg 'крючок', teglik 'снабженный крючком, с крючком' (Радлов). Значения этого слова сближают его с предыдущим турецким словом 'шов, шитье шелком'. Обычай

[45] ОГДР II, 54.

тюркских и монгольских народов называть ребенка предметами домашнего обихода и, в частности, именем, соответствующим по значению слову «пуговица», известен, ср., например алтайское мужское и женское имя *Топчы* 'пуговица', *Топчылай* 'пуговка' (Н. А. Баскаков и Т. М. Тощакова. Ойротско-русский словарь. М., 1947).

Наконец, последний источник — тюркское слово täg ~ teg < др.-тюркс. täg 'происхождение, род'; bars tägim 'мой барсовый род'; täk др.-уйгурск. 'порода, происхождение, раса' (В. Радлов); tek казах., каракалпак, 'род, порода, происхождение'; onуң, tegi tatar 'он родом из татар'; ata tegi 'социальное происхождение'; tekli 'родовитый, породистый'. Последнее производное слово tekli ~ tegli 'родовитый, породистый человек' может быть прозвищем для человека знатного рода, которое также могло быть закреплено позже в качестве фамилии *Теглев*.

Тюркское или монгольское происхождение Теглевых подтверждается также именами их предков — основателей рода: *Багрым*, *Одр* и *Батый*.

Первое имя *Багрым* совершенно очевидно происходит от сложного тюркского (кыпчакского) слова, состоящего из основы bаγуг 'печень', фигуральное значение 'сердце' + аффикс принадлежности первого лица *-ум*: bаγг-*ум* 'сердце мое' — ласкательное обращение матери к ребенку, которое и закрепилось в качестве собственного имени *Багрым*.

Второе имя *Одр* монгольского происхождения и семантически связано с комплексом монгольских и бурятских, а также тюркских слов: ööderge 'бойкий, живой' (о детях); oodorxo 'скакать (о рогатом скоте), нестись во весь опор', ср. тюрк. алтайск. odor ~ odar 'мулёк, мелкая рыбешка' (В. Радлов) — слово, заимствованное из монгольского в значении 'резвый, живой' > 'мулёк'. С этими же словами семантически связана монгольская основа ööderxüü 'бахвал, хвастун, заносчивый человек'. Прозвищное имя *Одр* ~ *Одор* ~ *Одер* было закреплено за его носителем по значению либо ööderge 'бойкий, живой (о ребенке)', либо ööderxüü 'бахвал, хвастун, заносчивый человек'.

Наконец, последнее имя *Батый*, общее с известным именем *Батый* ~ *Бату* монгольского полководца, сына

Джучи и внука Чингиз Хана, предводителя монголов (1224—1256).

Выяснение происхождения этого имени представляется довольно трудным. Возможно, что имя *Бату* ~ *Батый* связано семантически либо с монгольским ~ бурятским словом bata 'твердый, крепкий, прочный; надежный, верный, постоянный', либо с монгольским ~ тюркским bootoγon ~ boto ~ bota 'верблюженок'.

Мужское собственное имя и в том и в другом случае, судя по соответствующим аналогиям, вполне возможно. В первом случае оно дается по признаку, который родители хотели бы видеть в своем сыне, во втором же случае имя 'верблюжонок' у тюркских и монгольских народов служит выражением любви и ласки, хотя у современных тюркских народов оно чаще дается не мальчику, а девочке.

Герб Теглевых характеризуется четкими геральдическими признаками, указывающими на тюркское происхождение фамилии: бунчук, стрелы, восточная сабля и полумесяц.

40. *Бахметев*

Родословная Бахметевых так повествует о происхождении рода: «К великому князю Василью Васильевичу [46] выехали служить, как показано в справке разрядного архива, два царевича — Касим и Егуп Бахметы, и с ними же роду их именем Ослам *Бахмет*, по крещении названный Иеремией со многими татары. Потомки сего Ослама *Бахметева* служили российскому престолу стольниками, воеводами и в иных знатных чинах. . .» [47]

Итак, происхождение фамилии *Бахметевых* представляется совершенно ясным от собственного имени *Бахмет*. Кроме того, в родословной упоминаются еще три имени: *Касим*, *Егуп* и *Ослам* — все восточного происхождения.

Имя собственное *Бахмет*, лежащее в основе фамилии *Бахметевых*, представляет собой русскую адаптацию сложного имени, состоящего из тюркского слова baj 'богатый'+(A)hmet < арабск. Aḥmad أحمد букв. 'похвальный' > Bajahmet ~ Ba(ja)hmet, т. е. в различных формах адаптации в русском произношении.

[46] Василий Васильевич Темный 1425—1462 (*И. Б.*)
[47] ОГДР II, 58.

Возможна также адаптация другого мусульманского имени, встречающегося у всех тюрков-мусульман в различных фонетических оформлениях и в том числе Mahmet < араб. Muḥammad محمد 'Мухаммед, Магомет', в русском произношении *Бахмет*. Переход m > b встречается и в других русских словах, заимствованных, например, из татарского языка, ср. musulman > басурман. Сокращение muḥammad > mahmet также является обычным. Таким образом, возможно, что русское *Бахмет* произошло непосредственно из тюркского Mahmet, араб. Muḥammad без первого элемента baj 'богатый'.

Второе имя, встречающееся в родословной Бахметевых, — *Касим* — широко распространенное среди мусульман собственное мужское имя, встречающееся часто у татар, башкир, казахов и других тюркских народов. происходит из араб. qasim قَسِيم 'красивый, миловидный'.

Имя *Егуп* — русская адаптация также мусульманского имени *Якуб*, широко известного у тюркоязычных народов. Мужское имя собственное *Якуб* — Ja'qūb يَعْقُوب — происходит из др.-евр. Ja'qōb.

Наконец, последнее из имен, связанных с родословной Бахметевых, — *Ослам* настолько искажено в данной транскрипции, что можно только предполагать, относится ли она к имени *Ислам* или *Аслан*. Менее вероятно первое: *Ислам*, араб. isłām اسلام 'религия, правоверие', 'пребывание в здравии, мир, безопасность' (Будагов). Имя *Ислам* является более поздним и у современных тюркских народов встречается редко. Более вероятной представляется вторая транскрипция имени *Ослам* — *Аслан* < у турок Arsłan ارصلان ~ ارسلان, у киргизов Arstan ارصطان (Будагов), тюрк. Arsłan 'лев' < arsył aŋ букв. 'хищный зверь'. Имя *Аслан* часто встречается у многих тюркских народов и передается в русских исторических источниках и в фольклоре как *Руслан*, *Еруслан*, *Аслан*, а в приведенной нами родословной — *Ослам*.

41. *Котенин*

О фамилии Котениных в их родословных отсутствуют какие-либо сведения, касающиеся происхождения [48]. Однако сама фамилия указывает на тюркское ее происхождение.

[48] ОГДР II, 59.

В основе фамилии *Котенин* лежит тюркское слово köten, ср. ногайск. köten, анат. 'прямая кишка'; kötenі kökten 'человек высокого мнения о себе, воображающий о себе человек' (Ногайско-русский словарь. Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963), сибирск. тюрк. kötän 'большая кишка' (Будагов); киргиз. kötön 'прямая кишка', tyqqan kötöndöj 'толстячок'; boz kötön bałdar 'зеленая молодежь'; kötön qoroz 'щеголь'; quu kötön 'несчастливый (о ребенке)', maj kötön 'счастливый (о ребенке)' и проч. (К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965).

Итак, предок и основатель фамилии Котениных имел либо имя *Котен* (< köten), что вполне возможно в связи с тюркским обычаем в определенные годы животного двенадцатилетнего цикла давать подобные имена, ср., например, имя *Кётёнёш* (< kötön+аффикс ласкательной формы *-öš* — kötönöš) у алтайцев (Н. А. Баскаков, Т. М. Тощакова. Ойротско-русский словарь, стр. 209 — мужское имя), либо получил прозвище, характеризующее какие-либо человеческие свойства: зазнайство, полноту, щегольство и проч.

Тюркское происхождение Котениных отражено и в фамильном гербе: пучок стрел и три отдельные стрелы в правой половине щита.

Менее вероятна этимология фамилии *Котенин* от русского областнического сибирского слова *котенцы* 'теплая, исподняя обувь, из зайчины в роде унт' (Даль II).

42. *Нарышкин*

Родословная Нарышкиных противоречива: по одним источникам род этот происходит из Германии, по другим — из Крыма. В краткой родословной справке, помещенной в «Общем гербовнике. . .», отмечается: «Род Нарышкиных, как удостоверяют некоторые иностранные писатели, происходит из Богемии от фамилии Нарисци, которая в древние времена имела во владении город Егру, состоящий в Германии на границах Богемии». В справке же Разрядного архива и в Истории российской показано, что «в 6991/1463-м году к великому князю Ивану Васильевичу выехал из Крыму *Нарышко* и был при великом князе окольничим. Потомки его *Нарышкины*, находясь в российской службе наместниками, воеводами и в иных

знатнейших чинах, жалованы были от государей вотчинами и другими почестьми и знаками монарших милостей. Всему свету известно, что сего рода Нарышкиных думного дворянина, бывшего потом окольничим и боярином Кирилы Палеухтовича Нарышкина дщерь Наталья Кириловна находилась в супружестве блаженные и вечнодостойныя памяти за царем Алексеем Михайловичем, от которого супружества произошел великий государь император Петр Первый. Рождением Петра Великаго род Нарышкиных сделался на вечныя времена славным»[49].

Итак, родоначальником рода Нарышкиных, по более авторитетным источникам, был не владетельный представитель богемской фамилии *Нарисци*, а выходец из Крыма *Нарышка*.

В основе прозвища или имени *Нарышка*, вероятнее всего, лежит заимствованное из персидского языка и встречающееся во многих тюркских языках — казахском, каракалпакском, узбекском, туркменском и других — слово nar (ср. перс. nar نر 'самец любого животного'): 1. 'одногорбый верблюд, порода верблюда, отличающаяся силой'; ср. пословицу (казахск., каракалпакск.): žükti nar köteredi '(тяжелый) груз (только) *нар* поднимает', что соответствует русской пословице 'большому кораблю большое плавание'; 2. 'мужественный храбрый (о человеке)'; nar žigit 'мужественный юноша'; 3. 'благородный человек'.

К основе личных имен у казахов, каракалпаков, узбеков и других тюркских народов для образования ласкательной формы присоединяется аффикс *-aš/-eš*, *-yš/-iš* ~ *-uš/-üš*, *-š*. Таким образом, от данной основы nar + *-yš* образуется ласкательная форма narγš по аналогии с узб. erke 'ласковый'; Erkeš имя собственное ласкательное; каракалпакск. žuma 'пятница', Žumaš имя собственное, ласкательное, женское; nur 'свет, луч'; Nuryš имя собственное мужское («Каракалпакско-русский словарь»); ср. алтайск. Boquš, Djajqaš, Qałbaqaš и проч. (Н. А. Баскаков и Т. М. Тощакова. Ойротско-русский словарь). Русская же форма *Нарышка* произошла из Nar + *yš* + русск. ласкательно-уничижительный суфф. *-ка* > Nar + *yš* + ka.

Не менее вероятна и вторая этимология имени *Нарышка* из nur 'свет. луч' < араб. nur نور букв. 'свет, луч' + аф-

[49] ОГДР II, 60.

фикс ласкательной формы *-yš* > Nur + *yš* букв. 'светик' + русск. суфф. *-ка* > Nur + *ys* + *ка* > *Нарышка*.

Имя Nuryš широко известно и у современных тюркских народов, имевших отношение к исламу: узбеков, казахов, каракалпаков и др.; ср. каракалпакск. *Нурыш* + русск. суфф. *-ка* > *Нурышка* > *Нарышка* («Каракалпакско-русский словарь»).

Итак, фамилия *Нарышкин*, безусловно, связанная с собственным именем ее основателя, выходца из Крыма по имени *Нарышко*, а собственное имя *Нарышко* произошло либо из nar + *yš* + русск. суфф. *-ка* ~ *ко* букв. 'мужественный, храбрый' (о человеке), либо из nur + *yš* + тот же суфф. *-ка* ~ *-ко* буквально 'светик'.

Первую этимологию подтверждает совпадение гласных и согласных в составе имени *Нарышко* и его источника, вторую же этимологию подтверждает наличие во многих современных тюркских языках соответствующего по составу звуков собственного мужского имени.

43. *Комынин*

«Род Комыниных происходит, — как указывается в их родословной, — от выехавшего к великому князю Василию Ивановичу [50] в Москву из Золотой Орды, мурзы именем Бугандала Комынина, а по крещении названного Даниилом, коего потомок Иван Богданов сын был полковым и осадным воеводою, полномочным послом и наместником; равным образом и иные многие сего же рода российскому престолу служили разныя дворянския службы и жалованы были от государей в 7064/1556-м и других годах поместьями и чинами» [51].

Прямое указание на происхождение рода Комыниных из Золотой Орды позволяет делать предположение о тюркской или монгольской основе имени как основателя рода *Бугандала*, так и самой фамилии *Комынин*, хотя в отношении последней следует указать, что в русской областной лексике встречается термин *комыны* в значении 'чапра, дробь, дробина, виноградные выжимки' (Даль II), от которого также возможно и происхождение фамилии *Комынин*.

---

[50] Василий IV (1505—1533).
[51] ОГДР II, 68.

Однако если иметь в виду, что основатель рода мурза Бугандал Комынин являлся пришельцем из Золотой Орды, то более вероятно предполагать, что все сочетание титула имени и фамилии имеет тюркское или монгольское происхождение. В данном случае титул *мурза* является тюркским (татарским, крымско-татарским) словом арабо-персидского происхождения: mirza 'дворянин, князь, господин, начальник' < арабск. amir امیر 'князь' + перс. zāda زاده 'сын' > amir zāda > mirza 'сын князя'.

Что касается имени *Бугандал*, то оно является монгольским по своему происхождению < монг. buxindaɬt 'меланхоличный, мрачный, нервный', точно так же монгольским по происхождению является и второе имя *Комынин* < монг. xömmüün ~ xömin 'человек'.

Оба имени в одинаковой степени могли принадлежать монголу и тюрку — пришельцу из Золотой Орды.

44. *Сонин*

«Фамилия Сониных начало свое восприяла от выехавшего в Москву татарина Саги, названного по крещении Савантеем, коего потомки Сонины служили российскому престолу. . .»[52]

Скупая справка о родословной данной фамилии не позволяет с уверенностью утверждать о тюркском или славянском происхождении Сониных.

Имея в виду ссылку на основателя рода — татарина *Саги* < тюрк. saqi < араб. sāqi ساقی 'кравчий, подносящий вино' (Будагов), — имя, полученное по функции его носителя, вполне возможное как прозвище, позволяет предполагать, что и фамилия *Сонин* произошла не из русск. *Соня* или ласкательного имени от *Савантей* — *Соня*, а из тюркского (чагатайского, азербайджанского) sona سونا ~ سونه 'селезень', в других тюркских (кыпчакских: казахском, ногайском) языках также 'овод, слепень' (Будагов).

Если же имя предка Сониных татарина *Саги* искажено в русской транскрипции и восходит не к слову saqi 'кравчий', а к тюркскому soŋγu. صونکغی 'последний, последующий' (Будагов), то тогда легко выясняется и происхож-

---

[52] ОГДР II, 75.

дение самой фамилии *Сонин* из турец. soŋγu صونكغى 'последыш, последний из детей, последний сын' > *Соны* ~ *Сона* > фамилия *Сонин*.

45. *Кушелев*

В родословной Кушелевых нет прямых указаний о тюркском происхождении основателей рода, хотя сама фамилия содержит, безусловно, тюркскую основу. «Рода Кушелевых, как в жалованных от государя царя и великого князя Ивана Васильевича грамотах показано, Липун Федоров сын и брат его родной Дмитрий Федоров сын Кушелевы в 7091/1583-м году пожалованы поместьями. Равным образом и потомки сего Дмитрия Кушелева служили российскому престолу разныя дворянския службы и жалованы были от государей поместьями» [53].

О более позднем ответвлении рода Кушелевых известно, что «. . .1799 г. февраля 27 дня по указу его величества государя императора Павла Первого. . . Григорий Григорьевич Кушелев за отличное усердие и труды на пользу службы подъемлемыя всемилостивейше пожалован графом Всероссийской империи, распространяя оное достоинство на все потомство мужска и женска пола от него происходящее» [54].

Общность обоих родов Кушелевых подтверждается единством основных элементов соответствующих гербов: стрела с двумя перекладинами, белый флаг на серебряном полумесяце и одноглавый орел, держащий в лапах два меча. Герб позднего ответвления графов Кушелевых отличается наличием в центре двуглавого черного орла с вензелем Павла Первого и некоторыми дополнительными деталями основного герба.

Дата пожалования поместьями родоначальников рода Кушелевых в 1583 г. указывает на период последних лет царствования Ивана Васильевича Грозного (1533—1584), т. е. период интенсивного проникновения знатных татарских мурз в окружение русских царей, в числе которых выдвинулись и Кушелевы.

Фамилия *Кушелевых* имеет своей основой слово küšül ~ küšelek, встречающееся в некоторых тюркских языках

[53] ОГДР II, 84.
[54] ОГДР IV, 11.

в значении небольшого животного, ср. крымско-татар. küšül 'крыса', ногайск. küšelek 'щенок', алтайск. küžül 'водяная крыса, крот'. Вероятнее всего, фамилия *Кушелевых* происходит из Крыма — от крымско-татар. küšül. Следует отметить, что среди крымских караимов эта фамилия сохранилась и до настоящего времени в оформлении *Кушуль*.

46. Коробанов

Родословная справка о данном роде заключает краткие сведения о том, что «фамилии Коробановых многие российскому престолу служили стольниками, стряпчими и в иных чинах и жалованы были от государей в 7102/1594 [55] и других годах поместьями» [56].

Отсутствие в русском лексиконе основы *коробан*, а также и соответствующего данному фонетическому оформлению производного от *короб* позволяет предполагать в данной фамилии тюркскую основу qorban ~ qurban < араб. qurbān قربان 'жертва, жертвоприношение' > собственное мужское имя Qorban ~ Qurban, от которого, видимо, и произошла фамилия *Коробанов* с некоторым искажением исходного имени — вставкой гласного второго слога. Косвенным доказательством тюркского происхождения этой фамилии может служить то, что она встречается у донских казаков, говор которых содержит много заимствований из турецкого языка.

47. Цуриков

«Фамилии Цуриковых многие российскому престолу служили разныя дворянския службы и жалованы были от государей в 7103/1595 [57] и других годах поместьями» [58].

Фамилия *Цуриковых* в систематических родословных стоит в ряду фамилий: *Кушелевых*, *Коробановых*, *Муханових* и др., первые упоминания о жаловании поместьями которых относятся к одному периоду 1583—1597 гг., т. е. к периоду конца царствования Иоанна Васильевича Грозного (1533—1584) и Федора Иоанновича (1584—1598).

---

[55] При Федоре Иоанновиче (1584—1598).
[56] ОГДР II, 86.
[57] При Федоре Иоанновиче (1584—1598).
[58] ОГДР II, 87.

По-видимому, все эти фамилии: *Кушелев*, *Коробанов*, *Цуриков*, *Муханов* относятся к одной группе татар, пришедших на службу к русскому царю после завоевания Казанского и Астраханского ханств. Впрочем, татарские пришельцы в Москву происходили не только из Казани и Астрахани, но и из Сибирского, Крымского ханств, Касимовского царства, а также из прилежащих к ним районов.

Фамилия *Цуриков*, судя по характерному начальному согласному, является либо монгольской, либо происходит от выходцев из Сибири или из областей, заселенных мишарями, в языке которых характерно замещение č > с (ч > ц).

Основа этой фамилии восходит либо к слову монг. cereg 'цирик, воин, солдат' = ст.-узб. čärik ~ čäri ~ čärü ~ cärü ~ čäri ~ čärüw چريك ~ چرى 'войско, солдат, воин' (Радлов) < уйгурск. kšetrik < санскр. kšatrija, либо к слову монг. cürijx 'надуваться, пучиться' = тюрк. čürük ~ čirik ~ čyryq ~ cirik ~ cyryq ~ širik 'гнилой, трухлявый, прелый' (Радлов).

Наиболее вероятной гипотезой о происхождении фамилии *Цуриков* является предположение о сближении основы этой фамилии с монгольским // тюркским словом cereg // čerü 'воин, солдат', хотя фонетически ближе монгольская основа cürijx 'надуваться, пучиться' // тюрк. čürük 'гнилой, прелый, трухлявый'.

Тюрко-монгольское происхождение рода Цуриковых подтверждается также наличием характерных геральдических признаков в их гербе: стрела, полумесяц, восьмиконечные звезды.

48. Муханов

О роде Мухановых имеется весьма краткая справка разрядного архива, содержащая ссылку на то, что «рода Мухановых многие служили российскому престолу разныя дворянския службы и жалованы от государей в 7105/1597-м году [59] поместьями и чинами» [60].

Появление на Руси Мухановых относится к периоду массового перехода знати Казанского и Астраханского

---

[59] При Федоре Иоанновиче (1584—1598).
[60] ОГДР II, 68.

ханств после их поражения при Иоанне Грозном на русскую службу. Некоторые из татарских родов приобретали новые русские фамилии, а некоторые сохраняли фамилию своих предков. Татарские фамилии в большинстве случаев, как, впрочем, и русские, образовались от собственного имени отца или деда. К таким фамилиям типа *Мансуров*, *Сабуров*, *Юсупов*, *Даудов* и проч. относится и фамилия *Муханов* — по собственному имени *Мухан* ~ *Мукан* < араб. muhhān مهّان 'слуга, работник' от глагола mahana مهن 'служить', либо из араб. muḫḫān مخّان 'испытывающий, пробующий' от глагола maḥana محن 'испытывать, пробовать' (ср. фамилию известного казахского писателя Сабита Муканова).

49. Бахтин

Род Бахтиных также не имеет подробной родословной, и о происхождении его имеется только краткая ссылка, что представители фамилии Бахтиных «. . . жалованы были от государей в 7121/1613-м [61] и других годах поместиями» [62].

В основе фамилии *Бахтин* — русское прозвище *Бахта* ~ *Пахта*, данное одному из предков—основателей рода и обозначавшее рыхлого, пухлого человека. Слово *бахта* встречается в областнической лексике русского языка со значением 'набивная бязь, хлопчатая выбойка' (оренбургск., уральск.), 'покрывало из выбойки' (сибирские говоры); 'гагачий пух' (архангельск.) [63] и является заимствованием из тюркских (татарского, башкирского, казахского) языков, в которых слово bахta ~ pахta имеет значение 'хлопок', 'хлопчатая вата' < перс. pахta پخته 'хлопок, хлопчатник'; более вероятно, из древнеиранского — хорезмийского субстрата восточноевропейских и среднеазиатских тюркских языков.

50. Чемесов

В родословной отмечается лишь, что «фамилии Чемесовых многие служили российскому престолу разные дворянские службы и жалованы были от государей в

[61] Т. е. в начале царствования Михаила Федоровича (1613—1645).
[62] ОГДР II, 95.
[63] В. Даль. Толковый словарь. . . I, стр. 56.

7122/1614 и других годах поместиями» [64]. Таким образом, фамилия *Чемесов* относительно новая.

Основой фамилии *Чемесов* могут служить два источника: 1) русское прозвище *Чемез* 'карман, денежный кошелек, калта, сумка // богатство, денежное имущество' (Даль), которое восходит к перс. džeb ~ džebiš جیبش ~ جیب 'карман', возможно в тюркской (кыпчакской) адаптации džebiš > džemes и 2) тюркское слово džemez — причастие будущего времени от глагола dže-~je- 'есть, кушать' в отрицательной форме dže + mes 'тот, кто чего-либо не ест, тот, кто ничего не ест'. Фамилии и прозвища, имеющие основой подобные причастия, довольно часто встречаются как у тюркских народов, так и среди русских фамилий, ср. *Качмасов* из qač- 'убегать', qač + mas 'тот, кто не убегает', или *Коркмасов* из qorq- 'бояться, пугаться', qorp- + mas 'тот, кто не из пугливых' и проч.

Как тот, так и другой источник вполне возможен для основы фамилии *Чемесов*.

---

[64] ОГДР II, 98.

ЗООНИМИКА

ИЗ УРАЛЬСКОЙ ЗООНИМИИ

П. Т. Поротников

По справедливому замечанию В. Ташицкого, ономаст в своих исследованиях не может пройти мимо названий животных (собак, лошадей, коров, овец) [1]. Однако до сих пор зоонимия изучалась лишь в незначительной степени. В последнее время, в связи с общим оживлением интереса к ономастике, делаются попытки лингвистической интерпретации зоонимического материала [2].

Клички животных — факт языка, в котором «. . . проявляется ономастическое творчество человека» [3]. Изучение кличек в их отношении к именам нарицательным и к другим собственным именам должно дать определенный материал для решения общего вопроса о значении имен собственных и их положения в языке. Клички животных в значительной части относятся к диалектной лексике, а потому изучение их может дать дополнительные сведения о словарном составе того или иного говора.

---

[1] В. Ташицкий. Место ономастики среди других гуманитарных наук. — ВЯ, 1961, № 2, стр. 3.

[2] Й. И. Добрев. Опис на собствените имена в с. Кривня, Розградско. «Изв. на Института за български език», 1957, кн. V, стр. 436; S. Utěšený. Vlastní jmena osob a zvířat u čechů na juhi Rumunského Banátu. «Naše řeč», 1964, № 4, стр. 208—216; G. Eis. Rufname der Tiere. «Neophilologus» Groningen, 1964, т. 48, № 2, стр. 122—146; П. П. Чучка. Славянское и неславянское в зоонимии Закарпатья. «Тези доповідей VI Українськоі славістичноі конференції», 13—18 жовтня 1964, Чернівці, 1964, стр. 61—63; Н. И. Толстой. Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции. «Топономастика и транскрипция». М., 1964, стр. 110.

[3] В. Ташицкий. Указ. соч., стр. 3.

Взаимоотношения человека и домашнего животного имеют давнюю историю, и естественно ожидать, что некоторые явления в области зоонимии достаточно древние, чтобы дать сравнительный материал для истории русского языка. Уже беглое сравнение кличек животных с прозвищами людей и с древнерусскими именами дает основание говорить об их близости. Следовательно, изучение принципов называния животных может помочь выявлению древнего состояния именования людей. По отношению к домашнему животному человек нередко проявляет свои симпатии и антипатии, что находит отражение в форме клички. Изучение словообразовательных особенностей зоонимов обогатит наше представление о словообразовании и словотворчестве.

При изучении зоонимов мы сталкиваемся с рядом трудностей. Для того чтобы сделать определенные выводы, необходим массовый материал, собрать который гораздо труднее, чем топонимический и антропонимический, ибо клички животных, находящихся в личном владении, нигде не фиксируются, а собрать большой материал с помощью опроса — сложно. Поскольку почти нет зоонимических словарей, анализируемый материал почти не с чем сравнивать [4]. Диалектологические экспедиции не интересуются зоонимической лексикой. Поэтому приводимый здесь материал не может быть достаточно полным. И все же он должен способствовать продвижению изучения этой стороны языка.

С давних пор имена животных в русском языке принято обозначать словом *кличка*, и только в работах последних лет появился термин *зооним* [5], образованный по типу терминов *топоним* и *антропоним*. Преимущества и недостатки есть и у того, и у другого. Например, слово *кличка* не имеет однозначной соотнесенности с денотатом: есть клички животных и клички людей [6]. Кроме того, в основе

[4] На некоторые источники подобного материала в сербохорватском языке указывает Н. И. Толстой (указ. соч.), например: M. G. Grujić. Imena goveda (Lika). «Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena», knj. XXVI, sv. 2. Zagreb, 1928.

[5] А. В. Суперанская. Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий. «Орфография собственных имен». М., 1965, стр. 35; П. П. Чучка. Указ. соч.

[6] С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1961, стр. 271; В. К. Чичагов. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959, стр. 5; В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю.— Избр. соч. М.—Л., 1949, стр. 889—894.

слова *кличка* лежит идея глагола *кликать*, имеющего два значения: 1. громко сзывать, звать (разг.); 2. называть, именовать (прост., устар.) [7]. На основе первого значения под термин *кличка*, как название по действию, могут быть подведены все подзывные слова, с помощью которых громко сзывают животных, например, *цып-цып-цып*, однако они не являются собственными именами (см. ниже). Термин *зооним* однозначен. Это кличка любого животного, птицы или иного живого существа. Однако слово зооним не обладает необходимой гибкостью по сравнению с термином *кличка*; нельзя сказать: «коровьи, лошадиные, собачьи и т. п. зоонимы» или «зоонимы коров».

Материалом для данной статьи послужили зоонимы, собранные в южной части Талицкого р-на Свердловской обл. путем опроса населения в личной беседе и с помощью анкет, а также путем непосредственного наблюдения над функционированием зоонимов в речи жителей. Использованы также материалы местной печати и хозяйственные записки отдельных жителей. Для сравнения традиционных кличек с кличками животных общественного стада использовались списки кличек крупного рогатого скота на Пеньковской молочно-товарной ферме за 1964—1965 гг.

В качестве информантов при широком анкетировании были использованы учащиеся 5—10 классов, которые, как правило, хорошо знают свое домашнее хозяйство, а также хозяйство колхоза или отделения совхоза. Зоонимические анкеты были распространены в двух средних школах села Бутки и семи восьмилетних школах южной части Талицкого р-на, охватывающих учащихся 41 деревни. Всего опрошено по анкетам 1500 человек и собрано 3685 кличек животных.

В личных и общественных хозяйствах Талицкого р-на известны следующие виды домашних животных и птиц: лошади, коровы, овцы, свиньи, козы, собаки, кошки, куры, гуси, утки. По своему значению и количеству они далеко не равны. Собаки несут сторожевые функции, место их обитания ограничивается пределами двора (комнатных собак не разводят). Кошки также исполняют своеобразную охранную роль; их плацдарм еще меньше — дом. Собака имеется далеко не в каждом хозяйстве, и обычно все жители деревни знают всех собак:

---

[7] С. И. Ожегов. Указ. соч., стр. 271.

чьи они и какие у них клички. Кошка же является обязательным животным для дома. Сохранился до сего дня и старый обычай: при вселении в новое жилье первой впускается кошка. Остальные животные используются как хозяйственные: дают молоко, мясо и другие продукты. Минимум личного хозяйства, как правило, составляют коровы, овцы и куры; они держатся несколько лет подряд, не меняясь. Свиньи держатся не всеми хозяевами и не весь год: обычно поросенок покупается весной, летом выращивается, а осенью его режут. Разведение коз, гусей, уток — достояние немногих хозяйств.

Функционирование клички животного зависит от его положения в хозяйстве. Основная функция клички, как и любого имени собственного, — назывная, выделительная, т. е. наделяя животное кличкой, человек индивидуализирует его, выделяя из ряда ему подобных. Однако представляется, что индивидуализирующая роль клички по сравнению с другими видами имен собственных ослаблена. Действительно, велика ли надобность выделять в хозяйстве корову, если она чаще всего одна?

Непосредственное наблюдение и данные анкеты показывают, что в принципе каждое из известных в данном районе домашних животных может быть наделено кличкой (корова *Ма́рта*, кобыла *Серу́ха*, баран *Рогату́ля*, гусь *Ду́рко*, коза *Ду́ся*, утка *Же́лтая*, кошка *Ма́шка*, собака *Ро́зка*, курица *Рябу́шка* [8]), но для одних животных клички обязательны, а для других — нет, одни породы имеют свои специфические клички, а другие не имеют, при надобности же для них берутся клички, свойственные и другим животным.

Клички гусей и уток малочисленны (собрано всего 18 кличек гусей и 10 кличек уток), они не повторяются по деревням — каждая из них зафиксирована только в одной деревне, т. е. наделение гусей и уток кличками — нетипичное явление для данного района, и те немногие клички, зафиксированные нами, представляют собой редкие индивидуальные образования.

К повсеместно распространенным относятся клички лошадей, коров, кошек, собак и свиней. Клички овец, коз и кур распространены не повсеместно. Распростра-

[8] Все клички, приводимые для иллюстрации, даются без указания деревень, в которых они зафиксированы.

ненные клички не одинаковы в количественном отношении. Не все виды животных наделяются своими специфическими кличками. Лошади, коровы, кошки, собаки, свиньи, куры имеют клички специфические, а овцы и козы — нет, и для называния их используют клички, которые дают и другим животным. Для свиней используется всего два имени: *Борька* и *Синка*. Возможно: *Борька* < *Бор-я* < *бор-ов*; *Синка* < *Сина* < *С[в]ин-ья*. Ср. однако в песне: «Боров был *Василий*, а свинья — *Аксинья*». Тогда: *Аксинья* > *Синья* > *Сина* > *Синка*. Повсеместно распространенных кошачьих кличек тоже две: *Васька* и *Машка*.

Таким образом, наделение кличками коров, лошадей, кошек и собак обязательно, а гусей, уток, коз и овец — необязательно. Мало типично это и для свиней и кур. Последнее оказывается не столь важным еще и потому, что кур, гусей, уток, овец подзывают обычно не по одному, а всех вместе, поэтому клички не обязательны для их подзыва: эту роль успешно выполняют подзывные слова, равно относящиеся ко всем животным данного вида. Ср. нарицательное *мася* — любая овца и подзывы: *мася-мася-мася*! — одна овца, *маси-маси-маси*! — группа овец; *тига* — любой гусь или гусыня («Не ходи туда, *тига-то* тебя») и подзывы: *тига-тига-тига*! — для одного гуся, *тиги-тиги-тиги*! — для группы гусей. Подзывные слова в данных говорах применяются для подзыва почти всех животных, но в разной степени. Количество подзывных слов зависит от наличия или отсутствия у животных кличек и от способности слов выполнять роль подзыва.

Подзывные слова представляют интерес для специального исследования. Они достаточно разнообразны на разных территориях. Своеобразные изоглоссы подобных слов могут дать сведения, интересные для этнографов и историков. Наибольшего развития, как представляется, лексика этого рода должна достигать у народов с древней скотоводческой культурой. В Монгольской Народной Республике молодой научный работник Ч. Содном опубликовал специальную статью, посвященную словам, с которыми монголы обращаются к животным для того, чтобы их подозвать, успокоить, прогнать и даже для того, чтобы самка приняла осиротевшего детеныша [9]. На-

[9] Ч. Содном. Малым тухайт үгс. «Studia mongolica», t. IV, f. 14. Уланбаатар, 1964.

сколько разнообразны и не похожи подзывные слова в разных частях России, видно хотя бы из таких примеров: кур в Московской обл. обычно подманивают *цып-цып-цып*, изредка *кви-кви-кви*, *ти-ти-ти*. На Урале их подманивают *куть-куть-куть*, как в Москве обращаются к щенкам (ср. *кутя* 'щенок'). Подзыв *ти-ти-ти* и *цып-цып-цып* существует на Урале для цыплят, но не для кур.

Специальные подзывы существуют почти для всех видов животных, но их количество и распространенность зависят от наличия у животных индивидуальных кличек. Например, в изучаемой местности общих подзывных слов для лошадей и собак нет. Иногда животное подзывается особым свистом, разным для лошади и собаки. Клички лошадей по своей функции приближаются к именам людей, т. е. выполняют чисто назывную роль. Кличка лошади почти не употребляется как подзывное слово даже на близком расстоянии. Очевидно, в этом нет надобности, потому что при кормлении и использовании для работы (процесс запрягания) человек сам подходит к лошади, а не лошадь к нему; ср., например, как куры сбегаются со всех сторон на зов хозяйки. Кличка же лошади употребляется, как и имя человека, при обращении к лошади: «Что, *Воронко*, устал?», при разговоре о нем: «Дак это *Серка* моёва ведут»; «Иди запрягай *Шакира*». Взрослых коров преимущественно подзывают с помощью кличек. Летним вечером, когда стадо возвращается с пастбища, со всех сторон слышно: «*Марта*, *Марта*, *Марта*!» или «*Красóта*, *Красóта*, *Красóта*!». Поэтому кличка для быка и коровы обязательна. По отношению к молодым телятам наравне с кличками применяется и подзывное слово, которое очень неточно передается графемами *тпрутъ*, *тпрутя*, *тпрутька* (первый звук образуется быстрым смыканием и размыканием губ при прохождении воздуха и имеет оттенок [р]). Это подзывное слово используется сначала тогда, когда теленок еще не имеет клички, а потом применяется по привычке. По мере роста животного оно совсем перестает употребляться. Для подзыва кошек равно употребительны как клички, так и подзывные слова, поэтому есть случаи, когда кошка не имеет клички, зато увеличивается набор подзывных слов: *киса-киса*, *киска-киска*, *кис-кис*, *кс-кс*, *ксы-ксы*, *кыс-кыс*, *кыса-кыса*, *кыска-кыска*, *мяу-мяу*. Однако преимущество остается за кличками, употребляемыми для подзыва. Для

подзыва свиней предпочтительнее подзывные слова, набор которых богаче, чем набор кличек: *рёня-рёня*, *рёх-рёх*, *рюня-рюня*, *рюнька-рюнька*, *рюх-рюх*, *свинка-свинка*, *сюхи-сюхи*, *фрю-фрю*, *хрю-хрю*, *хрюньки-хрюньки*. Поэтому есть основания полагать, что и «типовые» клички *Синка* и *Борька* находятся на пути превращения в подзывные слова, хотя употребление их во множественном числе, типа «борьки-борьки», «синки-синки», зафиксировать не удалось. Козы, как реже встречающиеся в хозяйстве животные, не имеют своих подзывных слов. Иногда для их подзыва заимствуется *мани-мани*, применяемое для овец. Исходя из этого, можно было бы предполагать, что кличка для коз обязательна. Но поскольку их очень мало, а подряд несколько лет держатся только козы (козлята, как зачастую ягнята и поросята, на зиму не оставляются), только они и имеют клички, а козлята нет. Всех остальных животных и птиц почти исключительно подзывают с помощью подзывных слов, лишь очень редко, в особых случаях употребляя для этого клички. Получается обратная зависимость: чем больше для определенного вида кличек, тем меньше подзывных слов и наоборот.

Очень много подзывных слов для овец, кур, гусей. Приводим их перечень.

Подзывы для овец: *бали-бали*, *баль-баль*, *бальки-бальки*, *баля-баля*, *бар-бар*, *баро-баро*, *барко-барко*, *бяша-бяша*, *вальки-вальки*, *вали-вали*, *малютки-малютки*, *мани-мани*, *мань-мань*, *маньки-маньки*, *маня-маня*, *масень-масень*, *маси-маси*, *мась-мась*, *маськи-маськи*, *мася-мася*, *овечки-овечки*, *овцы-овцы*, *мали-мали*, *мальки-мальки*.

Подзывы для кур: *белки-белки*, *белобочки-белобочки*, *белянки-белянки*, *курицы-курицы*, *несушки-несушки*, *пеструшки-пеструшки*, *пипулёшки-пипулёшки*, *чернушки-чернушки*, *девки-девки*, *девочки-девочки*, *детки-детки*, *кур-кур*, *куры-куры*, *кут-кут*, *кути-кути*, *куть-куть*, *кутю-кутю*, *кутя-кутя*, *петко-петко*, *пето-пето*, *петух-петух*, *петушок-петушок*, *петькя-петькя*, *петя-петя*, *пипи*, *пип-пип*, *тип-тип*, *типы-типы*, *типки-типки*, *цып-цып*, *цыпки-цыпки*.

Подзывы для гусей: *га-га*, *гаги-гаги*, *гуси-гуси*, *гусы-гусы*, *краснолапки-краснолапки*, *тега-тега*, *теги-теги*, *тегоньки-тегоньки*, *тига-тига*, *тиги-тиги*, *тигони-тигони*, *тигонь-тигонь*, *тигоньки-тигоньки*, *тигоня-тигоня*.

Подзывы для уток: *девки-девки*, *кря-кря*, *селя-селя*, *сеня-сеня*, *тани-тани*, *ута-ута*, *утки-утки*, *ути-ути*, *уты-уты*, *утя-утя*.

Добавим, что отсутствие или наличие подзывных слов для определенной породы животных — явление региональное, во многом определяющееся культурой и экономикой района. Для сравнения приведем краткие данные по МНР. Здесь, в стране с древней скотоводческой культурой, издавна разводится пять видов животных: лошади, овцы, козы, коровы, верблюды. Специальные подзывы существуют для всех видов: для лошадей *гуруй-гуруй*! или *хурай-хурай*!. При доении кобылиц употребляется еще специальный подзыв — *боготш*. Подзывное слово для овец — *тффффе-тффффе-тффффе*; для коз — *тшу-тшу* или *джу-джу*; для коров — *ёш-ёш*; для верблюдов — *дур*, *дур* или *гюр*, *гюр*.

Если животное не спокойно, в различных ситуациях к нему обращаются со специальными успокоительными словами. Многие из них — «обломки» когда-то полнозначных слов и фраз. Для понукания животных при езде или когда животных надо отогнать прочь или согнать в стадо, существуют свои особые слова. Дифференциация заходит так далеко, что если, например, гонят одну-две коровы, употребляют один тип слов: *хётши*!, а если гонят целое стадо — другой: *хёг*, *хёг*!

Когда ловят молодняк, чтобы перевести его на содержание в загоне или на привязи, к нему обращаются еще с иным типом слов. Есть и подзывные слова для птиц. Монгольское слово *далалага* означает и подзывной жест рукой, и обряд призывания счастья [10]. Скотоводческая культура монголов неразрывно связана с анимизмом и зоолатрией. Особое, возвышенное отношение к скоту отразилось и на традициях обращения с ним.

Переходя к лингвистической характеристике кличек, мы будем опираться на типичные клички, даваемые в обследуемом районе таким животным, как лошади, коровы, кошки, собаки. Клички остальных животных и птиц будут использованы как дополнительный материал для подтверждения общих закономерностей.

Прежде всего несколько слов о кличках животных, находящихся в индивидуальном и общественном пользо-

---

[10] Ч. Содном. Указ. соч., стр. 17 и сл.

вании. В последних имеется ряд особенностей, влияющих на традиционные клички. Остановимся на некоторых сторонах взаимовлияния этих двух систем.

Разница между кличками личного и общественного скота зависит прежде всего от самого процесса «наречения» животного. Наделение кличкой животного, находящегося в личном пользовании, не регламентировано никакими формальными правилами. Молодому животному может быть присвоена кличка сразу после рождения, но это вовсе не обязательно, она может быть присвоена через неделю, а то и через месяц, когда почувствуется неудобство в отсутствии клички. В результате этого клички животных личного двора чаще бывают мотивированными и не выходят за рамки установившихся традиций. В общественном же хозяйстве (колхозном и совхозном) существует формальное правило: кличка молодого животного должна начинаться на ту же букву, что и кличка животного-матери, например:

Корова	Теленок	Корова	Теленок
Черешня	*Чёрный*	*Волга*	*Вёрна*
Шатенка	*Шишка*	*Голубка*	*Голубь*
Фигура	*Фиалка*		

Отступления от этого правила чрезвычайно редки. Присвоение клички происходит сразу после рождения животного, поскольку он тут же вносится в книгу приплода. Эти условия «крещения» животных придают элемент искусственности создаваемым кличкам, отступающим от традиционных в селе. Появляются клички немотивированные, так как в принципе, согласно существующему правилу, кличкой может быть любое слово.

Отмечаются и различия в условиях обращения кличек. Если клички животных личного двора находятся в постоянном употреблении в говоре каждой деревни, то многие клички животных в общественном стаде остаются только на бумаге. В общественном хозяйстве обязательны клички только для коров, лошадей и свиноматок. В активном употреблении сохраняются только клички взрослых животных, так как в большом стаде трудно запомнить всех телят и т. п. Дойные коровы закрепляются за доярками небольшими группами (10—12), так что доярка знает всех коров по кличкам. Ветеринарная обработка

животных ведется чаще по номерам, которые даются животным вместе с кличкой.

Взаимовлияние этих двух систем кличек происходит разными путями. Клички животным общественного двора присваиваются зоотехниками, ветеринарами, бригадирами и доярками, которые чаще всего являются местными жителями и невольно переносят на создаваемые ими клички хорошо известную им традиционную систему кличек своего села. И, наоборот, употребляя на работе необычные клички общественного стада, привыкая к ним, доярки переносят их в личное хозяйство, называя так же и своих домашних животных. Клички взаимно проникают и через акт купли-продажи. Покупая для себя животное из общественного хозяйства, житель села вынужден пользоваться и кличкой этого животного, хотя она нередко и выходит за рамки традиционного типа. Нередки случаи, когда при выяснении причин наделения животного необычной кличкой, называют именно эту причину: «*Бирюзой* зовут корову-ту, куплена в колхозе дак»; «*Муза* у меня, в колхозе куплена». Думается, что особенно сильно влияние на традиционную систему новых кличек лошадей, в силу особого положения этих животных. Если клички коров известны и используются в речи только доярками, работающими с ними, то клички лошадей известны всем жителям села, так как лошади содержатся только в общественном хозяйстве, но люди села с ними постоянно общаются как на общественных работах, так и на работах для личного двора (вспашка огородов, подвоз сена, дров и под.). В силу этого новые и старые клички находятся в тесном соприкосновении и одинаково употребляются жителями сел. Таким образом, состояние современной системы кличек животных не может представлять единства как с точки зрения принципов называния, так и с точки зрения мотивированности и немотивированности кличек.

Мы обращаем внимание на их мотивированность, анализируя клички по семантике апеллятивов, из которых они образованы, определяя их связь с именуемым животным. Это должно показать отношение кличек как имен собственных к именам нарицательным, т. е. положение кличек в общей лексике.

С точки зрения мотивированности все клички делятся на две большие группы: мотивированные и немотиви-

рованные. Очевидно, говорить о принципах номинации можно только по отношению к мотивированным кличкам, ибо немотивированные даются без учета каких-либо особенностей животных. И все же при наделении даже самой необычной кличкой человек руководствуется какими-то соображениями, которые часто остаются неизвестными. Анализ слов, использованных в качестве немотивированных кличек, может лишь показать, какие типы нарицательных или собственных имен охотнее используются в роли кличек животных.

МОТИВИРОВАННЫЕ КЛИЧКИ

Степень мотивации кличек различна. Условно мы выделяем клички, реально мотивированные и символически мотивированные. К реально мотивированным мы относим такие, которые заключают в себе непосредственно тот или иной признак называемого животного, например корова *Белорылка* (с белым кончиком носа), или имели его в момент называния, а потом утратили в связи с изменением качества животного. Сюда же относятся пожелательные клички, указывающие на признак, который может быть присущ данному животному, например лошадь *Скорый* — быстро бегающая.

К символически мотивированным кличкам принадлежат такие, которые, непосредственно не относясь к животному, могут характеризовать его с какой-то стороны (чаще всего на правах сравнения), например курица *Спортсменка* — умело прыгающая, лошадь *Культурный* — за ее поведение по ассоциации с культурным человеком. Очевидно, в эту группу войдет большинство пожелательных кличек, отражающих ожидаемые и возможные качества животного. Однако степень реальности этих пожеланий проверить не всегда возможно. Отсюда некоторая условность этой группы кличек.

Реально мотивированные клички

1. Клички указывающие на масть животного: *Белая* — курица; *Бе́лка* — корова, лошадь, собака, кошка, овца, коза, корова на Пн. ферме; *Бе́лко* — бык, лошадь; *Бе-*

лу́ха — лошадь; *Белу́шка* — курица; *Бе́лька*, *Би́лька* [11] — корова; *Бе́лько*, *Би́лько* — лошадь, бык; *Бе́лой* — кот; *Би́ля* — бык, корова; *Беля́к* — лошадь; *Беля́на* — корова, овца; *Беля́нка* — корова, овца; *Беля́нко*, *Биля́нко* — бык; *Беля́ха* — овца; *Беля́ш* — баран.

Була́нко, *Була́но*, *Булану́ха* — лошади.

Бурёнка — корова, лошадь, корова на Пн. ферме; *Бурёнко* — бык; *Бурёнушка* — корова.

Бу́рко, *Бу́рочко*, *Буру́ха*, *Буру́шко* — лошади.

Во́рон, *Ворона́я*, *Вороне́ц*, *Воронко́*, *Воронó́й*, *Воронó́к*, *Ворону́ха*, *Ворону́шка* — лошади.

Гнедко́, *Гнедо́й*, *Гнедо́чик*, *Гнеду́ха* — лошади.

Голу́бка, *Голубо́к*, *Голубу́ха*, *Го́лубь* [12] — лошади.

Ды́мка — кошка, корова на Пн. ферме.

Жёлтая — утка.

Игре́нько, *Игреню́ха* — лошади [13].

Ка́речко, *Ка́рий*, *Ка́рько*, *Карю́ха* — лошади.

Кау́рая, *Кау́рко* — лошади.

Кашта́н, *Кашта́нка* — корова, собака.

Красо́та — корова; *Красо́тка* — корова, свинья, лошадь, корова на Пн. ферме; *Красо́тко* — бык; *Красу́лька* — корова; *Красу́ля* — корова, корова на Вихл. и Пн. фермах.

Мухо́рко, *Мухорту́ха* — лошади [14].

Пега́н, *Пега́нко*, *Пега́но*, *Пе́гий*, *Пегу́ха* — лошади; *Пега́нко* — бык.

Пестрён — бык; *Пестрёна* — корова, корова на Пн. ферме; *Пестрёнка* — корова; *Пестри́йко*, *Пе́стрик* — быки; *Пестру́ха* — лошадь; *Пе́стря* — корова; *Пестря́к* — гусь; *Пестря́нка* — корова; *Пёстрая* — курица, утка; *Пестру́шка* — курица.

Ры́жая — курица; *Ры́жий* — лошадь; *Ры́жик* — кот, бык, лошадь; *Ры́жко* — лошадь, кот; *Рыжу́ха*, *Рыжо́чко* — лошадь.

---

[11] Между мягкими согласными *ѣ* в здешних говорах произносится как *и*: *Биля* < *Беля*.

[12] *Голубая лошадь* — пепельная, мышастая, иногда даже с желтизной (Даль I, стр. 370).

[13] *Игреневая* или *игреняя* лошадь — рыжая, с гривой и хвостом белесоватыми, светлее стана; *конь игрень*, *игрейка*, *игренчик* (Даль II, стр. 8).

[14] *Мухортая лошадь* — гнедая с желтоватыми подпалинами у морды, у ног и в пахах; *мухортик* (Даль II, стр. 363).

Рябáя — курица; *Рябýшка* — лошадь, курица.

Саврáско, *Саврасýха* — лошади.

Седóй — лошадь.

Серкó, *Серóк*, *Серóчик*, *Серýха* — лошади; *Серýшка* — лошадь, курица; *Сéрой* — лошадь, петух.

Сúвко — лошадь.

Синю́шка, *Синя́вка* — коровы; *Сúняя* — курица.

Солóвко — лошадь.

Чáлая, *Чáлко*, *Чалýха*, *Чáлой* — лошади.

Чернáвка — корова; *Чернýха* - корова, корова на Пн. ферме, лошадь, овца, курица; *Чернýшка* — корова, лошадь, кошка, курица; *Чéрной* — бык, бык на Пн. ферме, лошадь; *Черны́ш* — кот, бык; *Черны́шка* — курица; *Черны́шко* — баран; *Чéрня*, *Черника*, *Черня́вка*, *Смугля́на*, *Тёмная*, *Шатёнка* — коровы на Пн. ферме. Для обозначения черных животных употребляется и метафорическая кличка *Цыган*, *Цыганко*, *Цыганочка* — лошадь, корова, бык, кот, курица, овца, свинья. Клички этой группы очень употребительны, повсеместно распространены, хотя и ограничены набором реальных мастей животных. Называние по масти шире всего применяется по отношению к лошадям, коровам, курам, реже по отношению к кошкам и овцам. Называние по масти для собак не характерно.

Называние животных по масти — явление общерусское, о чем свидетельствуют следующие факты:

1) Клички этого типа нашли отражение в словарях, например: «*Серко*. Название, даваемое серым лошадям и собакам» (Словарь Академии Наук, 1867, т. IV, стр. 552); «*Белунька*. Корова белой масти» (Подвысоцкий, стр. 13); «*Пеганко*, *Пегашко*. Пегая лошадь» (Васнецов, стр. 267); «*Красёха*. Кличка красных коров» (Опыт, стр. 92); «*Бурешка*. Зов бурой коровы или собаки» (Дополнение, стр. 15); «*Воронко*, кличка вороной лошади» (Даль I, стр. 244); «*Гнедко*, *Гнедуха*. Кличка гнедых лошадей» (Словарь говоров Среднего Урала, стр. 115); «*Воронко*. В просторечии. Вороная лошадь (часто употребляется как кличка)» (ССРЛЯ, т. 2, стр. 680).

2) Такие клички мы находим в записях диалектной речи: «*Серко* не годится на работу: он пустопляс» (д. Суворы, Каменского р-на Свердловской обл.); «Наш *Вороной* ишшо подроском был» (д. Калганово, Свердловской обл.); «*Рыжанка*, сыля, сыля, пошла отсюда» (с.

Троицкое, Гаринского р-на Свердловской обл.)[15]; *Воронкó*, *Рыжкó*, *Кар'кó* [16]; «У Ивана *Гнетко* так хорош был, а неймаль, такой неймаль» (Тур.Лн.) [17].

3) Клички, указывающие на масть, встречаем и в художественных произведениях: «Своего парня ужо пошлю на *Рыжке*» (Д. Н. Мамин-Сибиряк, Три конца); «Оседланный *Буланка* стоял у сквозных, жердевых ворот» (С. Сартаков, Философский камень) и т. п.

Эти клички можно назвать максимально мотивированными, так что вполне закономерен вопрос о том, не являются ли они просто именами нарицательными. Так, Н. И. Толстой считает, что здесь мы наблюдаем явление, находящееся на границе сферы имен собственных и нарицательных, притом сильно тяготеющее к последней [18]. Перед нами обычное использование имен нарицательных в качестве собственных. Если бы нарицательное, от которого образовано имя, никак не было связано с называемым живым существом, оно воспринималось бы как обычное собственное. В данном случае имя нарицательное указывает на признаки животного и тем самым коннотирует. Действительно, каждую серую лошадь можно назвать *серком* или *серухой*. Но эти *серуха* или *серко* могут иметь и другую кличку. Тогда слова *серуха* и *серко* в применении к ним остаются именами нарицательными. Но когда другой клички нет, кличкой становится само обозначение масти. В Талицком р-не такие слова редко употребляются как нарицательные, но почти постоянно как имена собственные. Эта двойственность данных слов отражается и в словарях, где они характеризуются чаще как имена нарицательные. Для некоторых отмечается и функционирование их в качестве кличек. Для примера сделаем выборку объяснения данного типа слов в семнадцатитомном академическом словаре:

Буланка, *-и*, м. и ж.; *буланко*, *-а*, м. Лошадь буланой масти; кличка лошади по масти (т. 1, стб. 682).

---

[15] Картотека Уральского гос. ун-та.

[16] В. Г. Орлова. О говоре села Пермас Никольского р-на Вологодской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М., Изд. АН СССР, 1949, стр. 55.

[17] В. Н. Светлова. Особенности форм существительных в некоторых говорах восточных районов Свердловской области. «Уч. зап. Уральского гос. ун-та», 1960, вып. 36, стр. 24.

[18] Н. И. Толстой. Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции, стр. 110 (см. прим. 4).

Бурёнка, *-и*, ж.; *бурёнушка*, уменьш.-ласк. Кличка бурой коровы (т. 1, стб. 702).

Бурка, *-и*, ж. Обл. Конь бурой масти (т. 1; стб. 702).

Воронко, *-а*, м. В просторечии. Вороная лошадь, часто употребляется как кличка (т. 2, стб. 680).

Гнедко, *-а*, м. Лошадь гнедой масти; кличка такой лошади (т. 3, стб. 172).

Каурка, *-и*, м. и ж. *Вещая каурка*, *вещий каурка*. Эпитет лошади в народной поэзии (т. 5, стб. 880).

Пегашка. Простореч. Пегая лошадь.

Пегаш. То же, что *пегашка* (т. 9, стб. 346).

Рыжик. Разг. Прозвище рыжего человека или рыжего животного; обращение к рыжему человеку или животному (т. 12, стб. 1621).

Рыжак. Разг. Конь рыжей масти (т. 12, стб. 1617).

Саврас. Разг. Лошадь саврасовой масти; простая рабочая лошадь.

Савраска. Разг. То же, что *саврас* (т. 13, стб. 31).

Серка. Разг. Название, даваемое животным серой масти и птицам с серым оперением. Кличка животного серой масти.

Серко. Разг. То же, что *серка* (т. 13, стб. 705).

Сивка, *сивко*. Разг. Лошадь серой масти (т. 13, стб. 760).

Ту же картину в определении слов, указывающих на масть животного, можно наблюдать и в других словарях. Этот слой кличек, очевидно, очень архаичен. Об этом свидетельствует сохранение в качестве кличек слов со старым значением, утраченным в современном употреблении, например: *Красо́та*, *Красо́тка*, *Красу́ля*, *Красу́лька* — животные красной (рыжей) масти. В представлении жителей данного района они не связываются с понятием «красивый», ср.: «А у Мани *Красо́тка*, красна дак». С уменьшением количества лошадей в современных хозяйствах сокращается и разнообразие мастей. В результате клички, указывающие на редкие масти, начинают забываться. Это заметно и в ответах на анкету [19]: при написании редких кличек по масти допускается разнобой: игреневая — *Игренюха*, *Егренюха*, *Эгренюха*, *Винигрюха*, *Гринюха* (так. — *П. П.*); мухортая — *Мухорко*, *Мохорко*, *Махорко*, *Мухортуха*, *Мохортуха*, *Мокротуха*.

[19] Такие масти, как буланые, голубые, игреневые, мухортые, редки. Молодые люди не могут назвать отличительных признаков этих мастей.

2. Клички, указывающие на индивидуальные отличительные внешние приметы животного: *Белогу́бка*, *Белогу́бко*, *Белолбой*, *Белоно́жка*, *Белоно́жко* — лошади; *Белоры́лка* — корова; *Бородач* — козёл; *Вислоу́хой*, *Горбату́ха*, *Горбач*, *Карегла́зка* — лошади; *Комо́ла* — корова; *Косогла́зой* — гусь; *Крива́ч* — лошадь; *Кудря́ш* — собака, лошадь; *Кудря́шка* — баран; *Пятна́шко* — собака; *Разногла́зка* — баран; *Рогату́ля* — баран; *Рогату́ха* — овца; *Сероглазка* — лошадь; *Ушатка*, *Хохлатка*, *Хохлушка* — куры; *Черногла́зка* — овца.

Животные со звездой во лбу (белым пятном) носят клички: *Звезда́* —корова, лошадь; *Звездан* — бык, лошадь; *Звезда́на* — корова, лошадь; *Звезда́ник* — лошадь; *Звезда́нка* — корова, лошадь; *Звезда́нко* — бык, лошадь; *Звезда́но* — лошадь; *Звезда́ч* — лошадь; *Звезди́на* — корова; *Звезди́нка* — корова, лошадь; *Звёзда* — корова; *Звёска (Звёздка)* — корова, лошадь; *Звёздочка* — корова, лошадь.

Животные с лысиной на лбу (белой полосой) наделяются кличками: *Лыса́н*, *Лыса́нко*, *Лыса́но*, *Лыса́нчик* — лошади; *Лы́сик* — бык; *Лы́ско* — лошадь, бык, собака; *Лысу́к* — лошадь; *Лысу́ха* — лошадь, овца; *Лы́сой* — лошадь.

Круглые и толстые животные именуются *Ла́нда* — корова, лошадь; мохнатые животные: *Космату́ха*, *Мохну́шка*, *Мохна́ч* — лошади; *Мохнола́пка*, *Мохна́тка* — куры; *Пу́хо* — кот. Шире всего распространены клички, образованные от слов *звезда* и *лысый*. Они тоже близки к нарицательным, но не в такой степени, как клички по масти, так как в них сильнее индивидуальная соотнесенность по свойствам животного. В словарях зафиксированы только немногие из них: «*Лыска*. Кличка некоторых собак» (Опыт, стр. 107); «*Лысёха*. Кличка лысых коров» (Там же);«*Лысанко*. Лошадь, имеющая на голове во всю длину белую лысину. *Лысатка*. Кличка коровы, комолой и с каким-нибудь пятном на лбу» (Там же). Встречаются они и в уральских говорах: «*Лысанко*. Кличка быка. *Лысуха*. Кличка кобылы с лысиной на голове» (С. Новосёлово Алапаевского р-на Свердловской обл. Картотека УрГУ). Более бедное отражение кличек подобного рода в областных словарях показывает, что они чаще всего выступают как имена собственные. В словарях русского литературного языка они отсутствуют.

Для называния животных общественного двора они менее характерны. На Пеньковской ферме отмечены только некоторые: *Белогубка*, *Звезда*, *Звездана*, *Звезданка*, *Ланда* — коровы, *Звездан* — бык.

3. Клички, отмечающие особенности роста и возраста животного: *Велика* — собака, *Геркулес*, *Гигант*, *Крепыш* — лошади, *Крошка* — корова, поросенок; *Маленький* — бык; *Малёк*, *Ма́лко* — лошадь, бык; *Ма́лой* — баран; *Малы́ш* — лошадь, бык; *Малы́шка* — лошадь, корова, собака; *Малы́шко* — лошадь, бык; *Малышо́к* — бык; *Малю́та* — овца, корова; *Малю́тка* — корова, бык, овца, собака, лошадь, гусь, козел; *Ма́хонька* — лошадь.

Клички животных общественного стада: быки — *Богатырь*, *Малый*, *Малыш*; коровы: *Малышка*, *Малюта*, *Малютка*, *Мизира*.

Все они отмечают малые размеры животного, очевидно, свидетельствуя о заметном отклонении, которое становится свойством, индивидуализирующим животное. Однако возможно, что они характеризуют животное по возрасту на фоне взрослого стада.

4. Клички, отмечающие особенности поведения животного или особенности производимых им действий: *Бо́тя* (ботающий, т. е. стучащий ногами) — лошадь; *Буда́ч* — баран; *Будли́вая* — коза; *Верти́х* — кот; *Верту́н* — лошадь; *Вилю́й* — бык [20]; *Воровка* — кошка; *Вылетайка* (вылетающая) — лошадь; *Горланя* — петух; *Горластой* — петух; *Домосед* — кот; *Куроед* — поросенок; *Лайка* — собака; *Перева́л*, *Перевалёнок*, *Перева́лко*, *Перева́ло* — лошади; *Пестерю́ха* (тряско идущая) — лошадь; *Ревуньня* — овца; *Топы́ш* — собака; *Хва́т*, *Хва́тко*, *Храпу́н*, *Хри́па* — лошади.

Эти клички мало употребительны, индивидуальны, каждая из них засвидетельствована только в одном селе.

5. Клички, указывающие на особенности нрава и «интеллекта» животного: *Бегун*, *Боевая* — лошади, *Бойкий* — гусь, *Борзик* — собака, *Борзой* — лошадь, *Брава* — кошка, *Буйна* — корова, *Буян* — лошадь, бык, собака, баран, кот, *Буяна* — лошадь, *Буянка* — собака, корова, *Буянко* — бык, лошадь, *Быстрая* — корова, лошадь, *Быстрой* — бык, *Верна(я)* — корова, лошадь, *Верной* — со-

---

[20] Река *Вилюй* едва ли известна именующим.

бака, лошадь, *Весёлая* — лошадь, *Весёлой* — бык, собака, *Вредная* — корова, *Глупой* — поросенок, *Гордая* — гусыня, *Гордой — лошадь*, *Грозной* — лошадь, *Дикарь* — собака, *Дикой* —лошадь, *Дурко* — гусь, *Егоза* — лошадь, *Забияка* — баран, петух, *Задира* — петух, *Задор* — лошадь, *Коварной*, *Комик*, *Культурной*, *Ласка*, *Ласковый* — лошади, *Линúвка (и< ѣ)* корова, *Линтю́ха* — поросенок, *Ленивой* — лошадь, *Лютой* — бык, *Смелый* — бык, *Резвой* — лошадь, *Резвивой* — гусь, *Резва*, *Смелка* — коровы, *Сильной* — лошадь, *Сердитой* — гусь.

Ср. клички коров общественого стада: *Боевая*, *Бойка(я)*, *Бука*, *Буяна*, *Буянка*, *Важна(я)*, *Весёлая*, *Верна*, *Дикарка*, *Коварная*, *Лентяйка*, *Лукавка*, *Мирная*, *Нежная*, *Послушница*, *Плавная*, *Резва(я)*, *Ретивая*, *Сильная*, *Умница*, *Форсиха*, *Шалунья*; быки: *Буян*, *Важной*, *Дурак*, *Весёлой*, *Сильной*, *Слабой*, *Нелюдимой*, *Умной*, *Шалой*.

В этой группе только клички со значением 'буянить' имеют широкое распространение; остальные называют одно животное. Клички этой группы трудно отделить от символически мотивированных.

6. Клички, отражающие отношение человека к животному или к его появлению и дающие оценку животному: *Дружок* — собака, *Дружба* — собака, корова, *Ждана*, *Ждanка*, *Ждaночка*, *Ждaнко*, *Забава*, *Забавная* — коровы, лошади, *Замена* — корова, *Заменка* — корова, лошадь, *Любимка*, *Любимко*, *Любимой* — лошади, *Мила*, *Милана* — коровы, *Милка* — корова, овца, поросенок, *Новина*, *Новинка*, *Отрада* — коровы.

Ср. в общественном хозяйстве: *Дорога(я)*, *Ждanка*, *Желанная*, *Любимка*, *Милка* — коровы; *Милок* — бык, *Замечательная* — корова.

Клички эти имеют небольшой количественный набор, но очень употребительны, особенно *Ждanка* и *Милка*. Это типичные коровьи клички, а потом уже они распространяются и на других животных.

7. Клички, запечатлевшие различные жизненные ситуации, связанные с выращиванием животного или его появлением на свет: *Да́ра*, *Дарёнка*, *Да́рка* — подаренные коровы; *Да́рко* — бык; *На́йда* — найденные собака, корова, поросенок; *Заблуда* — корова; *Найденыш* — лошадь; *Находка* — собака. Животные, появившиеся первыми: *Первене́ц* — лошадь; *Первúнка* — корова. Ср. *Покорму́шка* — овца, выращенная без матери; *Полеу́ха*

(< *Полевуха*) — лошадь, родившаяся в поле; *Прида́нница* — корова, полученная в приданое.

8. Клички, свидетельствующие о времени рождения животного:

а) месяц рождения: *Апре́ль* — бык, *Апре́лька* — корова, *Апре́лько* — бык, *Апре́ля* — корова, лошадь; *Дека́брик* — бык, *Декабри́на*, *Декабри́нка*, *Ию́лька*, *Ию́нька* — коровы; *Маёк* — бык; *Майка* — корова, лошадь, кошка, овца, коза; *Ма́йко* — бык; *Ма́рта* — корова, лошадь; *Ма́ртик* — бык, лошадь; *Ма́я*, *Ноябри́на*, *Октябри́нка*, *Сентябри́на*, *Февра́ла* — коровы; *Февра́лка* — корова, лошадь; *Февра́лик*, *Февра́лко*, *Февра́лько*, *Февра́ль* — быки; *Февра́лька*, *Февра́ля*, *Ю́нька*, *Ю́ня* — коровы; *Янва́ра* — корова, лошадь; *Янва́рик*, *Янва́рко*, *Янва́рчик*, *Янва́рь*, *Янва́рько* — быки; *Янва́рка*, *Янва́рочка*, *Янва́рька*, *Янва́ря* — коровы;

б) время года: *Весна* — корова, лошадь; *Зи́ма* — корова, лошадь; *Зимак*, *Зи́мик* — лошади; *Зи́мка*, *Летка* — коровы; *Летко* — бык;

в) время суток: *Вечёра*, *Вечёрка* — коровы; *Заря* — лошадь; *Зо́рик* — собака; *Зорька* — корова, лошадь, собака; *Зо́ря* — корова, лошадь; *Но́ченька* — овца; *Но́чка* — корова;

г) день рождения: *Суббота*, *Субботка* — коровы.

Клички коров из общественного хозяйства: *Весна*, *Вечёра*, *Зима*, *Зорька*, *Зоря*, *Майка*, *Марта*, *Ночка*, *Октябрина*, *Полночь*, *Суббота*, *Февралька*.

Принцип наделения животного именем по времени его рождения очень распространен, особенно для именования коров. По этому же образцу начинают именовать и других животных. В словарях эти клички совершенно не отражены (кроме «Словаря говоров Среднего Урала»); не удалось нам встретить их и в работах по лексике русских говоров. Поэтому трудно судить об их распространенности по всем русским говорам, но об уральских говорах можно определенно сказать, что эти клички для них — обычное явление. Ср.: *Апрелька*. Животное, родившееся в апреле. Сев.; *Декабринка*. Животное, родившееся в декабре. Сев.; *Марта* у меня будунья — ужас сказать, так и будётся (Перв. Р.) («Словарь говоров Среднего Урала», стр. 27, 48, 133); из материалов картотеки УрГУ: *Апрелька*. Животное, родившееся в апреле: Она ишшо молодинька тёлочка, апрелька (У-Ирг); *Майка*. Животное, родившееся в мае (с. Коркуново, Гаринский р-н); у Миколавны

Майка-то шыпко хороша (с. Скаты, Камышловский р-н); У нас корова *Майка* (с. Николаевка, Камышловский р-н); Колды в мае родитца скотина, то *Майкой* зовут (с. Байны, Богдановичский р-н); *Майки*, они здоровше (с. Андроново, Слободо-Туринский р-н); *Январка*. Животное, родившееся в январе (с. Отрадново, Верхотурский р-н); Если ловкой [удобный для произнесения. — *П. П.*] месец, то по ему и называют: *Апрелька*, *Майка*. У нас и *Марта* есь. Бык был, дак мы ево *Январем* звали. *Сеньтебрюшка*, *Октебрюшка* тожо, родились в сеньтебре да в октебре (д. Антипина, Нижне-Тавдинский р-н, Тюменская обл.).

Таким образом, судя по примерам, применительно ко всем говорам Урала можно говорить, что слова, указывающие на месяц рождения животного, употребляются и как имена нарицательные, и как собственные. Применительно к говорам южной части Талицкого р-на этого сказать нельзя. Нам не удалось встретить ни одного случая употребления данных слов в качестве имен нарицательных; они употребляются только как имена собственные. В нарицательном значении для выражения тех же отношений обычно употребляются прилагательные: Она у нас *позда́*, *июньска*.

9. Клички, данные как звукоподражания: *Гав* — собака; *Му́ра*, *Му́рзик*, *Му́рик*, *Му́рка*, *Му́рко*, *Мурлы́с*, *Мурлы́ска*, *Му́рчик*, *Му́ська*, *Му́сик*, *Ну́тка*, *Писи́та* — кошки; *У́рчик* — собака. Имена этой группы легко утрачивают свою внутреннюю форму.

10. Клички — видовые обозначения животных: *Баран* [21] — баран; *Барбос* [22], *Бульдог* — собаки; *Бугай* — бык; *Кобыла*, *Мерин* — лошади; *Котко* — кот; *Пудель* —

---

[21] Ср. *баран* — принятое в ряде тюркских языков обозначение для животных темной масти.

[22] Имя *Барбос*, в современном русском языке ставшее почти нарицательным эквивалентом слова *пес*, исторически не русское. Это имя литературного персонажа, испанского разбойника из романа «Евдон и Берфа». Типовая собачья кличка *Полкан* — также в прошлом имя литературного персонажа. В разных вариантах «Повести о Бове королевиче», восходящей к итальянской повести «Buovo d'Antona», Полкан — либо полулошадь-получеловек, либо полусобака-получеловек, либо, наконец, богатырь с необычной силой. См.: V. K i p a r s k y. Polkan und Barbos. «Zeitschrift für slavische Philologie», XXVII, 32—34; B. U n b e g a u n. Polkan, oder vom italienischen Halbhund zum russischen Kriegsschiff. «Zeitschrift für slavische Philologie», XXVIII, H. 1, 1959.

собака, *Тёла, Тёлка* — коровы. В русском языке, где в общем немного видовых названий животных, они не составляют большой группы. В тюркских и монгольских языках существует множество видовых, подвидовых и даже еще более дробных нарицательных обозначений животных в зависимости от пола, возраста, масти и др. особенностей [23]. Многие из этих слов употребляются вместо кличек и на правах кличек, хотя и не закрепляются за животным на всю жизнь.

Символически мотивированные клички

Это не очень большая группа кличек переходного типа от мотивированных к немотивированным, выделение которой само по себе может быть спорным, так как грани тут не всегда четко уловимы. Клички этого рода могут и не характеризовать животное, но по некоторым ассоциациям применяться для указания на те или иные признаки его.

Приводим их в алфавитном порядке.

Лошади: *Абрек*, *Активист*, *Атаман*, *Ветер*, *Ветерок*, *Вихрь*, *Вольна*, *Горной*, *Джигит*, *Залет*, *Легендарной*, *Молоканка*, *Мрамор*, *Мраморная*, *Нахлебник*, *Огонек*, *Огонь*, *Сиротко*.

Коровы: *Бодрая*, *Доча*, *Дочка*, *Золотая*, *Наследница*, *Сиротка*.

Быки: *Волчок*, *Жулик*, *Зимогор*, *Кутилко*, *Огонек*, *Огонь*.

Коты и кошки: *Бисько*, *Выдра*.

Собаки: *Дозор*, *Кутилко*, *Жулик*, возможно *< Жуля < Жульбарс < Джульбарс*.

Поросята: *Доча*, *Дочка*.

Овцы: *Огонь*, *Сиротка*.

Гуси: *Драгун*.

Куры: *Драгун*, *Дьявол*, *Королева*.

Клички коров и быков из общественного стада: *Авангард*, *Артистка*, *Вольна(я)*, *Дозор*, *Дочка*, *Жемчужна*, *Жиганка*, *Заначка*, *Золотая*, *Золотина*, *Зоркая*, *Краля*, *Лапуха*, *Легендарная*, *Медведка*, *Минора*, *Пава*, *Плавная*, *Пушина*, *Свободная*, *Сиротка*, *Стрелка*.

---

[23] См., например: В. Д. Номинханов. Термины животноводства в тюркских и монгольских языках. «Труды сектора востоковедения АН Каз. ССР», т. 1. Алма-Ата, 1959.

Говоря о мотивированных кличках в целом, нельзя не отметить относительный характер этой мотивации. Клички проходят тот же путь, что и остальные виды имен собственных: сначала кличка имеет ясную внутренню форму, которая постепенно стирается, становится ненужной. Только по отношению к кличкам этот процесс замедлен в силу особого характера их функционирования. Большинство кличек русского происхождения, так что утратить внутреннюю форму им труднее, чем, например, христианским именам людей. Клички не передаются по наследству, как фамилии. Клички живут вместе с животным. При исчезновении животного они могут повторяться при менительно к другим, а могут и не повторяться.

Главное в мотивировке клички — отметить какие-либо свойства животного. В этом отношении клички ближе всего к индивидуальным прозвищам людей, которые не успев потерять внутреннюю форму и не передаваясь по наследству, исчезают вместе со смертью человека, иногда оставаясь в памяти сверстников.

Можно привести несколько примеров утраты истинной причины возникновения клички. В широком ходу сейчас немотивированные клички *Верба*, *Вербочка*, ср. *верба* — растение. В старину кличка *Верба* или *Вербочка* давалась корове, родившейся в вербное воскресенье (за неделю до пасхи). В предшествующую ему субботу — воскрешение Лазаря — освящались вербные ветки. Они раздавались прихожанам, которые у себя дома ставили их на божницу (место для икон). По обычаю этими ветками выгоняли скот первый раз в стадо, чтобы скотина знала хорошо свой дом. Такова опосредствованная связь этой клички с денотатом.

Клички *Ночка*, *Вечёра*, *Зорька*, когда-то соответствовавшие времени рождения животного, превратились теперь в типовые коровьи клички и даются независимо от времени рождения, так что могут вызывать и другие ассоциации.

Утрате внутренней формы во многом способствует функционирование кличек животных общественного хозяйства, где присвоение немотивированных кличек возведено в норму. В результате корова красной масти может носить кличку *Пестрая*. Возможно и присвоение клички *Марта* корове, родившейся в другом месяце.

Превращаясь в типичные имена какого-либо вида животных и утрачивая внутреннюю форму, клички как бы включаются в своеобразные «святцы» для животных, откуда берутся по мере надобности. Клички такого рода начинают применяться к любым домашним животным. Думается, что это один из показателей превращения клички из мотивированной в немотивированную. Возможны клички, мотивированные по отношению к одному виду животных и немотивированные по отношению к другому. Это особенно хорошо прослеживается на кошачьих «именах». Кошка мурлыкает, для нее естественна кличка *Мурка*. Однако *Муркой* называют и корову, и лошадь, и собаку. Ср.: *Воронко* или *Воронуха* — только лошади.

Очевидно, прочнее сохраняют свою внутреннюю форму и связь с нарицательными те клички, которые указывают на реальный признак животного, остающийся налицо постоянно: *Рыжуха*.

Легче поддаются превращению в специальные «имена» животных те клички, которые указывают на признак, имевший значение только при появлении животного на на свет, а потом исчезающий. На этой стадии находятся, очевидно, сейчас даже клички, данные по месяцу рождения. Первоначально они были типичными коровьими кличками. Ср. обилие кличек, связанных с такими месяцами, как январь, февраль, март, апрель, май, так как на эти месяцы как раз приходится массовый отёл коров. Значительно реже встречаются клички, данные по другим месяцам. Сейчас такие клички, как *Марта*, *Майка*, даются почти всем видам домашних животных. Это связано, очевидно, и с тем, что они совпали с именами людей: *Марта*, *Майя* > *Майка*, *Октябрина*.

Таким образом, прочнее всего мотивированность сохраняется в кличках, указывающих на внешние отличительные признаки животного (масть, индивидуальные приметы, рост). Это относится главным образом к лошадям, коровам, овцам. Клички собак и кошек в значительной степени потеряли мотивированность и превратились в обычные, типовые.

НЕМОТИВИРОВАННЫЕ КЛИЧКИ

Немотивированные клички делятся на две группы: клички, в качестве которых выступают имена собственные других категорий (имена людей и т. п.), и клички,

в качестве которых использованы имена нарицательные разных семантических групп. Немотивированные клички не заключают в себе никаких указаний на признанки называемых животных.

Различные собственные имена в роли кличек

1. Реальные личные имена: полные и сокращенные, свойственные литературному языку и диалекту [24]. *Августа* — корова, *Ада* — кошка, *Азка*, *Альбина*, *Альбинка*, *Анка* — коровы; *Аня*, *Аркаша* — лошади; *Аркашка* — лошадь, кошка; *Борё*, *Борис*, *Бориско* — поросята; *Борька* — поросенок, бык; *Боря* — поросенок, бык; *Валерьяна* — корова; *Валька* — корова, лошадь, кошка, овца; *Валюта* — корова; *Валя* — овца, собака, лошадь, корова; *Ванька* — баран, козел, бык; *Ваня* — баран, бык, лошадь, козел, петух, гусь; *Варя* — корова; *Василек*, *Василий Павлович* — кот; *Васька* — кошка; *Васька* — кот, лошадь, собака; *Вася* — кот, лошадь, поросенок, баран, петух; *Вера* — лошадь; *Вовка* — козел; *Галинка* — корова, лошадь; *Галка* — корова, лошадь; *Галька* — корова, лошадь, овца; *Галя* — корова, лошадь, курица; *Гоша* — лошадь; *Гриша* — бык; *Гришка* — поросенок; *Груня* — лошадь; *Даша* — корова; *Дашка* — корова, кошка, гусыня; *Дина*, *Динка* — корова, собака, овца; *Доня* < *Данило* — бык, лошадь; *Дунька* — поросенок, кошка, корова; *Дуська* — корова, кошка, коза; *Дуся* — корова, коза, кошка; *Евдокия Абрамовна* — кошка, *Егорко* — лошадь, бык; *Енька* — лошадь; *Елька* — корова; *Ерёма* — лошадь; *Ерёмка* — козел, кот; *Женька* — кошка; *Женя* — лошадь; *Зина* — поросенок, коза, лошадь; *Зинка* — поросенок, корова; *Зойка* — корова, лошадь, коза; *Зотька* — бык; *Зоя* — корова, коза; *Иванко*, *Илька*, *Ира*, *Ирина*, *Иринка*, *Ирка* — лошади; *Катька* — кошка, овца, собака, коза; *Катя* — корова, овца, лошадь, кошка, курица, гусыня; *Колька* — баран; *Коля* — баран.

[24] Обширность этой группы свидетельствует о значительном отходе современной русской деревни от традиций прошлого. Ср. у Даля: «Собаку грешно кликать человеческим именем» (т. IV, стр. 257). В. Кипарский считал, что проникновение имени *Барбос* в зоонимический ряд могло осуществиться лишь благодаря восприятию его как нарицательного 'злюка, грубиян' (указ. соч., стр. 34. — *Ред.*).

бык, лошадь, козел; *Костя* — кот, лошадь, поросенок; *Котька* — кот, селезень; *Кузя* — гусь; *Кушка* < *Феклуша* — корова; *Лёня*— лошадь; *Лёшка* — баран; *Лиза* — собака; *Лушка* — корова, лошадь; *Люба* — корова; *Любка* — корова, лошадь; *Люська* — корова; *Мага* < *Маргарита* — корова, лошадь; *Майя* — корова; *Макар* — лошадь; *Макся* — кот; *Манька* — корова, коза, кошка, утка; *Маня* — корова, коза, кошка, лошадь, курица; *Марийко* — бык; *Марина* — корова; *Маринка* — кошка; *Мария* — корова; *Марко* — бык; *Маруська* — лошадь, корова, овца, кошка; *Маруся* — корова, лошадь, кошка, овца, собака; *Матрена* — лошадь; *Маха* — кошка; *Маша* — лошадь, корова, овца, кошка, коза, курица, утка; *Машка* — кошка, корова, лошадь, овца, поросенок, собака, гусыня; *Милка* — собака; *Миля*, *Милька* — коровы; *Мирка* — лошадь; *Митька* — кот; *Миша* — бык, лошадь, баран; *Мишка* — бык, лошадь, кот, поросенок,баран, собака, козел, гусь, петух; *Мока* — лошадь; *Мосей* — кот; *Муза,Музка,Наска*<*Афонасия*—коровы;*Настя*—овца;*Наташка*—кошка; *Нилка* — корова; *Нинка* — овца; *Нюра* — корова; *Нюрка* — корова, коза; *Обрашка* — лошадь; *Оганя* — корова; *Оксинья Ивановна* — свинья; *Олёха* — лошадь, баран; *Олёша* — бык; *Олёшка* — лошадь; *Ондрюшка* — коза; *Офонька* — корова, бык; *Офоня* — бык; *Павел* — гусь; *Палага*, *Паня* — лошади; *Петро*, *Петрушка* — петухи; *Петька* — лошадь; *Петя* — бык, лошадь, поросенок, козел; *Петр Иванович* — петух; *Пимо*, *Пимко* < *Пимен* — кот; *Поляха* — лошадь; *Потапко* — селезень; *Прошка* — кот; *Рая* — овца; *Рима* — корова; *Римка* — корова, коза, поросенок; *Роза* — корова, собака, лошадь; *Розка* — корова, собака, лошадь, коза; *Рома*, *Роман* — кот; *Ромик*— бык; *Ромка* — бык, кот; *Саша*, *Сенька* — быки; *Сеня* — лошадь; *Сережа* — петух; *Серёжка* — поросенок; *Сёма* — бык; *Сидор* — лошадь; *Симка* — корова, кошка, поросенок; *Симко* — кот; *Сина*, *Синанка*, *Синочка*, *Сиха* — поросята; *Синка* — поросенок, корова; *Сонька* — поросенок, лошадь; *Соня* — лошадь; *Тамара* — корова; *Танька* — корова, овца, курица; *Таня* — корова, поросенок, овца; *Татьянка* — корова; *Тинка* — кошка; *Томик* — кот, собака; *Томка* — собака; *Уля*, *Февроня* — кошки; *Фая* — овца; *Федот*, *Федотко* — коты; *Фенька*, *Фея* < Анфея (Анфия) — коровы; *Филька* — кот; *Финка*< *Фиония* — кошка; *Фока* — лошадь, кот; *Фома* — бык, кот;

Фомка — кот бык; *Фролко* — баран; *Хавронья* — свинья; *Хламко* < *Вархламей* — лошадь; *Ховря* — свинья; *Шима* < *Хима* < *Фима*—лошадь; *Шимка* — собака; *Шура* — овца; *Шурик*— собака; *Шурка* — корова; *Шурушко* — кот; *Юлька* — корова; *Юля* — корова, собака; *Юрко* — лошадь; *Юро* — бык; *Юрчик* — собака; *Ярослава* — корова; *Яшка* — баран, кот.

2. Фамилии и отчества: *Матаквеявна* < *Матвеевна* — кошка; *Трубин* — лошадь (в честь бригадира), ср. *Малиновский* — лошадь, *Чомбе* — лошадь и кот.

3. Экзотические нерусские имена, в том числе имена из художественных произведений: *Альба* (фильм «Альба Регия») — корова; *Берендей* — лошадь; *Боб*, *Бобик*, *Бобко* — собаки; *Бобик* — лошадь; *Герда* — собака; *Данко* — бык; *Демон*, *Диана*, *Джек*, *Дик* — собаки; *Ева*— гусыня; *Ермак*, *Зухра* — лошади; *Жора*, *Икар* — быки; *Мазай*, *Мазаиха*, *Муромец*, *Печорин* — лошади; *Марыся* (фильм «Марыся и Наполеон») — кошка; *Руслан* — собака, бык, лошадь; *Русланчик* — кот; *Садко*, *Сара* — лошадь; *Сильва* — собака; *Тарзан* — собака, лошадь; *Янка*— корова; *Янко* — бык.

4. Перенесенные зоонимы, в том числе и заимствованные из книг и кинофильмов: *Стрелка* — собака, корова, лошадь; *Чи́та* — кошка, собака; *Чи́тка* — собака, кошка, корова. Антропозооним *Мухтар* получил широкое распространение после выхода на экраны кинофильма.

5. Топо- и астрозоонимы: *Амазонка* — корова; *Амур* — собака, бык; *Байкал* — собака, лошадь; *Бирюса*, *Бутка*, *Волга* — корова, лошадь, собака; *Дон* — лошадь; *Дунай* — собака, бык, лошадь; *Казбек* — собака, лошадь; *Кама* — корова; *Китая* — кошка, *Луна* — корова, лошадь; *Марс*— бык; *Ордынка* — лошадь; *Пышма* — корова; *Россия* — корова; *Урал*, *Тобол* — лошади; *Эльба* — корова, собака.

Ср. клички коров и быков из общественного стада:

а) Антропонимические: *Алька*, *Берта*, *Валька*, *Валюта*, *Галка*, *Галочка*, *Галя*, *Даня*, *Дина*, *Жанета*, *Женька*, *Зина*, *Зоя*, *Ида*, *Инка*, *Ира*, *Клаша*, *Люська*, *Манька*, *Маня*, *Миля*, *Мирка*, *Мотя*, *Муза*, *Натка*, *Нила*, *Олька*, *Оня*, *Роза*, *Светлана*, *Симка*, *Фая*, *Фефёла*, *Юрка*, *Янка*.

б) Топонимические: *Азанка* (ст. *Азанка* на Урале, откуда родом ветеринар), *Аляска*, *Ангара*, *Балхаш*, *Вена*, *Висла*, *Волга*, *Дунайка*, *Кама*, *Корея*, *Куна́ра* (станция

на Урале), *Луна*, *Мадрида*, *Нарва*, *Нева*, *Ока*, *Печёра*, *Тагил*, *Тула*, *Эльба*, *Ялта*.

Из всех перечисленных ономастических групп к традиционным можно отнести только личные имена людей, которые применяются для называния животных повсеместно; остальные имена мало распространены и являются результатом индивидуального образования под влиянием системы, действующей при наделении кличками животных в общественном стаде.

В качестве кличек преимущественно используются сокращенные имена, поскольку кличку дают в тот период, когда животное еще маленькое. Кроме того, короткие клички удобнее для подзыва.

Думается, что первоначально наделение животных человеческими именами было связано с рождением животного в день празднования имени святого: «*Катя* у миня корова, в день Катерины родилась дак» (Н-Дер.) (24 ноября по старому стилю Екатеринин день). Мы уже говорили что массовый отёл коров приходится на зимне-весенние месяцы, когда празднуются дни Ивана Крестителя, Афанасия, Ксеньи Полузимницы, Евдокии, Агапа, Алексея, Василья Капителя, Марии Обманщицы, Еремия Запрягальника, Вешнего Николы и др. Ср. клички *Офоня*, *Синка* < *Аксинья*, *Дуська*, *Дунька*, *Васька*, *Манька*, *Машка*. Очевидно, сначала в качестве кличек употреблялись имена, которые приобрели какую-то значимость в народе: были связаны с датами сельскохозяйственного календаря или вошли в пословицы и поговорки, благодаря чему были на пути превращения их в нарицательные, ср. такие клички, как *Фомка*, *Фока*, особенно *Фефёла*, *Макся* (<Максим 'болван'), *Шима* (*Хима*>*Фима* 'дура', 'неряха'). Наконец, может быть сыграла роль и звуковая соотносительность имени со звуками, издаваемыми животными, ср. имена *Муся*, *Мура* — для кошек. Не надо забывать и о давней традиционной сказочной манере наделять животных и зверей людскими именами, ср. медведь *Мишка*. Кстати, имя *Мишка* как кличка отмечено нами у девяти видов животных и птиц.

Со временем, когда традиция укрепилась, в силу вступает индивидуальное желание дающего кличку, в результате чего сейчас чуть ли не все ходовые личные имена употребляются в качестве кличек. Топозоонимы образуются лишь от общеизвестных топонимов.

Н. И. Толстой, основываясь на кличках городских собак (а в городе собака — член семьи), приходит к выводу, что собачьи клички ближе к человеческим личным именам, чем клички не собачьи — коровьи, овечьи и т. п.[25] Уральский материал (другой территории, а главное — другой среды) приводит нас к несколько иным выводам. Клички собак по характеру использованного в них лексического материала дальше всего от имен людей. Личные имена в роли собачьих кличек употребляются редко, и преимущественно нерусские: *Джек*, *Дик*. Наоборот, коров, овец охотно называют личными именами русских людей. Но по способу образования (путем усечения слов) рассмотренные имена собак напоминают антропонимы-сокращения (см. ниже).

Кроме того, в современной зоонимии Талицкого р-на отмечается стремление называть животных редкими именами: *Ада*, *Аза*, *Эмка* и под.

Имена нарицательные в роли кличек

В этой группе много диалектных, иногда непонятных слов; отбор их особенно интересен.

1. Названия лиц: *Бай* — баран, *Балаболка* — корова, *Балагур* — лошадь, *Барин* — лошадь, баран; *Барчик* (уменьш. от *Барин*) — собака, *Бондарь* — лошадь; *Борец* — бык; *Витязь*, *Водник*, *Воин*, *Галанка (Голландка)*, *Гусар* — лошади; *Дама*, *Дамка* — собаки; *Девка*, *Девушка* — коровы; *Девочка* — корова, лошадь; *Донар* (*Донор*), *Зырян* — лошади; *Зырянка* — корова; *Казак*, *Казачка* — лошади; *Казачка* —поросенок; *Капитан*, *Киргиз*, *Киргизёнок*, *Комсомолец* —лошади; *Купчик* — собака; *Лесник* — лошадь; *Лорд* — бык; *Лунатка* — корова; *Мальчик* — бык, собака, лошадь, петух; *Матрос* — лошадь; *Матроса* — корова; *Милиционер*, *Монголка* — лошади; *Моряк* — бык, лошадь, собака; *Морячка* — корова; *Мусью* — кот; *Незнайка* — собака, корова; *Падла* (бранное) — *лошадь*; *Партизан* — бык; *Рыбак* — лошадь; *Султан* — собака; *Сибирячка* — лошадь; *Солдатик* — бык, лошадь; *Стрелок* — лошадь; *Сы́нко* — бык, баран; *Сынóк* — баран; *Татарин*, *Туземец*, *Туземко* — лошади.

---

[25] Н. И. Толстой. Указ. соч., стр. 110.

Ср. клички быков и коров из общественного стада: *Богатка*, *Буржуйка*, *Волжанка*, *Дама*, *Девка*, *Декан* (кличка дана заведующим — студентом-заочником), *Донор*, *Зазноба*, *Землячка*, *Игрок*, *Касатка*, *Маркитана*, *Монаха*, *Монашка*, *Моряк*, *Морячка*, *Невидимка*, *Негр*, *Особа*, *Партизанка*, *Полевод*, *Полеводка*, *Сестра*, *Сибиряк*, *Сибирячка*, *Спутница*, *Тагилка*, *Украинка*.

2. Названия птиц, насекомых: *Бабочка*, *Буревестник*, *Воробей* — лошади; *Воробей* — петух; *Ворон* — бык; *Ворона* — лошадь; *Гагара* — курица; *Гоголёк*, *Гоголь* — лошади; *Голубка* — корова; *Голубь* — бык [26]; *Жаворонок*, *Жук*, *Журавль* — лошади; *Комарик* — собака; *Кура* — лошадь; *Ласточка* — корова, лошадь; *Лебедь*, *Мотылек* — лошади; *Мураш*,*Мурашка* — собаки;*Муха* — кошка, лошадь, корова, собака; *Мушка* — кошка, собака, корова, лошадь; *Орёл* — собака, бык, лошадь; *Орлёнок* — бык, лошадь; *Орлик* — лошадь, кот, бык; *Паук* — лошадь; *Пеликан*, *Перепёлка*, *Петух* — лошади; *Петушок* — бык; *Пташка* — лошадь, корова; *Пчела* — лошадь; *Синица* — корова; *Сокол* — собака, бык, лошадь; *Соколик*, *Соколко* — лошади; *Стрекоза* — корова; *Тетеря*— лошадь; *Чайка*—корова, собака; *Чижуха* — корова; *Ястребок* — лошадь.

Ср. клички коров и быков из общественного стада: *Бабочка*, *Голубка*, *Голубь*, *Иволга*, *Канарейка*, *Перепёлка*, *Пчела*, *Пчёлка*, *Синица*, *Синичка*, *Сова*, *Чайка*.

3. Названия животных других видов: *Баран* — лошадь; *Бурундук* — лошадь; *Динга*, *Динго*, *Волк* — собаки; *Ежик* — бык; *Зайчик* — баран, бык; *Зебра* — лошадь; *Козлик* — петух; *Крол*, *Кролик*, *Мустанго* — лошади; *Ласка* — корова, лошадь; *Олень* — бык; *Песец* — лошадь; *Сайгак* — лошадь; *Слоник* — кот; *Соболь* — собака; *Тигрик* — лошадь; *Хорёк*, *Хорь*, *Хоря* — лошади.

Клички коров и быков из общественного стада: *Бизон*, *Жаба*, *Зебра*, *Пума*, *Тигр*.

4. Названия растений: *Арбуз* — лошадь; *Астра* — собака, корова; *Берёзка* — лошадь; *Былинка* — корова; *Верба* — корова, *лошадь*, *собака*; *Виноград* — лошадь; *Вишня* — корова; *Гвоздика* — лошадь; *Геранка* — корова; *Горох* — лошадь; *Груша* — корова, курица;

---

[26] Клички *Ворон*, *Ворона*, *Голубь* могут происходить и от масти животного.

Дынька — лошадь; *Ёлка* — корова, лошадь; *Изюм* — бык; *Калинка*, *Клюква*, *Крапива* — коровы; *Кустик* — собака, бык, баран; *Ландыш* — бык, лошадь; *Лепесток* — бык; *Лилия* — собака; *Липа* — лошадь, корова, кошка; *Лютик* — бык, лошадь; *Мак* — лошадь; *Маковка* — корова; *Малина* — корова; *Малинка* — корова, лошадь, овца, коза; *Незабудка*, *Одуванчик*, *Ольха* — лошади; *Пальма* — собака, лошадь; *Розанка* — корова; *Ромашка* — лошадь, корова; *Рябина* — корова; *Сади́нка* (домашний цветок вообще), *Сирень*, *Слива* — коровы; *Смородина* — корова, лошадь; *Травина*, *Травка* — коровы; *Тюльпан* — лошадь; *Фиалка*, *Черёмуха* — коровы; *Черёмушка* — лошадь; *Яблоня* — корова; *Яблоко* — лошадь; *Ягодка* — корова, курица, лошадь.

Ср. клички коров и быков из общественного стада: *Айва*, *Астра*, *Берёза*, *Берёзка*, *Боярка*, *Василёк*, *Верба*, *Ветка*, *Вишня*, *Голубика*, *Груша*, *Дыня*, *Елка*, *Ива*, *Изюмина*, *Калина*, *Крушина*, *Лавра*, *Ландыш*, *Липа*, *Маковка*, *Малина*, *Малинка*, *Морошка*, *Незабудка*, *Полынка*, *Поляк* (сорная трава), *Редиска*, *Ромашка*, *Рябина*, *Саранка*, *Сахарина*, *Сирень*, *Слива*, *Смородина*, *Тополина*, *Тополь*, *Травка*, *Фиалка*, *Черешня*, *Черёмуха*, *Черника*, *Яблока*, *Яблоня*, *Яблочко*, *Ягодка*.

5. Названия различных предметов и явлений: *Алмаз*— бык; *Альфа* — собака; *Баян* — лошадь; *Бирка*, *Бирюза* — коровы; *Бочка* — поросенок; *Браслет* — лошадь; *Букет* — лошадь, бык; *Буран* — лошадь; *Буря* — корова, собака; *Венок*, *Вертолёт* — лошади; *Вершина* — корова; *Волна* — лошадь; *Волынка* [27], *Вьюга* — коровы, лошадь, собака; *Гильза*, *Граната*, *Громоотвод*, *Гранит*, *Гроза*, *Гром*, *Громик*, *Гудок*, *Дубовка*, *Двадцатка*—лошади; *Дужка* — корова; *Забор*, *Загар*, *Закат* — лошади; *Задвижка*, *Зарница* — коровы; *Зенит* — лошадь; *Зенитка* — корова; *Зонтик* — бык, лошадь; *Зуб*, *Игла* — лошади; *Игрушка* — корова; *Изумруд* — лошадь; *Искра* — корова, собака, лошадь; *Исток* — лошадь; *Канва* — корова; *Капля* — лошадь; *Кнопка* — собака, корова; *Козырь* — лошадь; *Кольцо* — бык; *Комета* — корова; *Конфетка*,

---

[27] *Волынка*, *Лира* и т. п. как имена гончих и борзых связаны с голосами собак. К данному случаю традиция эта едва ли имеет отношение.

Копейка, *Корешок*, *Корж*, *Кори́нка* (уменьш.<*Кора́*) — коровы; *Кортик*, *Костёр*, *Крап*, *Кристалик*, *Кубанка* — лошади; *Кубик*, *Кубрик*, *Кукла* — собаки; *Кукла* — корова, лошадь; *Купорос* — лошадь; *Лента* — корова, лошадь; *Леска* — собака; *Лира*, *Лист*, *Магнета* — лошади; *Мазик* (уменьш. от МАЗ) — бык; *Марка* — корова; *Матроска* — лошадь; *Мачта* — корова; *Маяк* — бык; *Метёлка* — лошадь; *Метка* — корова; *Монета* — лошадь; *Молния* — корова, *Мячик* — бык; *Небосклон* — лошадь; *Пароход* — бык; *Пика*, *Планета*, *Плотина* — лошади; *Плутоний* — бык; *Поляна* — корова, лошадь; *Пурга* — собака, лошадь; *Радуга*, *Рассвет* — лошади; *Ракета* — корова, лошадь, собака, петух, коза, овца; *Ролик*, *Ромба* < <м. *Ромб* — лошади; *Ручеёк* — бык; *Са́линг* — рама на верхнем конце стеньги (морское), *Сальник*, *Самовар*, *Самолёт*, *Свирель*, *Склянка* — лошади; *Снежинка* — корова, кошка; *Снежок* — бык, кот; *Спутник* — бык, собака, кошка; *Сумка* — корова; *Тайга*, *Термос* — собаки; *Уголёк* — лошадь; *Уран*, *Фита́* — собаки; *Флажок* — бык; *Флейта* — собака; *Фонарка* — корова; *Шубенка* (меховая варежка)— корова; *Юрта* — лошадь.

Ср. клички коров и быков из общественного стада: *Алмаз*, *Альфа*, *Автола* < *автол*, *Антенна*, *Арка*, *Баржа*, *Баррикада*, *Бирюза*, *Блузка*, *Бочка*, *Бровка*, *Броня*, *Брошка*, *Булавка*, *Бур*, *Буря*, *Былина*, *Вага*, *Валун*, *Ванадий*, *Вершина*, *Весточка*, *Вилла*, *Волна*, *Волынка*, *Вулканка* (от *вулкан*), *Вьюга*, *Высотка*, *Галлий*, *Гитара*, *Граната*, *Гроза*, *Дельта*, *Дождик*, *Долина*, *Драма*, *Дубина*, *Дужка*, *Жила*, *Заманка*, *Заметка*, *Земля*, *Земляна*, *Зенита*, *Зенитка*, *Зона*, *Зонтик*, *Зубровка*, *Игрушка*, *Искра*, *Кайма*, *Каста*, *Клочок*, *Ключик*, *Комета*, *Короста*, *Крепость*, *Карета*, *Лампа*, *Лампочка*, *Легенда*, *Лента*, *Линза*, *Лира*, *Лодка*, *Магнитка*, *Матроска*, *Мерка*, *Месяц*, *Метель*, *Метиска*, *Мина*, *Монета*, *Мрамор*, *Мякина*, *Нитка*, *Нотка*, *Обновка*, *Панамка*, *Песенка*, *Пик*, *Планета*, *Поляна*, *Пончик*, *Порошка*, *Пуля*, *Пу́рга*, *Пушка*, *Раданий*, *Радиола*, *Радуга*, *Ракушка*, *Рейка*, *Родинка*, *Ручеёк*, *Скрипка*, *Сметана*, *Снежина*, *Солонка*, *Соната*, *Стайка*, *Трель*, *Тройка*, *Туча*, *Фигура*, *Форсунка*, *Хромка*, *Царапинка*, *Шайба*, *Шапка*, *Ширма*, *Шишка*.

6. Отвлеченные имена существительные: *Аплодисмент*— лошадь; *Думка* — корова; *Жара*, *Завет*, *Загадка*, *Зачёт* — лошади; *Мечта* — корова, собака; *Минус*, *Память*, *При-*

вет, *Приветный Клич*, *Рапсодия*, *Скачок* — лошади; *Слава* — кошка; *Тайна* — корова, собака; *Хлопок*, *Шабáш* — лошади.

Ср. клички животных из общественного стада: *База*, *Виза*, *Вира* (песня «Майна вира»), *Воля*, *Династия*, *Доза*, *Доля*, *Дума*, *Думка*, *Задача*, *Замина*, *Заминка*, *Злоба*, *Игра*, *Импорт*, *Кара*, *Лига*, *Мечта*, *Мода*, *Мороз*, *Мудрость*, *Нега*, *Память*, *Победа*, *Радость*, *Роскошь*, *Салют*, *Сектор*, *Слава*, *Ссора*, *Травма*, *Уйма*, *Фаза*, *Фраза*, *Цена*.

7. Качества: *Вербованная*, *Импортной*, *Лазурной*, *Милицейский*, *Штапельный* — лошади.

Из немотивированных кличек в этой группе к традиционным относятся только те, которые обозначáют людей, животных, а также растения, например: *Малинка*, *Верба*, *Пальма*, *Мальчик*, *Дружок*.

Остальные клички, образованные от имен нарицательных, можно считать явлением в уральской зоонимии вторичным, развившимся под сильным влиянием кличек животных из общественного хозяйства. Новые общественные отношения, новые интересные события, популярные ходовые слова и т. п. непосредственно отражаются в именовании животных. Так, популярными становятся клички *Планета*, *Ракета* (6 видов животных в 7 деревнях), *Спутник* (3 вида животных в 7 деревнях), *Восход*, *Восток*, *Чайка* и др.

Думается, что по кличкам можно судить о расширении словарного запаса жителей современной деревни. Ср. *Альфа*, *Бирюза*, *Изумруд*, *Комета*, *Кубрик*, *Планета*, *Плутоний*, *Салинг*, *Свирель*, *Термос*, *Уран*, *Флейта*, *Юрта*, *Ванадий*, *Вилла*, *Галлий*, *Драма*, *Каста*, *Радиола*, *Ширма*, *Рапсодия*, *База*, *Виза*, *Импорт*, *Фаза*, *Фраза* и др. С другой стороны, учитывая тенденцию называть животное необычным словом, можно полагать, что не все эти слова входят в активный запас местных жителей. Так в условиях современных говоров кличка невольно выполняет роль, которая первоначально не была на нее возложена: обогащение словаря местных жителей. Нередко клички даются зоотехниками и ветеринарами, т. е. людьми образованными, которые и вводят в новый оборот новые необычные слова. Это же стремление можно наблюдать и у местных жителей. Одна доярка рассказывала, как она впервые узнала, что такое *пончик*. Слово ей понравилось, и она немедленно дала родившемуся бычку кличку *Пон-*

чик. Таким образом, вновь усвоенные слова отражаются в кличках и тем самым становятся достоянием жителей, которые стремятся выяснить значение новых кличек. В максимальной степени это относится к кличкам лошадей, известным чуть ли не всем жителям села.

Клички животных возникают в условиях действия лексических норм того или иного говора и не могут не отражать их. Многие типичные клички представляют собой лексические единицы, неизвестные литературному языку, например *Буруха*, *Игренюха*, *Карюха* и др. Среди них могут быть и такие, которые не встречаются при непосредственном наблюдении над говором. Показательно, что именно такого рода клички и прозвища включаются в публикуемый сейчас «Словарь русских народных говоров» [28].

При выделении кличек-диалектизмов требуется большая осторожность: кличка может не иметь соответствия среди имен нарицательных и быть специальным образованием: *Ботя*, *Быня*, *Тугана*, *Зимик*, *Зимак*, *Вертих*, *Вилюй* и др. или быть заимствованной из другого, соседнего говора.

В качестве кличек могут употребляться слова, заимствованные из другого языка, как, например, широко распространенная кличка собаки *Рекс*.

Чтобы убедиться в близости многих кличек к прозвищам и древнерусским именам, достаточно сравнить клички животных Талицкого р-на с древнерусскими именами, зафиксированными в словаре Н. М. Тупикова [29]. Мы обнаружили 152 случая совпадения личных мужских имен, приведенных в словаре, с бытующими в районе кличками, причем совпадения отмечаются как для мотивированных, так и для немотивированных кличек. Например, мы находим у Н. М. Тупикова имена *Бурка*, *Бурко* (71) [30], *Беляна* (79), *Воронко* (95), *Гнедко* (108), *Ждан* (145), *Жуля* (153), *Коурко* (203), *Малюта* (243), *Найда* (266), *Рыжко* (344), *Рябуха* (346), *Саврас* (347), *Серко* (385), *Тузик* (404), Ср. соответствия для немотивированных кличек: *Алмаз* (32), *Арбуз* (32), *Байкал* (36), *Волга* (90), *Ёлка* (142), *Крапива* (205) и др.

---

[28] «Словарь русских народных говоров», вып. 1. Под ред. Ф. П. Филина. М.—Л., 1965, стр. 7.

[29] Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

[30] В скобках указывается страница словаря Н. М. Тупикова.

Это свидетельствует о том, что принципы называния различных живых существ тесно связаны друг с другом (ср.: классификацию основ древнерусских личных имен у А. М. Селищева [31] и прозвищ у В. К. Чичагова [32]). Совпадающие прозвища людей и клички животных встречаются в пределах изучаемого района: лошадь *Баран* (Калин.) и прозвище человека *Баран* (Пн., См.); корова *Белка* (повсем.) и прозвище *Белка* (Пн.); кот *Белой* (Тр.) и *Вася Белой* (Пн.); собака *Бобко* (повсем.) и прозвище *Бобко* (Басм.); собака *Волк* (Неп.) и прозвище *Волк* (Каз.); лошадь *Воробей* (Заруб., Н-Тр., Тр., Уп.) и прозвище *Воробей* (Басм., Пн.). Ср. также *Ворона*, *Гоголь*, *Калина*, *Малой*, *Минора* (от *минор*), *Морозко*, *Муха*, *Палага*, *Петух*, *Пират*, *Самолёт*, *Серой*, *Сибирячка*, *Синявка*, *Стрекоза*, *Тарзан*, *Хохлушка*, *Черной*. В большинстве случаев совпадение не чисто случайное, а имеющее сходные для мотивировки основания. Не исключена возможность и взаимовлияния прозвищ и кличек. Однако совпадения эти сейчас не носят массового характера, так как прозвищ гораздо меньше и они имеют ограниченную сферу употребления. Следует полагать, что в течение длительного времени происходил «естественный» ономастический отбор материала, в результате чего выработались типичные клички животных, ставшие своеобразными «именами», не употребляющимися в качестве прозвищ людей.

В структурно-грамматическом плане значительный интерес представляет слоговой состав кличек: преобладают двусложные (55%) и трехсложные (34%). При выборе клички слоговой состав ее играет существенную роль, что объясняется особыми функциями клички. Мы уже отмечали, что кличка часто выполняет роль подзывного слова, а для этого она должна быть удобна для произнесения как в быстром темпе, так и в медленном. Поэтому для кличек подбираются слова недлинные и с определенным местом ударения. Подавляющее большинство двусложных кличек имеет ударение на первом слоге, а трехсложных — на втором слоге, т. е. в обоих случаях на предпоследнем: *Да́льна*, *Да́ма*, *Да́нко*, *Да́ня*, *Да́ра*; *Дека́брик*, *Диа́нка*, *Ди-*

---

[31] А. М. Селищев. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. — Избр. труды. М., 1968, стр. 108—116.
[32] В. К. Чичагов. Указ. соч.

ка́рка. Более или менее регулярное отклонение от этого правила обнаруживается только в кличках лошадей (*Серко́*, *Воронко́*, при более закономерных *Ры́жко*, *Савра́ско*), которые почти не употребляются в качестве подзывных слов. Количество односложных, четырехсложных и более длинных кличек невелико: 7% четырехсложных, 2% односложных, а пятисложных в нашем материале всего три: лошади *Милиционер*, *Перевалёнок* и кошка *Матаквеявна*. Оказывается, что односложными и четырехсложными кличками чаще всего наделяются лошади и собаки, т. е. те животные, клички которых реже выступают в роли подзывных слов. В обращении с собаками кличка обычно произносится энергично один раз: *Джек*! Больше половины этих кличек не относится к традиционным.

Необходимость определенного места ударения в кличке настолько сильна, что в некоторых словах ударение переносится: *Та́йга*, *Зи́ма*, *Краса́та*. Правда, перенос может быть продиктован и лексической аналогией: *Краса́тка — Краса́та*, *Зи́мка — Зи́ма*, *Зо́рька — Зо́ря*, *Звёздка — Звёзда*.

Почти все клички однословны. Двусловных в нашем материале только семь. Пять из них построены по типу антропонимов «имя+отчество»: поросенок *Борис Иванович*, кот *Василий Павлович*, свинья *Оксинья Ивановна*, кот *Мусик Васильевич* и поросенок *Пётр Иванович*; одна кличка — «прилагательное+существительное»: *Приветный Клич*, одна — существительное с приложением: *Жар-Птица*. Первые пять — результат индивидуальных образований, очевидно, в интеллигентской семье, ср. имя *Пётр*, а не *Петро́*.

Подавляющее большинство кличек — имена существительные; отмечается небольшая группа кличек прилагательных и несколько глагольных кличек: собаки *Карай*, *Угадай*, лошадь *Вылетайка* и коровы *Бей* [33], *Бейка*. Среди имен существительных наблюдается строгое распределение по родам соответственно половым различиям животных, т. е. клички самцов — существительные мужского рода, клички самок — женского рода: *Серко́* [34] — *Серу́ха*, *Воронко́ — Воронуха*, *Беля́нко — Беля́нка* и т. д.

---

[33] *Бей* как тюркский титул едва ли известен в талицких деревнях.

[34] В обследуемых говорах имена, оканчивающиеся на *-о*, принадлежат к мужскому, а не к среднему (как в литературном языке) грамматическому роду.

Исключение: *Биля* [35] — бык и корова, родовое различие формально не выражено. Клички на *-ко* склоняются так же, как и имена людей *Са́нко*, *Юрко*, т. е. как имена существительные нарицательные типа *дедушко*.

Все имена прилагательные, употребленные в качестве кличек, легко субстантивируются; этому способствует наличие в говорах усеченной формы прилагательных женского рода. Такие клички в обиходе звучат как существительные: *Бра́ва*, *Ва́жна*, *Гро́зна* и т. п.

В словообразовательном отношении для образования зоонимов используются средства, известные и при образовании других типов имен. Поэтому мы постараемся лишь выделить наиболее типичные.

1. Для образования кличек широко используется безаффиксный способ, когда к основе слова добавляется только показатель рода: *Черня*, *Биля*, *Пестря*, *Вечёра*, *Января*, *Января*, *Марта*, *Февраля*, *Февраля*, *Апреля*, *Вета* < *Ветка*, *Жука*, *Найда*, *Дара*, *Ждана*, *Хрипа*, *Горланя*, *Доча*, *Жуля*, *Цыгана*, *Тёла*, *Буяна*, *Матроса*, *Волка*, *Цвета*, *Магнета*, *Ромба*, *Тоба*, *Китая*, *Жемчуга*, *Зенита*, *Земляна*, *Золя*, *Лавра*, *Монаха*, *Мадрида*, *Маркитана*, *Инда*, *Яблока*, *Пухо*, *Булано*, *Перевало*, *Мустанго*.

Таким способом образуются в основном клички коров и быков. Конечное *-о* в них, очевидно, воспринимается как родовой показатель, так что даже на основе клички *Динго* создается женский вариант *Динга*.

2. Самый широкий способ образования кличек — суффиксальный. С помощью различных суффиксов образуются клички применительно ко всем видам животных. Отметим наиболее типичные суффиксы в порядке убывающей частотности:

-к-а: *Буянка*, *Заменка*, *Лунатка*, *Мурашка*, *Бурька*, *Букетка*, *Бруслетка*, *Линивка*, *Милка*, *Винерка*, *Дунайка*, *Мурка*, *Муська*, *Каштанка*, *Хохлатка*, *Ушатка*, *Мохнатка*, *Звёздка*, *Голубка*, *Дымка*, *Белка*, *Белька*, *Нутка*, *Мурлыска*, *Суботка*, *Зорька*, *Вечёрка*, *Летка*, *Зимка*, *Январка*, *Январька*, *Майка*, *Февралка*, *Февралька*, *Апрелька*, *Июлька*, *Июнька*, *Фонарка*, *Зонка*, *Золка*, *Дарка*, *Любимка*, *Жданка*, *Смелка*, *Лайка*, *Сиротка*, *Дочка*, *Делка*, *Жулька*, *Бишка*, *Жучка*, *Лапка*, *Салютка*.

---

[35] *Биля* — имя личное народа коми едва ли известно в районе.

-к-о: *Соболько*, *Соколко*, *Сынко*, *Котко*, *Лапко*, *Сиротко*, *Цыганко*, *Перевалко*, *Хватко*, *Буянко*, *Дурко*, *Жданко*, *Любимко*, *Зонко*, *Монетко*, *Дарко*, *Апрелько*, *Февралко*, *Майко*, *Январко*, *Январько*, *Летко*, *Мурко*, *Барко*, *Билько*, *Белько*, *Белко*, *Бурко*, *Буланко*, *Воронко*, *Гнедко*, *Игренько*, *Карько*, *Каурко*, *Мухорко*, *Рыжко*, *Савраско*, *Серко*, *Сивко*, *Чалко*, *Соловко*, *Лыско*, *Малко*, *Бобко*, *Бисько*, *Туземко*.

Суфф. *-к-* мы находим и в сочетании с другими суффиксами в составе сложных формантов *-ашк-*, *-ишк-*, *-очк-*, *-анк-* *-инк-*, *онк-* и т. п. *Кудряшка*, *Пятнашко*; *Малышка*, *Малышко*; *Бурёнка*, *Бурёнко*, *Дарёнка*; *Звёздочка*, *Рыжочко*, *Каречко*, *Бурочко*, *Белочка*, *Январочка*, *Жданочка*; *Лысанко*, *Пестрёнка*, *Пеганко*, *Белянка*, *Белянко*; *Звездинка*, *Октябринка*, *Декабринка*, *Пестрянка*, *Звездянка*, *Звезданко*; *Чернышка*, *Чернышко*; *Чернавка*, *Чернявка*.

Все эти клички — вторичные образования от основных. По всей вероятности, они возникли как эмоциональные. Однако в настоящее время их можно рассматривать как самостоятельные, так как основной формой клички следует считать ту, которая чаще всего употребляется по отношению к животному [36]. Таким образом, основной может быть любая форма, тогда все остальные по отношению к ней производные: ср. *Ира*, *Ирина*, *Иринка* — кличка кобылы в д. Вихляевой.

-ик-: *Зимик*, *Мазик*, *Тобик*, *Доник*, *Марсик*, *Тузик*, *Мурзик*, *Бобик*, *Лысик*, *Рыжик*, *Пестрик*, *Урчик*, *Пусик*, *Мусик*, *Мурик*, *Мурзик*, *Зорик*, *Январик*, *Мартик*, *Февралик*, *Декабрик*, *Жданик*, *Жулик*, *Борзик*, *Пудик* (от *Пуд-ель*, где *пуд-* воспринято как корень).

С помощью этого суффикса образуются в основном клички собак и молодых бычков.

-ух-а: *Косматуха*, *Нечеуха*, *Горбатуха*, *Чижуха*, *Линтюха*, *Полеуха*, *Рогатуха*, *Лысуха*, *Чернуха*, *Чалуха*, *Серуха*, *Саврасуха*, *Рыжуха*, *Пеструха*, *Пегуха*, *Мухортуха*, *Карюха*, *Игренюха*, *Воронуха*, *Гнедуха*, *Голубуха*, *Булануха*, *Буруха*, *Белуха*.

Обращают на себя внимание клички, которые местные жители связывают с мастью *игреневый*: *Винигрюха*, от *виг-*

---

[36] Вопрос этот, однако, значительно сложнее. В случаях официальной записи, очевидно, основным будет не самое частотное, а записанное.

реневый вместо *игреневый*: *Вигренюха* > *Винигрюха* и *Гринюха* из *Игринюха* с опущенным начальным *и*.

Суффикс *-ух-а* специально служит для образования кличек по масти применительно к самкам, преимущественно к кобылам.

-ок- : *Воронок*, *Голубок*, *Маёк*, *Малёк*, *Цыганок*, *Гнедок* (ср. *Гнедочик*), *Малышок*.

-ан-: *Лысан*, *Лысано*, *Звездан*, *Звездана*, *Звездано*, *Пестрён*, *Пестрёна*, *Пеган*, *Пегано*, *Беляна*, *Милана*.

-ин-а: *Звездина*, *Ноябрина*, *Декабрина*, *Сентябрина*.

-ач-: *Будач*, *Бородач*, *Звездач*, *Кривач*, *Мохнач*, *Горбач*.

-ыш-: *Найдёныш*, *Черныш*, *Малыш*, *Топыш*.

-ушк-: *Белушка*, *Бурушко*, *Воронушка*, *Пеструшка*, *Рябушка*, *Серушка*, *Синюшка*, *Чернушка*, *Хохлушка*, *Мохнушка*.

Остальные суффиксы мало употребительны; они встречаются в одной-двух кличках. Однако приводимые ниже ряды могут быть и продолжены.

-ак-: *Беляк*, *Пестряк*, *Зимак*.
-ун-: *Вертун*, *Храпун*.
-ах-: *Беляха*, *Мураха*, *Поляха*.
-яш-: *Беляш*, *Кудряш*.
-ют-а: *Малюта*, *Валюта*.
-чик-: *Лысанчик*, *Январчик*.
-ец-: *Воронец*.
-ук-: *Лысук*.
-ул-я: *Рогатуля*.
-ийк-: *Пестрийко*.

Суффиксальный способ очень удобен, потому что он позволяет по одному признаку создать несколько кличек, с помощью которых могут именоваться разные животные. Возникают целые гнезда кличек с одной основой, с одним принципом называния животного, ср.: *Звезда* — *Звездан*, *Звезданко*, *Звезданка*, *Звезданик*, *Звёзда*, *Звёздка*, *Звёздочка*, *Звездач*; *Серой* — *Серко*, *Серок*, *Серочик*, *Серуха*, *Серушка*.

3. Способ словосложения используется в зоонимии реже, чем предыдущие два; обычно в этих кличках отмечаются бросающиеся в глаза отличительные признаки животного. Однако многие из них — не специально зоонимические образования, а и апеллятивы, и прозвища. Среди кличек — сложных слов выделяются:

а) существительные: *Пятисотка*, *Черноглазка*, *Сероглазка*, *Разноглазка*, *Мохнолапка*, *Кареглазка*, *Белогубка*, *Белогубко*, *Белоножка*, *Белоножко*, *Белорылка*, *Самолёт*, *Самовар*, *Пароход*, *Небосклон*, *Громоотвод*, *Вертолёт*, *Куроед*, *Домосед*, *Зимогор*;

б) прилагательные: *Белолобой*, *Вислоухой*, *Косоглазой*.

4. Менее типичен для кличек способ образования путем усечения слова (ср. сокращенные формы личных имен). Путем сокращения преимущественно образуются клички собак, очевидно, потому, что они по функциям ближе к личным именам людей. В частности, они по сравнению с кличками других видов животных наименее мотивированы. Например, кличка *Джульбарс*, длинная и неудобная для произнесения, воспринимаясь подобно сложному слову, как бы распадается на две части, каждая из которых дает новый ряд кличек: *Барс* — *Барсик* и *Джуль* с дальнейшим усечением *Жуля*, а потом *Жулька*. Возможны и иные преобразования этой клички: *Джульбарс* > *Джульба* > *Жульба*. Начальное *д* устраняется и в кличке *Джек*: в результате создаются новые клички *Жек* и *Жека*. Очевидно, по аналогии инициалей *Джек*, *Джульбарс* и *джем*, последнее слово также используется в качестве клички. Подвергаясь тому же преобразованию, *Джем* дает клички *Жем*, *Жема*, *Жемка*.

Менее характерно усечение при образовании кличек других видов животных. Ср. *Быня* из *Бы-* (т. е. *бык*) + суффикс *-н-я* (по типу личных имен *Ваня*, *Маня*), *Ботя*, от глагола *ботать* 'бить ногами', *Юня*, *Юнька* от *Июня*, *Июнька*.

Таковы основные способы образования кличек. Следует добавить, что при использовании в качестве кличек имен нарицательных подбираются слова, соответствующие типичным структурным моделям кличек.

Рассмотрение кличек домашних животных Талицкого р-на позволяет сделать ряд выводов.

1. Клички животных южной части Талицкого р-на представляют определенную систему в составе лексики местных говоров. Эта система в основе своей довольно стабильна: преобладают мотивированные клички разных типов, являющиеся словами, образованными специально для нужд «именования» домашних животных. Мотивированные клички, проходя типичный путь всех собственных

имен, постепенно теряют свою внутреннюю форму, переходя в разряд немотивированных. Под влиянием принципа называния животных в общественном хозяйстве в традиционные клички животных индивидуальных хозяйств широкой волной вливаются немотивированные образования разных типов.

2. При определении места кличек в ономастической лексике необходимо иметь в виду все типы имен. Представляется, что мотивированные клички стоят ближе к именам нарицательным, занимая место, переходное от нарицательных к собственным. Именно этот слой кличек является традиционным, обычным, повсеместно распространенным. Немотивированные клички — это обычные собственные имена в полном смысле слова. В этой группе к традиционным и повсеместно распространенным относятся антропозоонимы, т. е. имена людей, выполняющие роль кличек животных.

3. Принципы, положенные в основу мотивации кличек при наделении ими домашних животных, являются теми же, что и при наделении людей прозвищами, а в древнерусскую пору — именами.

4. В настоящее время в обследуемом районе «ведущими», определяющими словотворчество в области зоонимии являются клички коров. Их клички заимствуются для именования животных других пород, ибо коровы — самое необходимое и желанное домашнее животное. До революции главной и самой желанной в хозяйстве была лошадь, и ведущими были их клички. Следовательно, соотношение кличек разных видов животных в зоонимиконе меняется, и соответственно переоценивается их значение в составе ономастической лексики.

5. Клички животных — интересный слой диалектной лексики, изучение которого может дать ценные сведения для различных сторон языка.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Васнецов — Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного Областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

Даль-Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV, Изд. 2. СПб. — М., 1880—1882.

Дополнение — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.

Картотека УрГУ — Картотека словаря русских говоров Среднего Урала при кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Подвысоцкий — Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Словарь говоров Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала, т. I. Свердловск, 1964.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. Л., 1953 и сл.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОНОМАСТИКИ

РУССКАЯ ПЕРЕДАЧА ФРАНЦУЗСКИХ ИМЕН*

Б. В. Томашевский

Проблема произношения иностранных имен неотделима от общей проблемы произношения иностранных слов, т. е. от вопроса об усвоении варваризмов русским языком и от природы фонда варваризмов в общей системе русского языка. Вопрос этот не возникает в облике чисто фонетической или орфоэпической природы явления. Его надо рас-

---

* [Весной 1942 г. Борис Викторович Томашевский был эвакуирован из Ленинграда в Москву, где он прожил до 1944 г., работая в МГПИ имени В. П. Потемкина, в I МГПИИЯ и в Литературном институте имени М. Горького. В 1942—1943 гг. при ВТО работала комиссия по орфоэпии под председательством В. А. Филиппова; в этой комиссии участвовали: Л. И. Базилевич, И. Я. Блинов, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, С. И. Ожегов, Н. С. Поспелов, А. А. Реформатский, А. М. Самарин-Волжский, Е. Ф. Саричева, Б. В. Томашевский, Ф. А. Фортунатов, А. Б. Шапиро. На заседаниях комиссии были прочтены и обсуждены доклады И. Я. Блинова, С. М. Бонди, Г. О. Винокура, С. И. Ожегова, А. А. Реформатского и Б. В. Томашевского. Докладу Б. В. Томашевского и его обсуждению было посвящено два заседания (19 и 26 мая 1943 года). Этот доклад Борис Викторович развернул в большую статью, где подвергнут рассмотрению очень широкий круг вопросов, касающийся и орфоэпии, и орфографии, и транскрипции французских имен различного типа в синхронном и историческом плане.

К сожалению, статья не увидела света при жизни автора, скончавшегося 24 августа 1957 г. Лишь в 1968 г. рукопись была найдена в сейфе Института русского языка. Статья была отредактирована А. А. Реформатским; поправки и уточнения в тексте согласованы с вдовой Бориса Викторовича — Ириной Николаевной Медведевой-Томашевской в апреле 1969 г. Все редакционные добавления и разъяснения заключены в квадратные скобки и снабжены пометой *Ред.*].

сматривать как определенную сторону живого языка, а потому в нем связаны различные стороны речевой деятельности. Изолировать звуковую сторону мы, конечно, можем, но с постоянной оглядкой на то, что́ эти звуки выражают. Вот почему следует говорить не о «произношении иностранных имен», а о «передаче иностранных имен», не изымая орфоэпической проблемы из всего комплекса вопросов, связанных с усвоением и жизнью иностранных имен в системе русского языка.

В этом отношении трудно согласиться с такими формулировками: «Самым естественным является здесь чисто фонетический принцип на основе живого русского произношения». Конечно, поэт в праве был сказать: «Что имя? звук пустой!..», но вряд ли этот афоризм может быть положен в основу лингвистического анализа передачи иностранных имен.

Имя, как и всякое слово, конечно, не один только звук. Звук, как и стоящее рядом с ним письмо, лишь отражает то, что делает слово — словом, т. е. единицей в системе речи, а не простой комбинацией звучаний или знаков. Имя собственное во многих отношениях беднее всех прочих слов, оно находится на низшем пределе значения, многие элементы слова в нем исчезают, но это все-таки слово, а не только акустическое явление природы.

Передача иностранных имен в русском языке есть в какой-то мере п е р е в о д, т. е. перенос слова из одной системы языка в другую. Любопытно, что в наивном сознании людей, не привыкших к точности языковедческих терминов, вопрос о передаче имен не отделяется от вопроса о переводе в собственном смысле, и часто можно слышать вопрос: «Как перевести это имя на русский язык?». И в самом деле, в именах часто присутствует элемент значения в самом общем смысле. В конце концов каждое имя семантически и стилистически окрашено, т. е. вызывает представление о той среде, в которой оно функционирует.

Это нам хорошо известно по русским именам. Достаточно просмотреть объявления лиц, меняющих имена, чтобы убедиться в этом. *Маланья* и *Акулина* желают стать *Элеонорой* и по меньшей мере *Еленой*. Целый ряд имен бракуется за их «неблагозвучие», по существу объясняемое звуковым сходством со словами, в той или иной мере отверженными. Имена *Надежда*, *Любовь* — окраши-

ваются в силу своей внутренней формы как значащие слова[1] (ср. французские Blanche, Aimée), *Клеопатра* — имеет свой вкус в силу исторических воспоминаний. Морфология уменьшительных сама по себе несет элементы значения. Имена «иностранные» имеют особый привкус, для многих привлекательный, как знак особой культуры. Имеются имена модные, разные в разные эпохи. Особый класс составляют имена русской этимологии, различные в своей окраске в зависимости от степени их привычности (*Владимир*, *Ростислав*).

Такая же стилистическая гамма присутствует и во французских именах. Многие получили особое значение в качестве нарицательных (*Альфонс*, *Агнеса*; ср. «La Fausse Agnès» Детуша, то же у Руссо: «Julie, ou la Nouvelle Héloïse»). В драматургии XVII и XVIII вв. была традиция имен с внутренней формой — традиция, не окончательно исчезнувшая и в современной комедии (разные *Оргоны*, *Аристы*, *Пурсоньяки* и т. п.). Постоянно фигурируют имена в форме уменьшительных (Jeannot, Annette и т. д.). Имеется своеобразный репертуар «вульгарных» имен. При передаче этих имен по-русски кое-что сохраняется в силу культурной близости русских с французской литературой и французским бытом, в меру нашей осведомленности о жизни французского общества. Кое-что утрачивается, кое-что неожиданно возникает именно в силу пересадки имен из одной культурно-языковой среды в другую. Кое-какие ассоциации, возникающие у каждого француза, могут отсутствовать у русского. Достаточно, чтобы какое-нибудь имя с определенной окраской фигурировало в популярной песенке, чтобы это имя перестало быть нейтральным. Вспомним такие факты, как восклицание «Ohé, Lambert», фигурирующее в «Подростке» Достоевского (о распространенности этого восклицания в особой экспрессивной функции говорит даже большой Larousse).

С другой стороны, в русской среде имя может вступать в новые ассоциации, искажающие его экспрессивную функцию. Так, в Бельгии одно время было в моде «аристократическое» имя Iwan (в странах французской культуры типично употребление иностранных провинциаль-

---

[1] Конечно, в именах очень употребительных нарицательное значение стирается, но никогда не уничтожается совершенно: в частности, сохраняется ощущение того, что это р у с с к и е имена.

ных имен). В русской передаче создается иная окраска этого имени (имя писателя Iwan Gilkin передавалось *Иван Жилкин*) [2]. Так, русские переводчики становились втупик перед именем бальзаковской героини «Шагреневой кожи» Foedora, особенно, когда Бальзак писал о магии этого имени, о том, что оно пробуждает мечты о призрачной поэзии раутов, о блеске великосветских празднеств Парижа, о мишуре тщеславия. И если в старом переводе это имя передавалось *Федора* (да еще через «фиту»), то современный нам переводчик смело заменил его, поставив имя *Теодора*. В русской среде могут возникнуть и другие, новые ассоциации; например, в «Братьях Карамазовых» *Бернар* переходит в нарицательное *бернары* (в речи Дмитрия Карамазова). Наконец, имеются имена «благозвучные» в родном своем языке и нестерпимые по звуковым ассоциациям в русском [3].

Итак, во всем объеме вопрос о передаче имен включает в себя и задачу сохранения стилистической и семантической окраски имен, — вопрос, вообще неразрешимый средствами орфоэпии. Напомню, что много имен традиционно передается в некоторых условиях не в той системе, в какой то же имя передается в общем случае. Таковы имена королей: испанских *Карлов* (в других условиях *Карлос*), английских *Георгов* и *Иоаннов* (иначе — *Джордж*, *Джон*), французских *Людовиков* и *Карлов* (иначе — *Луи*, *Шарль*) и т. д. Некоторые имена традиционно «переводятся» (Elisabeth—*Елизавета*, Catherine—*Екатерина*), в большинстве случаев довольствуются передачей звуковой формы имени.

---

[2] [См. об этом имени в статье А. А. Реформатского «Лингвистические вопросы перевода» («Иностр. языки в школе», 1952, № 6, стр. 17), где данный факт был интерпретирован с о с л о в Б. В. Томашевского, поэтому ссылка отсутствует (*Ред.*)].

[3] Ср. в повести Матильды Серао «Non più!». — «Rosi, perchè chiamarlo Gaetano?. . È un brutto nome» (M. S e r a o. Il romanzo della Fanciulla. Ed. 3. Milano, 1887, стр. 311). Очевидно, совершенно иные ассоциации возникали у Блока, когда он назвал этим именем действующее лицо драмы «Роза и крест». Об этом свидетельствует следующая данная Блоком характеристика: «Гаэтан есть прежде всего некая сила, действующая помимо своей воли. Это — зов, голос, песня. Это — художник. За его человеческим обликом сквозит все время нечто другое, он, так сказать, призрачен, и даже внешность его немного призрачна. Весь он — серо-синий, шатаемый ветром».

Все это говорится для того, чтобы определить границы сужения проблемы. Мы коснемся лишь того круга вопросов, которые тесно примыкают к проблемам орфоэпии, предоставив остальное на решение переводчикам. В дальнейшем речь будет идти только о тех именах, которые при передаче сохраняют свой звуковой облик в пределах, обусловленных самим механизмом звуковой передачи. Иначе говоря, речь будет идти лишь об именах стилистически нейтральных, или, вернее, мы будем отвлекаться от стилистической стороны вопроса и от семантических и иных ассоциаций.

Поскольку вопрос касается норм произношения, то наиболее близким к поставленной проблеме материалом должен явиться театральный материал, не потому, что вопросы орфоэпии не существуют для других литературных жанров, а потому, что произношение вслух является насущным делом театра, в то время как в книге это произношение отдается на произвол читателю. Вопрос о произношении французских имен на русской сцене может иметь разные разрешения. Возможно сохранение иностранного облика имени по правилам французской орфоэпии, либо же следует обращаться к некоторой средней русской норме произношения. Первое решение мне кажется неправильным. Во-первых, против него говорят практические соображения: где мы найдем драматическую труппу, все члены которой на одинаковом уровне владеют французской орфоэпией? Ведь и на лучших сценах не так часто слышим хорошую французскую речь. В частности, в опере я помню только Славину в «Пиковой даме» и Титова в ролях Деформа и Трикэ, идеально соблюдавших французское произношение. Сейчас эти партии звучат обычно неловко и неприятно: Деформ и Трикэ с русским акцентом невозможны. Еще хуже, если Дантес не умеет на сцене произнести французскую фразу. Но есть и другое, принципиальное, возражение. Если мы ограничим рассмотрение переводными с французского пьесами, то в оригинале имена стилистически не противопоставлены контексту и даны в одном плане. Так же в одном плане они должны быть и в переводе. Конечно, это единство не то, что в оригинале, так как в переводной пьесе изображается не русский быт; переводность пьесы должна ощущаться, но для этого достаточно тех вариантов произношения, которые мыслимы в русском контексте. Я уже не говорю о том, что

сохранение всех особенностей французского произношения фактически сделает все имена несклоняемыми, что повлечет за собой ряд смысловых неудобств.

Вопросы, имеющие решающее значение при обсуждении явлений «варваризмов», будут устранены из рассмотрения, и в первую очередь вопросы, связанные со степенью усвоенности варваризма. Отсюда следствие: нас не будет интересовать стиль произношения иностранных имен, и разговор будет идти о некоторой средней норме, о нейтральном стиле. Это еще один аргумент в пользу того, чтобы сосредоточить внимание на материале переводных пьес, т. е. таких, в которых соотношение между иностранным словом и русской культурной средой не является проблемой, так как русский язык берется не как язык, свойственный определенной русской, исторически сложившейся среде, а как нейтрализованный эквивалент чужого языка — языка той среды, в которой передаваемые имена звучат привычно, естественно и выполняют функцию простого наименования, т. е. обладают свойствами, противоположными свойствам нарицательных слов.

Однако учесть наличие этих стилей нам важно для того, чтобы определить, что такое норма, и тем установить границы этой нормы. Для различения стилей мы будем исходить из следующего факта: при произношении в русской системе иностранных слов 1) некоторые звуки и их сочетания, свойственные русским словам, признаются пригодными для передачи иностранных слов; 2) некоторые звуки и их сочетания, не встречающиеся в русских словах, принимаются в русском контексте для передачи иностранных слов; 3) некоторые звуки и их сочетания, типичные для русского языка, не допускаются в иностранных словах, как нарушающие их иноязычный облик.

К первому относятся сочетания типа [па] (*палка*, *патер*), [бра] (*подбрасывать*, *бра*); ко второму — [о] в неударном положении, сочетания *д* твердого с *е*, сочетание двух гласных без промежуточного *й* и т. п. (*модель*, *реэстр*), но не входит — сохранение звонкости согласных в конце слова [4], носовые звуки разного типа, различение *а* заднего и *а* переднего в особых условиях иностранного языка, дифтонгическое произношение *уа*, воспроизведение французского звука *gn*, вариантов разных евро-

[4] [См. точнее стр. 297. — *Ред.*].

пейских *h* и т. п.; к третьему классу относятся сочетания типа [м'а] (*мята*), звук [ы] во всех положениях (*рыба*), [щ], [р'] на конце слова (*щи*, *встарь*) и т. д.

Наряду с нормальной формой произношения может быть аффектированная или манерная, характеризуемая тем, что расширяется вторая область звуков и их сочетаний, т. е. произносящий усваивает такие звуки, которые не допускаются нормой в русском контексте даже при передаче иностранных слов (например, носовые звуки, грассированное *р*).

С другой стороны, возможна вульгарная манера, характеризуемая тем, что в передачу иностранных слов вторгается третья область звуковых явлений, которые в нормальном произношении считаются специфически русскими и нарушают иноязычный облик слова.

При проникновении варваризмов в русский язык слово проходит либо через манерное (цитатное) произношение, либо непосредственно — в сферу нормального произношения, а при дальнейшей русификации — в сферу вульгарного стиля (который в соответствующем случае заслуживает иного наименования). Так, *коллегия* стала [кал'егийя], *тэма* — [т'ема].

Такая эволюция стиля произношения отсутствует по отношению к собственным именам, и они неподвижно принадлежат среднему стилю; манерное и вульгарное произношение для них — запретная зона, почему я и оставляю за этими зонами наименования пейоративного оттенка.

В выборе нормы следует взвешивать: впадаем ли мы в манерность или в вульгарность. Это и будет основным критерием нормы. Эта средняя норма будет иметь свое значение и за пределами изучаемого материала, при общей оценке орфоэпии варваризмов. Но там это уже не жесткая норма, а некоторый эталон, с которым следует сравнивать иные произносительные системы, допустимые в зависимости от степени усвоенности варваризма и от стилистических особенностей произношения. Данную норму мы вправе рассматривать как нейтральную.

Я ставлю себе задачей произносительную сторону вопроса. Но вопросы произношения неразрывно связаны с вопросами написания, транскрипции. Дело в том, что репертуар фонетических норм, употребляемых в произношении иностранных слов, не совпадает с репертуаром зву-

ков русских слов. Следовательно, соответствия между написанием и произношением, необходимые для иностранных слов, иногда бывают не употребительны в русской орфографии (т. е. возможны только потенциально, по аналогии), иногда же и совсем невозможны и русской грамотой не предусмотрены.

Е. Поливанов в своих статьях настаивает на наличии особого фонетического репертуара звуков иностранных слов, входящих в фонд живого русского литературного языка, отмечая, что есть особый «интеллигентный» диалект, «интеллигентный» акцент. На частных указаниях Поливанова мы остановимся в дальнейшем, при рассмотрении частных вопросов произношения. Во всяком случае наличие подобных факторов уже обусловливает иное соотношение между орфографией и орфоэпией.

Хотя принципиально орфоэпия есть совокупность произносительных норм, не зависящих от совокупности орфографических норм, и сплошь и рядом орфография не находится в полном гармоническом соответствии с орфоэпией, — для иностранных имен связь между орфоэпией и орфографией должна быть гораздо более тесная, так как индивидуальная судьба иностранных имен в русском языке не так богата. Здесь можно говорить о жестких нормах.

Кроме того, практически в театре вопрос стоит так, что орфоэпические правила утверждаются для того, чтобы уметь читать иностранные имена. Следовательно, именно с этой точки зрения необходимо установить, как французские звуки передаются в русском письме и в русском нормальном произношении. Вопросы орфоэпии неразрывно связаны с вопросом о возаимоотношении письма и произношения.

Сторонники чистой фонетической передачи пугают всех транслитерацией, имея в виду простое изменение рисунка отдельных букв. Так, Л. В. Щерба ужасается написаниями *Схакэспэарэ* (Shakespeare), *Мэиллэт* (Meillet), но ведь это не транслитерация, а простая, хотя и своеобразная, смена гарнитуры набора. Почему диграммы должны передаваться парами букв (sh, ea, ill)? Как же это, например, должно относиться к испанскому языку, в котором диграммы ch, ll даже имеют особое положение в алфавите как простые буквы, а не комбинации букв? Почему буквы, именуемые «и», «эй», должны заменяться написаниями *э*, *а*? Не похожа ли такая «транслитерация» на известную систему

тарабарской грамоты, где одни буквы заменяются другими (по которой слово *хорошо* записывается *жомово*)? О такой ли транслитерации говорят и пишут? Не следует ли учитывать и позиционные, и комбинаторные значения букв, т. е. в конце концов средствами одной орфографии передавать систему другой орфографии, т. е. учитывать и для оригинала, и для передачи взаимоотношение письма и произношения? А в таком случае вообще притупляется острота противопоставления письма и произношения. Норма передачи, существующая в русском языке, по характеристике Л. В. Щербы, «бесповоротно решила вопрос в пользу произношения», но «не без некоторых небольших реверансов в сторону написания». Эти «реверансы» не так уже незначительны и иногда принципиальны (когда они преследуют целью фонологическое противопоставление элементов слова). Нет ли некоторого резона в том, что французы (в частности, в географической номенклатуре) решительно предпочитают транслитерацию Orel транскрипции Ariol (русск. *Орел*)?

Надо отметить, что, с одной стороны, существуют трудности передачи русской орфографией звуковых явлений, непривычных в русской речи, а с другой,— в нашей орфографии сложилась система написаний, которые мы считаем специфически иностранными в отличие от других, специфически русских. Так, например, в старой орфографии употребление буквы «ять» в иностранных словах не допускалось: это была русская буква (за исключением транскрипции некоторых славянских или балтийских слов) [5]. Наоборот, буква *э* оборотное была типична для иностранных слов.

Мало того, ряду одинаковых произносительных форм соответствуют разные написания в русских и в иностранных словах, например *бульон*, *Гильо* и *бельё*, где в иностранных словах для сочетания [йо] употребляется обозначение *ьо*, а для русских — *ьё*. С другой стороны, одинаковые написания вызывают иногда разные произношения, например, виноторговец *Шитт* (*ш* мягкое) и причастная форма *шит* [шы]. Некоторые буквенные сочетания

---

[5] Между тем функция «ять» была ближе к иностранному *е*, чем у русского *е*: она обозначала фонему, никогда не переходившую под ударением в *о* с предшествующим смягчением (*пленять*, *плебейский*, *плету*, ср. *плен*, *плебс*, но *плёл*).

возможны только в иностранных словах, и то же сочетание звуков никогда не выражается теми же буквами в русском языке. В иностранных словах возможно сочетание в начале слов *йо*, в русском языке мы имеем *ё*. В иностранных словах возможно сочетание *чэ* (*Чэстер*), вовсе не обозначающее твердости звука *ч*. В русском языке это сочетание всегда является в форме *че*.

Это своеобразие соотношения между письмом и произношением не всегда четко осознается. Так, в частности, укажу на формулировку, данную А. М. Сухотиным. В статье «О передаче иностранных географических названий» («Вопросы географии и картографии», сб. 1. М., 1935, стр. 136) он пишет: «Названия (имеются в виду иноязычные географические названия. — Б. Томашевский) могут быть только русскими, подчиненными обычной норме чтения русского текста». Но здесь не учтено, что «нормы русского чтения» различны по отношению к русским и иностранным словам (в том числе и собственным именам). В другом месте автор вносит некоторый корректив в это положение, но корректив этот недостаточен: «Никаким русским буквам или их сочетаниям не должны приписываться функции, отличные от тех, которые они выполняют при фиксации русской речи, но использовать их можно и в таких сочетаниях, которые не встречаются в русских словах» (стр. 143). В этой самой формуле есть некоторое противоречие, ибо употребление «сочетаний, не встречающихся в русских словах», есть уже приписывание этим сочетаниям иной функции, особенно, если этим сочетаниям приписывается звуковой эквивалент, имеющий свое обозначение в русских словах при помощи других сочетаний. К ним относятся указываемые А. Сухотиным следующие случаи: сочетание «йот» и *и* в форме *йи* («в начале слова и после гласных»), сочетание *йо* в значении «*й*+*о*». Но сочетания *ьо* в значении «*й*+*о*» или *ие* в значении «*й*+*э*» в начале слов (*Йена*), конечно, есть употребление сочетаний в иной функции, нежели в русском языке. Молчаливо признается употребление буквы *е* в обычной функции, когда дается такая формулировка: «Буква *э* допускается только в начале слов и в середине слова после гласных». Отсюда явствует, что сочетание «*т* твердое+*е*» автор рекомендует писать *те* (произнося [тэ]), а в русских словах это сочетание соответствует мягкому *т*. Вряд ли автор не предусматривал возможности твердого *т* в ино-

странных именах (остров *Тенериф*, город *Терни*, порт *Тетуан*, река *Терен* и т. д.).

Замечу, что практика узаконила употребление в иностранных словах знаков, не применяемых в русских словах, как, например, апостроф (хотя бы он и не имел звукового соответствия), например маркиз *д'Аржанс*.

Очень часто встречается утверждение, что двойные гласные западноевропейских языков (германских) нельзя передавать двойными гласными русского языка по той причине, что наши двойные гласные дают два слога, а не долгую гласную. Между тем, это справедливо только для заимствований греческого [из аккадского источника] происхождения (*Ваал*) и французского (*Грааль*, слово, пришедшее не из немецкой, а из французской среды) [6], а по отношению к заимствованиям германского или финского происхождения мы давно привыкли трактовать двойные гласные как долгие, например *Роон*, *Маас*, *Аахен*, *Кусинен*. Ср. перевод из Гейне:

> На *аахенских* улицах скучно и псам
> И молят они со смиреньем:
> «Прохожий, о дай нам пинка! Может быть,
> Он будет для нас развлеченьем!»

(Цит. по статье: А. Чаковский. Генрих Гейне. «Октябрь», 1939, кн. 5—6, стр. 245).

Впрочем, и здесь есть своя норма, выражающаяся в том, что долгое *и* [иногда] передается простым, а не двойным *и*, например *Виипури* (Viipuri).

Итак, орфография иностранных слов своеобразна и отличается от русской орфографии. Это отнюдь не свойство одной только русской орфографии. Так, например, во французском правописании в греческих словах, усвоенных языком, сочетание ch звучит не [ш], а [к] (так, одного из персонажей Рабле зовут *Пикроколь*, а не *Пикрошоль*, как его переименовали русские переводчики: это слово живет и ныне и значит — «черная меланхолия», буквально — «горькая желчь»). В английской орфографии смешение

---

[6] Впрочем, хотя сочетания *аа* и *оо* во французском языке вообще двусложны, но в частных случаях бывают отступления (ср. нормальное произношение слова alcool), в других — колебания; так, в ряде справочников слово Graal рекомендуется произносить с одним долгим *а*, хотя указывается и двусложное произношение. См.: Vladimir Buben. Influence de l'orthographe sur la prononciation du français moderne. Bratislava, 1935, стр. 89.

разных систем еще более плотное, откуда, например, различное произносительное значение сочетаний gi и ge [джи, ги]; ср. Gillray, Gibbon, Gerald, Gertrud. Ср. фамилию французского академика — *Гебар* — Gebhart. Такое сосуществование разных систем в пределах одного языка обычно, особенно в языках, где традиционный принцип господствует. Не во всех языках подобное смешение систем не устраняет основного вопроса — о взаимоотношении письма и произношения [7]. Орфографическая пе-

---

[7] Наличие разных орфографических систем особенно заметно в орфографии собственных имен и часто невозможно без специальных справочников решить, как следует произносить то или иное имя. Так, трудно угадать, что Bally и Bailly — два орфографических варианта (существует еще третий — Baillif), одинаково произносимые *Байи*, что имя Seilhak, провансальское по происхождению, произносится французами *Сейак*, что имя города Eause читается *Эоз*. В силу разных исторических причин сходные написания скрывают разные произношения. Таковы, например, *Пакье* (Pasquier) и *Паскаль* (Pascal), *Бастьен* (Bastien) и *Банаж* (Basnage), *Эстонье* (Estaunié) и *Эклимон* (Esclimont), *Окси* (Auxy) и *Осон* (Auxonne), *Иксель* (Ixelles) и *Юсель* (Uxelles), но *Эгзиль* (Exilles), *Арсен* (Arsène) и *Арзас* (Arsace). Сочетание ill иногда имеет значение [ij] (Millaud, Pétronille), иногда—[il] (Millin, Delille); ti звучит иногда с [t] (Claretie), иногда как [si] (La Boëtie). Наряду с *Кюисак* (Quissac) имеем *Кино* (Quinault), наряду с *Гюиз* (Guise) — *Гиш* (Guiche); ср. также *Оже* (Auger) и *Мюржер* (Murger), *Лоранс* (Laurens), *Мельсенс* (Melsens), *Амьен* (*Amiens*) и обычно *Кларан* (Clarens). Имена трех городов Caours, Daours и Naours произносятся *Ко*, *Дур* и *Нор*. Наряду с *Донуа* (Daulnoy) и *Арну* (Arnould) встречаем *Сольтё* (Saulteux) и *Сульт* (Soult). Также — *Блай* (Blaye), *Бискай* (Biscaye), но *Кле* (Claye) и *Лабуле* (Laboulaye). Некоторые имена в разное время произносились различно; так, имя Talleyrand произносилось *Тальран*, *Тайран*, *Талеран*. Деятель революции 1848 г. Cavaignac произносил свое имя *Каваньяк*, а его сын — *Кавеньяк*. Guizot сам себя называл *Гюизо*, однако удержалось произношение *Гизо*. Иногда сходные имена произносятся по разновременным системам: *Шампань* (Champaigne), *Монтень* (Montaigne). Многие имена произносятся различно, например: Dumesnil — *Дюмени* и *Дюмениль*; Monmirail — *Монмирай*, *Монмираль* и *Монмирель*. Имя Jésus-Christ у католиков звучит *Жезюкри*, у протестантов — *Жезюкрист*. Материал по произношению собственных имен см.: Vl. Buben. Указ. соч. (см. также указанную литературу); A. Dauzat. Les Noms de lieux. Paris, 1926; Он же. Les Noms de personnes, Paris, 1925; A. Barbeau, É. Rodhe. Dictionnaire phonétique de la langue française. Stockholm, 1930; Fr. Martinon. Comment on prononce le français. Paris, 1913; A. Longnon. Les Noms de lieux de la France, Paris, 1920—1929; J. Schätzer. Herkunft und Gestaltung der französischen Heiligennamen, 1905; см. также словари Ларуса и др.

строта или недостаточность указаний на характер произношения только придают этому вопросу сложность. Мне кажется необоснованным неограниченный скептицизм Л. В. Щербы, вызвавший у него такие формулировки: «Если спросить себя, может ли иностранец читать по-русски, не зная русского языка, то, конечно, надо ответить, что нет; в самом деле, откуда, например, может иностранец догадаться, надо ли читать *гóлова*, *голóва* или *головá*, и так при каждом слове. Таково положение вещей в большинстве языков, в том числе и во французском: их орфографии сделаны не для иностранцев, а для людей, знающих язык и узнающих знакомые им устным путем слова и в двусмысленных начертаниях» (Л. В. Щ е р б а. «Фонетика французского языка», Л., 1939, стр. 156). Не входя в подробности, замечу, что для нашего случая места для такого скептицизма нет, так как вопрос о положении ударения во французских именах возникает едва ли не в одном единственом случае — по отношению к имени итальянского рода, натурализовавшегося во Франции — Broglie (произносится с ударением на начальном слоге — *Брóйе* или *Брой*).

В другом месте («Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий».— В кн.: Труды комиссии по русскому языку, т. 1, М., 1931, стр. 189) Л. В. Щерба пишет: «Чтобы решить в данном случае орфографический вопрос, надо сперва решить вопрос орфоэпический». Мне кажется, что эти вопросы в общем случае надо решать одновременно, учитывая взаимоотношение между письмом и произношением.

Итак, иностранное имя предстоит пред нами в двойном облике: в транскрипции и в произносительной форме. Потребности орфографии могут определять орфоэпические нормы, и обратно — орфоэпические нормы могут вызвать определенные орфографические приемы. Возможность записать и возможность произнести взаимодействуют. Имя

Не всегда указания справочников справедливы. Так, имя Bernis везде рекомендуется читать с концевым *s*; между тем маркиза Помпадур, не отличавшаяся грамотностью, но, конечно, хорошо умевшая произносить имя своего поэта и министра, в письмах к нему, обращениях — писала Berny.

[К указанному списку следует добавить: P. F o u c h é. Traîté de prononciation française. Paris, 1956. — О произношении фамилии Bally рекомендация Фуше не совпадает с Вл. Бубном; Фуше указывает одиночное *l*. — *Ред.*].

к нам приходит и не в форме абстрактной транслитерации, не считающейся с произношением, и не в фонетической транскрипции. По этому вопросу следует присоединиться к мнению А. Сухотина, основанному, впрочем, на соображениях иного порядка: «Утверждать, что в основу практической транскрипции кладется принцип фонетический, неверно. . . В основу практической транскрипции должен быть положен принцип отражения средствами нормального русского алфавита не изолированных звуков, а фонетических систем конкретных языков, с учетом принятой в каждом языке графики, а также междуязыковых соответствий. При составлении транскрипционной схемы для звуков какого-либо языка надо не только подыскивать наиболее близкие им русские звуковые соответствия, но и стремиться возможно экономнее использовать средства русского алфавита. Нужно систему звуковых противопоставлений транскрибируемого языка по возможности отразить системой звуковых противопоставлений русского языка и русскими буквами» (указ. соч., стр. 144—145). Так или иначе, но необходимо учесть, что самая транскрипция имен может руководиться и фактически руководится соображениями не только фонетического порядка (например, отражает орфографию оригинала), и тем важнее установить взаимоотношение между письмом и звуком, если учесть, что практически необходимо указать нормы чтения вслух напечатанного текста.

Взаимоотношение между звуковым обликом слова в оригинале и в иноязычной передаче вообще сложнее, чем это представляется с точки зрения «приближенной фонетической транскрипции», и даже с точки зрения воссоздания фонологической системы. Здесь примешиваются ко всему прочему культурно-исторические условия передачи, диктующие ее формы. Для говорящего окрашивается своеобразным цветом как вся система передачи, так и отдельные соответствия. Эта окраска связана с представлением о культурно-бытовой функции передачи и характеризует своеобразное отношение говорящего к фактам ассимиляции варваризмов. Она связана и с социальной средой говорящего, и с направлением его ума не только в области языка, но и вообще в области его общественного поведения. В ней отражается и культурный уровень говорящего, и сложная система его симпатий и антипатий.

Она является приметой явлений и отношений, далеко выходящих за пределы вопросов чисто лингвистических.

Обратимся к известному месту из «Отцов и детей» Тургенева, где говорится о произношении Павла Петровича Кирсанова «без принси́пов»: «Павел Петрович выговаривал это слово мягко, на французский манер. Аркадий, напротив, произносил пры́нцип, налегая на первый слог».

Этот пример иллюстрирует следующие явления: одно и то же иностранное слово может передаваться разными способами, не теряя своего единства; эти разные способы принадлежат разным культурно-историческим укладам. Е. Ф. Будде, интерпретируя данную цитату [8], заключает о существовании двух языков: языка высшего общества (на французской основе) и языка семинарского. Эти уклады характеризуются не только разными подстановками звуков, но и разной манерой произношения (разные интонации, разные тембры и т. д.). В основе различения лежит то, что оба способа пользуются разными передаточными базами: люди «старого века» — французской фонетикой, слегка приспособленной к системе русского языка (здесь это приспособление сказалось в передаче носового звука), а молодежь — «семинаристы» — избирают в качестве передаточной базы новолатинский язык в его немецком обличии и сближают его с русским языком в большей степени (что сказалось в сочетании *ры*).

Передаточная база — необходимое условие всякой передачи иноязычных слов. Передаточная база возникает в силу культурно-исторических международных связей. Эта база представляет собою нечто вроде переходного говора. Она является своеобразным восприятием чужого, более или менее знакомого языка. В этом восприятии отражается некоторая упрощенность, характеризуемая тем, что фонологические тонкости, чуждые фонологической системе воспринимающего, сглаживаются. Происходят те явления, которые характеризует Е. Д. Поливанов в статье: «La perception des sons d'une langue étrangère» [9]. Приспособленный таким образом язык подвер-

---

[8] Е. Ф. Будде. Опыт грамматики языка Пушкина. СПб., вып. 1, 1901; вып. 2, 1902; вып. 3, 1904.

[9] «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 4, 1931, стр. 79—96 [см. русский вариант этой статьи «Субъективный характер восприятий звуков языка» в кн.: Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, стр. 236—253. — *Ред.*].

гается дальнейшему приспособлению фонетическому и морфологическому в контексте родного языка. Подобный мост между языками дает возможность любое слово данного иностранного языка переделать в слово своего языка. По условиям культурно-историческим, в зависимости от характера связей между языками, эта передаточная база характеризуется преобладанием в ней либо произносительных средств (при тесном устном общении народов), либо орфографических средств (при книжном общении). Наличие такой базы дает возможность усвоения не только слов того языка, с которым связывает эта база, но и слов всех тех языков, с которыми связан этот чужой язык.

Контаминация разных баз может создавать и совершенно искусственную базу, в которой возможно преобладающее влияние одного языка, но это влияние сочетается с влиянием других языков. Так, все романские и германские языки у нас подвергаются наложению на прокрустово ложе воображаемой фонетической системы, в основе которой лежит новая латынь, весьма обогащенная заимствованиями из французского и немецкого языков (отчасти и из итальянского — звуками [ч] и [дж]). Подобные контаминированные базы являются чем-то вроде фонетического эсперанто: этот искусственный язык приспособлен к усвоению слов определенного круга языков. Наконец, возможно, что эта база приобретает совершенно воображаемые свойства, главным образом благодаря отталкиванию от родного языка; например, явление сильное в родном языке и слабое в чужом мы можем по контрасту заменить нулем (например, йот между гласными). С другой стороны, характерно, что база всегда утрачивает акцентологические особенности исходного языка (так называемую краткость и долготу слогов, восходящий и нисходящий характер ударения и т. п.), приспособляясь к акцентологии усваивающего языка, по-видимому, из потребностей приспособления к контексту, ибо все не свойственные лексической акцентологии языка иные средства обычно входят в общую систему фразовой интонации данного языка и сохранение этих средств изменило бы синтаксическую функцию усвоенного слова в родной фразе.

Передаточной базой для нас когда-то служила база византийская, через которую мы усваивали еврейские и другие слова, затем польская, через которую проникала

западноевропейская лексика, затем среднеевропейская на основе латинского языка. Эта база была не единой. То в ней преобладало французское влияние (говорили *аплодисман*, *дивертисман*, доныне сохранилось *ресторан*), то немецкое. Для современных национальных языков СССР такой базой служит русский язык, являющийся посредником между национальными и всеми зарубежными языками. Для современного русского языка характерно наличие трех баз — среднеевропейской, турецкой и дальневосточной. Любой другой язык приспосабливается к одной из этих баз.

Наличие передаточной базы создает следующие условия:

1. Составляется общее представление о фонетическом облике всех языков, усваиваемых путем данной базы. Это представление об особенностях «иностранного» произношения не всегда характеризует реальные особенности транскрибируемых языков. Так, латинская основа среднеевропейской базы у нас создала впечатление, что в европейских языках внутри слов две гласных никогда не разделяются йотом. Отсюда как следствие мы выбрасываем этот йот (особенно, если он не отразился в орфографии, как, например, *Шатобриан*; но даже и в тех случаях, когда он дан орфографией, как проект — projectus) или же, если он обусловлен орфографией, мы передаем его необычайными для русского языка орфографическими приемами, выделяя в особую букву, а в произношении заменяем простой йот долгим, независимо от того, обусловлена ли эта долгота законами русской орфографии или нет: *район*, *Сийес*, *Байона*, *Кайена*, *Байи*, *Мейе*.

2. Переводя на язык «базы» иностранные слова, мы лишаем их некоторых фонетических свойств, при этом иногда даже присущих русскому языку, но отсутствующих в самой «базе». В таком случае эти свойства уже не восстановимы в русской передаче слова. База является как бы экраном, непрозрачным для некоторых звуков и их сочетаний, даже возможных в русском языке. Так, турецкое слово *кызлар* пришло к нам через европейскую базу в форме *кизляр*, хотя мы знаем и твердое *к* плюс *ы* (*к избам* — [кызбам] [10]) и во всяком случае твердое *л* плюс *а*.

[10] Отмечу, что, расширяя русский фонетический фонд для передачи варваризмов, мы часто пользуемся явлениями, встречающимися

Передаточную базу не следует смешивать с языком-посредником. О таком языке-посреднике говорит Л. В. Щерба в уже цитированной статье: «Другой общий вопрос, который тоже решается довольно легко, но который надо обязательно осознать, — это вопрос о том, какое произношение надо заимствовать — произношение языка оригинала или произношение языка-посредника. Ясно, что в принципе надо обращаться всегда к произношению первоисточника и не читать, например, голландские фамилии на немецкий или английский лад. Таким образом, надо говорить и писать *Версхюр* (Verschur), а не *Фершур*; *Звардемакер* (Zwardemaker), а не *Цвардемакер*» («Транскрипция иностранных слов», стр. 191). Но здесь ведь идет речь о неверном прочтении текста одного языка в орфографической системе другого. Такому неверному чтению на немецкий лад мы обязаны вошедшими в употребление именами *Метерлинк* вместо правильного *Матерлинк*, *Рубенс* вместо *Рюбенс* или чтению на голландский лад французской фамилии фламандского художника Teniers — *Тенирс* вместо *Тенье*. Всякий выскажется за верное чтение, но это чтение может быть усвоено только через посредство передаточной базы. В русской среде нет непосредственного знакомства со звуками голландского или португальского языка, в то время как звуки латинского языка (в условном современном чтении) широко популяризованы в многочисленных западноевропейских заимствованиях. Поэтому правильное чтение голландских имен сперва приспособляем к этой передаточной базе, а затем переводим их на русское письмо и на русское произноше-

---

у нас лишь на стыке слов, для передачи комбинаций, характерных в любом положении в иностранных словах; так, сочетание твердого *т* плюс *е*, у нас отсутствующее внутри слова, в варваризмах произносится точно так, как в русских сочетаниях *от этого*, *от этих*. Это молчаливо констатируется авторами работ о передаче иностранных слов (в частности Л. В. Щербой), приводящими русские примеры явлений, происходящих на стыке слов, для иллюстрации способов произношения иностранных слов. Явления «стыковых» комбинаций, равно как явления частной ассимиляции (в частности озвончения) или редукции, создают особый «подспудный» фонд звуков, не входящих в состав типовых русских фонем и их комбинаций, но используемых для передачи близких иностранных элементов произношения с непременным приближением звуков иностранной речи к этим «подспудным» звукам русского языка.

ние. То же самое мы делаем по отношению к английскому, испанскому и скандинавским языкам.

В результате наличия такой базы у нас создается представление об особом характре «иностранного» произношения, не всегда проверяемое в действительности. Существует особый «иностранный колорит», противопоставляемый «русскому колориту». Некоторые фонетические явления русского языка являются запретными при передаче иностранных слов и имен, некоторые прививаемые языку формы не имеют реального соответствия в чужих языках, но в то же время являются приметами иноязычного колорита. И при выработке орфоэпических норм с этими условностями бороться бесполезно, так как они являются живым фактом языка. Эта иноязычная база прививается к русскому языку и занимает в общей системе языка особое место. Может быть, если пообследовать непоследовательности в передаче иностранных слов, то окажется, что они основаны на живом инстинкте языка и несут какую-то функцию в общей системе языка. А иностранная база, или вернее ее отражение в русской речи, не противостоит всей русской речи, а занимает в ней определенный участок.

Этим определяется, почему нам кажется неверным тезис Л. В. Щербы о том, что не следует «обозначать как-нибудь свойства произношения, не имеющие себе аналогии в русском языке». Мне кажется, что Л. В. Щерба сам себе противоречит в этом пункте, предполагая, например, транскрипцию *Верхсхюр*. Ведь сочетание *хю* не имеет аналогии в русском языке.

Л. В. Щерба задает и обратный вопрос: «Какие элементы иностранного произношения должны быть передаваемы в русском?» При этом он решает вопрос «просто»: «Только те, которые имеют фонематическое значение». Но здесь мы наталкиваемся на бесконечно темный вопрос — что такое фонема, особенно в передаче иностранного слова, на наше восприятие бесформенного, и почему мы должны отказываться от передачи позиционных вариантов фонем, воспроизводимых средствами русского языка и фонематически различимых в русском языке (примеры Л. В. Щербы — испанское интервокальное *в*, твердое конечносложное английское l). Ведь передаем же мы немецкое st не как *ст*, а как *шт*, а звонкое начальное s не как *с*, а как *з* (*Штейн*, *Зонтаг*).

Фонетическая модель русского языка не едина и не неподвижна. В нее вторгаются и в ней перевариваются разные фонетические системы: церковнославянская, диалектная [11]. «Иноязычный» участок входит в общую систему языка, и орфоэпическая норма должна с этим считаться. Поэтому некоторые «неправильности» передачи следует признать нормальными даже тогда, когда по разным обстоятельствам в системе языка возможна и более адекватная передача.

С другой стороны, норма не должна устранять некоторых варваризмов произношения, хотя бы они в современном состоянии языка и были обречены на поглощение по мере усвоения слова более широкими кругами говорящих. Не показательно в этом случае и то, что новое поколение не воспринимает некоторых черт этого «иностранного» участка. Эта тенденция может оказаться временной и вопрос о том, что́ в произношении победит, решит история, которую не всегда можно предусмотреть методом экстраполяции (т. е. на основании той гипотезы, что сегодняшние тенденции будут действовать и завтра). Вообще же, проникновение в язык новых фонетических различений скорее полезно, так как обогащает выразительные средства языка. С другой стороны, проникновение книжных и интеллигентских форм в широкую народную речь — явление гораздо более сильное, чем поглощение этих форм. На наших глазах уничтожаются диалектные уча-

---

[11] Не говорю уже о том, что по мере разобщения этимологии происходит самая переоценка фонем: вряд ли в слове *здесь* первый звук можно рассматривать как позиционный вариант звука *с*, подобно тому, как в слове *сделать*. Эта переоценка отдельных звуков может отразиться и на самой модели: в частности, редуцированные гласные находятся в переходном состоянии от варианта к фонеме, и в словах *сапог*, *собака* гласные первых слогов не восстановимы в их чистом фонематическом значении: вариант находится на пути превращения в фонему и граница между изменением фонемы и чередованием фонем стирается. Ср. современные чередования на месте старого смягчения [г]—[ж] и т. п., которые когда-то были не чередованием, а позиционным изменением звука. Так, в фамильярном произношении французов в области валонского диалекта слово étudiant звучит *эчюджиа* (ср. валонское произношение tiesse 'голова' — [чьес], где звук [ч] есть вариант [т], а не фонема [ч], как, например, в слове potche 'карман'), причем никак нельзя говорить о чередованиях [t — ч], [d — дж], а мы имеем дело с вариантами [t] и [d] перед гласными переднего ряда.

стки, переходящие на «городскую» речь. Пусть в говоре большинства *брошюра* стала *брашура*, а *поэт — паэт* (но не *пает*!). Тем не менее все же, особенно в условиях влияния радио и звукового кино, быть может более сильного, чем влияние школы, нормы интеллигентской речи так или иначе прививаются к народной речи.

Прежде чем перейти к перечню частных фактов передачи отдельных фонем и их сочетаний, сделаю одно общее замечание. Область иностранных слов еще не слилась окончательно с областью общерусской. Поэтому иностранные имена и явно ощутимые варваризмы обладают своим колоритом произношения, который не исчерпывается репертуаром отдельных специфических звуков и звуковых соответствий. Есть еще особый стиль, или особая «просодия», иностранного произношения, тот самый «интеллигентский голос», о котором говорил Е. Поливанов. Этот стиль чувствуется и в словах, не заключающих в себе чего-либо специфически иностранного. Этот стиль характеризуется особой отчетливостью и некоторой напряженностью артикуляции. Отсюда — некоторому изменению подвергаются все звуки, хотя это изменение и не придает им значения новых фонем или даже новых вариантов фонем. Есть стремление произносить «не на русский манер». Это легко констатировать в случае омонимов. Если один из омонимов есть русское слово, а другой — иностранное имя или свежий варваризм, то появляется стремление дифференцировать их средствами произносительной манеры, что в какой-то мере отражается и на качестве звуков. Возьмем слово *боль* и имя голландского художника *Боль*. У нас есть тенденция произнести собственное имя отчетливее и напряженнее. От этого [о] начинает звучать более закрыто, а *ль* приближается к среднеевропейскому, совершенно независимо от того, как дело обстоит в голландском языке. В слове *боль* мы ощущаем более вялую артикуляцию.

Но здесь речь может идти только о некоторой тенденции, о некоторой передвижке, принимающей различный характер в разных индивидуальных произношениях, а отнюдь не о замене одних фонем другими. При этой общей оговорке о стиле произношения мы можем трактовать имя *Боль* в плане орфоэпических норм как обычное русское сочетание трех русских фонем: твердого *б*, *о* и мягкого *л*, так же как и в слове *боль*.

Это мне позволит по аналогии трактовать и имя *Боль* в сравнении со словом *бель* не как сочетание особого рода фонем («полутвердого *б*» с «полуоткрытым *е*» и т. д.), а как те же три звука, что и в русском слове, но несколько напряженнее произносимые. В русском языке здесь возможны только две формы — русское слово *бель* и русское сочетание в форме типа *об Эльбе* (с твердым *б*). Из этих двух типов собственное имя *Бель* принадлежит к первому (т. е. с мягким *б*).

Там, где нет потребности различать омонимы, ослабляется и дифференциация произношения, и звуки иностранного имени свободно совпадают с русскими сочетаниями. Английское имя *Вебб* вполне удобно произнести как русское сочетание [веп] («прокатиться по *Неве б*») и никто не почувствует неудобства (я говорю о произношении в русском контексте, в предложении, а не в изолированном положении, где мы всегда форсируем «иностранный пошиб»).

Одно из совершенно явных следствий стиля произношения, отражающихся уже совершенно явно на составе звуков, — это условия редукции гласных. Как правило, в иностранных именах гласные не редуцируются или, верней, слабо редуцируются. Иначе говоря, [о] не переходит в [а], оба звука не переходят в средний нейтральный [ə] [12], [и] не сливается с [е], [ша] и [жа] (*Шарло*, *Жаколью*) ни в каких положениях не превращаются в [шы] и [жы] (это даже при очень «русском» произношении и в хорошо усвоенных варваризмах — *жалюзи*, *шампиньон*) [13] и т. д. Иначе говоря, все гласные в неударенном положении сохраняют свое качество. Однако для уточнения этой нормы следует оговориться, что некоторая редукция все-таки происходит и, например, [а] во всяком неуда-

---

[12] На практике это соблюдается в большей степени по отношению к [о], чем к [а]: можно слышать произношение вроде *марокен*, *квазимодо*, с ясным неударным [о], но с заменой неударного [а] нейтральным звуком [ə]. В качестве нормы следует предложить сохранение [а] и в неударном положении.

[13] В книге «Справочное место русского слова» (1843) указывается что надо говорить *желе*, а не *жиле*, *шоколат*, а не *шиколат*; запрещаемые формы ставятся в ряд с просторечными *кинарейка*, *пришпект*, *жисть* и т. п. (см.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 345).

ренном слоге иностранного имени произносится очень близко к русскому [а] в предударном слоге. Следовательно, противоположение ударных и неударных слогов в иностранных словах сохраняется как и в русских, но несколько ослабляется. Я бы сказал, что она приближается к тому «проясненному» произношению, которое пропагандирует Л. В. Щерба в разных своих работах и которое в русской речи мыслимо разве что в пении. Так, имя Baraguay будет и не *Бараге*, и не *Бэрʌге*. В словах *Барбазан* и *Фальбала* ударные [а] не вполне тождественны неударным. Как будто нет необходимости оговаривать характер редукции иных гласных. Достаточно указать, что неударное [о] произносится как в русском союзе *но*.

В связи с неполной редукцией неударных слогов находится и особый просодический ритм произношения иностранных имен. В них не должно быть количественного ослабления в предпредударном и в послеударном слогах длинных слов, и все неударные слоги произносятся более или менее ровно.

Иностранное имя сложным путем проникает в русскую речь, поэтому вопрос о произношении иностранных имен не может быть решен в общей форме. Каждый язык находится в особом отношении к русскому языку. Запасы звуков у разных языков разные, изменчивы их внутренние соотношения в каждом языке, не одинаковы способы отражения их в русском. В силу разных условий сходные звуки разных языков различно передаются в русском. Так, английский звук, изображаемый th, передается в русском через [т], а родственный ему испанский звук, изображаемый z, — через [с]. Поэтому необходимо исходить из фонетической системы чужого языка и устанавливать нормы передачи этой системы в русском языке. Для каждого языка возникают, помимо общих, и характерные частные вопросы. Так, для английского языка необходимо решить вопрос о передаче сложной системы гласных, о передаче звука [w] и др. (ср. *Уолтер* и *Вальтер*), для немецкого — общий с английским вопрос о передаче звука [h], а также о передаче дифтонгов [au], [ei], [eu] (ср. *Гейслер* и *Хойслер*), для шведского — о передаче трех *у* — переднего, среднего и заднего (ср. *Нора* и *Нура*) и т. д. Эти частные вопросы разрешимы лишь при общей постановке вопроса о передаче всей системы каждого языка в отдельности.

В настоящей статье речь будет идти о звуках французского языка.

При передаче французских имен легко решается вопрос о положении с ударением, поскольку французский язык относится к языкам с несвободным положением ударения. В русской передаче французских имен ударение несклоняемых имен падает на последний слог, для склоняемых — на последний слог основы и остается неподвижным в склонении. Спорным является только вопрос о положении ударения в женских именах, оканчивающихся на *-a* во французском языке, типа Stella, но к этому вопросу мы вернемся в разделе, посвященном морфологии.

Обратимся к гласным французского языка.

Прежде всего отмечу, что при передаче французских гласных теряются оттенки между разными *e* — закрытым и открытым, долгим и простым, равно как между разными *o*, разными *a* и т. д. Хотя в русском произношении и можно было бы найти звуки, близкие к разным оттенкам этих гласных и, следовательно, не исключена абсолютно возможность упражняться в их различении, не покидая произносительной базы русского языка, но так как эти варианты гласных у нас лишены фонологического значения, то создавшийся обычай ассимилирует все эти оттенки в представлении о фонемах-типах. Это не противоречит и собственной тенденции языка, отражающейся, например, в том, что в рифмах наблюдается различение меньшего количества типов гласных, чем их имеется в языке [14], и где общая тенденция развития языка явно склоняется к закреплению оттенков за определенными позициями и смысловое их различение все более приобретает реликтовый характер. Конечно, целый ряд различаемых во французском языке слов сливается в пе-

[14] Так, французские поэты рифмуют: opprimé — mai (Hugo), sacré — vrai (Leconte de Lisle), plongé — geai (Hugo), je vais — mauvais (Hugo), page — âge (Lamartine), âme — madame (Molière), tu sais — essais (P. Corneille). Ср. примеры в кн.: M. Grammont. Le Vers français, ses moyens d'expression, son harmonie. Ed. III. Paris, 1923, стр. 347—360; ср. замечания Вольтера на комедию Корнеля «Le Menteur» (acte V, sc. I). По поводу подобных рифм всегда возникал спор: строгие фонетисты браковали эти рифмы, но поэты их упорно употребляли. В современной рифме господствует еще бóльшая свобода.

редаче в неразличимые омонимы, но это неизбежно (patte—pâte, l'âme—lame, j'ai—geai, tête—tette, saute—sotte и т. д.). В именах это встречается значительно реже, чем в общем репертуаре языка. Нам придется мириться с тем, что в русской передаче, например, неразличаемы фамилии Renouard и Renoir, Caus и Cot и что, конечно, хуже — Imbert и Humbert и нек. др.

Поделим гласные на три группы: простые, носовые, дифтонги (простые и носовые). Последняя группа разлагается на составные части — слоговые, распределяемые среди первых двух групп, и неслоговые, которые мы будем рассматривать в числе согласных.

Среди простых гласных для передачи необходимо различать следующие типы: i, a, e, o, ou, eu (ö) и u (ü), т. е. 7 типов. Из них три — a, o, ou не представляют никаких затруднений и передаются во всех положениях русскими гласными *а*, *о*, *у*. Эта передача не зависит от французской орфографии (т. е. звук [o] соответствует написаниям o, ô, au, eau). Они сохраняют свое качество во всех положениях.

Единственною особенностью является то, что в положении после гласных они не отделяются от гласных йотом, как, впрочем, и прочие гласные, т. е. в русской передаче будет: *Элеонора*, *Бриан*, *Роан*, *Леон*, *Сюар*, *Риом*, *Микаэла*, *Манюэль* и т. д.

Отмечу, что это не всегда так в оригинале. Но передаточная база является непрозрачным экраном для сочетаний *её* (ejo), *иё* (ijo), *ия* (ija) и т. п.

Обратимся к гласным [i] (i, î, y) и [e] (é, è, ai, aî, ay и др.). В русских словах эти гласные обладают тем свойством, что в основном своем варианте (типичном для инициального положения и для положения после *к* и *г* внутри слова) они требуют смягчения предшествующего согласного; поэтому условно их можно называть мягкими гласными.

Свойством мягкости (т. е. обязательности смягчения предшествующей согласной) обладают в иностранных именах только [i]. При этом, в отличие от русского языка, где невозможно смягчение [ш], [ж] и [ц], для иностранных имен это смягчение обязательно, т. е. надо говорить *Жиро*, *Коши* (а не *Жыро*, *Кошы*; сочетание с [ц] почти невозможно во французском языке). Вариант [ы] должен отсутствовать в передаче имен. Он появляется только

в одном случае: при соединении твердого предлога с именем, начинающимся на [и]. В этом случае иностранное имя ведет себя совершенно так же, как и русское имя *Иван*. Надо говорить [с ы]*забеллой*, *о*[т ы]*ветты*, а не [си]*забеллой*, *о*[ти]*ветты*.

Что же касается звука [е], то он в иностранных именах не вызывает смягчения согласных [ш], [ж], [ц] (*Лушер*, *Жером*).

Кроме того, перед [е] сохраняют свою твердость звуки [т], [д], [с], [з], [н] и [р]. Эти шесть согласных не вызывают сомнений. Они произносятся внутри иностранного имени перед [е] так, как слова *от*, *под*, *с*, *из*, *он* и т. д. перед словом *этот* и его формами (*от этого*, *под этим*, *с этим*, *из этого*, *он это сказал*, *спор этот бесполезен*). Это произношение независимо от орфографии, и нет нужды прибегать к букве *э*. В этом пункте орфография иностранных имен стоит в ином взаимоотношении с произношением, чем орфография русских слов. Впрочем, на практике существует некоторый разнобой (некоторые употребляют букву *э* только перед этими согласными, некоторые и перед другими; иногда ограничиваются употреблением *э* только под ударением: *Ренэ́*, но чаще пишут простое *е* повсюду).

Возникает спорный вопрос, какой характер имеет сочетание [е] с другими согласными, например с [б] или [м]. В этом отношении мнения разделяются. В обычных элементарных справочниках произношения отсутствуют указания на то, чтобы сочетание [б] в иностранных словах произносилось твердо; так, в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова при слове *берет* указано твердое произношение слога [рэ] и ничего не указано о первом слоге, т. е. сочетание *бе* рассматривается как нормальное; так же и в слове *реле* отмечена только твердость слога [рэ].

Мне кажется, что при общем указании, что иностранные имена произносятся в несколько особом стиле, нам не нужно различать произношение согласных перед [е] от обычного русского мягкого сочетания (и твердого для *ше*, *же*, *це*), за исключением упомянутых шести согласных [т], [д], [с], [з], [н], [р].

Возвращаясь к звуку [i], отмечу одну его особенность. Во французских словах буква i имеет тройную функцию: иногда это йот (обычно в результате дифтонгизации латинской гласной: pied < pedem), иногда это [i] ни в каких

условиях не переходящее в [j] (prier < precari), иногда же это i по произволу говорящего или в разных стилях речи произносимое то как йот, то как [и] (подобно русским парам *пение—пенье*); création, ср. стих Гюго: «A la création immense» — октосиллаб, в прозе это слово трехсложно (см., например, Л. В. Щерба. Фонетика французского языка, стр. 228—229). Ясно, что в первых двух случаях i передается согласно произношению, которое однозначно; в спорном случае лучше склоняться в пользу [и], а не «йота». Подробнее я остановлюсь на этом, когда речь будет идти о «йоте».

Замечу, что наши переводчики часто пользуются свободой в обращении с подобного рода сочетаниями звуков. Например, Л. Поливанов в «Гофолии» трактует начальное i перед гласной то как [и], то как «йот».

> Известный с первых дней под именем *Иоаса* [=Йоаса]..
> И будет *Иоас* [Й-о-ас] всегда тебя любить . . .
>
> («Гофолия» Ж. Расина, в переводе Льва Поливанова. М., 1892, стр. 67 и 69).

Остаются две гласные u [ü] и eu [ö]; сама возможность их передачи возбуждает споры.

Вопрос о передаче французского звука u [ü] осложнен тем, что русская практика передачи подобного звука основана на транскрипции немецких слов. Известно, что в некоторых немецких диалектах [ü] сливается с [i]. Это отразилось и на литературном языке, в частности в рифмах, где слова с [ü] и с [i] под ударением рифмуют между собой (например, у Гёте: küssen—wissen, Blick—zurück; у Шиллера: gründen—binden, verhüllt—Bild) и, следовательно, относятся к одному типу. Отсюда создалась возможность передавать этот звук через русское *и*. Такая передача характерна для старого периода, примерно до 30-х годов XIX в. Такова старая форма *Минхен* (Мюнхен), *флигель* и т. п. С другой стороны, изредка встречается возникшая на почве немецкого чтения голландских слов или же через посредство латинской формы имен замена [ü] русским *у*: *Утрехт*, *Уленспигель* и др. (отсюда, например, *Рубенс*, вм. *Рюбенс*). С этой традицией можно не считаться, так как она имела весьма ограниченное применение. Типичная передача звука [ü] — через букву *ю*, и этот способ возобладал в случае, если [ü] находится после согласной. До сих пор нет твердого реше-

ния вопроса для случая, когда [ü] стоит в начале слова или после гласной. Оставим пока в стороне этот трудный случай.

Надо признать нормальной орфографическую манеру передавать звук [ü] после согласной буквы *ю* (после любой согласной: *Мюрат*, *Жюли*, *Кюстин*, *Бюлоз*, *Люмьер*). Требование передачи этого звука через *и* идет настолько вразрез с установившейся практикой, что было бы нереальным принимать за норму такую транслитерацию (см.: Л. В. Щерба. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий, стр. 194. — Впрочем, автор убежденно настаивает на передаче [ü] через *и* только для начального положения этого звука).

Гораздо важнее определить, как произносить это буквенное обозначение. Здесь возникает два вопроса: о качестве гласного и о качестве смягчения предшествующего согласного.

Обычное возражение против буквы *ю* это то, что в русском языке в данном положении эта буква обозначает [у] с предшествующим смягчением, причем комбинация мягкого согласного с [у] как и с [а] и [о] вызывает еще ряд побочных явлений, в результате которых звук [у] не однороден. На иностранный слух это — дифтонг, разлагаемый иностранцами, когда они пытаются имитировать русское произношение (русское *меню* француз, отталкиваясь от родной ему формы, прочтет *менью*; ср. произношение *ковьёр* и т. п.).

Конечно, в чистой форме русское произношение буквы *ю* в иностранных словах неприемлимо. Однако есть предпосылки к тому, чтобы приблизить к французскому [ü] произношение этого звука в русском контексте.

Е. Поливанов в статье «Фонетика интеллигентского языка» (в кн.: «За марксистское языкознание». М., 1931, стр. 150), характеризуя интеллигентское произношение, среди прочих элементов указывает на проникновение в русский язык звука [ü]. Автор считает признаком интеллигентского произношения усвоения трех западноевропейских фонем: среднего l, ö и ü) [15].

И в самом деле, к этому имеются предпосылки. В русском языке, особенно при быстром темпе произношения,

---

[15] [См. также: Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию, стр. 232—234. — *Ред.*].

это [ü] появляется. Правда, оно более похоже на шведское или персидское [ü], чем на французское, но важно, что это особый тип, знакомый нам. Так как он появляется в случаях, когда графически изображается буквою *ю*, то его легче выделить и легко формулировать правило, по которому каждый исполнитель сумеет его произнести и осознать как особый вариант фонемы [у], легко противопоставляемый основному [у]. Этот звук проявляется при быстром темпе произношения слов, где *ю* стоит между двумя мягкими согласными (*нюни*), когда по условиям темпа гласная приобретает полную однородность. Еще отчетливее этот звук в неударном положении после гласных. Таков случай быстрого произношения слова *знают*, без йота между [а] и [у] (результат слияния в единый однородный звук йота и [у]).

Ср. транскрипцию Л. В. Щербы «Памятника» Пушкина («Фонетика французского языка». Изд. 2. Л., 1939, стр. 22), где этот звук указан в слове *главою*, произносимого также без йота. В данном случае появление звука [ü] является более индивидуальным, чем в предыдущем (и, пожалуй, неуместным в чтении стихотворного текста, особенно в стиле «Памятника»).

Возникает вопрос, может ли человек без лингвистической подготовки прояснить этот звук в медленном произношении, так сказать «поймать» его. Здесь мы подходим к вопросу о «проясненном» произношении. Вопрос этот необходимо поставить в плане практической пропаганды норм орфоэпии, имеющих в виду самовоспитание практиков звучащей речи: педагогов, актеров, дикторов, лекторов и т. д., из которых многие не обладают необходимым минимумом лингвистической выучки. Зафиксировать нормы произношения может лишь тот, кто сохранит характер звуков в любом темпе речи. За норму произношения можно признать лишь те формы, которые мыслимы в замедленном, громком и отчетливом («чеканном») чтении. Скороговорочные варианты допустимы лишь в условиях соответствующего темпа и стиля. Поэтому я позволю себе остановиться на этом вопросе сейчас, хотя он здесь оборачивается несколько иной стороной. Сейчас речь идет не о норме полного стиля речи, а о самом акте прояснения произношения.

Л. В. Щерба, основываясь на французских фонетиках, констатирует и в русской речи два стиля — полный и раз-

говорный (я бы прибавил еще скороговорочный, в котором появляются комканные формы типа [палпалч] — *Павел Павлович*, [скока] — *сколько* и т. п.). Но соотношение явлений в русском языке у Л. В. Щербы почему-то диаметрально противоположно тому, что имеют в виду французские фонетисты. В самом деле, обратимся к его же фонетике французского языка, к вопросу о произношении разных *е*. Одинаково, как в статье 1915 г. («О разных стилях произношения». — «Записки неофилологического общества при С.-Петербургском университете, VIII), так и в «Фонетике французского языка», Л., 1939), Л. В. Щерба отмечает, что различие открытого и закрытого *е* не под ударением наблюдается только при полном стиле; в ускоренном стиле появляется безразличное «среднее» *е*. Разные формы *е* (по открытости и долготе), согласно пояснению Л. В. Щербы, имеют источником, с одной стороны — историю происхождения звука в данном слове, с другой — позицию (открытый или закрытый слог). Эти условия вполне проявляются лишь в полном стиле. В русских же транскрипциях Л. В. Щербы (см. транскрипцию «Памятника», стр. 21—22 в «Фонетике французского языка», изд. 2) мы наблюдаем обратное: различные звуки, в зависимости от позиций, наблюдаются лишь в «разговорном» стиле (типа [gəɬʌva]), а в полном — совершенное неразличение звуков (т. е. [gaɬava]), что и является полной противоположностью французской системе. Кроме того, ясно, что полный стиль французских фонетистов дает произнесение выразительное и естественное (несмотря на некоторую аффектацию, уместную в определенных условиях) и, например, весьма применимо в стихотворной декламации или в высоком ораторском жанре торжественных речей. Между тем, «полное» чтение Л. В. Щербы ни в каких бытовых условиях не существует: нельзя читать, декламируя стихи, *памятник* (с отчетливым [мя]), [дикай] и т. п. «Полный стиль» Л. В. Щербы — это не столько проясненное произношение, сколько гипотетическое символическое чтение, объединяющее начала фонетики и орфографии; особенность его та, что фонемы в любом слабом положении, совпадающие в произношении, обозначаются условными звуковыми символами, отмечающими факт их совпадения и заимствуемыми из основного репертуара фонем (в их сильном положении). В этом отношении [галава] ничуть не лучше, чем [голова] (и даже [гылыва]),

подобно тому, как [атаман] равнозначно [отоман], потому что символ *а* здесь несет ту же функцию, что и симовл *о*, означая звуки, выражающие одинаково совпадающие неударные варианты двух фонем — [а] и [о].

Из этого можно сделать вывод: подлинный проясненный стиль — это наиболее полное отражение всех оттенков; скорый стиль — это стирание оттенков (так, в скором стиле естественнее всего сказать [gəłeva]; [голова, галава, гылыва] — есть символическая передача именно этого реального произношения).

Полный стиль, конечно, не есть механически проясненная разговорная форма, но легче прояснить аллегровую форму, чем перевести в аллегровую форму оттенки полного стиля. Вообще говоря, стили отличаются друг от друга не только большей или меньшей ясностью произношения и богатством оттенков; по существу слова могут иметь разную фонетическую судьбу в разных стилях, и соотношение между стилями хотя и подчинено общим законам, но в частных случаях имеет прихотливое своеобразие (так, в частности, если *столько* имеет соответственную форму [стока], то слово *полька* не имеет формы [пóка] [16], если слово *тыща* отчетливо представляется для нас двусложным, т. е. достигло своего аллегрового предела, то родительный падеж от фамилии *Пашич* или форма *высечет* при любых скороговорочных условиях остаются трехсложными, т. е. бесконечно приближаясь к своим пределам [паща] и [выщет], никогда с ними не совпадают). Впрочем, это уже вопрос, далеко отходящий от темы настоящей работы.

Здесь достаточно вывода, что орфоэпически воспитанный человек, умеющий сознательно анализировать и корректировать свое произношение, всегда сумеет прояснить любую форму, сохраняя варианты и оттенки фонем, ибо в общем случае, замедляя речь, легче эти оттенки сохранить, чем утратить. Без этой способности он глух к любым нормам и никакая инструкция не исправит его произношения. Декретируя нормы правильного произношения, мы можем иметь в виду только тех, кто на такое прояснение способен, т. е. тех, кто любую аллегровую форму может произнести «ленто».

[16] Ср. *тогда* в быстром произношении даст [тада], но *всегда* не переходит в [вседа] (см.: Р. Кошутич. Граматика руског езика, 1. Гласови. Пг., 1919, стр. 68).

Следовательно, не выходя за пределы русского языка, на самом материале родного языка можно воспитать произношение звука [ü]. Это русское [ü] и должно быть рекомендовано в качестве нормы в иностранных словах на место буквы *ю* после согласных. Гоняться за воспроизведением подлинных (и при том различных) оттенков [ü] в западноевропейских языках нет никакой нужды.

Другой вопрос — о характере смягчения согласных перед [ü] — решается примерно так же, как и по отношению к звуку [i]. Иначе говоря, в противоречии с русскими навыками, смягчаются также согласные [г], [к]: *Гюстав*, *Кюстин*, а также [ш] и [ж]: *Жюли*, *Трошю*. Единственно, что является спорным, — это характер смягчения [т] и [д]. Желательно, чтобы они не переходили в аффрикаты, особенно ясные в белорусском произношении (*тсь*, *дзь*).

Камнем преткновения является передача звука [ü] в начале слов и после гласных. Современная орфография решительно перешла на передачу этого звука буквой *ю*. Но никакие орфоэпические нормы не преодолеют привычки читать это написание с начальным «йотом» (*Юманите*). Поэтому очень часто отступают перед трудностью, прибегая к разным уловкам. Приходилось слышать такое мнение, что транскрипция *Гюго* (Hugo) хороша именно тем, что это *Г* поглощает «йот». Мнение это парадоксально: если ноль звука можно заменить звуком [г], то чем хуже «йот»? Как же быть с такими именами, как Urgèle, Uzanne и т. п., не говоря об именах типа Hubert, которые традиционно передаются как *Гюбер*.

Переводчики, пасуя перед трудностью, склонны латинизировать имена: *Ургела*, *Урсула* (в «Истории театра» С. С. Мокульского подпись под картинкой: «Госпожа Фавар в роли феи *Ургелы*»), хотя эта фея — Urgèle — чисто французского происхождения: ее создал Вольтер и латинизировать ее нет никаких оснований (или передавать по немецкому образу: *Ульбах* (Ulbach). Но эти уловки не решают вопроса в целом. Как быть с фамилиями типа Uchard, Urfé? (В последнем случае в качестве обходного средства сращивают с фамилией дворянскую частицу: *д'Юрфе*).

Пока не предложено лучшего решения, можно примириться с произношением *Юшар*, *Юрфе*. Недостаток этого произношения в том, что в нем смешиваются две формы: [ü] (французское u) и [ju] (французское you — русское

ю) — обе возможные по-французски. Хотя начальное *ю* (you) и редко во французском языке, но оно существует (например, французский генерал Youzouf). Во французских словарях зарегистрировано немало слов, начинающихся с *ю*: youyou, iouler, youpin (из бранной терминологии Дрюмона) и др.

Но может быть желательно, по крайней мере в столичных театрах, настаивать на произношении чистого [ü] в начале соответствующих имен. В этом случае особенно ясно, что желательная орфоэпическая норма наталкивается на главное затруднение, заключающееся в отсутствии необходимого обозначения в русском алфавите.

Судьба звука [ö] (eu) в общем похожа на судьбу звука [ü], но с некоторым своеобразием. Звук этот проник в русский язык в двух формах, отражавшихся в написаниях и произношениях слов *инженер* и *монтёр*. Ср. у Гончарова: «Все *примёры* зелени и фруктов» («Литературный вечер»). По-видимому, эта орфографическая форма поддерживалась необходимостью различать *примёры* и *примеры* (наличие во втором слове буквы «ять», очевидно, показалось Гончарову недостаточным для правильного осмысления необычного заимствованного слова). Суфф. *-ёр* оказался весьма продуктивным (*шахтёр*, *партнёр* вместо правильного *партнер* — partenaire; ср. неологизм Маяковского *трелёр* от *трель*).

Совпадение [ö] и [e] — немецкого происхождения (см. немецкие рифмы у Гёте: Höh—See, gehört—belehrt, у Шиллера: Höhen—Wehen, у Грильпарцера: schön—sehn, könnten—Studenten).

Что касается наличия звука [ö] в русском языке, то в словах исконно русских трудно наблюсти такой звук, который в проясненном произношении мог бы быть уподоблен западноевропейскому [ö] (только в быстром произношении редких слов, где [о] находится между двумя мягкими согласными: *Лёля*, *в рёве*). Однако, в заимствованных словах звук этот существует. Е. Поливанов указывает на слово *блёф*, которое по естественным причинам мы не произносим как [бл'оф] (впрочем, указатели дают произношение со звуком [e]: *блеф*). Поэтому вообще отказываться от воспроизведения этого звука мы не должны.

В обруселых словах это [ö] естественно переходит либо в [e], либо в [о] с предшествующим смягчением. Но под влиянием орфографии (употребление одного знака *е*

для разных звуков, с обычным опущением точек над *е*) решение в пользу [е] встречается гораздо чаще, чем решение в пользу [і] при усвоении слов со звуком [ü]. Замечаются случаи, когда длительно бытовавшее [ö] уступает место не [о] со смягчением, а [е], например *портфель* (старое произношение *портфёль*); *мёбель* стала *мебель* и т. д.

Итак, полного параллелизма в судьбе [ö] и [ü] в русском языке нет; поэтому на [ö] нельзя механически перенести все, что было сказано об [ü] (с соответственной заменой *и* через *е*, а *у* через *о*).

Неполную аналогию дает и орфографическое отражение звука [ö] в русском языке. Аналогия сводится к тому лишь, что подобно тому, как звук [ü] обозначен буквой, изображающей [у] со смягчением (*ю*), так же и звук [ö] обозначается буквой, изображающей [о] со смягчением, т. е. буквою *ё*. Это вполне естественно, и напрасно Л. В. Щерба утверждает: «В самом деле существующая тенденция передать [ö] через русское *ё* основана, конечно, на зрительной аналогии двух точек» («Транскрипция иностранных слов». . ., стр. 194). Можно сомневаться в исторической и психологической точности этого предположения. Ведь никаких двух точек нет над *ю*, однако эта буква давно употребляется вместо *ü*.

Однако судьба буквы *ё* в русской практике совершенно иная, чем судьба буквы *ю*, и это отражается на всей системе передачи звука [ö] как в правописании, так, косвенно, и в произношении. Уж не буду говорить о факультативности постановки двух точек над *е*, что привело, например, к тому, что некоторые типографии не имеют знака *ё* в самых ходовых шрифтах. Только за последние месяцы входит во всеобщее употребление *е* с двумя точками [17]. Особенность *ё* в отличие от *ю* та, что буква эта обозначает всегда ударную гласную. Я могу припомнить только одно слово *фёльетон*, которое в 40—60 годах прошлого века в прессе печаталось с буквой *ё* в неударном положении.

---

[17] [Б. В. Томашевский имеет в виду приказ Народного комиссара просвещения РСФСР от 24 декабря 1942 г., указывавший на обязательное употребление буквы *ё* в школьной практике; в 1945 г. был издан специальный словарь «Употребление буквы *ё*» (авторы К. И. Былинский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев, под ред. Н. Н. Никольского). Эта мера скоро потеряла силу. — *Ред.*].

Кроме того, *ё* обозначает не только [о] с предшествующим смягчением, а имеет в виду переход [е] в этот звук при определенных условиях. Это соотношение между *е* и *ё* особенно чувствовалось на пороге XVIII и XIX вв., когда сосуществовали в произношении церковнославянские и русские формы. Поэтому за буквой *ё* укрепилось представление как о букве, характерной для русских слов. Буква эта, введенная Карамзиным (на место старого знака :ѳ), и в дальнейшем сохранила свой русский, несколько просторечный характер. Естественно, что она плохо вязалась с функцией передачи западноевропейских звуков. В иностранных словах она появлялась и на неударных слогах и не вызывала представления об исконном звуке [е]. После не очень длительной полосы ее применения в иностранных словах она отошла в область чисто русского письма, а затем и вообще вышла из употребления, особенно, когда отпала необходимость различать славянские и русские формы. Недаром для иностранного звука [ö] придумывались другие буквы. Пробовали вводить в обиход немецкое обозначение ö. Я. Грот, по примеру московской печати, употреблял ѳ [18]. Все это не удержалось, но систематичность подобных попыток показывает на потребность в таком знаке. В частности, эти попытки указывают на то, что различие между звуком, обозначаемым русской буквой *ё*, и звуком, отражающим иностранное ö, заметнее, чем между *ю* и ü.

Это свидетельствует и о наличии звука [ö] в русской передаче иностранных слов. Поэтому, если мы примем *ё* как способ передачи ö, мы должны признать норму особого чтения этой буквы в иностранных словах. Но это чтение *ё* как [ö] понятно и доступно всем только в положении этой буквы после согласной.

По твердости предшествующей согласной этот звук совершенно аналогичен звуку [е] в иностранных словах, т. е. требует твердости согласных [т, д, з, с, р, н]: *Пастёр*, *Бонёр*, *Рёдерер*, *Брасёр*; этой твердости не имеют другие сочетания: *Сент-Бёв*, *Франкёр*; неполная твердость у согласных [ж] и [ш]: *Жёмон*, *Лушёр*. Следовательно, и здесь аналогия с [ü] неполная.

Особую трудность представляет вопрос о начальном положении звука [ö] и после гласной. В этом положении

[18] [См.: Я. К. Грот. Русское правописание. Изд. 19. СПб., 1910, стр. 78—79. — *Ред.*].

буква *ё* прочно укрепилась в нашем сознании как обозначение звуков [йо], поэтому, быть может, в этом положении следует считать нормой изображение этого звука через *э* и соответственно его произносить: *Эжен*, *Приэр*, *Плоэк* (Ploeuc). Впрочем, внутри слов после гласных не исключена возможность правописания *ё*: *Приёр*, *Плоёк*. В таких случаях в произношении следует избегать «йота» (впрочем, допустимого после [и]).

Таким образом, [ö] в начальном положении отражается в русском языке иначе, чем [ü]. Начальное положение [ü] в русской передаче сливается воедино с передачей сочетаний yu и yü (по крайней мере в произношении), орфографически их можно дифференцировать обозначениями *йу—йю*; начальное положение [ö] сливается с *э*.

К вопросу об [ö] имеет прямое отношение и судьба «немого *е*». Акустически оно совпадает с одним из оттенков [ö], однако, это не дает основания к их отождествлению в передаче. Звук [ö] есть звук полный, неподвижный, не чередующийся ни с каким другим звуком. Немое *е* есть звук беглый, т. е. в разных условиях то произносимый, то выпадающий (petit, но le p'tit); кроме того, он чередуется с полным *е* в префиксах и в изменяемых основах: réélire—refaire, appeler—j'appelle, mener—je mène. И считаясь с этим, немое *е* следует передавать не как вариант [ö], а как вариант [е] и писать и произносить *де-Виньи*, а не *дё-Виньи*, *Ренар*, а не *Рёнар*.

Как известно, это *е* — звук беглый, и в некоторых случаях не произносится. В передаче его следует, безусловно, пропускать в конце слов; внутри имен следует руководствоваться обычными нормами французского произношения: 1) пропускать после гласной, как в слове tuerie; 2) пропускать между двумя простыми согласными, если им предшествует и за ними следует произносимая гласная: *Редрер* (Rœderer, не *Родерер* и не *Рёдерер*), *Дидро* (Diderot), *Коклен* (Coquelin), *Клярти* (Claretie). В заметке М. В. Сергиевского о транскрипции иностранных слов («Проект реформы правописания», 1930, стр. 46) — дано *Бонваль*, но *Кларети* [19].

---

[19] Я бы воздержался от пропуска *е* «немого» в двух случаях: а) когда при его устранении сталкиваются одинаковые согласные (как в словах verrerie, casse-sucre), потому что в соответствующих случаях двойная согласная была бы истолкована как долгая, а тройные согласные противны русским орфографическим навы-

Следует только помнить, что пропуская *е* немое там, где его произносят, мы совершаем бо́льшую ошибку, чем сохраняя там, где его опускают, так как полностью этот звук у французов не исчезает или, вернее, не обязательно должен исчезать.

Нам остается рассмотреть носовые гласные [ã], [õ], [ẽ] и [œ̃].

Так как носовые гласные абсолютно недопустимы в русском контексте, то следует передавать их по давней традиции в виде неносового гласного плюс *н*. Как правильно замечает М. В. Сергиевский (стр. 45), «если после гласного стоит губной согласный, то обычно носовой передается через сочетание гласного с *м*». Однако, употребление звука и буквы *м* находится в зависимости от французской орфографии, притом французское m не перед губными не отражается в русской транскрипции и передается через *н*, но *н* перед губными не заменяется через *м*. Таким образом, мы имеем: *Конт* (Comte), *Сансон* (Samson), *Адан* (Adam), *Шаммеле* (Champmêlé), *Эмбер* (Imbert и Humbert), *Бенсерад* (Benserade), *Амбуаз* (Amboise), *Лебрён* (Lebrun, произносится с твердым *р*), *Бонплан* (Bonpland), а не *Бомплан*, *Сенпьер*, а не *Семпьер* (Saint-Pierre), в противоположность *Семплис* (Simplice).

Переходя к согласным, мы прежде всего остановимся на тех неслоговых звуках, которые входят в состав дифтонгов. Это звуки, обозначаемые знаками [w], [y], [i]. Первые два следует передавать соответствующими чистыми гласными, т. е.: *у* и *ю*, тем более, что в современном французском языке граница между [w] и [u], а особенно между [y] и [ü] стирается. Таким образом, мы получаем *Буазо* (Boizot), *Кюизо* (Cuiseaux).

Что же касается [j], то типичное его положение перед гласной внутри слова, менее типично — после гласной, и еще реже — в начале слова.

Обратимся к первому положению, перед гласной; здесь надо различать: 1) положение [j] после согласной, 2) положение [j] после гласной.

В первом случае, как я указывал, мы имеем одно из значений орфографического обозначения: [i] перед глас-

---

кам; б) когда первая согласная посовая, так как в соответствующем случае получится впечатление отражения носового гласного; следовательно, надо писать и произносить *Боневаль* (Bonneval) и *Анебо* (Annebaud), а не *Бонваль*, *Анбо*.

ной. В русской орфографии передача [j] между согласной и гласной означается при помощи *ь* (или *ъ*) перед так называемой йотированной гласной. Во французских именах в русской транскрипции употребляется *ь* перед соответствующей йотированной гласной: *Натье*, *Рессегье*, *Бастья*, *Вьётан*, *Тальен* и т. п. Наоборот, после [i] следует писать нейотированную гласную: *Лионе*, *Пиис*, *Криар*, *Риу*. Неупотребительно сочетание *ью*, которое обычно передается *иу*: *Риуф* (Riouffe) [20], кроме того, [jo] всегда изображается сочетанием *ьо* во избежание буквы *ё*, причем также имеется тенденция к разложению сочетания в *ио*: *Эррио* (так же и произносится). После носового гласного (изображаемого по-русски через «гласный+*н*») следует употреблять транскрипцию *йон*: *Лонйон* (Longnyon); русское *Лоньон* при том же произношении соответствовало бы французским Lonion и Lognon.

К этой же системе передачи относится и отражение в русской транскрипции звука [ɲ] (*gn*), который передается сочетанием *нь* перед йотированной гласной (или перед *и*), а в конце слов просто *нь*: *Шампиньи*, *Реньяр*, *Шампань* и т. п. К концевому положению этого звука мы еще вернемся.

Перейдем к случаю [j] между гласными. Это типичное положение «ll mouillé» (ill). В старых транскрипциях этот звук передавался через *ль* (в произношении «*л* мягкое+«йот»), но в современных через *й* (в произношении долгий «йот»): *Байёль* (Bailleul), *Вийон* (Villon) и т. п. Этот же звук дает и концевой «йот», который раньше передавался через *ль* (*Корнель*) или через *йль* (*Распайль*), а ныне — через *й* (*Анри Батай*, *Понсон дю-Терай*). Установившейся нормы для этого нет, особенно для конца слов. Но это более вопрос орфографии, чем орфоэпии, вернее общий вопрос передачи, из которого орфоэпия делает свои выводы автоматически.

Замечу, что «йот» в подобном положении может и не происходить от ill, например в имени Bayard—*Байар*, Reyer—*Рейер*, ср. географические названия Cayenne—*Кайена*, Bayonne—*Байона*, Grüyère [21] и т. п.

---

[20] Сочетание *ью* употребительно для передачи английского *ew*: *Ньютон*.

[21] По отношению к этому слову и подобным (Guyot) во французском произношении наблюдается колебание: *Грюийер* и *Грюйер*, т. е. со слоговым и неслоговым *и*. В русской передаче обычно

Остановимся на третьем, хотя и сравнительно редком случае — начального [j]. Надо отметить, что передача сочетаний, изображаемых по французским уа, уо, you (реже іа, іо, іоu) через *я*, *ё*, *ю*, не совсем соответствует нашим грамматическим навыкам. Под влиянием французской орфографии мы привыкли этот начальный «йот» изображать отдельной буквой.

Это отражалось в старой русской орфографии употреблением і десятеричного. Для иностранных слов эта буква имела несколько иную функцию, чем *и* восьмеричное, и отражала употребление буквы і перед гласной в западноевропейских орфографических системах (т. е. одновременно [i] и [j]). В новой орфографии это і десятеричное автоматически было заменено через *и* восьмеричное (без знака краткости).

Подобное употребление буквы *и* создавало тенденцию произносить *и* как полную слоговую гласную: *Иоланта* (т. е. [и-о-ланта]). В качестве корректива, для восстановления прежней функции, вместо *и* стали употреблять *й*. Этот способ и следует рекомендовать. Это дает возможность орфографически различать сочетания [ju], [jü], [jo], [jö] (соответственно *йу*, *йю*, *йо*, *йё*). Что касается произношения, то оно должно совпадать с произношением русских *я*, *ю*, *ё* в начале слова, т. е. «йот» не должен растягиваться, как в положении между гласными.

Что же касается различия между *йу* и *йю* (соответственно — *йо* и *йё*), то оно заключается в характере гласного слогового звука. Дифференцировать различия написаний *йу* и *ю* (*Йузуф*, *Юшар*) в произношении невозможно, если только не принять нормы произношения начального *ю* как [ü].

Точно так же в сочетаниях *йю* и *йё* должен фигурировать простой, а не долгий «йот».

Из остальных согласных прежде всего остановимся на звуке *l*.

Е. Поливанов в уже цитированной статье утверждает наличие в русском интеллигентском языке среднего европейского [l]. Однако вряд ли этот звук можно принять за норму. Пример, приводимый Е. Поливановым, —

отдается предпочтение варианту с неслоговым *и*, т. е. *Грюйер*, *Гюйо*, хотя французские фонетисты вообще предпочитают другое произношение; см., например: M. Grammont. La Prononciation française. Paris, стр. 198.

название ноты la — неубедителен. Это la цитатно; кроме того, типично и привычно произношение *ля* с обычным русским мягким [л′].

Европейское [l], конечно, наблюдается в речи русских, хорошо владеющих каким-нибудь западным языком. Однако вводить его в качестве нормы в орфоэпию иностранных слов вряд ли своевременно. Дело в том, что при наличии двух *л* в русском языке введение третьего [l] практически почти неосуществимо. Кстати, общеевропейского [l] собственно не существует. Имеется несколько вариантов (например, в английском, в испанском). Конечно, не следует вводить несколько типов звука для передачи разных европейских [l]. Ведь не вводим же мы другие звуки, которые в западноевропейских языках существенно и при этом различно для разных языков отличаются от наших (например, звуки [i], [r], [p]).

Трудно требовать от практиков звучащего слова правильного воспроизведения этого звука. Напомню, что иностранные имена артикулируются напряженнее, чем русские слова. При такой артикуляции русское [л'] (*ль*) достаточно приближается к французскому [l], и большей степени приближения мы требовать не можем. Замечу, что даже хорошо знакомые с западноевропейскими языками с большим трудом овладевают произношением этого звука [l] и приближают его к русскому мягкому [л'] (*ль*). Особенно это «русское» произношение слышно в сочетании с гласным [у]. Так, имя Louis русские произносят как *Люи*, что, между прочим, французами воспринимается как местоимение lui. Равно, русское произношение сочетания lo как *лё* для французов звучит как leu (lors и leur).

Особенно затруднило бы применение среднего [l] в конце основы склоняемых имен. В русском склонении проводится в разных падежах противопоставление твердых и мягких (*гора—горе*, *свет—на свете*), так что фонетически склонение отражается на концевом согласном основы; ср. три вида *д* в формах *вход*, *входа*, *при входе*. При основе на среднее [l] получается немыслимое сочетание основы с падежными окончаниями, которое заставит рассматривать это [l] либо как мягкую согласную (которая не меняется в склонении) и практически приведет к полной мягкости произношения, либо создавать еще одну несмягчаемую согласную наряду с [ж], [ш], [ц].

Во всяком случае, формы Izabéllu, Izabélle, Marsélu, Marséle трудно представить как падежные формы от *Изабелла* и *Марсель*.

Итак, мы имеем только две формы *л* — твердую и мягкую.

Замечу, что соотношение между твердыми и мягкими согласными во французском и в русском языке различны. У нас твердые и мягкие согласные разные, хотя и парные фонемы, и сочетание *лу* и *лю* отличаются согласными, а не гласными. Во французском языке твердость и мягкость не меняют характера самой фонемы. Это отражается и в передаче. Мы передаем твердыми и мягкими согласными одну и ту же фонему французского языка, пользуясь различением твердости и мягкости для характеристики следующей гласной (и лишь *нь* в определенных условиях означает не [н], а другую фонему, означаемую [во французской графике как] gn). Поэтому мы берем наши согласные парами: твердую и мягкую вместе для передачи одной согласной французского языка. Вот почему [ж] и [ш], только твердые в русском языке, приобретают мягкую пару в передаче иностранных слов. Точно так же парой *л* и *ль* мы передаем и западноевропейское [l], и вопрос может возникать лишь о том, какую из двух — твердую или мягкую — мы изберем как основную, в нейтральном положении, когда не нужно различать пару гласных.

Парность *л* нужна в двух случаях: для передачи сочетаний lou—lü и lo—lö. Разные *а* и разные *е* нами в передаче не различаются. Отсюда необходимо следует передача с соответствующим произношением: *Луи* (Louis), *Пуалю* (Poilu), *Луазо* (Loiseau), *Люин* (Luynes), *Мало* (Malot), *Плёрёр* (Pleureur).

За пределами этих пар более или менее твердое решение дает нам практика по отношению к [l] в конце слова и перед согласной, где явно выбор остановился на мягком *ль*: *Паскаль*, *Кольбер*. Конечно, перед *и* и *е л* употребляется мягкое. Это не отражается на письме, но должно быть твердо усвоено как орфоэпическое правило. Никоим образом французские имена *Коле*, *Валер* не следует произносить *Колэ*, *Валэр* (подобно русскому сочетанию: *бы*[л э] *тот случай*), как это иногда слышится у лиц, стремящихся передать неусвоенное ими среднее [l]. Надо принять как правило, что даже в случае, если имя тран-

скрибировано с *э* оборотным, произношение остается мягким.

Остается один случай, который не имеет однообразного решения, — это передача la. Здесь господствует разнобой: *Золя*, *Ласаль*; но предпочтительно фигурирует передача *ла*: она утвердилась в транскрипции латинских имен: *Лациум*, *Плавт* (не без исключений; см. в заимствованных словах: *лаборатория*, но *ляпис*, *полярный*).

Мнения, высказываемые по этому вопросу, расходятся. Л. В. Щерба из акустических соображений стоит за *ля*, А. Сухотин склоняется к *ла* по соображениям аналогии с передачей lou и lo через *лу* и *ло*.

Обе аргументации недостаточны для решения вопроса. Раз уже мы допускаем *л* твердое в качестве акустического эквивалента [l] в сочетании *лу*, то забота об акустической чистоте в сочетании la является излишней, тем более, что сочетание *ля* по известным особенностям русского смягчения далеко не передает акустическую физиономию la. Аналогии же не получается в силу отсутствия парности гласной. Кстати, аналогия скорее говорит за *ля*, потому что во французском языке эта пара *а* существует, и можно было бы различать *ла* и *ля* для передачи этих двух *а*, если бы вообще мы их различали. Но из этих двух *а* жизнеспособно *а* переднее, которое на русский слух кажется смягчающим предшествующую согласную (café воспринимается как *кяфе*). Заднее *а* постепенно вытесняется этим передним; и следовательно, если выбирать из пары *ла* и *ля*, то именно в силу аналогии следовало бы взять *ля*. Но дело в том, что это *а* переднее, господствующее в настоящем французском произношении, отсутствует в передаточной базе, где мы его заменяем *а* задним.

По существу аналогия требовала бы формы *ля*, так как в качестве основного варианта (в конце слов и перед согласными) мы принимаем *ль* мягкое. Но традиция борется с этим, и, по-видимому, норма должна с этой традицией считаться.

Из других согласных обратим внимание на [ɲ] (gn). По русской традиции этот звук передается как [n]+[j], что является достаточным приближением (и сами французы его трактовали именно так: вспомним орфографию имени Régnier, где i как бы выделяет в отдельную букву элемент gn). Попытки изменить эту традицию вряд ли могут быть практически успешны и имеют чисто теорети-

ческий интерес. Так, например, передача gn через *н* долгое создает излишнюю омонимику и, например, подало бы повод к совершенно неверному прочтению. Так, фамилию *Бонне* (Bonnet) произносили бы с мягким *н*, интерпретируя как Bognet, а фамилию Regnault, записанную как *Реннё*, читали бы с твердым *н*, видя в ней транскрипцию Renneux [22].

Когда-то пытались сохранить значение gn как «*н*+«йот» и в концевом положении, т. е. писали *Шампаньй* (см.: Я. Грот. Спорные вопросы, стр. 389, где указаны примеры из Карамзина и Мартынова: *Оверньйский*, *Монтаньй*), но это настолько противоречит нашему представлению о возможных положениях *й*, что восстанавливать эти написания, решительно забракованные традицией, нет никакой возможности и следует ограничиться изображением gne в конце слова и перед согласной в форме *нь*.

Произношение в данном случае должно следовать орфографии, т. е. ограничиться воспроизведением «*н* мягкое+«йот», либо просто *нь*, без попыток большего приближения к французскому звуку (по-видимому, эту норму передачи придется сохранить и для итальянского gn — Bolognese, и для испанского ñ — Azaña, и для португальского nh—Minho).

По отношению к другим согласным возникают следующие вопросы:

Как произносить *р* — грассируя или по-русски?

На этот вопрос следует категорически высказаться против грассирования. В русском контексте грассирование невозможно, так как производит впечатление либо дефекта произношения, либо дурного акцента. Тем более, что «картавых» *р* много и выбрать из них те, которые наиболее передают *р* французское (тоже не единое), чрезвычайно трудно.

Другой вопрос лишь косвенно касается произношения, это вопрос о судьбе французского h. В эпоху, когда французские слова обязательно пропускались сперва через латинизированную форму, букве h искусственно приписывалось значение звука [h], известного в немецком и

---

[22] Наоборот, смешение [n] (gn) и [nj] в русской передаче создаст весьма мало омонимов (таковы Aignan и Aniane, одинаково передаваемые через *нь*).

английском языках и когда-то звучавшего и во французском (в словах германского и ученого происхождения). С другой стороны, в книжном языке русских было известно фрикативное *г* [γ]. Эти два звука были сближены, и h стал передаваться буквой *г* даже и тогда, когда *г* сохранилось в качестве только взрывного звука, а французские слова не латинизировались и этой буквой *г* передавалось заведомое немое h [23]. Отсюда *Гюго*, *Роган*.

Эту практику склонны защищать и сегодня, хотя она совершенно мертва. Начальное *г* (которое иногда предлагают заменить буквой *х*) вряд ли может выражать особый характер приступа гласной слов, начинающихся с «h aspiré». Ведь в таком случае французское onze пришлось бы транскрибировать *гонз* или *хонз*. Вряд ли удачно обращение к латинской этимологии (часто в случаях, с латинской этимологией ничего общего не имеющих).

Но, как я сказал, к орфоэпии эти вопросы имеют мало отношения. Следовало бы пожелать, чтобы h одинаково как немое, так и aspiré ничем не передавалось по-русски. Если же переводчик его употребил, то желательно, чтобы по крайней мере оно произносилось не в качестве взрывного, а в качестве фрикативного звука, так же как в английских и немецких фамилиях: *γогарт*, *γейне*, *γюго*. Но это, конечно, лишь платоническое пожелание, так как в русской орфографии невосстановимо, имеем ли мы дело с h или с g.

Остается лишь три общих вопроса: о смягчении, об ассимиляции и о долгих согласных (двойных).

Первый вопрос решается различно для разных согласных. Перед [i] и [ü] смягчаются все согласные, в том числе [ш] и [ж] (*ши*, *жи*, *шю*, *жю*).

Об этой последней норме существуют разные мнения, часто диаметрально противоположные. Некоторым кажется излишне манерным произношение мягкое: *Жиро*, *Жюль*; другие, наоборот, считают нестерпимо вульгарным произношение: *Жыро*, *Жуль*.

Остановимся на этом вопросе. Судьба [ж] и [ш] в русском языке своеобразна. Когда-то мягкие звуки, они постепенно отвердели. И в мягком и в твердом варианте

---

[23] Пушкин, назвав Дон-Жуана *Дон-Гуан*, имел в виду именно *г* фрикативное, желая им передать испанскую хоту [j], которая звучит несколько иначе, чем русское *х* (но, конечно, не в сторону звонкости).

они не имеют пары (если не считать долгих мягких *ш* и *ж* в современном русском языке наряду с твердыми долгими: [с ш]*апкой* и [сч]*астье*, *и*[зж]*арить* и *жу*[жж]*ать*, речь идет, конечно, о так называемом старомосковском произношении, являющемся русской орфоэпической нормой).

Отсюда непоследовательности в правописании (*жир*, *жар*) и в редукции гласных после этих звуков. Отвердение [ш] и [ж] в нормальном произношении неполное.

Однако, конечно, [ж] и [ш] осознаются принадлежащими твердому ряду, и неграмотные написания типа *убежыще* нам об этом свидетельствуют.

С другой стороны, орфография слов *жюри*, *брошюра* и др. показывает, что есть потребность отличать русскую твердость [ш] и [ж] от возможного смягчения в иностранных словах (сочетания *жы* и *жи* в русской орфографии сливаются в одном [жы]). Следовательно, в языке есть различие между твердым и мягким произношением *ж* и *ш* перед *у* и *и*. Как же объяснить самую возможность спора?

Дело касается не столько самого факта различения, сколько орфоэпических тонкостей: как произносить эти сочетания.

Спор возникает оттого, что мы привыкли рассматривать фонетические типы как совершенно точные. Тембр гласной устанавливается с точностью до одной вибрации в секунду, что, например, для гласной [i] представляет собой 0,3% общего числа колебаний. Такая точность превышает воображение. Не очень легко отмерить километр, сделав ошибку только в 30 сантиметров. Не забудем, что в технике типична допустимая ошибка в 3—5%.

В действительности, даже при совершенно точных условиях, один и тот же звук допускает некоторые изменения, терпимые в определенных границах. Звук человеческой речи это — не строгая форма, а некоторая область звуков с границами, более или менее широкими. И границы эти для разных звуков разные, причем иногда даже взаимно перекрывающиеся.

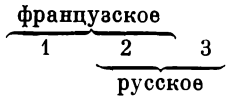
Возьмем три формы сочетания *ж* + *и*. Назовем $жи_1$ мягкое произношение, как название французской буквы j. Назовем $жи_3$ произношение [жы] намеренно твердое, с ясным [ы]. Назовем $жи_2$ среднее произношение, между [жы] и [жи]. Произнесем на три рода слова *Жиро* (французское имя) и *жир* (русское слово). Окажется следующая картина:

1) *Жи*$_1$ *Жиро* (возможно, хотя и манерно); *жир* (невозможно, производит впечатление инородного акцента);

2) *Жи*$_2$ *Жиро* (возможно), *жир* (хорошо);

3) *Жи*$_3$ *Жыро* (абсолютно нетерпимо), *жыр* (возможно).

Оказывается, что французское сочетание *жи* в русском произношении охватывает области 1 и 2, а русское *жи* — области 2 и 3:



Наличие общей области (2) приводит к тому, что многие в своей речи обычно сливают эти формы и не замечают их различия. Между тем это различие есть, и лучше всего в произношении их различать (т. е. для французского *жи* избрать форму где-то между 1 и 2, а для русского — между 2 и 3). Вопрос такта и вкуса — как это различение делать, не впадая ни в манерность, ни в вульгарность.

Итак, принципиально мы будем различать твердые и мягкие *ж* и *ш*, хотя в некоторых вариантах эти формы и могут совпадать.

Труднее охарактеризовать сочетание [жö], [шö], которое не имеет соответствия в русском языке, но по аналогии с твердостью произношения перед [ö] шести согласных [д, т, з, с, р, н] должно быть отнесено к твердым.

Перед [у], [а], [о] и согласными, а также на конце слов все согласные должны быть твердыми, кроме *ль* и *нь* (отражающего gn).

Приглушение и озвончение внутри слов должно следовать обычным нормам, не расходящимся с нормами французского языка. В орфографии это не отражается. Таким образом, надо говорить *Збогар*, а не *Сбогар*, *Озгар*, а не *Осгар* и т. п. На этом же основано и то, что звонкое интервокальное *х*, произносимое как [гз], в орфографии изображается в виде сочетания *кз*, где звонкость указана лишь вторым элементом; произносится это, конечно, как [гз]: *Экзюпер* (Exupère), но *Вексен* (Vexin).

От долгих согласных вообще можно отказаться, так как во французском их почти нет; таким образом, следует говорить: *Росе*, а не *Россе*, *Колет*, а не *Коллет* и т. п., несмотря на транскрипцию имени. Одно исключение — согласная после ударной гласной, где утвердилось про-

изношение долгих согласных: *Мариэтта*, *Изабелла*, *Коринна*.

Остается еще один вопрос — о морфологической передаче французских имен (о формах склонения и о произношении этих форм).

Здесь имеем много различных случаев, когда приходится различать личное имя и фамилию, характер окончания и т. д. Рассмотрим эти случаи последовательно.

Имена и фамилии мужского рода имеют общую судьбу. Оканчивающиеся на согласную или на носовой звук (передаваемый через «гласную+*н*») можно объединить в один класс с оканчивающимися на «согласную+немое *е*», потому что в передаче это немое *е* отбрасывается.

Во всех этих случаях имя рассматривается как существительное 2-го склонения с ударением на последнем слоге основы: *Мольер—Мольера*, *Пруст—Пруста*, *Граммон—Граммона*, *Марсель—Марселя* и т. д.

Отсюда следующие особенности произношения. Именительный падеж, имеющий нулевое окончание, влечет за собой переход звонких согласных в глухие. В данном случае это явление морфологического порядка, оформляющее конец слова. Если бы слово было неизменяемым, то этого нулевого окончания не было бы и согласная не могла бы перейти в глухую. Так, мужское имя Claude будет в именительном падеже [Клот], в родительном [Клода]; женское имя Maud, неизменяемое, не может быть передано как *Мот*; необходимо его произнести как *Мод*, хотя бы по привычке к русскому произношению и пришлось бы допустить краткий призвук в виде среднего нейтрального звука: [Модэ]. Это не противоречит французскому восприятию слов на закрытый слог, в которых даже при отсутствии реального «немого *е*» допустим подобный призвук, развивающийся иногда в просторечном произношении в настоящее «немое *е*». Любопытно, что телефонные станции во избежание неясности рекомендуют при вызове номера произносить [septe, huite, neuve] (характерно озвончение f в этом искусственном произношении) [24].

---

[24] Появление такого нейтрального гласного (слабого) в конце слова характерно для языков, в которых типично окончание слова на открытый слог; таково тосканское произношение заимствованного слова *трам*: tramma.

В иных падежах к основе присоединяется окончание, произносимое с обычной русской редукцией гласной и с соответствующим чередованием в согласной основе по законам русской орфоэпии; так, в форме *о Клоде* звук [д] смягчается так же, как в русском *о годе*. Равно, например, [ж] и [ш] сохраняют свою твердость в любом положении. Так, если бы мы произвели множественное число от имени Sauvage («пришли *Соважи*»), то окончание, несмотря на орфографию, должно было бы звучать по-русски [жы], а не [жи]; наоборот, [г] и [к] в таком случае звучат мягко: *Лебеги*.

Имена, имеющие «*е* немое» после гласной, вообще теряют это «*е* немое» и остаются неизменяемыми, за исключением личных имен на *-ée*, где подобное окончание меняется на *-ей* и имя склоняется по типу *злодей*: Amédée будет *Амедей—Амедея*. Фамилии на это окончание входят в общий класс неизменяемых: так будет *Сю* (Sue), *Бозе* (Beauzée), а не *Сюй*, *Бозей*.

Отмечу, что прежде существовала тенденция долгое концевое *е*, изображаемое ai, ay, ei, ey, передавать через *ей* и склонять имена: *Сей*, *Ферней* и т. п. Этот обычай уступил общей норме передавать это *е* обыкновенным и оставлять имя неизменяемым; так будет *Дю-Пезе* (Du Pezay), а не *Дю-Пезей* и пр.

Это, конечно, вопрос не произношения, а перевода. Особый класс составляют имена, оканчивающиеся на «ll mouillé» (как с концевым немым *е*, так и без него). Когда-то это передавалось через *ль* или *йль*: *Корнель*, *Распайль*. Теперь возникает другая норма: *-й*. Но это *й* не того рода, как в имени *Амедей*. Оно ощущается как [j] долгое. Поэтому нас несколько смущает — как склонять имя *Батай*: *Батая* или *Батайя*? Следует ли ради морфологических соображений воскрешать форму *Батайль*, следует ли в косвенных падежах сохранять *й*? Здесь необходимо выбрать определенную норму транскрипции.

Такое же затруднение возникает с именами, оканчивающимися на *-gne*. В косвенных падежах как будто бы следовало сохранять «йот», т. е. склонять *Шампань—Шампанья*, но это противоречит обычной системе. Имя *Монтень* склоняется так же как *конь*, т. е. исходя из именительного падежа. По существу же следовало бы исходить из косвенных падежей.

Еще один вопрос: как быть с немыми согласными в в конце имен. Конечно, речь идет не о немом s в окончании es, где эта согласная является орфографической условностью (Georges) и беспощадно отсекается в стихах (т. е. допускает элизию «немое *е*» перед начальной гласной следующего слова). Но по отношению к другим согласным есть две традиции, представленные именами *Дидро* и *Марат* (при положении немой согласной после гласной).

Если исходить из косвенных падежей, то концевую согласную следует сохранять, так как она фигурирует во французских производных этих имен (например, от Marot—style marotique) и появляется в liaisons. Следовательно, косвенные падежи могли бы восстанавливать этот звук. Отсюда следовало бы сохранять его и в именительном падеже. Это не противоречило бы функции этого имени во французском языке. Впрочем, практика идет по пути отсечения. Следовательно, подобные имена, как оканчивающиеся в передаче на гласную, остаются неизменяемыми.

Все имена мужского рода на гласную остаются неизменяемыми, в том числе и оканчивающиеся на *а*. Тип склонения *Илья*, *Фома* считается специфически русским и в передаче французских имен не применяется (*Золя*, *Тома*).

Для имен женского рода следует отличать личные имена и фамилии. Фамилии остаются неизменяемыми и трактуются как именительный падеж имен мужского рода. Личные же имена имеют особую судьбу.

Наиболее типичными являются имена женского рода, оканчивающиеся на «*е* немое» после согласной. Обычно это соответствует латинской форме на *а* и передается традиционно по-русски заменой *е* на *а*; это имена, склоняемые по первому склонению, при этом только с основой на твердую согласную. Это: *Женевьева* (Geneviève), *Жертрюда* (Gertrude), *Мариетта* (Mariette), *Жюстина* (Justine). Как и при склонении имен мужского рода, косвенные падежи на *е* требуют смягчения основы.

Если этому «*е* немому» предшествует двойная согласная, она сохраняется в русской передаче и соответственно произносится как долгая: *Анна* (Anne), ср. *Анетта* (Annette). Это явление формулировано М. В. Сергиевским в «Общих положениях о передаче звуков иностранных языков», п. 14: «Двойные согласные (долгие соглас-

ные и геминаты) сохраняются только в иностранных собственных именах между гласными после ударения; при изменении положения геминаты в склонении правописание регулируется по именительному падежу» [25] («Проект реформы правописания». М., 1930, стр. 40).

«Немое *е*» после гласной обычно отпадает, и имя становится неизменяемым: *Жюли* (Julie), *Эжени* (Eugénie), *Эме* (Aimée) и т. д. Однако имена с историческим ударением мы склонны трактовать как склоняемые и соответственно их передавать. Современная Amélie будет *Амели*, героиня рыцарского романа — *Амели́я* и даже *Аме́лия*, хотя особых оснований к передвижке ударения и нет.

Если имя оканчивается на l или le, в русской передаче оно будет оканчиваться на *ль* и склоняться по третьему склонению: *Адель* (Adèle). Но в случае l долгого оно оформляется по первому склонению — *Изабелла*.

Имена, оканчивающиеся на согласную или на носовую гласную, принято оставлять неизменяемыми. Так, имя Simonne было бы передано *Симонна*, но женское имя Simon — неизменяемым *Симон*. Однако допустимо в этом случае и оформление по первому склонению с простым *н*: *Симона*, *Нинона*. Эта форма звучит несколько архаически.

Особый класс составляют женские имена на a: Stella, Maria, Antonia. Так как в подавляющем большинстве случаев это имена латинские, то их принято передавать в латинской форме, придавая им склоняемую форму и передвигая ударения: *Сте́лла*, *Мари́я*, *Анто́ния*. Это тем более позволительно, что ударение во французском языке не фонологично, а склонение с ударением на окончании типа *рука* нам представляется специфически русским и не применимым к иностранным словам. Передвижка ударения обычно не указывается в тексте (если она не обнаруживается косвенно в стихотворном тексте), поэтому должна быть предусмотрена в орфоэпических нормах.

Таков репертуар морфологических казусов в передаче иностранных имен. Хотя большая часть указанных фактов относится собственно к переводу и автоматически вызывает то или иное произношение, но, как мы видим,

---

[25] Таким образом, в именах мужского рода двойные согласные после ударения не сохраняются, и если они воспроизводятся в транскрипции, то произносятся как простые.

многое не отражается на обычном письме и требует орфоэпических правил.

В порядке обозрения того материала имен, с которыми приходится иметь дело на практике, обратимся к именам драматических произведений Мольера, Вольтера и Бальзака.

Этот материал покажет в первую очередь, как переводчики решают вопрос о передаче имен; при этом обнаружится, какие орфоэпические трудности возникают перед переводчиками. Если бы существовали общепринятые орфоэпические нормы, вероятно, многие затруднения отпали бы.

Имена мольеровского театра можно поделить на следующие группы: 1) имена античной мифологии и истории; 2) имена, стилизованные под греческие; 3) комедийные имена греко-латинского происхождения; 4) комедийные имена итало-французского обихода; 5) современные Мольеру имена с явной внутренней формой (например, нарицательные в качестве собственных имен); 6) современные бытовые имена.

Только по отношению к последним вопрос стоит совершенно просто и разрешается путем обычной транскрипции и орфоэпии. По отношению к другим — возникают семантические и стилистические требования, зачастую отводящие от транскрипционной системы. Иногда эти побочные соображения императивны. Имя бога Mercure обязательно передается *Меркурий*. Но иногда эти требования создают лишь факультативную возможность заменить транскрипцию иными методами передачи. И в соответствующих случаях при выборе самого способа передачи переводчики руководствуются всякими косвенными соображениями. Как мы увидим, отсутствие определительных норм орфоэпического порядка иногда заставляет избегать транскрипций в пользу подстановки другой формы.

Мною были просмотрены новые переводы Мольера, изданные в XX в. (под ред. Венгерова, Грузинского, Вейнберга, Смирнова и Мокульского); все они более или менее близки по методу передачи имен. Между тем расхождения значительны. Часто все переводы однообразно уклоняются от норм, формулированных в настоящей работе.

1. Имена античных богов и героев передаются традиционными в русской литературе именами (*Венера*, *Юпитер*, *Психея*).

2. Имена, стилизованные под греческие, передаются в различной форме — иногда по нормам передачи французских имен, иногда с восстановлением их греческой формы и далее по правилам передачи греческих имен (то в райхлиновском, то в эразмовском чтении), иногда в латинизированной форме. Так мы имеем: Lysiscas—*Лисискас*, Iphitas—*Ифитас*, и здесь же Théocle—*Феокл*, Alcidas—*Алкид*, Daphné и *Дафна*, и *Дафнэ*; Argatifonidas—*Аргатифонид*, Cléante (женское имя)—*Клеантида*, Naucratès—*Навкрат*, Polidas—*Полид* и *Полидас*, Pausiclés—*Позикл* и *Павзикл*, Chorèbe —*Хореб* (но Chrisalde—*Кризальда*), Anaxarque—*Анаксарк* и *Анаксарх*, Clytidas—*Клитид и Клитидас* и т. д. Все это вопросы перевода, а не орфоэпии.

3. Комедийные имена греко-латинской этимологии передаются то во французской, то в латинской форме, редко в греческой. Сюда попадают имена, произведенные от греческих корней, либо популярные по греческой литературе (драматической и лирической). Типично преобладание латинских форм, вероятно потому, что эти имена популяризированы в комедиях Теренция, Плавта и у римских лириков. Таковы имена: Alcidor (*Альцидор*), Alcippe (*Альцип* и *Альсип*), Alceste (*Альцест*, в другом переводе *Альсест*), Lucinde (*Люцинда* и *Люсинда*); Isidore (*Исидора* и *Изидора*), Lucrèce (*Лукреция*), Hyacinthe (*Гиацинта*, в «Скапене»), Cynthe (*Цинтия*, в «Принцессе Элидской»; кстати, латинское имя Cynthia по-французски будет Cynthie, следовательно, надо было бы не *Цинтия*, а *Цинта* или *Кинфа*), Uranie (*Урания*, персонаж из «Критики на «Школу жен»).

Наряду с этим много точных транскрипций подобных же имен. Для орфоэпических наблюдений здесь любопытно, что в приведенном списке фигурируют трудные по передаче имена. Uranie (следовало бы *Юрани*) — смущает начальное [ü]; Cynthe (*Сента*) и Hyacinthe (*Йасента*) при звуковой передаче разрушают внутреннюю форму.

Передача *е* носового (in) тоже является для этого класса имен препятствием. Отсюда: *Люсинда*, а не *Люсенда*, и во всех переводах «Мизантропа» *Филинт*, а не *Филент*. Наряду с *Аминта* («Любовь-целитель») имеется и *Филамента* («Ученые женщины»).

Это затруднение не возникает, когда дело касается имен чисто французских: *Колен* и т. п.

К этому же классу относятся макаронические имена Diafoirus, Marphurius. Здесь переводчика смущает присутствие звука [ü]. Поэтому эти имена передаются *Диафуарус* и *Марфуриус*, конечно, с соответственной перестановкой ударений. Но, с другой стороны, Gorgibus у всех фигурирует как *Горжибюс* (вообще переход [г] в [ж] сохраняется, ср. *Жеронт* во всех переводах «Доктора поневоле»).

4. Имена итальянские и испанские в переводе воспроизводят либо французскую форму (*Скапен*, *Трюфальден*), либо испанскую (*Дон Педро*, *Дон Гарсиа*), либо латинизируются, либо даются в смешанной форме (Enrique передается то *Анрик*, то *Энрик*).

Единства принципа здесь нет, но орфоэпических казусов не возникает.

Все сказанное имеет косвенное отношение к нашему общему вопросу, но нельзя игнорировать все побочные способы передачи имен и все ассоциации, возникающие у переводчиков, оперирующих с этими именами, чтобы учесть, что в поисках русского театрального эквивалента французскому имени часто пренебрегают точностью звуковых соответствий.

Иное дело — современные Мольеру французские имена. Их можно поделить на две группы: с внутренней формой и нейтральные; границу между этими группами провести трудно, так как для театра XVII в. каждое имя обладало своим колоритом.

В старой практике, до начала XIX в., господствовала система чистого перевода, когда на сцене фигурировали *Глупоны*, *Крутоны*, *Ханжины*, *Милоны* и *Прелесты*. Кое-что от этого сохранилось и теперь. Так в одном переводе «Любовной досады» вместо Gros Réné имеем *Толстяк Ренэ*. Но в общем установилась традиция передачи звукового облика имени.

Отступления делаются для традиционных имен. Такова передача Henriette—*Генриэтта*. Эта передача находится во всех переводах «Ученых женщин». Между тем Henri принято передавать *Анри*. Неясно, что мешает передаче женского имени *Анриетта*.

Остановимся на характерных колебаниях. Затрудняют переводчиков следующие казусы:

1. Передача буквы h. Поэтому имя Bahis («Любовьцелитель») фигурирует в форме то *Багис*, то *Баис*, то *Баи*. Я бы склонился в пользу *Баис*.

Традиционно Harpagon передается *Гарпагон*. Это распространяется и не на традиционные имена, например Harpin—*Гарпен*. В качестве корректива я бы предложил эти имена произносить с *г* фрикативным [γ]: [γ]*арпагон*, [γ]*арпен*. Но для этого необходимо обращаться к оригиналу. Вообще, как правило, следует рекомендовать режиссеру при постановке переводных пьес обращаться к оригиналу, чтобы знать, что́ именно отражают русские написания, и соответственно различать произношение.

2. Затрудняет окончание на ie в обоих родах. Так, Julie превращается в *Юлию* («Пурсоньяк», «д'Эскарбаньяс»). Лишь в одном случае встретилось это имя в неизменяемой форме *Жюли* («Пурсоньяк» в изд. Academia); Célie превратилась в *Селию* (не латинизированную *Целию*) с перемещением ударения; Lélie (мужское имя) в *Лелий*:

Леандр — соперник мой. Он в *Селию* влюблен. . .
Отправлюсь к *Лелию* предупредить его.

Казалось бы, можно было сохранить *Селия*, *Лелий*, но почему-то ударение на *-ия* (и в еще большей мере на *-ий*) становится чуждо русскому слуху в конце XIX в., несмотря на наличие имен *Мария*, *Евдокия* (и даже славянскую форму *Алексий* приходится слышать с ударением *Алéксий*). Любопытно, что поздние переводы Athalie Расина, заменяя имя героини славянским *Гофолия*, упорно передвигают ударение: *Гофóлия*, хотя в славянской библии это ударение точно указано; так в переводе Л. Поливанова (1892):

Лихие помыслы *Гофóлии* смутил. . .

В переводе О. Чюминой:

Матфана гнусного с *Гофóлией* смутил. . .

Между тем переводы начала XIX в. дают правильное ударение. Так, в переводе Алексея Пушкина (1810):

И *Гофолúю* чтит обширна света часть. . .

В переводе Катенина (1815):

С ней равным жребием грозивший *Гофолúи*. . .[26]

[26] В новом переводе 1937 г. (под ред. Е. Якобсон) сохранена французская форма с правильным ударением: В них *Аталúя* гнев и ужас возбуждает.

По существу имена Célie и Lélie могли бы сохранить и неизменяемую форму *Сели* и *Лели*.

Близок к этому и случай передачи женского имени служанки Andrée («д'Эскарбаньяс»): *Андре* («Андрэ») и *Андреа*. Я бы не протестовал против склоняемой формы, но, сопоставляя косвенные падежи (например, дательный *Андрее*), предпочел бы именительный в форме *Андрея*.

3. Стремление к тому, чтобы передавать имена в склоняемой форме, привело к ряду подстановок: Thomas («Мнимый больной») передается либо *Фома*, либо *Томас* (так как комедия писана прозой, то место ударения определить невозможно); Lucas — *Лука* («Доктор поневоле»). Точно так же испанские имена Ignes и Leonor переделаны в *Иньеса* (*Инеса* и даже *Инесса*) и *Леонора*. Очевидно, по тем же соображениям Agnes («Школа жен») латинизируется в *Агнеса*, хотя у Пушкина имя героини Мольера употреблено в форме *Аньеса* [27]. Имя Louison («Мнимый больной») превращено в *Луиза*; dame Claude («Скупой») передается то *Клода*, то *Клавдия*, то неизменяемым *Клод*.

Однако с этим борется и обратная тенденция — сохранять неизменными имена, которые нормально передаются склоняемой формой. Обычно это имена служанок Flipote («Тартюф»), Marotte («Précieuses ridicules»), Marinette («Любовная досада»), соответственно передаваемые: *Флипот*, *Марот*, *Маринет*.

Эти примеры показывают, что тенденция сохранить форму склоняемой, наталкиваясь на орфоэпические нормы передачи, иногда заставляет переводчиков искать обходных путей. Наличие твердых норм облегчило бы работу переводчиков.

Колебания чисто звукового порядка вызывают следующие случаи:

1. Двойные согласные в женских именах после ударения. Примеры: Toinette—*Туанета* и *Туанетта*, Lucette—*Люсета* и *Люсетта*; Charlotte—*Шарлота* и *Шарлотта*, Marotte—*Марота* и *Маротта*; Marinette—*Маринета* и *Маринетта*. Во всех случаях здесь фигурирует звук [т]. Вообще же преобладает сохранение двойных согласных:

---

[27] В стихотворении «Кокетке» 1821 г.:

И вы поверить мне могли,
Как простодушная *Аньеса?*

Зербинетта, *Изабелла*, *Кидиппа* (вм. Cidippe), *Коринна*, *Жоржетта*. В двух случаях переводчики ввели двойную согласную там, где нет ее в оригинале: *Марианна* (Mariane), *Инесса* (Ignès).

2. В ином положении двойные согласные в передаче подвергаются еще бóльшим колебаниям. Так, Bonnefoi передается *Бонфуа* и *Боннфуа*. Второе написание, повидимому, никак не следует отражать в произношении. Trissotin—*Триссотен*; сохранение здесь двойного *с* является злоупотреблением: судя по этимологии («трижды дурак»), двойное s указывает только на сохранение глухого s между гласными и произносить следует *Трисотэн*. Pierrot—*Пьерро* и *Пьеро* (лучше последнее; во всяком случае в произношении ограничиться простым *р*); Josse—*Жосс* и *Жос* (лучше последнее); Hyppolite—*Ипполита* (можно сохранить долгое *п* в силу греческого происхождения имени). В одном случае Perrin все переводчики сохраняют двойное *р* — *Перрен*.

3. Колебания вызываются и тем, что не все переводчики решаются сохранять звук [ü], особенно после [ж]. Отсюда Mathurine—*Матюрина* и *Матурина*, Purgon—*Пюргон* и *Пургон*, Julien—*Жюльен* и *Жульен*, La Merluche—*Ламерлюш* и *Ламерлуш*. Мне кажется, что здесь везде можно сохранить звук [ü], изображая его через *ю*.

4. Колебания в передаче [ö] отражены в имени Fleurant («Мнимый больной»): *Флеран* и *Флёран*.

5. Замечаются колебания в указании твердости согласных перед *е*. Обычно в орфографии это не указывается, но в ряде случаев употреблена буква *э*: *Крикэ*, *Томэ*, *Раготэн*, *Ларамэ*, *Гро-Ренэ*, *Маринэтта*, *Ормэн*, *Дафнэ*, *Трисотэн*, *Андрэ*. Как видим, это всегда под ударением (см. *Ренэ*). Мне кажется, что употребление *э* после звуков [к], [м] не должно отражаться на произношении и вообще здесь не следует руководиться показаниями транскрипции.

Обычно употребление *э* после гласных, что имеет целью показать произношение без «йота»: *Фаэна*, *Генриэтта*. Употребление *э* после *и* мне кажется излишним: «йот» здесь допустим, как переходный звук от [и] к [е], иначе это сочетание неудобопроизносимо.

6. Колебания в передаче [l] через *л* твердое или мягкое отразилось в грецизированном имени *Алкид* и в двух случаях концевого *л*: *Кризал* (но есть и *Кризаль*) и *Мир-*

тил («Ученые женщины» и «Мелисерта»). В иных аналогичных случаях *ль*.

Сочетание la всегда дается твердым *л*: *Лагранж*, *Ларапьер*, *Агланта*.

Сочетание lo тоже твердо: *Лопе*, *Галопен*, *Карлос*, *Шарлотта*.

7. Не установилась передача буквы i перед гласной. Обычно она заменяется через «йот», но в некоторых случаях избирается *и* слоговое, таковы: *Мариана* в «Тартюфе».

Поговорите с ним о свадьбе *Марианы*. . .

И *Элианта* в «Мизантропе»:

На *Элианту* я направил бы мечты. . .

По-видимому, здесь сказалась характерная диэреза подлинника:

L'union de Valère avec *Mariane*. . .
Montons chez *Eliante*, attendant sa venue. . .

Имя La Violette (лакей) фигурирует и как *Лавиолет* и *Лавьолет*.

8. Некоторые колебания заключаются в передаче беглого «немого *е*» в середине слов (*Тривлены* и *Тривелины*), но вообще они опускаются: *Мадлон* (Madelon), *Жодле* (Jodelet) и др.; однако *Филерен* (Filerin).

9. Чрезвычайно прихотлива передача имени Loyal: *Лоайаль*, *Лойаль*, *Лояль*. Последняя форма, казалось бы, вызвана необходимостью сохранения каламбура:

Ce monsieur *Loyal* porte un air bien *déloyal*.

Однако во всех переводах эта игра слов заменена противопоставлением *законник*—без*законный*.

А у *законника* пребез*законный* вид. . .

Таким образом, внутренняя форма имени не использована так, как в оригинале.

Архаическая передача oi [уа] через *оа*, объясняемая здесь желанием сохранить связь с обрусевшим «лояльный», уже без всякой нужды применена к имени *Дю-Кроази*.

10. Имеются колебания в передаче немых согласных. С одной стороны, мы имеем *Робер* («Доктор поневоле»), с другой — *Альберт* («Любовная досада»).

11. В передаче «ll mouillé» удерживается архаическая передача, что, впрочем, имеет свой резон по отношению

к пьесе XVII в. (хотя вообще с этими резонами не считаются, применяя транскрипцию *Вийон* для поэта XV в.). Так La Torillère («Критика Школы жен») — *Ларорилльер* и *Ларорильер*, Mascarille (в первых трех комедиях) — *Маскариль*.

Наконец, совершенно ненужным архаизмом является передача носового гласного при помощи мягкого *нь*: *Журденъ*. Здесь я бы предложил на сцене, вопреки транскрипции, сохранять твердое *н*.

Пользуясь данным материалом, отмечу в драматургии Вольтера имена, представляющие интерес с точки зрения их русской передачи. Это преимущественно персонажи комедий, так как в трагедиях фигурирует обычный репертуар исторических имен, имеющих свои русские эквиваленты (Brutus—*Брут*, Hérode—*Ирод*, Gengiskhan—*Чингис-Хан*, Mahomet—*Магомет*).

Обратимся к женским именам на *-ie*. Здесь возможны колебания между несклоняемой формой на *-и* и склоняемой на *-ия*. Если эти имена относятся к более отдаленному времени или имеют условно-комедийный характер, лучше передавать их в склоняемой форме.

Euphémie в комедии «Indiscret» (20-е годы XVIII в.) носит условный, не бытовой характер, а потому следует передавать *Эфимия* или *Эвфимия*. Amélie в средневековой трагедии «Le Duc de Foi» (1752) также следует передавать *Амелия*, также и Fanie в «Танкреде» (1780) будет *Фани́я*, а не *Фание*. Гнедич в своем переводе оставил форму неизменяемой, но передвинул ударение:

О, *Фа́ни*, в сих стенах жалеют о Танкреде! . .

Из других женских имен затруднение представляет имя Sulma в трагедии «Скифы» (1767). По-видимому, его надо передавать в склоняемой форме, передвинув ударение: *Сю́льма*.

Трудно решить, какая форма — неизменяемая или склоняемая — предпочтительнее для женских имен Babet («Charlot», 1767) — *Бабет* или *Бабета* (но не *Бабе*), Ninon («Le Dépositaire» 1767) — *Нинон* или *Нинона*, Phébé (опера «Les Deux Tonneaux», 1769)—*Фебе* или *Фебея*. Два первых — имена служанок.

В применении к дочери барона Дела Канадьер Gotton (комедия «L'Echange», 1754), пожалуй, уместнее несклоняемая форма *Готон*. Имя Fatime в «Заире» (1732) лучше

передавать в этой офранцуженной форме *Фатима*, чем в более близких к восточному *Фатме* или *Фатьма*. Так поступил Г. Шенгели:

Приплыл я выкупить Заиру и *Фатиму*.

Неясно, как быть с именем m-me Dorfise («La Prude», 1747): является ли оно личным именем или фамилией и, следовательно, будет ли г-жа *Дорфиза* или г-жа *Дорфиз*? Думаю, что правильнее изменяемая форма, так как имя это условно-комедийное, т. е. одновременно и фамилия, и личное имя. Однако в той же комедии фигурирует m-me Burlet, что больше похоже на фамилию: г-жа *Бюрле*.

При передаче «ll mouillé» может быть для XVIII в. можно сохранить традицию употребления *ль* и поэтому признать неправильным в «Заире» (пер. Шенгели) *Буйон* (видимо для избежания каламбура *Бульон*; этого каламбура можно было избежать формой *Бульонский*). Таким образом, имя слуги Guillot (комедия «Charlot») передать *Гильо*, а не *Гийо* (ср. *Гильо* у Пушкина в «Евгении Онегине» в той же функции имени слуги). Тем более оснований в «Заире» Chatillon передавать *Шатильон* (у Шенгели *Шатийон*) и во всяком случае гасконскую баронессу Croupillac надо называть *Крупильяк*.

В именах, содержащих h, передавать его не следует, так Hortense (в «L'Indiscret») будет *Ортанза*, хотя это и кажется странным; Du Hasard («Les Originaux», 1730)—*Дю-Азар*.

Соединение двух гласных внутри слова следует делать без «йота», поэтому Phaédime («Sophonisbe», 1770) будет *Фаэдима*.

Сочетание la в привычных именах сохранять твердым: Adélaide Du Guesclin—*Аделаида Дю-Геклен* (одноименная трагедия 1734).

Начальное eu там, где нет нужды отражать греческое происхождение имени, передавать через *э*: Euphémie («L'Indiscret»)—*Эфеми́я*, Euphémon («L'Enfant prodigue», 1736, место действия Коньяк)—*Эфемон*.

Носовое in везде передавать через *ен*: Jasmin *Жасмен* (Там же), Zoïlin—*Зоилен* («L'Envieux»).

Неясно, как быть с такими именами, как Pasquin («L'Indiscret») — сохранять ли итальянскую форму *Пасквин* (но не *Пасквино*, так как речь идет о слуге-французе), или лучше передавать точно *Паскен*.

Еще менее ясно, как быть с именем слуги Nuit-blanche, имеющим явную нарицательную функцию (по-французски «белая ночь», проведенная напролет в попойке).

Обратимся к некоторым именам в пьесах Бальзака.

В пьесе «Vautrin» (Вотрен) 1840 г. обращают на себя внимание имена: Fil-de-soie имя повара, явно нарицательное («шелковинка»), по-видимому, следует ограничиться звуковой передачей *Филь-де-суа*.

Швейцар Buteux следует передать *Бютё* (произносить с твердым [т]). Филипп Булар (Boulard) имеет прозвище Lafouraille; по-видимому, его следует передать неизменяемым *Лафурай*.

Герцогиня Monsorel (*Монсорель*) Louise de Vaudrey должна передаваться *Луиза де Водре*, а не *Водрей*.

Герцогиня Christoval — *Кристоваль*, а не *Христоваль*. Inès de Christoval — лучше *Инес*, а не *Инеса* и не *Иньес* (или *Иньеса*), т. е. с сохранением французской неизменяемой формы. Служанка Félicité — неизменяемая форма *Фелисите*. Имена в пьесе «Quinola» (1843) все испанские и потому для нашей темы неинтересны.

В «Paméla Giraud» (1843) прежде всего возникает вопрос об имени героини. По-видимому, следует передвинуть ударение *Памéла*.

Имя *Руссо* в виду традиционности следует сохранить с двойным *с* (в произношении — долгое *с*), хотя иных оснований к тому нет.

Горничная Justine — *Жюстина* (в склоняемой форме).

В пьесе «La Marâtre» (1848) Comte de Grandchamp —граф *Граншан* (т. е. носовое *а* изображать, несмотря на правописание, с *н*, а не с *м*; это утвердившаяся традиция, ср. *Дешан*—Deschamps).

Слуга Champagne (имя, идущее от XVII в.)—*Шампань* (но с неясным склонением: *Шампаня* или *Шампанья* [28]); аптекарь Baudrillon—*Бодрийон*; Gertrude—*Жертрюда*, а не *Гертруда* [29]; Pauline—*Полина*; Marguerite—*Маргерита*, а не *Маргарита* [30].

В пьесе «Le Faiseur» (поставлена в 1851 г.) Berchut—*Бершю* (м. б. *Бершют*); Violette—*Вьолетта* (можно и *Виолетта*); Virginie—*Виржини* — в неизменяемой форме.

---

[28] В переводе Л. С. Утевского склоняется *Шампаня* (д. 1, сц. 4, конец).

[29] В переводе Л. С. Утевского — *Бодрильон*, *Гертруда*.

[30] В переводе Л. С. Утевского — *Маргарита*.

Перечисленные имена показывают, каковы затруднения, возникающие при передаче имен, что подлежит более или менее жесткому нормированию и каковы могут быть отступления от норм.

[1944 год]

ПЕРЕВОД ИЛИ ТРАНСКРИПЦИЯ?

А. А. Реформатский

> «Англичанину Джеку или шотландцу Джоку нельзя давать наименование *Яша*, окрашенное русским (или еврейским) бытовым колоритом. . .»
>
> *(К. Чуковский)*

Среди многих вопросов перевода есть один, казалось бы частный и маленький, но тем не менее очень беспокоящий как лингвистов, так и самих переводчиков. Это вопрос о передаче иноязычных имен собственных. По этому вопросу много написано и в выпусках «Мастерство перевода», и в «Тетрадях переводчика», и в различных лингвистических пособиях, справочниках и статьях. Вот этому-то вопросу и посвящена данная статья*, которая не стремится выработать рецептуру, а старается вскрыть различные мнения и подвергнуть их анализу и критике.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Передача сообщения данного языка на другом языке или средствами другой графики всегда является преобразованием, трансформаций или пересообщением.

---

* В основу статьи положен доклад автора на Конференции по вопросам перевода в МГПИИЯ 12 мая 1971 г.

2. Любая информация, данная на каком-либо языке, может и должна быть переинформирована при изменении ситуации сообщения, то есть в иных лингвистических условиях.

3. Чем адекватнее будет произведена эта операция, тем полнее будет представлена заложенная в источнике информация и тем совершеннее будет пересообщение.

4. Любой акт пересообщения со сменой лингвистической ситуации — есть акт п е р е в о д а.

5. С данной точки зрения и собственно перевод, и транскрипция — разновидности той же проблемы перевода. В этом их общность и лингвистическая характеристика объектов и единиц исследования.

6. При решении тех или иных случаев перевода с чужого языка на родной надо проверять себя и обратным: случаями перевода с родного языка на чужой. Такая проверка лучше всего может показать, «что такое хорошо и что такое плохо».

РАЗЛИЧИЕ ПЕРЕВОДА И ТРАНСКРИПЦИИ

Если с точки зрения общей теории трансформации и пересообщения транскрипция является тоже переводом, то в области специальной перевод и транскрипция могут быть друг другу противопоставлены, так как они по-разному осуществляют формулу Гердера: «Надо сохранять своеобразие чужого языка и норму родного», а именно: 1) перевод стремится «чужое» максимально сделать «своим»; 2) транскрипция стремится сохранить «чужое» через средства «своего».

Таким образом, в плане практическом перевод и транскрипция должны рассматриваться как антиподы.

Прежде чем рассматривать интересующий нас вопрос о переводе или транскрипции собственных имен, установим, какие элементы вообще могут подлежать переводу.

Перевод в прямом смысле более всего базируется на лексических и, отчасти, грамматических эквивалентах разноязычия.

Переводчик прежде всего переводит слова одного языка словами другого языка, конечно, не поштучно, а сообразуясь с «целым». Этот вопрос достаточно освещен

в работах многих теоретиков и практиков перевода (Кашкин, Чуковский, Федоров, Эткинд, Кундзич, Россельс и др.). Я этого вопроса касаться не буду.

Важнее отметить, какие же элементы лексики подлежат вниманию переводчика. Это:

1. Обычные слова литературного языка с нейтральной окраской. Этот слой вызывает мало трудностей и исчерпывается справкой в хорошем словаре. Кое-какую заботу вызывают синонимы как в языке подлинника, так и в языке перевода. Но если они подразделяются на нейтральные и стилистически окрашенные, то последние отходят к ниже следующим пунктам.

2. Термины. Термины, как правило, регламентированы специальными реестрами, а поскольку элементы «высоких терминологий» (науки, индустриальной техники и т. п.) во многом интернациональны, то здесь вопрос больше касается не основ, а словообразовательных моделей и транскрипционных приемов. Из всех лексических вопросов перевода термины наиболее близки собственным именам, о чем сказано будет ниже. Больше затруднений вызывают так называемые бытовые термины, т. е. слова, относящиеся к кустарным промыслам и отсталым формам производства, так как здесь интернациональное уступает национальному и народному, а тем самым легко «перекрасить текст», перекрестив мотыгу в соху или же фургон в телегу.

3. Диалектизмы и жаргонизмы. Конечно, такие явления преимущественно связаны с художественными текстами, эти элементы могут входить в художественный план произведения в целом и требовать отражения в переводе. Таковы «нормандизмы» у Мопассана или сленг Элизы Дулитл в «Пигмалионе» Бернарда Шоу. В этих случаях переводчику приходится задуматься над поисками эквивалентов, так как очень легко или потерять «местный колорит» подлинника, или же «варваризировать» текст перевода. На помощь приходят иной раз «примечания переводчика», чего не стоит так уже бояться.

4. Идиомы или фразеологизмы. Об этом так много писалось и говорилось, что не хочется задерживаться. К. И. Чуковский в «Высоком искусстве» (собр. соч., т. 3. М., 1966) показал много примеров, когда переводчик «зевает» идиому, вплоть до того, что «Вишневый сад» Чехова (как название пьесы это лексикализовано и по-

добно идиоме) смог превратиться в английского писателя Черри Орчарда, а черная полицейская карета — в негритянскую красавицу (см. гл. I, «Словарные ошибки»).

Так как идиомы нельзя калькировать поштучно, то при их переводе возможны иной раз очень далекие подмены денотатов; это особенно полезно при переводе поговорок и сентенций; Чуковский писал: «Если у Гейне сказано: „Ошпаренная кошка боится кипящего котла“, вы смело можете написать в качестве адекватной пословицы: „Пуганая ворона и куста боится“» (см. гл. V, «Стиль»); французская поговорка «A bon chat — bon rat» может быть переведена по-русски как «Большому кораблю — большое плавание», — все это случаи «неточной точности», как говорит К. Чуковский. Конечно и здесь нельзя нарушать того, что сказано в предыдущем пункте.

5. Случаи полисемии нас сейчас не интересуют, хотя сами по себе эти случаи и таят многие трудности для переводчика.

6. В сборнике «Мастерство перевода. 1969» есть интересная статья двух болгарских авторов С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», посвященная, правда, другому вопросу: как быть с тем, что авторы называют «реалиями», при переводе? «Реалии» — это, по мысли авторов, не сами реалии, а те слова, которые эти реалии называют: географические и этнографические реалии: *тундра*, *джунгли*, *тайга*, *фьорд*; *гуцул*, *кафр*, *копт*, *кацап*; фольклорные и мифологические понятия: *сага*, *былина*; *скальд*, *миннезингер*, *акын*; *эльф*, *наяда*, *леший*; бытовые реалии: *пища*, *одежда*, *жилье*, *утварь*; перевозочные средства, музыкальные инструменты, меры, деньги; общественные и исторические реалии: административно-территориальные единицы и населенные пункты (*аул*, *штат*, *кантон*, *вилайет*); лица, должности, профессии (*гетман*, *президент*, *корсар*, *тореадор*, *ходжа*, *викарий*, *мисс*, *синьор*, *фрау*); учреждения, органы управления (*стортинг*, *сейм*, *ареопаг*, *колледж*, *вече*, *совхоз*, *исполком*); члены партий и различных группировок (*большевики*, *виги*, *гвельфы*, *эсдеки*, *квакеры*); военные реалии (*орда*, *когорта*, *фаланга*, *аркебуз*, *бумеранг*, *ятаган*, *атаман*, *прапорщик*, *янычар*).

Конечно, тут не все убедительно (например, *бумеранг* как военная реалия, а не этнографическая и под.), но в целом ареал этих «реалий» намечен правильно (ср. ана-

логичную таблицу в моем «Введении в языковедении», 1967, стр. 139, что́, очевидно, неизвестно было авторам статьи). Для передачи этих «реалий» авторы рекомендуют несколько разных приемов: транскрипция, калька, освоение (т. е. перевод реально бытующим в языке перевода словом), приблизительный перевод, описательный перевод. Все это косвенно соприкасается и с вопросом о собственных именах при переводе. Отметим указание, перекликающееся с одним рассуждением Вл. Россельса (см. ниже): «Порой приходится избегать транскрибирования реалий, фонетически или графически похожих на другие по значению слова в языке перевода» [1].

7. Наконец, собственные имена. Этому вопросу переводчики и теоретики перевода посвятили немало страниц, например: Вл. Россельс «Подспорья и преграды» (1963), «Перевод и национальное своеобразие подлинника» (1955); А. Арго «Факты и выводы» (1959); Юр. Молочковский «Легче или труднее?» (1964); Ал. Кундзич «Переводческая мысль и переводческое недомыслие» (1955); Л. Н. Соболев «О переводе образа образом» (1955); Н. М. Любимов «Перевод — искусство» (1955); Аврил Паймен «Как я переводила Тургенева на английский» (1955); Ал. Кундзич «Переводческий блокнот» (1968); Е. Эткинд «Великие французские переводчики» (1965); Марк Живов «Юлиан Тувим — пропагандист русской поэзии» (1963); П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов «Передача славянских имен при переводах» (1962); Е. С. Андреева «К вопросу о транскрипции чешских имен собственных» (1962); Ю. Абызов «О культуре перевода» (1970) и мн. др.

По вопросу, который нас интересует, — перевод или транскрипция, у теоретиков и практиков перевода появились очень разные точки зрения, на эту тему получилась даже дискуссия, в которой мы постараемся разобраться.

СПОРЫ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Прежде всего надо решить вопрос о том, как подходить к собственным именам? Брать ли все виды ономастики в целом и нерасчлененно или же рассматривать разные

[1] С. Влахов и С. Флорин. Непереводимое в переводе. «Мастерство перевода. 1969». М., 1970, стр. 444.

категории собственных имен по группам? Следует ли сначала рассмотреть общие положения, касающиеся любого перевода, а затем уже рассмотреть особо судьбу имен собственных в художественном переводе? Думаю, что оба пути расчленения вопроса необходимы и первое рассмотрение должно предшествовать второму.

1. Итак, рассмотрим топонимику отдельно. В этой области, если речь идет не о художественной литературе, а о научной или публицистической прозе, даже — об исторических романах или повестях, описывающих путешествия и т. п., — особых затруднений и повода к фантазированию не найдешь. Существуют регламентированные списки топонимов, где либо даны точные транскрипции, либо узаконенные обычаем «подмены» типа *Вена*, *Париж*, *Неаполь*, *Рим*, *Стамбул* и т. п. (в подлиннике: *Вин*, *Пари*, *Наполи*, *Рома*, *Ыстамбул*). Таких случаев не так уж много, и выбор того или другого варианта не составляет «работы переводчика» как такового. Проблема выбора может возникнуть в тех случаях, когда объект имеет два или более имени. Например, корейские топонимы в корейской и японской форме, многие названия населенных пунктов в бывших колониях и протекторатах, где наряду с «колониальным наименованием» появляется желаемое местное (например, в бывших африканских колониях или в Индокитае). Это может касаться и названия государств, когда имеется дипломатическое представление о переименовании (не *Персия*, а *Иран*, не *Абиссиния*, а *Эфиопия* и т. п.). Иногда это касается выбора одной из бытующих транскрипций, например *Лос-Анжелос*, *Лос-Анджелос*, *Лос-Анджелес*, *Лос-Анхелес*. Сюда же: *Шевенинген* и *Схевенинген*, *Де-Муан* и *Ди-Мойнз*. Но в общем все это забота Бюро транскрипции, картографов, а не переводчиков как таковых.

С *гидро-* и *оро-* топонимами все это встречается еще реже, например, *Эверест*, *Чомолунгма*, *Джомолунгма*; *Куэнь-Лунь* или *Кунь-Лунь* и т. п.

Такие же случаи, когда одна и та же река имеет два и более названия, — обычно другого рода: река протекает по территории разных стран, где ее называют по-разному: *Тахо* (Испания) и *Тежо* (Португалия), *Эско* (Франция) и *Шельда*, скорее *Схелда* (Нидерланды), ср. также названия трех разных отрезков р. Вахш в СССР.

Особый интерес представляют случаи исторических текстов для тех объектов, которые имели разные именования в разные эпохи. Такова, например, судьба наименований: *Колывань — Ревель — Таллин*; или *Юрьев — Дерпт — Тарту*. Здесь переводчику делать, собственно говоря, нечего: надо следовать за оригиналом, но точно соотносить название города и хронологию соответствующей эпохи, чтобы древнерусские князья и бояре не ездили в Таллин и не бражничали в Тарту. . .

Все это не прямая забота переводчиков, а предмет картографии.

2. Иное дело топонимика художественных текстов, где могут встретиться и вымышленные топонимы, не имеющие картографической регламентации и установленной традиции. Очевидно, что там, где такое вымышленное топонимическое название не имеет стилистической или сюжетной окраски, следует просто транскрибировать его по существующим для реальных топонимов правилам. Там же, где это «говорящее название», где важен его апеллятивный смысл, переводчику есть о чем подумать. Таковы, например, названия бедствующих деревень в «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова: «*Заплатово*, *Дырявино*, *Разутово*, *Знобишино*, *Горелово*, *Неелово*, *Неурожайка* то ж» [2] или город *Глупов* у Щедрина. Конечно, переводя корни таких топонимов, переводчик должен придавать им национальный облик языка подлинника, как это делал Н. М. Любимов с именами персонажей «Дон Кихота» Сервантеса (см. подробнее ниже в разделе об антропонимах). Когда удачное адекватное решение не выходит, то лучше давать транскрипцию и примечание переводчика, как это бывает с переводом каламбуров и игры слов. Вряд ли, например, стоит последовать совету А. В. Суперанской [3]

---

[2] Ю. А б ы з о в («О культуре перевода». — В сб.: «Мастерство перевода. 1969», стр. 256) пишет: «Имея дело с полноценным подлинником, мало пересказать то, что примерно обозначено словами, мало транслитерировать имена и названия, нужно еще добыть из них дополнительный смысл и окраску. . . В переводе рассказа Лайцена «Разбойник» названия усадеб и фамилии так и остаются транслитерированными. . ., а ведь это не просто географические обозначения. . . Это все равно, что некрасовские деревни — *Горелово*, *Неелово*, *Разутово*, *Дырявино* — взять и переписать латинскими буквами. . .»

[3] А. В. С у п е р а н с к а я. Заимствование слов и практическая транскрипция. М., 1962, стр. 45.

и «переводить» название города, где разыгрывается комедия выборов в «Пиквикском клубе» в виде *Жрилакай* (англ. Eatenswill), хотя это, по свидетельству Ч. Диккенса, и вымышленное название, но этот «апеллятивный смысл» ни при чем. . .

У Чехова в пьесе «Предложение» есть упоминание одного болота, причем оба раза название его меняется: то оно *Горелое*, то *Горелово* (думаю, что второе упоминание просто описка). Болото, даже если оно когда-то выгорело и уже заросло, все же «горелое», и это не просто кличка, а деталь ландшафта. Тут можно попытаться при переводе «Предложения» выявить его апеллятивный смысл. Но если его просто перевести, допустим, французскими словами, то никакого русского пейзажа и ландшафта не получится. Ведь здесь не просто словоформа, образованная от глагола *гореть* (как, например, в рефрене известной песенки Шостаковича о фонарике: *Гори! Гори! Гори!*, что можно адекватно перевести на французский императивом от глагола éclairer *светить, освещать*: Eclaire! Eclaire! Eclaire!).

Если просто перевести «по словарю» le marais (или: le marécage) brulé, то апеллятивный смысл будет передан точно, но не получится русского топонима, так как топонимы в каждом языке строятся по определенным моделям и входят в некоторый ряд. В данном случае этого нет, а тем самым и претензии ландшафта остаются невыполненными. А пойти на то, как это делает Н. М. Любимов с именами персонажей, т. е. взять корень переводного языка и морфологически и фонетически оформить по модели языка подлинника, — вряд ли кто решится!

3. Вопросы антропонимики не менее, если не более актуальны при переводе. Казалось бы, что имена исторически известных лиц (государственных деятелей, полководцев, писателей, художников, ученых и т. п.) следует в переводном тексте передавать как можно ближе к подлиннику, чтобы «опознание» было стопроцентным, но не всегда и не везде это соблюдается. И причины здесь разные. В тех случаях, когда графическая основа текста подлинника и текста перевода идентичны (как у большинства латинопишущих народов), собственные имена обычно даются в подлинном написании, независимо от того, как они должны читаться по правилам чтения языка

перевода. При этом получается парадокс: идентичное в графике не совпадает в фонетике, и такие, например, немецкие имена, как Hegel, Engels, Heine, Mozart, французы «читают» как: *Эжель*, *Анжель*, *Эн*, *Мозар*. . . То же происходит и с французскими именами, данными в подлинном написании в английском тексте. Например, *Анрьет* превратится в *Хенриэт*, *Дюмулен* — в *Дамулен*, *Буало — в Бойлот*, *Мельяк — в Мейлак* и т. п. Таким образом, константность графического облика имени не обеспечивает константности фонетической, а ни французы, ни англичане, как правило, не идут на практическую транскрипцию, предоставляя читателю самому догадываться, подо что «подогнать» непонятное написание, следуя принятым правилам чтения латиницы на своем языке. А в результате получаются «неведомые» *Джесперсены* и *Джекобсоны* на месте известных Отто Есперсена и Романа Якобсона.

Случаи перевода имен исторически известных лиц встречаются реже, но все же встречаются. Так, до определенного времени в словаре Ларуса про Ивана Грозного было сказано: «Jean le Terrible, nommé pour sa cruoté Vasilyevitch» («Иван Грозный, за свою жестокость прозванный Васильевич»).

В русской традиции передачи имен известных лиц есть определенная традиция: особ царствующего дома передавать в латинизированной или архаизирующей форме, т. е. французских *Луи* именовать *Людовиками* (вплоть до Людовика XVIII, но: *Луи-Филипп*!), фр. *Анри* и английских *Хенри — Генрихами* (хотя *бородка анри-катр*!), а *Джонов — Иоаннами*. Это неплохая традиция, несущая в самом имени информацию о принадлежности данного лица к царствующему дому в отличие от «смертных» Анри Бейля, Анри дё-Ренье, Генри Вуда, Джона Фальстафа и прочих некоронованных лиц и персонажей [4].

---

[4] По данному поводу высказался теоретик перевода Вл. Россельс: «В русской переводной литературе на протяжении ее трехсотлетнего существования имена переводились со всех языков хаотично. С английского — *Генри Эсмонд*, но *Генрих VI*; с французского — *Анри де Ренье*, но *Генрих IV* и т. д. Однако с тридцатых годов нашего века тенденция к унификации точно наметилась в этом вопросе. Постепенно все пришли к тому, что иноязычные имена следует транскрибировать, т. е. воспроизводить русскими

Традиция также действует для перевода прозвищ: *Генрих Птицелов*, *Ричард Львиное Сердце*, *Иоанн Безземельный*, *Людовик Святой* и т. п. И здесь есть свое оправдание: эти прозвища «говорящие», более прямо, нежели «говорящие фамилии».

В случаях «говорящих» имен и фамилий, конечно, хочется при переводе сохранить их апеллятивный смысл. Но как это сделать, чтобы избежать варваризмов, нарушающих ряды имен собственных? А. Арго рекомендовал «придать русскому слову иностранное звучание, с таким расчетом, чтобы читателю или зрителю было понятно, о каком человеческом качестве идет речь» [5]. Этим путем пользовался часто Н. М. Любимов. Многие его находки оказались удачными, таковы: *дон Тренбреньо* и *Хинесильо де Награбильо* в «Дон Кихоте». Но, идя тем же методом, Н. М. Любимов иной раз и «перетягивал» или «недотягивал»; таков «перевод» фамилии доктора Ипека в *доктор Блево* в «Милом друге». Ипек, связанный с ипекакуаной, лекарством, смягчающим горло, стоит в ином ряду, чем русский глагол *блевать* — явный вульгаризм; так что эквивалентность стилистических рядов здесь нарушена. Также мало убеждают такие «фамилии» поваров в «Гаргантюа и Пантагрюэль», как: *Уполов*, *Блинки*, *Архижирей*, *Суплакай* [6] (ср. пожелание А. В. Суперанской переводить в «Пиквике» *Итенсвилл* в виде *Жрилакай*). Слишком все это пахнет «русским духом», как подмена фамилии парижского колбасника *м-сье Жамбон* русской фамилией *Ветчинкин* [7].

А. Арго (там же) говорит о персонажах «Коварства и любви» Шиллера: «Фамилия злодея-секретаря — Вурм (червяк), дурака-фельдмаршала — фон-Кальб (теленок...»,

---

буквами их фонетическое звучание. . .» («Подспорья и преграды». — В сб.: «Мастерство перевода», 1963, стр. 173). Здесь много неточностей: хаотичность здесь мнимая, скорее — разумная плановость (см. выше). Что же касается транскрибирования, то оно не может «воспроизводить их фонетическое звучание», это была бы фонетическая научная транскрипция, при передаче же имен должна применяться транскрипция, но не фонетическая, а практическая, что́ не одно и то же. Об этом мы скажем подробнее ниже.

[5] А. Арго. Факты и выводы. «Мастерство перевода». М., 1959, стр. 298.

[6] Об этих своих опытах Н. М. Любимов писал в статье «Перевод — искусство» («Мастерство перевода». М., 1963, стр. 251).

[7] См.: А. Арго. Указ. соч., стр. 298.

и далее: «. . . Слуга Дон Жуана Лепорелло происходит от латинского lepus, что значит «заяц», в родительном падеже leporis, а отсюда прямой ход к «Лепорелло» — что значит «зайчишка» [8]. Но если воспользоваться этими предложениями и наряду с Миллерами и другими «неговорящими» фамилиями персонажей шиллеровской драмы дать секретаря по именованию *Червяк* — получится среди немцев один украинец! А вот *фон-Телёнок* уже ни в какие ворота не лезет, даже в украинские! Что же касается до Лепорелло, то его образ не укладывается в «заячий характер», это уводит в сторону, не говоря уже о том, что имя *Лепорелло*, освященное пером Байрона, Пушкина и музыкальной характеристикой Моцарта и Даргомыжского и вошедшее в мировой «пантеон» наряду с Дон-Жуаном, Прометеем, Гераклом, Мефистофелем и подобными, само готово стать новым нарицательным, подобно зоилу, каину, кесарю-цезарю и т. п.

А. Арго далее писал о возможных «переводах» имен персонажей Шеридана: «Тогда мечтательно скучающая героиня получит имя "мисс Лидия Томней", сплетник-наушник будет зваться „мистер Клеветаун", ворчун-драчун превратится в мистера „Поркинса" (?? *А. Р.*), легковерный персонаж станет мистером „Доверч", а тот, кого зовут „змея", мистером „Гад". . . я твердо убежден, что именно этот метод является верным, если мы при переводе не хотим обеднить смысл подлинника» [9]. Мы же полагаем, что в этих случаях русский апеллятивный смысл не дойдет до читателя (например, *мистер Доверч* с ударением на первом слоге, или *мистер Гад*, где легко заподозрить опечатку *Гад* вместо *Гадд*, — реальная германского происхождения фамилия). Таким образом, и обогащение перевода «смыслом подлинника» сомнительно, а засорение языка перевода — явно налицо.

Итак, по поводу перевода «говорящих имен» следует держаться таких правил: 1) переводить только при крайней необходимости, 2) только тогда, когда есть удачная возможность (*дон Тренбреньо*), 3) не нарушая «правила ряда» и не создавая изолированный варваризм оригинала в языке перевода.

---

[8] Там же, стр. 298. — Кстати, об уменьшительных от лат. lepus, leporis 'заяц': а) лат. lepusculus, б) исп. leporino, в) ит. leporino, leprino, не leporello.

[9] А. А р г о. Указ. соч., стр. 299.

Ю. Абызов отмечает: «В рассказе Ж. Гривы „Живое знамя“. . . есть личность. . . с кличкой Лабритынь (потому что он всех приветствует подобным образом). Сноска („Лабритынь — доброго утречка“) не выручает, потому что кличка должна источать характерность, а для русского читателя она просто колебание воздуха. . . Это все равно что в переводе на латышский вставить Ščelkunčiks» [10].

Кстати, с «Щелкунчиком» в практике Риги до революции был такой случай: начальство приказало немецкие названия театральных произведений передавать по-русски, и вот вместо «Nußknacker» на афишах появилось *Балет П. И. Чайковского «Ореходавка»*! Но вернемся к Лабритыню; если следовать Ю. Абызову и отвергать сноски, то можно было бы переводчику рекомендовать реальный антропонимический эквивалент: *Будьздоровчик* [11]. Но. . . здесь будет нарушено еще одно важное для перевода правило: факт ономастики не только должен выделяться из ряда, но прежде всего входить в ряд! А на фоне других латышских имен и прозвищ, транскрибированных русскими буквами, этот *Будьздоровчик*, конечно, будет выделяться, но в ряд он не войдет! И останется белой вороной.

А вот еще один случай, отмеченный Вл. Россельсом, где особое условие омонимичности: прозвище, транскрибированное в переводе, совпадает с другим апеллятивом в языке перевода: «Пана Демида Пампушку родом из Хороловщины, «відомої більш під назвою Стародупка», прозвали на Сечи Купою, то есть по-русски «Кучей». . . Толстый и пухлый, как пампушка, пан Демид недаром носит родовое наименование Стародупского, происходящее от польского *дупа* — задница. Недаром он и прозван «Кучей». . . « — Чего куча? — захохотал казак. . .— Мякины куча? . . . Снегу? Сена? Песку? А то может. . .» А теперь представьте, что в русском тексте вместо *куча* осталось украинское *купа*, означающее для русского уха просто группу. . . деревьев или кустов» [12].

---

[10] Ю. А б ы з о в. О культуре перевода (заметки о русских переводах латышской прозы). «Мастерство перевода. 1969», стр. 258.

[11] Ср.: А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Топономастика как лингвистический факт. «Топономастика и транскрипция». М., 1964, стр. 17.

[12] Вл. Р о с с е л ь с. Серая ткань. «Мастерство перевода. 1969», стр. 299.

Прежде чем решать вопрос о том, как нужно передавать по-русски иноязычные имена, обратимся к обратному: как русские имена передаются при переводе на иные языки.

Очень интересны, хотя иной раз и парадоксальны, соображения Ю. Тувима о переводе имен с русского [13]. «Тувим решительно высказывался против перевода русских имен на польский язык: „Обязательно, говорит он, Варенька, а не Бася, Степан, а не Стефан". Тувим подчеркивал, что это имеет свое значение и в фонетическом отношении. „Даже Антоний, — утверждает он, — это совершенно иное, нежели Антон. И если я обращусь к нему по-польски: Антоний, я совершу погрешность как переводчик. Я должен сказать: Антон!" Это заявление — не „правило" для переводчика, а тонкое стилистическое наблюдение поэта, по существу — правильное именно в защиту идиоматичности и национального своеобразия имен в тексте. Следующее рассуждение несколько парадоксально: „. . . Николая назову Миколайем, но уже Софью — Софьей, а не Зофьей, Машеньку — Машенькой (с ударением на *а*), и ни в коем случае не Маней. . . Вы можете меня убить вопросом, почему, переводя „Онегина", я назвал его Евгениушем, а не Евгением. . . Я сам не знаю почему, но Онегин в Польше может быть Евгениушем, а Иван не может быть Яном. Это неслыханно тонкие и едва уловимые различия".

Не вполне ясно, почему, если Софья не может быть „переведена" Зофьей, Николай может стать Миколайем? *Зофья* — это, конечно, яркий полонизм, а *Миколай* — почти украинизм или белорусизм (по-украински норма *Микола*, по-белорусски: *Мыкола*); в русских диалектах тоже распространена мена *н* на *м*: *Миколай*, *Микола*, — значит, если переводить на польский *Николай* как *Миколай*, получится либо русский диалектизм, либо украинизм или белорусизм. Тем самым нейтрально литературное *Николай* подменилось, его не стало. Когда мы наряду с польским: *Ян-Игнаци-Нечислав Бодуэн-де-Куртене* по-русски называем его *Иван Александрович* — ошибки нет: Бодуэн был русско-польский (или: польско-русский) ученый. Но назвать в польском тексте Ивана Тургенева

---

[13] М. Живов. Юлиан Тувим — пропагандист русской поэзии. «Мастерство перевода. 1962». М., 1963, стр. 435.

Яном — нельзя! Также и Хлестаков не Ян. Здесь Тувим прав. Насчет же Евгениуша Онегина оставим вопрос открытым. Здесь есть что-то действительно „неслыханно тонкое и едва уловимое. . .“»

Интересные высказывания о передаче русских уменьшительных при переводе мы находим в статье Аврил Паймен [14].

«Даже если вбить себе в голову, что, скажем, Митя — обычное сокращение Дмитрия, как же иностранному читателю почувствовать, что „Митенька“ звучит более фамильярно, „Митюха“ — слегка пренебрежительно, а „Митюша“ скорее нежно, тогда как „Митюшенька“ просто тает на языке, а „Митюшонок“ может сказать только с улыбкой человек, который этого самого Дмитрия знает и любит еще с детства! В своем переводе я сохранила уменьшительные только там, где они применяются не столько как ласкательные, сколько просто так, по привычке. Таким образом, Катя осталась Катей, Фенечка — Фенечкой. Но из Аркаши в устах Николая Петровича вышел „Аркадий, мой дорогой мальчик“ (Arkady, dear boy), а из Енюши в материнском приветствии Арины Власьевны — „Евгений, мой маленький“ (Yevgeny, my little one), из Енюшеньки — my little Yevgeny love. В случаях, где одно и то же лицо называется по-разному на одной и той же странице, я иногда вставляла краткое примечание, чтобы помочь читателю разобраться. Объясняю, например, что Базаров преднамеренно величает Кукшину не высокопарным именем Евдоксия, а простым русским — Авдотья. . .»

Теперь мы подходим к самой драматической странице: к вопросу о том, как передавать по-русски фамилии жен и дочерей в тех случаях, когда фамилии женщин не так построены, как это принято по-русски. Начнем со спора, где стороны представляют: Ю. Молочковский и А. Кундзич. . . Спор этот очень забавен. . .

Ю. Молочковский [15] ставит ряд вопросов по интересующему нас сюжету и дает на них весьма определенные ответы. Будучи квалифицированным переводчиком с чеш-

---

[14] А. Паймен. Как я переводила Тургенева на английский. «Мастерство перевода. 1964». М., 1965, стр. 388—389.

[15] Ю. Молочковский. Легче или труднее? «Мастерство перевода. 1962», стр. 218—219.

ского, автор прекрасно знает не только язык, но и стоящие за ним реалии и, в частности, именования родства у чехов. А они не так просты, особенно по сравнению с той практикой, которая существует на этот предмет у русских. Он пишет: «Если фамилия мужчины — главы семьи, допустим, Gamza, то жена и дочь, так сказать ему „принадлежащие“, пишутся Gamzová, сынишку могут называть Gamzů, а все семейство в целом Gamzovi или Gamzovic. Все эти варианты, как и окончание *-ова*, морфологически всего лишь притяжательные формы фамилии Gamza (как в русском — *отцова жена*, *сестрин муж*). Стало быть, основная фамилия *Гамза* в ее прямом звучании (?? *А. Р.*) и должна быть в переводе единственно правомерной для любого члена семьи».

В защиту своего утверждения Ю. Молочковский приводит следующие аргументы: «Тот, кто не понимает этого, попросту не осознает соотношения чешской и русской языковых систем. Беда, однако, в том, что такими людьми движет наивное убеждение, будто бы они сохраняют своеобразие чешских реалий, вводя в русский текст окончание *-ова*, — это самобытная особенность, чуть ли не национальная традиция чехов. На самом же деле это всего лишь особенность чешской грамматики, которую нельзя переносить в текст, управляемый законами другой грамматики — русской; *-ова* — это окончание притяжательного прилагательного женского рода, и не больше. Пересаживать его в русский перевод так же неправильно, как перенести в него выражения „госпожа докторова“ или „госпожа архитекторова“». И еще к этому добавление: «Не ясно ли, что принимать всерьез эти притяжательные окончания как национальную традицию чехов или своеобразие их быта можно только по недоразумению, ибо, повторяю, такая „традиция“ — не более, чем грамматическая форма. Мы же имеем дело с русским текстом, и в нем ни в какой степени не должны действовать правила чешской грамматики. Для нас (?? *А. Р.*) фамилии Гамза, Прохазка, Шмераль и др. — это иностранные фамилии, и нет никаких оснований превращать их из фамилий в прилагательные, чем этимологически (?? *А. Р.*) является слово Гамзова».

Прежде чем вступать в полемику, предоставим слово другому переводчику — А. Кундзичу. Полемизируя с Ю. Молочковским, он пишет: «Некоторые переносят

в русский текст имена Елена Прохазкова, Густина Фучикова, а не пишут Елена Прохазка, Густина Фучик, автор резонно возмущается такими людьми. . . и не больше. Все это было бы очень убедительно, если бы не было так наивно. . . Конечно, *-ова* нельзя определить как окончание притяжательного прилагательного женского рода, потому что *Фучикова* — это не чья, а кто, *Фучикова* — это не притяжательное и вообще не прилагательное, хотя и женского рода, это фамилия артистки Густины Фучиковой, носящей фамилию, произведенную от фамилии мужа. . . Юлиуса Фучика. И мы транскрибируем эту фамилию в таком виде, как она в паспорте Густины Фучиковой, уважая обычаи чешского народа» [16].

В более ранней статье А. Кундзич, наряду с сомнительными советами, дает такое правильное указание: «. . . какая-нибудь Дарьюшка. . . будет у нас не Даринкою, а Дарьюшкой, потому что это имя — как бы ее национальный костюм» [17].

Вот от этих двух последних положений («фамилия в таком виде, как она в паспорте» и «имя — как бы ее национальный костюм») и надо исходить при решении поставленных вопросов. Как бы ни были прозрачны для гоголевского Осипа иноязычные параллели (*Жозеф*, *Йозеф*, *Джозеф*, *Хосе*, *Юсуп* и т. д.) и даже своеязычная «паспортная» параллель *Иосиф* (никто, правда, паспорта Осипа не видел, да он вряд ли и имел таковой!), все же при переводе «Ревизора» на любой язык Осип должен оставаться Осипом, так как это «его национальный костюм». В противном случае это была бы лексическая подстановка, т. е. перевод в полном смысле этого слова; но спор А. Кундзича с Ю. Молочковским касается и «неполного перевода», где корень остается незыблемым, а меняется аффиксальная часть, а это уже можно квалифицировать по другой статье закона: это нарушение паспортного имени!

Такое положение вещей касается не только чешско-русских языковых отношений, но распространяется также и на русско-латышские и русско-литовские переводные

---

[16] А. Кундзич. Переводческий блокнот. «Мастерство перевода. 1966». М., 1968, стр. 211.

[17] А. Кундзич. Переводческая мысль и переводческое недомыслие. «Вопросы художественного перевода». М., 1955, стр. 235.

трудности. Когда-то Вл. Россельс упрекал переводчицу Сусанну Мар: «. . . Сусанна Мар перевела поэму литовской поэтессы В. Вальсюнене «Вероника», сохранив характерную для литовской речи («для литовского языка»! — *А. Р.*) систему изменения имен. Если мужа зовут Тамулис, то его жена — Тамулене, ребенок — Тамулюнас и т. д. Нечто вроде русского областного: Иваниха — жена Ивана, или украинского, устаревшего: Иваненко — сын Ивана. Переводчице кажется, что так и следует. Нам же представляется, что на русском языке изменение имен собственных по законам литовской грамматики загромождает текст, затрудняет его восприятие и, более того, ведет к засорению русской литературной речи» [18].

Если так рассуждать последовательно, то придется любые нерусские имена в русском тексте считать «засорением русской литературной речи», например *Элен* в «Войне и мире» (почему не *Елена*?), *Жюли Карагина* (там же; почему не *Юлия*?); *Трике* в «Онегине» и *Дефорж* в «Дубровском» (почему не. . . ??), *Жиго* с уменьшительным *Жигошка* в «Хронике захудалого рода князей Протозановых» Лескова, а в переводах: *Манон Леско* (почему не *Машенька Лёскова*? Машенька-то была когда-то!), *принц Гамлет*, а не *принц Деревушка*?? И т. д.! Такие рассуждения невольно потянут за собой и старые «введенские» русификации с «извозцами», «двугривенными», с «рупь-целковым» в практике мистера Пиквика. . . Сказав «А», надо не бояться сказать и «ЗЕТ»!

Вернемся к вопросу о «паспортных именах». Вот, например, какова картина для латышского и литовского языков в отношении именования жен, дочерей и прочих членов семьи (все это не имеет отношения к латышской и литовской грамматике, а скорее к прибалтийской этнографии [19]). Вот справка, которую по моей просьбе составила В. Э. Сталтмане по интересующему нас вопросу:

---

[18] Вл. Россельс. Перевод и рациональное своеобразие подлинника. «Вопросы художественного перевода», стр. 167.

[19] См., например, В. Э. Сталтмане. Образование женских форм латышских фамилий. «Изв. АН Латвийской ССР», 1969, № 6. — Пользуюсь случаем поблагодарить Велту Эрнестовну.

Образование женских фамилий (жен и дочерей) в латышском языке

1. Не меняются фамилии, оканчивающиеся на: *-a*, *-e*, *-us*, *-o*: Liepa, Egle, Ledus, Pugo.

2. Оканчивающиеся на *-is* меняют *-is* на *-e*: Grīslis — Grīsle, Staltmanis — Staltmane.

3. Оканчивающиеся на *-s*, *-š*: а) *-s* меняют на *e*: Auzāns — Auzāne, Brīvkalns — Brīvkalne; б) *-š* меняют на *-a*: Kalniņš — Kalniņa.

Также меняют *-s* на *-a* фамилии на: *-ājs*, *-ējs*, *-bergs*: Arājs — Arāja, Vedējs — Vedēja, Grīnbergs — Grīnberga.

4. У некоторых фамилий на *-s* есть колебание *-a/-e*: Andrups — Andrupa/Andrupe, Ķikuts — Ķikuta/Ķikute, Šīrs — Šīra/Šīre, Sakss — Saksa/Sakse, Būls — Būla/Būle.

Образование женских фамилий в литовском языке

а) Фамилии жен:

1. Путем отбрасывания окончаний мужских фамилий *-as*, *-is*, *-ys*, *-a*, *-ė* с заменой на *-ienė*: Korsakas — Korsakienė, Kurklietis — Kurklietienė, Mozūra — Mozūrienė, Dailidė — Dailidienė. Этому правилу подчинены также трех- и более сложные фамилии на *-ius*: Butkevičius — Butkevičienė.

2. От двусложных фамилий на *-us*, *-ius* путем замены их на *-uvienė*, *-iuvienė*: Dapkus — Dapkuvienė, Kernius — Kerniuviene.

б) Фамилии дочерей:

1. От мужских фамилий на *-as*, *-a* путем замены их на *-aitė*: Jankauskas — Jankauskaitė, Mozūra — Mozūraitė.

2. От мужских на *-is*, *-ys*, *-ė* путем замены их на *-ytė*: Kurklietis — Kurklietytė, Balsys — Balsytė, Dailidė — Dailidytė.

3. От мужских двусложных на *-us* путем замены на *-utė*: Daukus — Daukutė.

4. От мужских на *-ius* и от трехсложных на *-us* путем замены на *-iutė*: Mickevičius — Mickevičiutė, Vaitiekus — Vaitiekiutė.

И это все паспортные данные! Их же не прейдеши. . .

Для того чтобы понять недопустимость русификации литовских, латышских, чешских фамилий, обернем все на 180 градусов: нравится ли русским, когда *Спасский* становится у латышей и литовцев *Спасскис*, *Котов* — *Котовс*, *Рагозин* — *Рагозинс*? А у чехов *Анна Каренина* должна превратиться в *Каренинова*, а другая *Анна* — *Снегина* — в *Снегинова*? Неужели же и *Эмма Бовари* должна стать *Боварова*? Можно всего ожидать, если, как пишет Молочковский «. . . в чешском языке многие иностранные имена, в частности исторические, переделываются на чешский лад: Фридрих Великий — Бедржих Велики, Жанна д'Арк — Иоганка з Арку. У них даже фаустовская Гретхен — Маркетка и Онегин — Эвжен» [20].

Приведенная порочная практика чехов, латышей и литовцев в отношении собственных имен в переводном тексте должна быть строгим предупреждением тем, кто хочет бороться за культурный текст перевода. Если это «чужое», то покажи, что это «чужое», уважай чужой колорит, донеси его как «чужой» до читателя и. . . не бойся примечаний, если они нужны для читателя [21].

В некоторых случаях мы встречаемся с еще более мелкими казусами. Если я вижу «одну и ту же» фамилию, допустим, в русском тексте — *Яблонская*, а в иных текстах передо мною: *Яблоньска*, *Яблонска*, *Яблоньская*, то мне ясно, что 1) это польская фамилия, 2) это чешская фамилия, 3) это украинская фамилия. Информация о «национальном колорите» дана в написании, и это хорошо! Многих пугает вопрос, «а как же склонять», если *Яблоньска* или *Яблонска* (для мужчин: *Яблоньски*, *Яблонски*)? Во-первых, это уже второй вопрос. Надо различать: исходную форму и вопрос о том, как с ней поступать в синтаксически связанном тексте. А разве нас пугают такие «несклоняемые» грузинские фамилии, как *Орджоникидзе*, *Бадридзе* или *Палиашвили*, *Яшвили*? Ничего страшного для русского текста нет. А, кроме того, можно установить, если уж так хочется склонять, «супплетивное правило»: в именитель-

---

[20] Ю. Молочковский. Указ. соч., стр. 220.

[21] Много верных и полезных указаний о передаче чешских имен и фамилий в русском тексте содержится в работе З.-Ф. Оливериуса «Транслитерация чешских слов русской азбукой» («Русский язык, литература, методика». Прага, 1965), к которой мы и отсылаем читателя.

ном падеже (исходная форма!) *Яблоньска, Яблоньски*, а в косвенных — по русскому образцу: *Яблоньской, Яблоньскую, Яблоньского, Яблоньскому*... Но ь для польских фамилий извольте беречь! Это «национальная метка», пусть она будет цела. Следует помнить, что вопрос о словоизменении — это всецело право языка перевода. «Словоизменять» по чужой парадигме нельзя, а исходная форма — это не может быть предоставлено мутному потоку «-икаций» и «-изаций», и здесь нужен критерий «истинности», где даже «морфологически» фантазировать недопустимо.

Интермеццо: Просматривая переводы Ю. М. Молочковского рассказов К. Чапека, я убедился, что Молочковский-практик — не всегда следует тезисам Молочковского-теоретика. Так, раздавленная машиной нищенка в рассказе «Поэт» именуется не *Мохнач*, а *Мохначева*, а эта модель имеет парадигму склонения на *-ой, -ую*, ср. *вдовы Подлещиковой* («Как ставится пьеса»). Исходная форма мужской фамилии на *-ски* (*Хоуски* — «Похищенный документ») имеет русскую парадигму: *с Феликсом Староместским*, а собеседник его назван *Франтишек Новоместский*, — значит тут действуют разные правила!

О передаче славянских имен при переводах есть специальная статья П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова, где авторы с первого абзаца вводят in medias res: «Среди множества проблем, с которыми встречается в своей работе переводчик, не последнее место занимает проблема передачи иноязычных собственных имен»[22]. В этой статье есть много дельных соображений и предложений относительно передачи практической транскрипцией сербских имен и о вреде, который приносит зачастую их «перевод» в русском тексте. Авторы пишут: «Что получается, если человек, начитавшись таких переводов, приедет в Югославию и начнет разговаривать с сербами об известном лингвисте Петре Георгиевиче? Поймут ли они его? А если поймут, то не посмеются ли над его невежеством? Ведь они-то прекрасно знают, что зовут его не *Пётр*, а *Пэра*, что фамилия его не *Георгиевич*, а *Дьжёрдьжевич*»[23]. Правильно и положение авторов, что «... было бы

[22] П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов. Передача славянских имен при переводах. «Теория и критика перевода». Л., 1962, стр. 148.

[23] Там же, стр. 151.

целесообразно по опыту правил правописания других языков (например, сербохорватского) в своде правил русского языка ввести специальный отдел — «Транскрипция иноязычных собственных имен и географических названий» [24]. К этому разумному пожеланию добавлю, что в «Тетрадях переводчика (1967)» была специальная статья Л. П. Ступина «Необходимы двуязычные словари имен собственных». Но в порядке самозащиты должен сказать, что в проектах «Свода орфографических правил» 30-х годов был такой специальный раздел: «Правописание иноязычных слов», составленный А. М. Сухотиным и Л. В. Щербой. В 1956 г. его не стало. . .

Заключение

Кажется, что можно уже «подвести черту». Я постарался, как незадачливый юрист Гавлена у Чапека дать слово сторонам, слегка вмешиваясь в их спор. Приговор суда, мне думается, можно сформулировать таким образом:

1. В основу передачи собственных имен при переводе должна быть положена транскрипция, но не научная фонетическая, а так называемая практическая транскрипция, которая, не выходя за пределы принятого для данного языка алфавита, но допуская некоторые отступления от принятой орфографии (употребление букв в непривычных позициях, необычное сочетание букв) должна елико возможно адекватно передать информацию текста оригинала в тексте перевода в отношении собственных имен. Основные принципы практической транскрипции не буква в букву, не звук в звук, не фонема в фонему, а слово в слово во всей полноте его лингвистической характеристики (лексической, грамматической, фонетической и графической) [25].

При транскрибировании следует помнить об ограничении, если транскрибированное имя совпадает с каким-нибудь апеллятивом языка перевода.

---

[24] Там же, стр. 157.

[25] Подробнее см.: А. А. Реформатский. Практическая транскрипция иноязычных собственных имен. «Изв. ОЛЯ АН СССР», 1960, № 6.

2. В виде исключения допустимо переводить ономастику:

а) в случаях международной традиции для данного названия данного объекта (*мыс Доброй Надежды* на юге Африки, что не касается иных объектов, именуемых в оригинале *Готхоб* и т. п.) [26]. Для антропонимики круг переводимых обычно имен еще у́же; это чаще всего прозвища, такие, как *Ричард Львиное Сердце*, *Генрих Птицелов*, *Иоанн Безземельный*, и обратно с русского: *Иван Грозный*, *Василий Тёмный* и под. Такие исключения могут встретиться и не только с историческими личностями, например: *Дон Хиль Зелёные Штаны*, *Мальчик с Пальчик*, и обратно с русского: *Федька Умойся Грязью*;

б) в случаях необходимости показать апеллятивный смысл тех или иных топонимов или антропонимов: *Горелово*, *Неелово*, *Неурожайка то ж*, *город Глупов*; для антропонимов *дон Тренбреньо*, *Хинесильо де Награбильо* («Дон Кихот», перевод Любимова) и обратно с русского: *Стародум*, *Милон* («Недоросль» Фонвизина). Особо важно это исключение при переводе фольклора, сказок, где много семасиологизованных прозвищ и кличек;

в) особо стоят так называемые традиционные названия. Это и не транскрипция, и не перевод, а узаконенная узусом подмена названия, хотя бы это и было «фальшивым именем». Важными критериями сохранения и употребления этих «традиционных названий» служит давность и прочность традиции (отпали по тем или иным причинам *Стекольна — Стокгольм*, *Колывань — Ревель*, *Таллин*, но сохраняются *Париж*, *Вена*, *Рим*, *Неаполь*). Важным индексом здесь является факт образования производных и апеллятивов: *римское право*, *папа римский*, *парижские тайны*, *парижанин*, *венское пиво*, *венская оперетка*, *вéнец*, *неаполитанские песни*, *неаполитанец* и т. п. Все это отнюдь не относится к неправильным транскрипциям и не препятствует их исправлению: не *Чикаго*, а *Шикого*, не *Мичиган*, а *Мишиган*, не *Лос-Анжелос*, а *Лос-Анджелес* или *Лос-Анхелес*; не *Гюи де Мопассан*, а *Ги дё-Мопассан*, *не Теньер* или *Тенирс*, а *Теньe* [27], не *Метерлинк*, а *Матерлинк*.

---

[26] См.: А. М. Сухотин. О передаче иноязычных географических названий. «Вопросы географии и картографии» (НИИ БСАМ). М., 1935.

[27] См. об этом в статье Б. В. Томашевского (наст. сб., стр. 268).

Если собственные имена надо перевести, то переводить надо осторожно и со вкусом, а не по случайному наитию и, главное, если к тому есть необходимость и возможность.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В. И. Болотов

Имена собственные резко отличаются от нарицательных по своему назначению. Имеется существенная разница и в их значении. Наиболее существенным для собственных имен мы считаем энциклопедическое значение, под которым понимаем сумму конкретной информации о денотате имени. Значимость нарицательного в языке определяется семантическим полем, но актуализация одной из значимостей зависит от экстралингвистической сферы (темы). Значение слова в речи всегда обладает бóльшим количеством признаков, чем соответствующий ему языковой знак, и равно количеству предикатов данного знака в данном контексте.

Существование слова как языкового знака обусловлено единством означаемого и означающего [1], т. е. нельзя отделить значение от звука, не разрушив слова как коммуникативной единицы. Точно так же в речи нельзя отделить имя (денотатор) от экстралингвистической данности (денотата). Вырванное из конситуации нарицательное (*дом*) сохраняет лишь словарное значение. Употребленное вне контекста собственное имя теряет соотнесенность со своим ономастическим полем и делается непонятным. Таким образом, имя собственное (*Петр*) в языке не обладает необходимой для языкового знака двусторонностью — единством означаемого и означающего, присущей именам нарицательным. Энциклопедическое значение имени личного выявляется только в человеческом

[1] Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. «История языкознания XIX—XX вв.», ч. I. М., 1964, стр. 397—398.

коллективе; чтобы понять имя, необходимо определить его ономастическое поле.

Энциклопедическое значение имен собственных, включающее ограничивающие факторы времени и места, состоит из общего и индивидуального. Общее значение указывает на отнесенность имени к определенному ономастическому полю, индивидуальное — выделяет денотат внутри ономастического поля. Для ряда категорий имен собственных может быть также выделено социальное поле. Оно обязательно для личных имен, где определяется единством времени, профессии, местожительства денотатов и сообщает именам определенную эмоциональную окрашенность, стилистическую отнесенность и идеологическую насыщенность. Общее значение объективно, индивидуальное — субъективно, так как зависит от социального положения индивида, его симпатий и антипатий, вкуса и даже настроения.

Энциклопедическое значение имен собственных характеризуется постоянной эмоциональной окрашенностью, чего нельзя сказать о терминах и обычных словах, которые в языке обычно нейтральны.

Имя собственное индивидуализирует предмет или группу предметов, так или иначе между собой связанных, в одном или нескольких социальных полях, раскрывая в каждом поле одну или несколько граней своего сложного энциклопедического значения. При этом полное энциклопедическое значение имени собственного больше суммы конситуаций, в которых оно встречается. Характер энциклопедического значения таков, что оно обозначает только один предмет (или группу родственных предметов) и применимо в полной мере только к нему. Так, энциклопедическое значение имени *Сервантес*, если мы имеем в виду автора знаменитого «Дон Кихота», неприменимо ни к какому другому лицу [2].

Энциклопедическое значение имени собственного стремится к индивидуальности. Чем выше степень индивидуализации, тем полнее раскрывается энциклопедическое значение данного имени собственного. Поэтому для целей коммуникации одни имена собственные непригодны. В обычных речевых ситуациях они служат субститутами определенных описаний, которые вводятся в кон-

---

[2] Е. К у р и л о в и ч. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 252.

тексты или подсказываются речевой ситуацией. Если же имя собственное использовано для коммуникативных целей (характеристики предмета речи), то такое имя нельзя назвать обычным собственным. Здесь имеет место контекстуальный переход собственного имени в нарицательное, например: «Он был Байроном своего века».

По меткому замечанию П. Кристоферсена, коммуникация была бы невозможна, если бы человек давал каждой вещи объективной реальности отдельное значение [3]. Для этого необходима не детализация, а наоборот, — обобщение, более высокая абстракция, принципиально иной тип значения, каким является лексическое значение нарицательных слов.

Основное отличие энциклопедического значения имени собственного от лексического значения нарицательного в том, что первое возникает в речи и разнится от одного социального поля к другому. Оно индивидуально для каждого говорящего, ибо его постоянным компонентом является эмоциональная окраска. Обязательное условие употребления имени собственного (отнесение к ономастическому полю) происходит только в речи, тогда как понятийная соотнесенность нарицательных слов происходит в сфере языка, что и дает человеку возможность при помощи определенных понятийных признаков обозначать целый ряд однородных предметов.

Эциклопедическое значение имен собственных многомерно, т. е. оно существует одновременно в ряде социальных полей. Например, *Владимир Седов* в социальном поле данной семьи — отец, муж, сын, брат; в социальном поле людей данной области науки — доктор технических наук, автор ряда открытий, в социальном поле спортивного общества, где он занимается плаванием, — спортсмен третьего разряда и т. д. Социальное поле имени собственного не ограничено рамками какого-либо языка и теоретически может существовать во всех языках мира. Чем шире социальное поле, в котором функционирует имя, тем беднее его сущность. Идентификация определенного денотата с помощью имени собственного сохраняется на протяжении всего контекста, где оно функционирует,

---

[3] P. Christophersen. The articles. London—Copenhagen, 1939, стр. 64.

и сумма контекстуальных, речевых значений составляет часть энциклопедического значения имени собственного.

Каждое имя нарицательное имеет предельное количество значений. Для говорящего не существуют проблемы омонимии. Для слушающего она снимается темой и валентностью. Значение многозначного слова в контексте определяется тематическим полем и отделяется от остальных значений своеобразием валентности конкретного значения данного слова. Актуализация имени нарицательного происходит в речи, где оно всегда однозначно. Будучи соотнесенным с денотатом, имя нарицательное приобретает индивидуальное значение, которое качественно сравнимо с индивидуальным значением имени собственного. Например, во фразе «Это большой письменный стол со множеством ящичков и потемневших царапин на левой ножке» индивидуальное конкретное значение слова *стол* равно сумме его предикатов и может сохраняться неизменным на протяжении всего контекста. Любое индивидуальное значение имени собственного глубже и многограннее. Лексическое значение (значения) имени нарицательного — принадлежность языка. В речи актуализуется одно из его значений и слово наполняется индивидуальным содержанием.

Номинативные качества имен собственных и нарицательных различны. Во-первых, имя собственное, называя, выделяет, идентифицирует один объект (*Петр*) — один из множества предметов, входящих в ряд объектов, имеющих общее название *человек*. Во-вторых, в самом имени собственном (*Петр*), взятом вне контекста, нет прямой понятийной соотнесенности с человеком. С большей или меньшей степенью вероятности мы можем соотнести его с понятием *человек* благодаря традиции и частотности его употребления в этой роли. Но из-за свободы выбора имени собственного о его понятийной соотнесенности мы можем судить лишь в контексте или в речевой ситуации.

Минимальный контекст имени собственного (в речи), относящий данное имя к определенному ономастическому полю, мы называем сигналом имени собственного [4]. Действительно, в предложении «Петр читает газету» глагол

---

[4] Ср.: В. И. Болотов. Актуализация имен собственных в речи. «Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза», 1970, т. 54.

читает мы назовем глаголом, характеризующим человеческую деятельность. Благодаря ему имя собственное личное *Петр* соотносится с понятием «человек». Но говорящий имеет полное право сказать: «Петр преданно лизнул мне руку». В данном предложении *Петр* явно относится не к человеку, а, по-видимому, к собаке. По причине, известной только говорящему, он назвал собаку Петром. Вспомним рассказ А. П. Чехова «Каштанка», где клоун назвал гуся *Иваном Ивановичем*, а собаку Каштанку — *Тёткой*. По-видимому, существительное *человек* коннотирует какое-то конечное число определенных признаков само и может сочетаться только с предикатами, выражающими человеческую деятельность и человеческие чувства. Наличие понятийной отнесенности нарицательных существительных ограничивает его сочетаемость с предикатами. С таким же успехом можно утверждать, что употребление глагола *читать* по характеру своего лексического значения ограничено пределами человеческого общества.

Таким образом, имя нарицательное и предикат взаимодетерминированны. Причиной их взаимной детерминации служит объективная реальность. Являясь средством (более или менее верным) отображения объективной реальности, язык исправно несет эту функцию. Поэтому благодаря личному опыту (и опыту предыдущих поколений) нам ясно, что фраза «Крокодил читает газету» (если *Крокодил* не прозвище человека) неверна, не соответствует объективной реальности. Сочетаясь с именем собственным, глагол *читать* несет двойную нагрузку: соотносит данное имя собственное с понятием «человек» (ономастическое поле имени собственного) и характеризует действие этого человека. Уже после того, как это соотнесение осуществлено, имя начинает выполнять свою идентифицирующую, индивидуализирующую функцию.

Наряду с номинативной функцией имя существительное нарицательное может выступать в предложении в функции характеристики: *Петр — человек*. Понятийная соотнесенность слова *человек* в языке дает ему возможность характеризовать имена собственные, придавать им понятийную отнесенность в речи. Таким образом, нарицательное существительное, выступающее в качестве характеристики, также служит сигналом имен собственных.

Изолированно взятая фраза: *Пер — Иван* не верна. Здесь два имени собственных, понятийная соотнесенность которых не определена. Значит, имя собственное может выступать только в номинативной функции и не может выступать в функции характеристики.

А. А. Потебня, а за ним и С. Д. Кацнельсон специально останавливались на вопросе логической структуры предложения [6] и отмечали, что называть в предложении может только имя существительное (собственное и нарицательное). Лучше для этой функции приспособлено имя собственное, которое «гипертрофированно номинативно» [7]. Его задача — называть, т. е. выделять из множества объектов экстралингвистической реальности один или группу родственных предметов. Так, в предложении *Петр читает газету* один человек выделяется из множества других, которые также могут читать газету.

Как показывает анализ, любое слово или словосочетание, употребляемое в качестве имени собственного, субстантивируется. Ср.: *Вдали показался миноносец «Отважный». «Отважный» дал залп из всех орудий. За «Отважным» сохранилась слава самого быстроходного миноносца флота.* Коммуникация осуществляется в речи. Минимальная единица высказывания равна одному предложению. *«Отважный»* в предложении может быть, подобно существительному, подлежащим и дополнением (даже предложным). Сохраняя парадигму прилагательного, слово меняет синтагматические связи: *Я подошел к «Отважному»*, в то время как для прилагательного невозможно сочетание с предлогом за исключением эллипсиса существительного, например: *Вам с красной или с черной* (икрой)? Нельзя не вспомнить в этой связи результатов статистического анализа степени флективности — аналитичности ряда европейских языков, которые показали, что окончания русских существительных и прилагательных наполовину семантически опустошены,

---

[6] С. Д. Кацнельсон. Содержание слова. Значение и обозначаемое. М.—Л., 1965, стр. 25—28; Г. В. Колшанский. Логика и структура языка. М., 1965, стр. 145 и сл.; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III. Харьков, 1889, стр. 642.

[7] А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, стр. 60.

а синтаксические связи в основном выполняются предлогами [8].

Интересно остановиться на сочетании «прилагательное+существительное», например *Черное море*. Это — имя собственное сложное. Оно состоит из прилагательного *черное* и нарицательного существительного *море*. Взятые отдельно, они означают: *черный* 'цвета сажи, угля, в противоположность белому'; *море* — '.. 1. Часть водной оболочки земли — большое водное пространство с горько-соленой водой' [9]. Каждое из этих двух нарицательных слов имеет свой собственный денотат.

Если денотат «черного» — *А*, а денотат «моря» —*Б*, то денотат «Черного моря» — *В*, а не *А*+*Б*. Сложное имя собственное *Черное*; *море* и свободное сочетание слов *черное море* не эквивалентны. Ср.: *Самое синее в мире Черное море мое* [10]. *Черное* — в этом сочетании потеряло свое значение цвета, а служит только целям идентификации. Перестановка слов в этом собственном имени невозможна. Фразы: *Я увидел Черное море* и *Я увидел черное море* лексически различны, хотя они одинаковы грамматически.

Любопытно отметить, что если целое предложение употребляется в качестве эквивалента имени собственного, оно не изменяется. *Я видел кинофильм «Никто не хотел умирать»*; *Где идет «Никто не хотел умирать»*?; *Пойдем на «Жила-была девочка»*; *Мы спорили до хрипоты о «Доживем до понедельника»*.

Средства экспрессивности имен нарицательных и имен собственных неодинаковы. Имена собственные богаче средствами экспрессивности. Имена нарицательные имеют в своем распоряжении только качественные факторы экспрессивности (синонимический ряд). Имена собственные имеют, помимо качественных факторов, и количественные: избыточность и недостаточность форм называния в данном социальном поле. Качественным фактором экспрессивности мы называем замену одной языковой единицы, являющейся нормой, другой из синонимического ряда, которая маркирована в этой же подсистеме и, следова-

---

[8] Р. Г. Пиотровский. Курс лекций по инженерной лингвистике, прочитанный в Ташкентском гос. пед. ин-те иностр. яз. им. Ф. Энгельса, 1969 (рукопись).

[9] С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1953, стр. 816.

[10] Из популярной песни.

тельно, обладает дополнительной экспрессивной информацией.

Появление экспрессивности у имени собственного и нарицательного происходит по одной и той же причине: благодаря употреблению той или иной лексической единицы не в той подсистеме языка, где она нейтральна и нормативна, а в другой подсистеме, где она — маркированный член стилистической оппозиции, обладающий дополнительной информацией экспрессивного характера.

Выбор формы именования денотата зависит не только от социального поля (семьи, учреждения и т. д.), но и от положения денотата в данном социальном поле и положения говорящего. Эти взаимоотношения могут быть такого характера: 1) равный, 2) старший, 3) младший (в семье по поколению, в обществе по общественному положению, званию, чину).

Следовательно, употребление того или иного варианта именования зависит от характера социального поля и социальной значимости денотата, носящего данное имя в этом социальном поле. Норма употребления форм имен легко определяется статистически. Нарушение нормы употребления форм данного имени в данном социальном поле влечет за собой появление экспрессивности.

А. И. Ефимов, говоря об экспрессивности имен собственных, останавливался в основном на характеристических собственных именах, например *Воротилин*, *Душегубцев*, *Лиходеев* и т. д. [11], хотя он и отмечал, что стилистические функции имен собственных определяются историческими условиями, социальными отношениями людей. Для помещицы-крепостницы ее дворовая — *Фенька*, но для суда она — *Федосья Павловна*. Этот пример великого Щедрина особенно отчетливо показывает, что норма именования одного и того же денотата в разных социальных полях различна. Мы хотим отметить появление экспрессивности у нейтральных в этом отношении имен собственных при употреблении их в социальных полях, где употребляемая форма именования не является нормой. Например, если бы щедринская помещица назвала свою крепостную не *Фенькой*, а *Федосьей Павловной*.

---

[11] А. И. Ефимов. Стилистика русского языка. М., 1969, стр. 127 и сл.

Ситуативную экспрессивность имен собственных можно выявить при введении понятия их социального поля и определении норм называния денотатов в различных социальных полях. Для социального поля семьи, например, обычно (а, следовательно, это норма) однословное именование. Любые отклонения значимы, как значимо и употребление их в другой подсистеме или изменение социального поля. Нередко употребление ласкательных имен вне социального поля семьи вызывает комические эффекты. Таким образом, понятия маркированности — немаркированности возможны для имен собственных лишь внутри определенных социальных полей.

Для идентификации денотата в социальном поле семьи достаточно одного имени личного: *Иван*, *Елена* (*Ваня*, *Лёля*). Но если в социальном поле семьи вдруг говорящий использует («*Этот*)+имя», высказывание сразу же приобретает эмоциональную окраску. Избыточность форм приводит к избыточности содержания, но денотат не меняется, следовательно, появляются дополнительные коннотации экспрессивно-эмоционального характера. Например, мать говорит о сыне в сердцах: *Этот Игорь, видно, хочет загнать меня раньше времени в гроб.*

Для идентификации денотата в более широком социальном поле обычно бывает достаточно фамилии. Но в случаях типа *Все испортил этот Васильев* местоимение вносит определенный стилистический оттенок — презрение. Однако местоимение может и не вносить такого оттенка и в то же время не быть избыточным: если Васильевых двое, местоимение помогает индивидуализации: *этот Васильев* (наш Васильев), *тот Васильев* (другой, чужой).

Мы выделяем контекстуальные субституты и контекстуальные эквиваленты имен собственных.

К контекстуальным субститутам имен собственных мы относим личные местоимения: *я* — для говорящего, а также иногда *мы*, например: *Мы, Николай второй*, в научных трудах: *Мы полагаем, Мы допускаем*; *ты* — для слушающего — (*Андрей*); *он, она, оно, они* — для субъекта (субъектов), объекта (объектов) речи, например: *Я встретил Ивана. Он чем-то был расстроен*; *В прошлом году я был на Каспийском море. Оно мне не понравилось.* Чтобы личные местоимения в 3-м лице ед. и мн. числа функционировали надежно в качестве субститутов имен собственных (а также нарицательных), необходимо, чтобы

они следовали непосредственно за именем того человека, субститутом которого они являются.

Многие исследователи обращали внимание на сходство личных имен и личных местоимений [12]. Но недостаточно внимания уделялось различию между ними. Личные местоимения (в 3 л. ед. и мн. числа) мы называем абсолютно ситуативными, так как они являются субститутами всех подразрядов слов, входящих в лексико-грамматический разряд существительных, и остаются ими в минимальной речевой ситуации, следуя непосредственно за именем нарицательным или собственным, заменяя его. В предложениях: *Недавно я купила гарнитур. Он очень красив — он=гарнитур.* Личное местоимение является субститутом имени нарицательного и в конкретном контексте означает комплект мебели единой по стилю и цвету, т. е. *он* — имеет лексическое значение. В другом контексте: *Вчера я встретил Петра. Он очень плохо выглядит — он=Петр* и имеет энциклопедическое значение. Для участников речевой ситуации *он* (*Петр*) наполнен определенной семантической сущностью. В третьем контексте: *В прошлом году я ездила в Ленинград. Он — прекрасен — он=Ленинград.* Количество таких контекстов можно приводить бесконечно.

Таким образом, личные местоимения являются субститутами всех подклассов существительных. Они могут обладать лексическим значением (заменяя нарицательные существительные) и энциклопедическим значением (заменяя имена собственные). Это лексическое или энциклопедическое значение сохраняется за личным местоимением в повествовании только в минимальном отрезке контекста или речевой ситуации (непосредственно за существительным, которое оно заменяет). Если это не соблюдается, возможны недоразумения.

Говоря об абсолютной ситуативности личных местоимений, вспомним случаи, когда *Он* становится контекстуальным именем собственным. Например, грозного директора ближайшие сотрудники называют *Он*, и в разговоре между собой употребляют фразы типа: *Он сказал*, *Он будет в 2 часа*, *Он сегодня ужасно сердит.*

---

[12] О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958; H. Sweet. A new English Grammar. L., 1899; H. S. Sørensen. Word classes in modern English. Copenhagen, 1958; ср. также работы Е. Куриловича и Б. Рассела.

Имя собственное в контексте и речевой ситуации является субститутом определенного описания, но не эквивалентном его. Таким образом, личные местоимения — абсолютно ситуативные знаки, потому что относятся к существительным, за которыми следуют и субститутами которых они являются, в то время как энциклопедическое значение имен собственных сохраняется на протяжении всего контекста, а также в целом ряде конситуаций, не выходящих за пределы данного социального поля.

Контекстуальным эквивалентом имени собственного мы называем слово или словосочетание, которое в пределах данного контекста называет один и тот же предмет или лицо, а также отдельную родственную группу предметов или лиц и может быть заменено обычным именем собственным без изменения предметной соотнесенности денотата. Контекстуальные эквиваленты имен собственных мы подразделяем на а) указательные местоимения (*это*, *эти*)+имя нарицательное вне обращения; б) слова и словосочетания при обращении.

В 1933 г. появилась книга Л. С. Стеббинг, ученицы Б. Рассела, «Современное введение в логику», в которой она, подытоживая высказывания Б. Рассела о собственных именах, выдвинула понятие логических имен собственных. К ним Л. С. Стеббинг относит указательные местоимения this ('этот'), that ('тот'), которые она называет «указательными символами» (demonstrative symbols) и логическими именами собственными [13], значение которых зависит только от контекста, т. е. в предложении This is white 'Это — белое' this называет предмет белого цвета и т. д.

В отличие от личных местоимений, которые должны непосредственно следовать за заменяемым словом, сочетания «*этот* (*эти*)+имя нарицательное» способны идентифицировать данный объект (субъект) на протяжении всего контекста. Конструкция «*эта*, *это* (*этот*), *эти* +имя нарицательное» служит средством индивидуализации в речи предметов объективной реальности, которые не имеют персональных имен собственных.

---

[13] L. S. Stebbing. A modern introduction to logic. London, 1933, стр. 25.

К эквивалентам имен собственных относим также слова типа *отец*, *мать*, *жена*, *муж*, *няня* и т. д. В конкретном социальном поле семьи эти слова являются эквивалентами имен собственных. Так, для Петра Андреевича Гринева, героя повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, *матушка* — всегда Авдотья Васильевна, а *батюшка* — всегда Андрей Петрович. В данном конкретном социальном поле это неисчисляемые существительные. Подобно большинству имен собственных в обычном употреблении они не имеют множественного числа, т. е. *отец*—**отцы*, *мать*—**матери* и т. д. Вне конкретного социального поля семьи — это исчисляемые нарицательные существительные, относящиеся к лексическому полю родства, означающие определенные родственные отношения и имеющие множественное число: *отец*—*отцы*, *мать*—*матери*.

Позволим себе утверждение, что любая языковая данность, используемая при обращении в качестве адресата, субстантивируется. Это положение логически прямо вытекает из предыдущих. Действительно, если всякое слово в качестве адресата становится контекстуальным именем собственным, а любое слово или словосочетание в функции имени собственного субстантивируется, то любое слово или словосочетание в качестве адресата при обращении также субстантивируется (функция обращения — называть, а называть может только имя).

Практически любая часть речи может употребляться в обращении, даже междометие. Вспомним сказку: *Нарубил старик дров, устал. Сел под дерево отдохнуть и сказал: «Ох, как я намаялся». Вдруг из-под дерева выскочил черт и сказал: «Я — Ох. — Зачем ты звал меня, старик?»*

Таким образом, обращение — это употребление имен собственных, их субститутов или контекстуальных имен собственных для называния лиц или предметов, к которым обращена речь.

Единственная функция обращения — н а з ы в а т ь лица или предметы. Таким образом, если имена нарицательные употребляются в обращении, то в этой функции используется только их первое свойство — н а з ы в а т ь; второе их свойство (характеризовать) в обращении не используется. Это позволяет нам утверждать, что в функции обращения имена нарицательные яв-

ляются контекстуальными эквивалентами имен собственных.

Вышеизложенное позволяет нам прийти к следующим выводам:

1. Имена собственные в речи выполняют только номинативную функцию. Имена нарицательные в речи могут выполнять две функции: а) номинативную, б) функцию характеристики (предиката).

2. Функция имен собственных — выделение одного или группы родственных предметов из множества однородных. Причем эта группа родственных предметов всегда меньше класса однородных предметов, обозначаемых именем нарицательным.

3. Выделение одного или группы родственных предметов возможно только при введении его в ономастическое поле.

4. Значение имени собственного определяется комплексом наших знаний о его денотате и потому может быть названо энциклопедическим. Оно проявляется в речи. Значение имен нарицательных понятийно. Оно — принадлежность языка.

5. Предикаты человеческой деятельности могут сигнализировать о наличии имен собственных.

6. Личные местоимения — абсолютно ситуативные знаки. Имена собственные — относительно ситуативны. Их энциклопедическое значение неизменно только в одном и том же социальном поле, при этом чем у́же поле, тем точнее значение. Имена нарицательные — аситуативные знаки.

7. Личные местоимения — субституты всех имен существительных. Имена собственные личные — субституты суммы своих предикатов.

8. Всякое слово или словосочетание в обращении становится субститутом или контекстуальным эквивалентом имени собственного.

9. Всякое слово или словосочетание в роли имени собственного субстантивируется.

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ

А. В. Суперанская

Привлечение лингвистами XX в. точных методов и широкий выход за пределы только лингвистического превратили лингвистику из своеобразного метода для описания языка в науку о языке, который изучается в связи с историей культур, социальных систем, биологической и психологической природой индивидов. Такой подход к изучению языков позволил выявить, чем отличаются друг от друга отдельные языки и в чем их сходство. В частности, Касагранд показал, что формы человеческой мысли контролируются беспощадными законами образцов (моделей), о которых мы зачастую не подозреваем. Эти образцы систематизируют наш язык и вступают в противоречие с иностранными языками. Однако, несмотря на все эти различия, общее, универсальное в языках в значительно большей степени характеризует человеческое мышление, чем различное, индивидуальное [1].

Широкий подход к фактам языка привел к типологическим исследованиям, а вслед за ними — к выявлению языковых универсалий, которые выступают особенно наглядно на фоне всего комплекса систем человеческих коммуникаций. Среди универсалий языка Ч. Осгуд различает семантические и структурные, синхронические и диахронические, а также фонологические, морфологические и синтаксические [2].

Показательно, что ономастика как особая комплексная лингвистическая дисциплина также стала завоевывать право гражданства с середины XX в. Ее несколько периферийное положение по отношению к прочим отраслям лингвистики объясняется спецификой изучаемого ею материала, а также бóльшим влиянием на нее экстралингвистических факторов.

---

[1] J. B. Casagrande. Language universals in anthropological perspective. «Universals of language». Ed. 2. Cambridge, Mass., 1966, стр. 292—293.

[2] Ch. E. Osgood. Language universals and psycholinguistics. «Universals of language», стр. 302—303.

Обращение общих лингвистов к экстралингвистическим факторам хронологически совпадает с началом широкой разработки ономастических проблем.

Для XX в. характерно возникновение новых отраслей науки, новых дисциплин «на стыке» ряда наук, достаточно хорошо разработанных в XIX в. К их числу можно отнести и ономастику. В свете переоценки взглядов на лингвистику (теперь она мыслится не изолированно, как в начале XX в., и не в составе общей филологии, как в XIX в., или в составе нерасчлененной науки древнейшей эпохи, а в ряду семиотических систем как одна из дисциплин, занимающихся человеческими коммуникациями), лингвистика, по выражению Р. Якобсона, «стала своеобразным мостом между естественными и гуманитарными науками»[3].

Своеобразным мостом между различными науками и разными языками оказывается и ономастика, изучающая специфический пласт лексики, занимающий особое место в системе каждого языка. Собственные имена — это слова, одновременно самые общие и самые специальные, самые международные и самые национальные. В различных науках имена по своему употреблению близки к терминам, а в быту — это самые интимные слова. И все же, несмотря на указанную пестроту и многоплановость, собственные имена различных языков обнаруживают ряд общих черт, заставляющих нас выделять их на фоне прочих лексических единиц в особый класс nomina proprìa, и само по себе это явление уже универсально.

Сравнительное изучение собственных имен разных типов выявляет их общие свойства — *ономастические универсалии*. Особенно четко они обнаруживаются при глобальных типологических исследованиях имен разных языковых систем.

Ономастические универсалии — это специфические черты, свойственные всем или многим именам разных языков, и общие закономерности, в соответствии с которыми развиваются ономастические системы. Эти универсалии базируются на способности человека отбирать и закреплять в собственных именах типовые экстралингвистические явления и на типичности значений и отношений,

---

[3] R. Jakobson. Implications of language universals for linguistics. «Universals of language», стр. 263.

выраженных в любом языке, но с помощью различных средств (ср. лингвистические универсалии).

Универсалии языка относят к панхроническим лингвистическим законам [4]. Индуктивная природа большинства лингвистических универсалий делает понятным и явление квази-универсалий (почти универсалий), а исследование исключений, обнаруживаемых при изучении последних, может привести к построению новых универсалий [5].

В этом лингвистические универсалии совпадают с ономастическими. Но, хотя имена собственные и рассматриваются нами как слова того или иного языка, ономастические универсалии не равнозначны универсалиям языка вообще. С одной стороны, ономастические универсалии должны носить более частный характер, поскольку ономастика — это лишь часть лексической системы любого языка. С другой же стороны, ономастические универсалии должны выходить за пределы той области, на которую распространяются языковые универсалии, потому что экстралингвистический сектор в ономастике значительно шире, чем в общей лексике.

Исходя из общих свойств человеческого мышления, специфики восприятия и осмысления окружающих явлений и языковых возможностей, можно наметить следующие ономастические универсалии:

1. Типичные именования состоят из 1—4 слов: редкостные, пышные, употребляющиеся в особо торжественных случаях, — из 5—9. Наиболее ходовые именования не превышают трех слов. Это согласуется с особенностью оперативной памяти человека [6].

2. Глубина каждого слова в составе именования составляет обычно 7 ± 2 морфем (считая нулевые морфемы), длина таких слов редко превышает 5 слогов [7].

---

[4] Ю. В. Рождественский. О лингвистических универсалиях. — ВЯ, 1968, № 2, стр. 11; J. Greenberg, Ch. Osgood, J. Jenkins. Memorandum concerning language universals. «Universals of language», стр. XXI.

[5] Ю. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 9.

[6] См.: В. А. Москович. О пределах усложненности структуры единиц различных знаковых систем (Материалы конференции «Язык как знаковая система особого рода»). М., 1967, стр. 50.

[7] Он же. Глубина и длина слов в естественных языках. — ВЯ, 1967, № 6.

3. В каждом языке действуют две прямо противоположные тенденции: к увеличению длины имени за счет включения в его состав добавочных компонентов и к сокращению длины имени за счет устранения из его состава избыточных компонентов, без которых имя может продолжать функционировать как имя. Баланс между этими процессами всегда устанавливается в соответствии с отмеченным А. Мартине стремлением языка к экономии средств выражения. «Если данный объект упоминается довольно часто, экономичнее придать ему короткое обозначение, даже если это окажется дополнительной нагрузкой для памяти; если, напротив, данный объект упоминается редко, то экономичнее, не отягощая памяти, сохранить длинное название» [8].

4. Любой человек может удержать в долговременной памяти лишь ограниченное число имен. Знание имен своего языка, равно как и иностранных, варьирует от человека к человеку, и лишь незначительная часть известных имен совпадает у всех или многих членов данного языкового коллектива.

5. Новые именования редко коренным образом отличаются от прежних. Редко создаются имена неповторимые. Наоборот, закономерно повторение одинаковых фамилий у представителей разных семей, одинаковых названий у разных топообъектов. Новые именования, принципиально отличающиеся от предшествующих, создаются в связи со сменой политики и идеологии, в связи со сменой национального состава населения и социального состава правящих кругов. Однако репертуар этих новых именований достаточно ограничен, и повторяющиеся имена встречаются среди них достаточно часто.

6. Как следствие предыдущего положения можно выделить имена типовые, находящиеся в активном употреблении у многих членов коллектива, и раритетные, известные немногим.

7. Частое употребление типовых имен в речи способствует их глубокому проникновению в язык, в его органическую ткань, в его систему. Единичное употребление раритетных имен в речи не способствует вхождению их в систему языка. Отсутствие массовой воспроизводи-

---

[8] А. Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 534.

мости в общественном масштабе (А. И. Смирницкий) [9] оставляет их на положении разрозненных внесистемных элементов. Данное положение сопоставимо с тезисом об активном и пассивном словарном запасе (Л. В. Щерба) [10]. Типовые имена входят в активный словарный запас человека, раритетные — либо вовсе ему неизвестны, либо входят в его пассивный запас, т. е. узнаются им, когда он их слышит, сопоставляются с тем или иным объектом, но непосредственно и свободно не воспроизводятся.

8. Говоря о системности собственных имен, следует иметь в виду отличие их от апеллятивов, проявляющееся как в специфике сферы употребления, так и в этимологической пестроте, и отсутствие значительных однородных групп, обладающих одинаковыми свойствами. В общей лексической системе каждого языка собственные имена образуют ряд более или менее автономных подсистем, до определенной степени согласующихся с системой апеллятивной лексики, но полностью с ней не совпадающих и имеющих ряд принципиальных отличий от нее. Любая подсистема может характеризоваться одним или несколькими признаками, отличающими ее от прочих.

Сравнение именных подсистем в языке может производиться по признакам их плана содержания или плана выражения [11]. Изучение отдельных ономастических подсистем в отдельных языках начинается обычно с плана выражения. Выделение ономастических универсалий проводится главным образом в плане содержания и основывается на том, что многие значения и отношения реального мира бывают выражены в любом языке, но с помощью различных языковых средств. В связи с общим свойством человеческого разума давать имена и избирать в качестве их основ определенные принципы, многие типичные экстралингвистические отношения находят типичные языковые отражения в плане содержания.

9. Способностью быть собственным именем обладает значительно больший круг слов, чем способностью быть

---

[9] А. И. Смирницкий. Объективность существования языка. М., 1954, стр. 17—18.

[10] Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. — Избр. работы по языкознанию, т. I. Л., 1958, стр. 59.

[11] См. также: Б. А. Успенский. Отношения подсистем в языке и связанные с ними универсалии. — ВЯ, 1968, № 6, стр. 6.

именем нарицательным. В состав именований входят и прилагательные, и числительные, и наречия, и причастия, и даже личные формы глаголов — слова, не входящие в категорию имени в разряде апеллятивов.

10. Мотивировка имени собственного, как и нарицательного, при первичной номинации объекта опирается на определенные свойства последнего. Однако при длительном употреблении того и другого имени становятся очевидными значительные различия между ними. Первичные именования, микроимена, очень близки к именам нарицательным. Отличает их лишь то, что они закрепляются за одним конкретным объектом в качестве его дополнительной характеристики, а первичные нарицательные могут быть перенесены на любой другой объект, обладающий сходными характеристиками. Таким образом, индивидуализация и типизация оказываются теми путями, которые разводят первичные микроименования по разным руслам: собственных или нарицательных имен.

Индивидуализация и типизация могут быть ономастическими и неономастическими, в связи с чем необходимо остановиться на этих понятиях.

Апеллятивная (неономастическая) типизация подразумевает наличие общего свойства у предметов, именуемых одинаково. Вычленение этого свойства приводит к выработке в мозгу человека (человеческого коллектива) определенного понятия, связанного с этим общим свойством и отраженного в объекте. Ономастическая типизация сводится к тому, что то или иное именование часто повторяется и воспринимается данным языковым коллективом как имя. Общие свойства, которые, возможно, были у разных объектов во время первичного именования, перестали выделяться людьми, именующими эти объекты. Имеется лишь повторяющееся именование, ставшее типичным словом, сопутствующим объекту.

Став именем собственным, слово делается типичным признаком, выделяющим данный конкретный объект, и употребляется для обозначения лишь его. Если даже это типичное имя, оно повторяется как индивидуальная характеристика другого объекта, который может быть и не известен людям, именующим данным именем первый объект.

Употребление индивидуального слова для именования конкретного объекта — это ономастическая инди-

видуализация. Но индивидуализировать можно и не прибегая к имени собственному: «Человек, который вчера выступал по радио с рассказом об автозаводе», — фраза, индивидуализирующая в достаточной степени, равно как и фраза «Поселок, расположенный на левом берегу Волги, напротив Горького». Эта неономастическая индивидуализация достаточно точна, но она всегда выражается фразой (ср. формулу Х. С. Сёренсена: x=объект, который делал то-то, там-то, тогда-то) [12], содержащей временно́е и локальное ограничение.

11. При длительном употреблении одного и того же имени у одного и того же объекта происходит постепенная утрата мотивации имени, а следовательно, и разрушение понятийности имени. Оно закрепляется как имя, в результате чего его звуковой образ получает перевес над смысловым содержанием имени, и связь устанавливается между звуковым образом и объектом.

12. В связи с постепенным стиранием связи имени с характерными чертами именуемых объектов наступает так называемое старение именных систем (Т. Милевский) [13], когда имена употребляются как своеобразные опознавательные знаки, характеризующие объекты на основании индивидуальной звуковой обусловленности, но не на основе общего значения апеллятивов, положенных в основу именования (П. Трост) [14].

13. После того как определенный круг слов, служащих для обозначения известных объектов, утратил связь с характерными для этих объектов чертами и получил статус имени собственного, начинает действовать закон отталкивания имени от породившего его апеллятива. Это проявляется и в фонетических, и в акцентологических, и в графических изменениях облика имени и ведет к семантическому отрыву онома от омонимичного ему когда-то апеллятива, что в свою очередь делает возможным пов-

---

[12] H. S. Sørensen. The meaning of proper names with a definiens formula for proper names in modern English. Copenhagen, 1963, стр. 90—92.

[13] T. Milewski. Słowiańske imiona osobowe na tle porównawczym. «Z polska studiów sławistycznych (Prace na V Międzunarodowy Kongres sławistów w Sofii, 1963, seria 2. Językoznawstwo)». Warszawa, 1963, стр. 101—104.

[14] P. Trost. Zur Theorie des Eigennamens. «Omagiu lui Iorgu Iordan cu prilejul împlinirii a 70 de ani». București, 1958, стр. 867—868.

торное сближение имени с иным апеллятивом и реэтимологизацию его в плане, не имеющем ничего общего с первоначальной номинацией. Например, *Космодемьянская улица* — типовое церковное название, встречающееся во многих городах (по церкви Козьмы и Демьяна) теперь ассоциируется с именем Зои Космодемьянской.

14. Закон отталкивания имени от породившего его апеллятива, действуя отдельно, применительно к каждому имени, охватывает значительные группы имен, способствуя обособлению их от слов, относящихся к апеллятивной лексике, и выделению их в особые именные подсистемы, генетически связанные с системой апеллятивов данного языка. Однако в процессе функционирования в языке они стремятся обособиться от общей лексической системы и выделиться в свою именную подсистему. Таких именных подсистем в каждом языке довольно много.

15. Любое слово несет информацию. Полнозначные слова называют объекты, действия, качества; служебные сигнализируют об отношениях объектов друг к другу или к действительности. Специфика информации имени собственного заключается в том, что оно называет однотипные объекты, объединенные одним и тем же нарицательным именем, выделяя их из ряда подобных. Имя называет, адресует, подзывает, дает добавочную характеристику. В любом случае информация имени индивидуальна и неповторима. Даже если одно и то же имя закреплено за несколькими объектами (*Сатурн* — планета и модель транзистора), оно одновременно в речи относится каждый раз лишь к одному объекту.

16. В отличие от информации апеллятива, которая всегда понятийна, информация онома лишь номинативна, поскольку его связь с понятием своеобразна и опосредствована через объект и его видовую и родовую соотнесенность (*Волга* — река, «*Сатурн*» — модель транзистора — миниатюрного радиоприемника). Если же объект делается всемирно известным, столь же известным делается и его имя, которое вследствие этого обретает способность употребляться как нарицательное, а значит, обретает связь с новым понятием, которое не совпадает с понятием того апеллятива, который сопутствовал имени в его первоначальном ономастическом употреблении. Например, *Шекспир*, в новом, апеллятивном употреблении означает 'великий драматург', *Наполеон* — 'завоеватель, жела-

ющий покорить весь мир', *Пушкин* — 'великий поэт', *Эльбрус* или *Монблан* — 'высочайшая вершина', 'недосягаемая высота', *Парнас* — 'собрание деятелей искусств'.

17. Двойственное положение имени (находясь внутри языка, оно в то же время в силу специфики своего функционирования стремится обособиться от его апеллятивной лексики) приводит к образованию ряда ономастических антиномий [15]. Антиномии присущи именам всех языков и также составляют своеобразную ономастическую универсалию. К числу таких антиномий относятся следующие:

а) имя выделяет объект из ряда подобных и в то же время оно вводит его в ряд. Часто по морфологическому оформлению имени можно узнать, какому объекту оно дано. Но в ряду подобных каждое имя выделяет;

б) каждое имя индивидуально, и в то же время оно состоит из языкового материала, общего для всех слов данного языка. Система языка стремится подчинить себе имя, а его индивидуальное употребление и, в частности, личное желание индивида, обладателя имени, стремятся обособить его от других слов. В результате имя и подчиняется, и не подчиняется закономерностям, обязательным для апеллятивов. Это сказывается в высокой степени индивидуализации орфографии (ср. фамилию *Камков* при *комок*) и акцента (ср. фамилии *Ива́нов* и *Ивано́в*, *Сбколов* и *Соколо́в*) собственных имен, а также в сильной тенденции к индивидуализации их узуса, что, в частности, проявляется в произвольном отношении к их склонению или несклонению на основе индивидуального желания того или иного лица [16];

в) происходящие от вышедших из употребления апеллятивов имена стремятся установить связь со словами живыми, современными. Этот поиск понятного в непонят-

---

[15] Об антиномиях языка см.: W. von Humboldt. Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java, Bd I. Berlin, 1836, стр. XXXIX—XLV (язык рассматривается как достояние одного поколения и как наследие веков с противопоставлением единичного—общего, внешнего—внутреннего, индивидуального—коллективного, современного—прошлого, нового—устаревшего).

[16] Ср.: Л. П. Калакуцкая. Об орфографии фамилий. «Антропонимика». М., 1970; Л. К. Максимова. О склонении некоторых групп собственных имен, оканчивающихся на *-а*. «Ономастика». М., 1969.

ном происходит вопреки стремлению имени обособиться от породившего его апеллятива;

г) в связи с особенностями происхождения и употребления имени может наступить своеобразный конфликт между его формой и содержанием. Он присущ, очевидно, всем языкам, но в каждом языке проявляется своим индивидуальным образом. Это может быть несоответствие между грамматическим родом слова, выступающего в качестве именования лица, и полом носителя имени, или между грамматическим и реальным числом именуемых объектов (деревня *Мосты*, где всего лишь один мост, женщина по фамилии *Гусар* и т. д.).

18. Язык предоставляет большие возможности для образования собственных имен. В именных системах используется лишь небольшая часть того, что может быть использовано. В различных местностях и в различные исторические периоды использовались разные словообразовательные средства для образования имен, выражающих аналогичные отношения. В этом проявляется семиотичность именных систем, их избирательное отношение к средствам, предоставляемым языком.

19. В ряде случаев для обозначения одной и той же субстанции или отношения в ономастике употребляется два или несколько параллельных способов (средств, моделей). Это создает варьирование собственных имен, хорошо известное во всех сферах ономастики. Варьирование определяется не только временем и местом употребления имени, но и сферой, в которой оно употребляется, и отношением говорящих и слушающих к именуемому объекту. Варьирование стимулирует дальнейшее развитие именных систем. В то же время варьирование и семиотика идут бок о бок: где нет свободы выбора, там нет и семиотики, и там нет семиотичности, где нé из чего выбирать.

20. Стилистика собственных имен — большой и особый экстралингвистический план, связанный с эмоциональным отношением говорящего и слушающего к именуемому. В этом плане эмоции стимулируют варьирование имен, а появление новых вариантов создает новую почву для семиотического отбора.

Намеченные универсалии — это лишь первая попытка исследования собственных имен в указанном плане. При-

веденный список универсалий нельзя считать исчерпывающим. Проверка выдвинутых положений на материале имен различных типов и языков должна внести свои коррективы и показать, что́ из описанного здесь действительно всеобще, а что может быть отнесено к квази-универсалиям.

Изучение ономастических универсалий углубляет наше понимание закономерностей, связанных с образованием и функционированием имен, с эволюцией и взаимодействием именных систем и с взаимовлиянием и взаимопроникновением апеллятивной и ономастической лексики.

БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ ПО РУССКОЙ АНТРОПОНИМИКЕ
(работы, изданные за рубежом с 1860 по 1969 г.)

В. Васченко

Настоящая библиография[1] задумана как дополнение к составленному С. И. Зининым в 1968 г. указателю [2], который содержит ценную справочную литературу (470 заглавий), в основном по русской антропонимике, изданную в СССР.

В указатель вошло всего 103 исследования, из них 11 книг и брошюр[3] и 92 журнальных статьи (по количеству публикуемых статей по русской антропонимике на первое место в зарубежной литературе выдвигается известный гейдельбергский журнал «Zeitschrift für slavische Philologie» — сокр. ZtslPh), которые написаны как зарубежными, так и советскими [4] учеными и опубликованы в странах Европы (кроме Советского Союза), Америки и Австралии. Самым старым (но не устаревшим) в данной библиографии является исследование Фр. Миклошича [42] о славянских, в том числе древнерусских, именах, напечатанное в 60-е годы прошлого века (мы имеем в виду первую, антропонимическую часть труда) и переизданное в 1927 г. К числу новейших работ относятся статьи, опубликованные в 1969 г. (см., например, [88]), когда состоялся последний (десятый) международный ономастический конгресс. Библиографией охватывается, таким

[1] Составитель приносит глубокую благодарность профессору Нью-Йоркского университета Б. О. Унбегауну за дружескую помощь при отборе и систематизации материала.

[2] С. И. З и н и н. Антропонимика. Библиографический указатель литературы на русском языке. Ташкент, 1968.

[3] См. № 1, 8, 10, 19, 20, 21, 27, 30, 34, 49, 83.

[4] О чем см. № 18, 46, 50, 61, 67.

образом, три основных этапа развития славянской ономастики [5], причем подавляющее большинство учтенных работ относится к последнему, современному этапу (1918 г. и сл.)[6].

Материал расположен по алфавиту, работы одного и того же исследователя приводятся в хронологическом порядке. Поскольку за основу принят чешский вариант латинского алфавита (наиболее подходящий при систематизации гетерогенного в азбучном отношении состава работ по славистике), написанные по-русски фамилии авторов помещаются на том месте, куда их следовало бы включить в транслитерированном виде (поэтому, например, фамилия Якобсон следует после Hübner, а фамилия Černyšëv, которая, кстати, транслитерирована самим автором, — после Braun).

К библиографическому своду прилагается тематический указатель.

1. Amburger E. Die Behandlung ausländischer Vornamen im Russischen in neuer Zeit. Wiesbaden, 1953, 56 стр. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Klasse, 1953, № 7).
2. Amburger E. Neue Mitteilungen zur Behandlung ausländischer Vornamen im Russischen. — ZtslPh, XXVII, 1959, стр. 374—377.
3. Amburger E. Die Behandlung fremder Familiennamen in der russischen Sprache und Schrift. «Genealogisches Jahrbuch», I, 1961, стр. 78—83.
4. Baecklund A. Das Schicksal des Namens *Sergej* in Russland. «Beiträge zur Namenforschung», V, 1954, стр. 138—149.
5. Baecklund A. Could old Russian feminine names and in *-yata*. «The Slavonic and East European Review», XXXV, 1956, стр. 256—259.
6. Baecklund A. Les prénoms scandinaves dans la tradition médiévale de Velikij Novgorod. «Revue des études slaves», XXXIII, 1956, стр. 26—33.

[5] См.: С. Роспонд. Перспективы развития славянской ономастики. — ВЯ, 1962, № 4, стр. 9.

[6] Отбор материала производился по личной картотеке автора с учетом библиографий, составленных Б. О. Унбегауном [81], [83], Р. Рихардт [60], Л. И. Ройзензоном и И. М. Подгаецкой [61], а также С. И. Зининым. За исключением последней работы, изданной в СССР, все остальные упомянутые выше своды вошли в настоящий указатель (прикнижные библиографии в качестве самостоятельных заглавий в указатель не включены). Учтены также данные, содержащиеся в отделе Bibliographia Onomastica — Russland («Onoma», t. VI—XIII).

7. Baecklund A. The names of women in Medieval Novgorod. «For Roman Jakobson». The Hague, 1956, стр. 19—24.
8. Baecklund A. Personal names in Medieval Velikij Novgorod, I. Common names. Stockholm, 1959, 195 стр. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Études de philologie slave, 9).
9. Бем А. Л. Личные имена у Достоевского. «Сборник в чест на проф. Л. Милетич». София, 1933, стр. 409—434.
10. Benson M. Dictionary of Russian personal names. With a Guide to stress and morphology. Philadelphia, 1964 (Ed. 2, revised, 1967), VII+175 стр.
11. Benson M. The compilation of a dictionary of Russian personal names. «Names», 12, 1964, стр. 15—22.
12. Benson M. The stress in Russian surnames. «The Slavic and East European Journal», VIII, 1964, стр. 42—53.
13. Бицилли П. Из наблюдений над русской ономастикой как культурно-историческим источником. «Šišićev zbornik». Zagreb, 1929, стр. 591—598.
14. Бицилли П. Происхождение имени Карамазовых. «Россия и славянство», 152. Париж, 1931.
15. Bolocan Gh. Despre redarea numelor proprii dintr-o limbă în alta. «Limba română». X, 1961, 6, стр. 582—587.
16. Bolocan Gh. Despre normele de redare a numelor şi cuvintelor ruseşti în limba română. «Limba română», XI, 1962, 1, стр. 83—86.
17. Braun F. Russland und die Deutschen in alter Zeit. «Germanica. Eduard Sievers zum 75. Geburtstage 25. November 1925». Halle — Saale, 1925, стр. 678—727.
18. Černyšëv V. Les prénoms russes (formation et vitalité), «Revue des études slaves», XIV, 1934, стр. 212—222.
19. Deatherage M. E. Soviet surnames. A Handbook. Oberammergau, 1962, 333 стр. (изд. литограф.).
20. Джурович Д. П. К вопросу о происхождении имен славянских народов, Варшава, 1913, 42 стр.
21. Eisod W. Die Namen im Werk des Dramatikers A. N. Ostrovskij, Inaugural-Dissertation. Berlin, 1960, 106 стр.
22. Eriksson G. Über einige Diminutivsuffixe in mittelalterlichen russischen Eigennamen. «Scando-Slavica», VII, 1961, стр. 183—195.
23. Fokker A. A. Expressive derivation of proper names in Russian, «Lingua», IX, 1960, 3, стр. 267—276.
24. Gallis A. Transkripsjon av russiske navn (Forslag til retningslinjer); «Nordiske språkspørgsmål 1957—1958», Norsk språknemnd. Oslo, 1959, стр. 88—93.
25. Gerhardt D. Zur Technik des neuzeitlichen Namentausches am Beispiel des Russischen. «Beiträge zur Namenforschung», VII, 1956, стр. 123—146.
26. Glasenapp G. Antike Mysterien-Gottheiten und russische Vornamen. «Preussisches Jahrbuch», CLIII, 1913, стр. 15—38.
27. Gramenz F. Th., Kiparsky V. Englische und pseudoenglische Namen bei russischen Schriftstellern. Wiesbaden, 1961.
28. Güldenstubbe O. Slavische Patronymika. «Zeitschrift für Namenforschung», XVIII, 1942, стр. 77—80.
29. Heusler A. Heldennamen in mehrfacher Lautgestalt. «Zeitschrift für deutsches Altertum», LII, 1910, стр. 97—107.

30. Hübner P. Zur Lautgestalt griechischer Heiligennamen im Russischen seit dem XI Jahrhundert. Bonn, 1966.
31. Iivainen L. The rendering of English proper names in Russian. «The Slavonic and East European Review», XXXIX, 1960, стр. 137—147.
32. Якобсон Р. О морфологическом составе древнерусских отчеств. «Michigan Slavic Materials», № 1. Ann Arbor, 1962, стр. 14—23.
33. Jakobson R. Patronymica w Słowie o połku Igoriewie. «Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Spławiński», 1963, стр. 299—303.
34. Karpluk M. Słowiańske imiona kobiece (Prace onomastyczne, 4). Wrocław, 1961, 180 стр.
35. Kiparsky V. Ein russischer Familiennamentyp. «Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag». Wiesbaden, 1956, стр. 230—234.
36. Kiparsky V. Von Taubenrassen abgeleitete russische Familiennamen. — ZtslPh., XXVI, 1957, стр. 151—171.
37. Kiparsky V. Nochmals die von Taubenrassen abgeleiteten russischen Familiennamen. — ZtslPh., XXVII, 1958, стр. 161—166.
38. Kiparsky V. *Polkan* und *Barbos*. — ZtslPh., XXVII, 1958, стр. 32—34.
39. Kiparsky V. Über die Betonung altrussischer Völkernamen. «Scando-Slavica», IV, 1958, стр. 258—264.
40. Lambert T. A little boy named *Differential*. «Catholic Digest» (St. Paul, Minn.), XXIV, 1960, стр. 94—96.
41. Melich J. Einige Personen- und Völkernamen. «Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae», VI, 1957, стр. 425—440.
42. Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personennamen. «Denkschiften der Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Classe», XII. Wien, 1860, стр. 215—230. (фототип. изд.). Heidelberg, 1927.
43. Milejkowska H. Przyczynek do badań nad imionami własnymi mieszczkańców Nowogrodu na przełomie XVI i XVII wieku (na podstawie nowogrodzkich ksiąg kabalnych). «Slavia orientalis», XI, 1962, стр. 367—394.
44. Milejkowska H. Об употреблении отчества в русском языке XVI—XIX вв. «Slavia», XXXIV, 1965, стр. 114—122.
45. Minns Ellis H. Greek and Latin names in Russian dress. «Journal of Hellenic studies», LXVI, 1948, стр. 57—60.
46. Митрофанова О. Д. Об эмоционально-оценочных личных собственных именах в современном русском языке. «Język rosyjski», XII, 1959, стр. 6—14.
47. Moder J. Ruska lastna imena v slovenščini, «Jezik in slovenstvo», III, 1957, стр. 55—60.
48. Nicholson J. G. Anomalies dans l'accentuation des noms de famille russes. «Études slaves et est-européennes», X, 1965, стр. 20—25.
49. Nicholson J. G. Russian normative stress notation. Montreal, 1968, 169 стр.

50. Никонов В. А. Формы русских фамилий. «Studia językoznawcze poświęcone Stanisławowi Rospondowi». Wrocław, 1966, стр. 319—329.
51. Nilsson N. Å. Usad'ba noč'ju, Čingischan'! Verbs derivated from personal names as a means of expression in literary Russian, «Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky». Helsinki, 1965, стр. 97—101.
52. Orlov M. M. Versuch der Deutung altrussischer Eigennamen aus dem Kabardinischen. «Zeitschrift für Slawistik», X, 1965, стр. 212—224.
53. Pauls J. P. Surnames of Soviet Russian and other communist celebrities. «Names», 8, 1960, стр. 220—239.
54. Pauls J. P. Names for characters in Russian literature, «Names», 11, 1963, стр. 10—19.
55. Podborny J. G. Die Rückübertragung nichtrussischer Namen aus der russischen in die lateinische Schrift. «Babel», VII, 1961, стр. 13—23.
56. Rast A. N. Koshchey. «Südost-Forschungen», XVI, 1958, стр. 445—449.
57. Reck H. F. Zum Problem der Umschreibung russischer Namen. «Osteuropa», XI, 1961, стр. 746—747.
58. Reck H. F. Zur Umschreibung von Eigennamen aus den kyrillisch geschriebenen slawischen Sprachen in der deutschen Presse und Literatur. «Osteuropa», XI, 1961, стр. 179—188.
59. Реймерс Н. А. Имена первых русских князей. «Возрождение», LII. Париж, 1956, стр. 107—120.
60. Richhardt R. (mit Beiträgen von M. Vasmer und B. O. Unbegaun). Bibliographie zur russischen Namenforschung. «Onoma», V. Louvain, 1954, стр. 59—72.
61. Ройзензон Л. И., Подгаецкая И. М. Исследования по русской поэтической ономастике (обзор литературы послевоенного периода), ч. I. — «Onomastica», X, 1965, стр. 271—283; ч. II — «Onomastica», XI, 1966, стр. 365—379.
62. Rudnyćkyj J. B. Functions of proper names in literary work. «Stil-und Formprobleme in der Literatur. Vorträge des VII. Kongresses der Internationalen Vereinigung für moderne Sprachen und Literaturen in Heidelberg», 1959, стр. 378—383.
63. Rudnyćkyi J. B. *Svjatogor* — The name of the hero of bylina. «Names», 10, 1962, стр. 229—232.
64. Rudnyćkyj J. B. Zum Namen *Svjatogor*. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst — Moritz — Arndt — Universität Greifswald», XIII, 1964, стр. 475—476.
65. Rydzevskaja E. Ein skandinavischer Beiname in einer russischen Chronik. — ZtslPh., VIII, 1931, стр. 102—108.
66. Seemann K. D. Nochmals russ. *Polkan* als *Centaur* (**polukoń*). — ZtslPh., XXXI, 1963, стр. 270—273.
67. Selišče v A. M. Namenänderungen in SSSR. «Slavische Rundschau», VI, 1934, стр. 38—42.
68. Slavutych Y. Typical surnames in the east slavic languages. «Atti Congresso Firenze», III, 1963, стр. 295—307.
69. Соловьев А. О фамилиях у Достоевского и о фамилии Достоевского. «Россия и славянство», 168. Париж, 1932.

70. Stankiewicz E. The expression of affectation in Russian proper names. «The Slavic and East European Journal», XV, 1957, стр. 196—210.
71. St. Clair-Sobell J. Some remarks on the pronunciation of Russian surnames in the English-speaking world. «Three Papers in Slavonic Studies». Vancouver, 1958, стр. 21—34.
72. St. Clair-Sobell J., Carlsen I. The structure of Russian surnames. «Canadian Slavonic Papers» (Toronto), VI, 1959, стр. 42—60.
73. Striedter J. Zur Herkunft von russisch *Barbos*. — ZtslPh., XXVIII, 1959, стр. 72—75.
74. Svoboda J. Rusistické drobnosti v české onomastice. «Rusko-české studie». Praha, 1960, стр. 355—361.
75. Sv[oboda] J. K ruské antroponymii. — ZMK ČSAV, I, 1960, стр. 37—38.
76. Taszycki W. Les formes patronymiques insolites dans le Slovo d'Igor'. «Revue des études slaves», XXXVI, 1959, стр. 23—28.
77. Thomsen V. Samlede Afhandlingar, I. København, 1919, стр. 389—414.
78. Tulin P. A. Noms français dans la noblesse russe. «Vie et Language», 103, 1960, стр. 517—519.
79. Unbegaun B. O. Le nom de *Georges* en russe. «Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves», VI, 1938, стр. 323—329.
80. Unbegaun B. O. Les noms de famille du clergé russe. «Revue des études slaves», XX, 1942, стр. 41—62.
81. Unbegaun B. O. Où en sont les études d'anthroponymie russe: bibliographie critique. «Revue International d'Onomastique», II, 1950, стр. 151—160.
82. Unbegaun B. O. Structure des noms de famille russes. «Troisième Congrès International de Toponymie et d'Anthroponymie», v. II. Actes et Mémoires. Louvain, 1951, стр. 433—436.
83. Unbegaun B. O. Bibliographical Guide to the Russian Language. Oxford, 1953, стр. 68—73.
84. Unbegaun B. O. *Polkan*, oder vom italienischen Halbhund zum russischen Kriegsschiff. — ZtslPh., XXVIII, 1959, стр. 58—72.
85. Unbegaun B. O. La fréquence des noms de famille russes. «Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves», XVII, 1966, стр. 31—42.
86. Unbegaun B. O. Les noms de famille russes en *-ágo*. «Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae», XII, 1966, стр. 415—418.
87. Unbegaun B. O. Russian surnames derived from aphetic baptismal names. «Melbourne Slavonic Studies», I, 1967, стр. 49—51.
88. Unbegaun B. O. Soziale Schichtungen in russischen Familiennamen. «Disputationes ad montium vocabula aliorumque nominum significationes pertinentes» (10. Internationaler Kongress für Namenforschung). Wien, 1969, стр. 365—370.
89. Vascenco V. Contribuţii la studiul antroponomasticii slave orientale (Observaţii asupra sistemului numelor de persoană

lipoveneşti). «Studii şi cercetări lingvistice», XIII, 1962, 2, стр. 245—254.
90. Васченко В. О морфемном заимствовании в антропонимии. «X Congrès International des Linguistes: Résumés des communications». Bucarest, 1967, стр. 386—387.
91. Vascenco V. Tradiţie şi inovaţie în antroponimia unor slavi bilingvi: lipovenii (Contribuţii la studiul influenţei româneşti), «Studii şi cercetări lingvistice», XVIII, 1967, 1, стр. 25—50.
92. Васченко В. Об антропонимических особенностях одной великорусской микросистемы в иноязычной среде. «Studia linguistica slavica baltica Canuto — Olavo Falk sexagenario a collegis, amicis, discipulis oblata». Lund, 1968, стр. 315—335.
93. Васченко В. О морфемной структуре русских фамилий. «Romano-slavica», XVI, 1968, стр. 137—160.
94. Vascenco V. Efemeride antroponimice în limbă rusă actuală, «Analele Universităţii Bucureşti», Seria ştiinţe sociale, Filologie, XVII, 1968, стр. 477—483.
95. Vascenco V. Asupra elementelor ruseşti din antroponimia unor limbi altaice şi ibero-caucaziene. «Studii de slavistică», v. I, 1969, стр. 123—139.
96. Vasmer M. Dissimilationsvermeidung im Russischen. «Kuhns Zeitschrift», 51, 1923, стр. 66.
97. Vasmer M. Zu den germanischen Personennamen im Altrussischen, 1. Glěbŭ. — ZtslPh., IV, 1927, стр. 412.
98. Vasmer M. Wikingerspuren in Russland. «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-Hist. Klasse, 1931, стр. 649—674.
99. Vasmer M. Der Name *Čaadajev*. — ZtslPh., XVII, 1941, стр. 340—341.
100. Vasmer M. Warägisch-Russisches. «Die Sprache», I, 1949, стр. 213—216.
101. Vasmer M. Studien über ostslavische Personennamen. — ZtslPh., XXVIII, 1960, стр. 342—347.
102. Woltner M. Zur Frage der Behandlung westeuropäischer Personennamen in Russland. «Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstage». Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1956, стр. 570—576.
103. Zacordoneţ A. Numele proprii în opera lui Cehov. «Studii şi cercetări ştiinţifice», (Iaşi), Filologie, XI, 1960, стр. 31—54.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

РУССКИЕ ИМЕНА

Некалендарные имена [7] 1, 2, 6, 7, 8, 42, 59, 63, 64, 77, 94, 97, 98, 100.
Календарные имена 4, 8, 18, 26, 30, 43, 45, 78, 79, 89, 91, 95, 96.
Мужские имена 1, 2, 4, 6, 8, 18, 26, 42, 43, 45, 77, 78, 79, 89, 92, 94, 95, 97, 98, 100.

[7] Цифрами обозначаются соответствующие работы, приведенные в библиографическом указателе.

Женские имена 1, **2**, 5, 6, 7, 8, 18, 34, 43, 45, 77, 78, 89, 94, 95.
Имена мифических существ 56, 66, 84.
Происхождение и образование имен 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 18, 20, 26, 30, 40, 42, 43, 45, 52, 56, 59, 63, 64, 65, 66, 77, 78, 79, 84, 91, 92, 94, 96, 97, 98, 100, 102.
Вопросы заимствования и адаптации имен 1, 2, 4, 6, 8, 17, 18, 30, 31, 45, 52, 74, 77, 78, 79, 89, 90, 91, 94, 97, 98, 100, 102.
Субъективно-оценочные формы (гипокористики и деминутивы): 22, 23, 46, 70, 92, 94, 96.

РУССКИЕ ФАМИЛИИ

Общее 19, 41, 53, 68, 75, 89, 95, 101.
Морфологическая (морфемная) структура фамилий 10, 35, 36, 37, 50, 68, 72, 80, 82, 85, 86, 87, 88, 91, 93, 95.
Частота морфемных типов: 85, 91, 93.
Происхождение и образование фамилий: 3, 9, 10, 13, 19, 27, 28, 35, 36, 37, 53, 68, 69, 80, 82, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 93, 94, 95, 99.
Вопросы заимствования, адаптации и смены фамилий: 3, 25, 27, 31, 67, 80, 90, 95.
Социальная значимость фамилий: 88.
Русские имена и фамилии в иноязычной среде: 47, 71, 74, 89, 91, 92, 95.
Произношение и ударение фамилий: 10, 11, 14, 48, 49, 71, 93; имен: 10; этнонимов: 39.
Русские имена и фамилии в художественной литературе: 9, 21, 27, 29, 54, 62, 69, 103.
Отчества: 8, 32, 33, 43, 44, 76, 89, 90, 95.
Прозвища и клички: 38, 65, 66, 73, 84, 89.
Этнонимы: 39, 41.
Орфография, транскрипция и транслитерация антропонимов: 3, 10, 15, 16, 24, 31, 55, 57, 58, 91.
Апеллятивы, образованные от антропонимов: 51.
Топонимы, образованные от антропонимов: 98.
Лексикографирование личных имен: 10, 11, 19.
Библиографии и обзоры: 60, 61, 81, 83.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

арабск.	арабский
балтийск.	балтийский
блр.	белорусский
бойк.	бойковский
болг.	болгарский
в.	воеводство
вар.	вариант
венг.	венгерский
вепс.	вепский
галльск.	галльский
готск.	готский
гр.	Новгородская берестяная грамота
греч.	греческий
губ.	губерния
гуцул.	гуцульский
диал.	диалектный
док.	документально
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-герм.	древнегерманский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-луж.	древнелужицкий
др.-норв.	древненорвежский
др.-польск.	древнепольский
др.-прусск.	древнепрусский
др.-русск.	древнерусский
др.-ц.-сл.	древнецерковнославянский
и.-е.	индоевропейский
инд.	индийский
исланд.	исландский
казах.	казахский
карел.	карельский
киргиз.	киргизский
келт.	келтский
л.	левый
лат.	латинский
лит.	литовский
луж.	лужицкий
лтш.	латышский
макед.	македонский
монг.	монгольский
морав.	моравский
нем.	немецкий
о.	округ
обл.	область
осн.	основа
п.	правый
перс.	персидский
полаб.	полабский
половец.	половецкий
польск.	польский
помор.	поморский
праслав.	праславянский
прит.	приток
р.	река
русск.	русский
слав.	славянский
санскр.	санскрит
саам.	саамский
силез.	силезский
сканд.	скандинавский
словен.	словенский
слвц.	словацкий
совр.	современный
срб.	сербский
ст.-сл.	старославянский
с.-хорв.	сербско-хорватский
татар.	татарский

туркмен.	туркменский	хрв.	хорватский
тюрк.	тюркский	чагатайск.	чагатайский
турец.	турецкий	чеш.	чешский
у.	уезд	чуваш.	чувашский
узбек.	узбекский	швед.	шведский
укр.	украинский	эст.	эстонский
удмурт.	удмуртский	этнич.	этнический
фин.	финский		

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова

Стр.

От редакции 5

ТОПОНИМИКА

С. Роспонд. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов 9
Г. Борек. Восточнославянские топонимы с формантом *-ьн-* 90
В. Э. Сталтмане. Родительный падеж в структуре балтийских топонимов в сравнении со славянскими 144
Г. П. Смолицкая. Из архива П. Л. Маштакова 151
Н. В. Подольская. Программы и инструкции для сбора топонимического материала на восточнославянской территории 166

АНТРОПОНИМИКА

Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения 176

ЗООНИМИКА

П. Т. Поротников. Из уральской зоонимии 210

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОНОМАСТИКИ

Б. В. Томашевский. Русская передача французских имен . . . 251
А. А. Реформатский. Перевод или транскрипция? 311
В. И. Болотов. К вопросу о значении имен собственных . . . 333
А. В. Суперанская. Ономастические универсалии 346

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Васченко. Библиография по русской антропонимике (работы, изданные за рубежом с 1860 по 1969 г.) 357

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 365

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

туркмен.
тюрк.
турец.
у.
узбек.
укр.
удмурт.
фин.

Восточнославянская ономастика

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *Л. М. Гаврилова*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Художник *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Е. Н. Евтянова*

Сдано в набор 12/XI 1971 г. Подписано к печати 15/IX 1972 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Усл. печ. л. 19,32.
Уч.-изд. л. 20.4 Тираж 3000 экз. Тип. зак. 661.
Цена 1 р. 52 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62,
Подсосенский пер., 21

1-я тип. изд. «Наука». 199034, Ленинград,
9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
272	1 св.	*Боль*	*Бель*
281	8 св.	[gəłeva]	[gəłəva]
327	5 сн.	рациональное	национальное
358	23 св.	im	in
358	25 св.	fremder	fremden

Восточнославянская ономастика.